

Читайте книгу — смотрите фильм!

Стивен Кинг

Король на все времена

Стивен Кинг

Оно

«Автор»

«АСТ»

1986

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84(7-Сое)-44

Кинг С. Э.

Оно / С. Э. Кинг — «Автор», «АСТ», 1986 — (Король на все времена)

ISBN 978-5-17-065495-6

В маленьком провинциальном городке Дерри много лет назад семерым подросткам пришлось столкнуться с кромешным ужасом – живым воплощением ада. Прошли годы... Подростки повзрослели, и ничто, казалось, не предвещало новой беды. Но кошмар прошлого вернулся, неведомая сила повлекла семерых друзей назад, в новую битву со Злом. Ибо в Дерри опять льется кровь и бесследно исчезают люди. Ибо вернулось порождение ночного кошмара, настолько невероятное, что даже не имеет имени... Читайте самый популярный роман С. Кинга в новом переводе без сокращений!

УДК 821.111(73)-313.2

ББК 84(7-Сое)-44

ISBN 978-5-17-065495-6

© Кинг С. Э., 1986

© Автор, 1986

© АСТ, 1986

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
1	7
2	9
3	13
4	15
Глава 2	17
1	17
2	17
3	18
4	19
5	20
6	21
7	22
8	24
9	24
10	25
11	26
12	28
13	28
14	28
15	29
16	29
17	29
18	31
Глава 3	32
1	32
2	44
3	52
4	60
5	73
6	85
Дерри: Первая интерлюдия	100
Часть 2	110
Глава 4	110
1	110
2	113
3	116
4	117
5	119
6	120
7	126
8	127
9	129
10	138
11	139

12	144
Глава 5	146
1	146
2	149
3	150
4	153
5	153
6	155
7	156
8	161
9	163
Глава 6	166
1	166
2	166
3	171
4	176
5	178
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Стивен Кинг

Оно

Эту книгу я с благодарностью посвящаю моим детям. Мои мать и жена научили меня быть мужчиной. Мои дети научили меня, как стать свободным.

Наоми Рейчел Кинг, четырнадцатилетней.

Джозефу Хиллстрому Кингу, двенадцатилетнему.

Оуэну Филипу Кингу, семилетнему.

Ребятки, вымысел – правда, запрятанная в ложь, и правда вымысла достаточно проста: магия существует.

С.К.

Этот старый город, сколько помню, был мне домом.

Этот город будет здесь и после того, как я уйду.

Восточная сторона, западная – приглядитесь.

Тебя разрушили, но ты все равно в моей душе.

«Майкл Стэнли Бэнд»¹

Что ищешь ты среди руин, камней,

Мой старый друг, вернувшийся с чужбины,

Ты сохранил о родине своей

Взлелеянные памятью картины².

Георгос Сеферис³

Из-под синевы в темноту.

Нил Янг⁴

¹ «Майкл Стэнли бэнд» – рок-группа, созданная американским гитаристом и певцом Майклом Стэнли Джи (р. 1948), популярная в 1970–1980 гг. Песня «Мой город» написана Майклом Стэнли в 1980 г. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Перевел с англ. Герман Гецевич.

³ Сеферис, Георгос (1900–1971) – известный греческий поэт. Стихотворение «Возвращение из ссылки» написано в 1960 г.

⁴ Янг, Нил Пегсивэл (р. 1945) – канадский певец, музыкант, кинорежиссер. «Из-под синевы в темноту» – фраза из самой известной песни Янга «Му Му Неу Неу» (1979). Сама фраза (Out of the blue and into the black) – из лексикона вьетнамской войны, подразумевавшая уход из-под синего неба во вьетконговские тоннели.

Часть 1

Тень прошлого

*Они начинают!
Совершенства обостряются,
Цветок раскрывает яркие лепестки
Широко навстречу солнцу,
Но хоботок пчелы
Промахивается мимо них.
Они возвращаются в жирную землю,
Плача —
Вы можете назвать это плачем,
Который расползается по ним дрожью,
Когда они увядают и исчезают...*
«Патерсон», Уильям Карлос Уильямс⁵

Рожденный в городе мертвеца⁶.
Брюс Спрингстин

Глава 1

После наводнения (1957 г.)

1

Начало этому ужасу, который не закончится еще двадцать восемь лет – если закончится вообще, – положил, насколько я знаю и могу судить, сложенный из газетного листа кораблик, плывущий по вздувшейся от дождей ливневой канаве.

Кораблик нырял носом, кренился на борт, выпрямлялся, храбро проскакивал коварные водовороты и продолжал плавание вдоль Уитчем-стрит к светофору на перекрестке с Джексон-стрит. Во второй половине того осеннего дня 1957 года лампы не горели ни с одной из четырех сторон светофора, и дома вокруг тоже стояли темные. Дождь не переставая лил уже неделю, а последние два дня к нему прибавился ветер. Многие районы Дерри остались без электричества, и восстановить его подачу удалось не везде.

Маленький мальчик в желтом дождевике и красных галошах радостно бежал рядом с бумажным корабликом. Дождь не прекратился, но наконец-то потерял силу. Стучал по капюшону дождевика, напоминая мальчику стук дождя по крыше сарая... приятный такой, уютный звук. Мальчика в желтом дождевике, шести лет от роду, звали Джордж Денбро. Его брат, Уильям, известный большинству детей в начальной школе Дерри (и даже учителям, которые никогда не называли бы его так в лицо) как Заика Билл, остался дома – выздоравливал после тяжелого гриппа. В ту осень 1957 года, за восемь месяцев до прихода в Дерри настоящего ужаса и за двадцать восемь лет до окончательной развязки, Биллу шел одиннадцатый год.

⁵ Уильямс, Уильям Карлос (1883–1963) – известный американский поэт, писатель.

⁶ «Рожденный в городе мертвеца»/«Born down in a dead man's town» – первая строка песни «Рожденный в США» (1984) американского певца Брюса Спрингстина (р. 1949).

Кораблик, рядом с которым бежал Джордж, смастерил Билл. Сложил из газетного листа, сидя в кровати, привалившись спиной к груде подушек, пока их мать играла «К Элизе» на пианино в гостиной, а дождь без устали стучал в окно его спальни.

За четверть квартала, ближайшего к перекрестку и неработающему светофору, Уитчем перегораживали дымящиеся бочки и четыре оранжевых, по форме напоминающих козлы для пилки дров, барьера. На перекладине каждого чернела трафаретная надпись «ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ ДЕРРИ». За бочками и барьерами дождь выплеснулся из ливневых канав, забитых ветками, камнями, грудями слипшихся осенних листьев. Поначалу вода выпустила на гудрон тонкие струйки-пальцы, потом принялась загребать его жадными руками – произошло все это на третий день дождей. К полудню четвертого дня куски дорожного покрытия плыли через перекресток Уитчем и Джексон, будто миниатюрные льдины. К тому времени многие жители Дерри нервно шутили на предмет ковчегов. Департаменту общественных работ удалось обеспечить движение по Джексон-стрит, но Уитчем, от барьеров до центра города, для проезда закрыли.

Однако теперь, и с этим все соглашались, худшее осталось позади. В Пустоши река Кендускиг поднялась почти вровень с берегами, и бетонные стены Канала – выправленного русла в центральной части города – выступали из воды на считанные дюймы. Прямо сейчас группа мужчин, в том числе и Зак Денбро, отец Билла и Джорджа, убрали мешки с песком, которые днем раньше набросали в панической спешке. Вчера выход реки из берегов и огромный урон, вызванный наводнением, казались практически неизбежными. Бог свидетель, такое уже случилось: катастрофа 1931 года обошлась в миллионы долларов и унесла почти два десятка жизней. Лет минуло немало, но оставалось достаточно свидетелей того наводнения, чтобы пугать остальных. Одну из жертв нашли в двадцати пяти милях восточнее, в Бакспорте. Рыбы съели у несчастного глаза, три пальца, пенис и чуть ли не всю левую ступню. Тем, что осталось от кистей, он крепко держался за руль «форда».

Но нынче уровень воды снижался, а после введения в строй новой плотины Бангорской электростанции, выше по течению, угроза наводнений вообще перестала бы существовать. Так, во всяком случае, говорил Зак Денбро, работавший в «Бангор гидроэлектрик». Что же касается остальных... если на то пошло, будущие наводнения особо их не интересовали. Речь шла о том, чтобы пережить это, восстановить подачу электричества, а потом забыть о случившемся. В Дерри научились прямо-таки виртуозно забывать трагедии и несчастья, и Биллу Денбро со временем предстояло это узнать.

Джордж остановился сразу за барьерами, на краю глубокой расщелины, которая прорезала твердое покрытие Уитчем-стрит. Расщелина пересекала улицу практически по диагонали, оканчиваясь на другой ее стороне футах в сорока ниже того места, справа от мостовой, где стоял Джордж. Он громко рассмеялся (звонким детским смехом, который расцветил серость дня), когда капризом бегущей воды его бумажный кораблик потащило на маленькие пороги, образовавшиеся на размытом гудроне. Поток воды прорезал в нем диагональный канал, и кораблик несся поперек Уитчем-стрит с такой скоростью, что Джорджу пришлось бежать изо всех сил, чтобы не отстать от него. Вода грязными брызгами разлеталась из-под его галош. Их пряжки радостно позвякивали, пока Джордж Денбро мчался навстречу своей странной смерти. В этот момент его наполняла чистая и светлая любовь к своему брату Биллу; любовь – и толика сожаления, что Билл не может все это видеть и в этом участвовать. Конечно, он попытался бы рассказать все Биллу, когда вернется домой, но знал, что его рассказ не позволит Биллу видеть все и в мельчайших подробностях, как произошло бы, поменяйся они местами. Билл хорошо читал и писал, но даже в столь юном возрасте Джорджу хватало ума, чтобы понять: это не единственная причина, по которой в табеле Билла стояли одни пятерки, а учителям нравились его сочинения. Да, рассказывать Билл умел. Но еще умел и видеть.

Кораблик пулей проскочил диагональный канал, этот всего лишь сложенный лист с частными объявлениями из «Дерри ньюс», но теперь Джорджу казалось, что это быстроходный катер из военного фильма, вроде тех, какие он иногда по субботам смотрел с Биллом в городском кинотеатре на утренних сеансах. Из военного фильма, где Джон Уэйн сражался с япошками. От носа бумажного кораблика в обе стороны летели брызги, а потом он добрался до ливневой канавы на левой стороне Уитчем-стрит. В том месте, где встречались два потока (один – текущий по расщелине в гудроне, второй – по ливневой канаве), образовался довольно мощный водоворот, и Джорджу показалось, что вода утянет кораблик и перевернет его. Действительно, он опасно накренился, но потом Джордж издал радостный вопль, потому что кораблик выпрямился, развернулся и понесся вниз, к перекрестку. Мальчик бросился его догонять. Над головой октябрьский ветер тряс деревья, которые многодневный ливень (в этом году показавший себя уж очень безжалостным жнецом) едва ли не полностью освободил от груза разноцветных листьев.

2

Сидя в кровати, с еще раскрасневшимися от жара щеками (но температура, как и уровень воды в Кендускиг, наконец-то стала снижаться), Билл закончил складывать бумажный кораблик, но, когда Джордж потянулся к нему, отвел руку.

– А те-еперь принеси мне па-а-арафин.

– Зачем? Где он?

– В подвале на по-о-олке, как только спустишься вниз, – ответил Билл. – В жестянке с надписью «Га-а-алф»... «Галф». Принеси мне жестянку, нож и миску. И ко-о-оробок спичек.

Джордж покорно пошел, чтобы принести все перечисленное Биллом. Он слышал, что мама по-прежнему играла на пианино, не «К Элизе», а что-то другое. Эта музыка ему не нравилась – какая-то сухая и суетливая. Он слышал, как дождь барабанил по окнам кухни. Эти звуки приятно успокаивали в отличие от мыслей о подвале. Он не любил подвал, не любил спускаться туда по лестнице: всегда представлял себе что-то затаившееся внизу, в темноте. Глупо, конечно, так говорил отец, так говорила мать и, что более важно, так говорил Билл, но однако...

Он даже не любил открывать дверь, чтобы включить свет, опасаясь (эта идея была настолько глупая, что он ни с кем ею не делился), что какая-то жуткая когтистая лапа ляжет на его запястье, пока он будет ощупывать стену в поисках выключателя... а потом рывком утащит его в темноту, пахнущую грязью, сыростью и подгнивающими овощами.

Глупость! Тварей, заросших шерстью, переполненных убийственной злобой и с когтями, не существует. Время от времени кто-то сходил с ума и убивал множество людей (иногда Чет Хантли говорил о таком в вечерних новостях) и, разумеется, не следовало забывать про комми⁷, но в их подвале никаких страшных монстров не обитало. Тем не менее эта мысль крепко сидела в голове. И в опасные моменты, когда правой рукой он нащупывал выключатель (левой намертво вцепившись в дверной косяк или ручку), подвальное амбре становилось таким сильным, что, казалось, заполняло мир. Запахи грязи, сырости и подгнивших овощей сливались в один безошибочно узнаваемый запах монстра, являвшего собой апофеоз всех монстров. Запах чудовища, которое Джордж не мог хоть как-то назвать, – запах Оно, затаившегося и изготовившегося к прыжку. Существа, которое могло есть все, но отдававшего особое предпочтение мясу мальчиков.

В то утро он открыл дверь и начал ощупывать стену в поисках выключателя, другой рукой привычно вцепившись в дверной косяк, крепко закрыв глаза, с торчащим из уголка рта кон-

⁷ Комми – коммунисты.

чиком языка, который напоминал умирающий корешок, ищущий воду в эпицентре засухи. Смешно? Конечно! Будьте уверены! Посмотрите на Джорджи! Джорджи боится темноты! Он такой маленький! Музыка доносилась из комнаты, которую отец называл общей, а мать – гостиной. Доносилась, словно из другого мира, далекого-предалекого. Так, наверное, воспринимал бы разговоры и смех на переполненном летнем пляже обессиленный пловец, который боролся с подводным течением.

Его пальцы нащупали выключатель. Ух!

Щелчок...

...и ничего. Никакого света.

Черт! Электричество!

Джордж отдернул руку, будто от корзины со змеями. Отступил на шаг от открытой двери в подвал, сердце учащенно билось в груди. Света нет, конечно же... он забыл, что электричество отключили. Оосподи-суси! Что теперь? Вернуться к Биллу и сказать – не смог он принести парафин, потому что электричества нет и ему страшно. Он боится, как бы что-то не схватило его на ступенях лестницы, не комми, не маньяк-убийца, но существо, которое хуже любого из них. Оно просунет какую-то часть своей вонючей туши в зазор между ступенями и ухватит его за лодыжку. Это будет здорово, правда? Другие могли бы посмеяться над такой выдумкой, но Билл смеяться бы не стал. Билл бы рассердился. Билл бы сказал: «Пора повзрослеть, Джорджи... хочешь ты кораблик или нет?»

И в этот самый момент, словно мысли Джорджа подтолкнули его, Билл прокричал из спальни:

– Ты та-ам умер, Дж-Джорджи?

– Нет, уже несу, Билл, – тут же откликнулся Джордж, потер руки, пытаясь избавиться от предательских мурашек, покрывших кожу. – Я задержался, потому что захотелось попить.

– Что ж, по-оторопись!

Он спустился вниз на четыре ступеньки к нужной ему полке (сердце колотилось в горле, как большой, теплый молоток, волосы на затылке стояли дыбом, глаза жгло как огнем, руки похолодели), в полной уверенности, что в любой момент дверь в подвал может закрыться сама по себе, отсекая белый свет, льющийся из окон кухни, и он услышит Оно, нечто такое, что хуже всех комми и маньяков-убийц этого мира, хуже япошек, хуже Аттилы, хуже чудовищ в сотне фильмов ужасов. Оно, глухо рычащее... и он услышал бы это рычание в жуткие секунды перед тем, как монстр монстров прыгнул бы на него и вспорол ему живот.

В этот день из-за сильнейшего наводнения, почти потопа, подвальный запах был еще противнее, чем обычно. Их дом располагался достаточно высоко по Уитчем-стрит, рядом с вершиной холма, так что они оказались не в самом худшем положении, но вода все равно стояла на полу подвала, просочившись туда через старый фундамент. Запах был таким неприятным, что дышать приходилось часто и неглубоко.

Джордж принялся быстро-быстро перебирать лежащий на полке хлам: старые банки с обувным кремом «Киви», бархотки для чистки обуви, разбитая керосиновая лампа, две почти пустые пластиковые бутылки «Уиндекса», старая канистра с полиролью «Тэтл». По какой-то причине канистра так поразила его, что он провел тридцать секунд, зачарованно глядя на черепашку на крышке. Отшвырнул канистру от себя... и наконец-то нашел нужную ему жестянку с надписью «Галф».

Схватил и со всех ног взбежал по лестнице, внезапно осознав, что сзади подол рубашки вылез из штанов, что подол этот его и погубит: тварь в подвале позволит ему подняться почти до самого верха, а потом ухватится за подол рубашки, потащит назад и...

Он добрался до кухни и захлопнул за собой дверь. Просто грохнул дверью. Привалился к ней, закрыв глаза, весь в испарине, сжимая в руке жестянку с парафином.

Пианино смолкло, послышался голос матери:

– Джорджи, в следующий раз сможешь хлопнуть дверью чуть сильнее? Возможно, тебе удастся разбить несколько тарелок в серванте.

– Извини, мама! – крикнул он в ответ.

– Джорджи, какашка, – позвал из спальни Билл. Тихонько, чтобы не услышала мать.

Джордж хихикнул. Страх его уже ушел. Ускользнул так же легко, как ускользают воспоминания о кошмарном сне, когда кто-то просыпается в холодном поту, с гулко бьющимся сердцем. Он ошупывает тело, оглядывается, чтобы убедиться: наяву ничего этого не было, и тут же начинает забывать. Половину кошмара не помнит, когда его ноги касаются пола, трех четвертей – когда выходит из душа и начинает вытираться, а уж после завтрака кошмар забывается полностью. Ускользает... до следующего раза, когда, в том же кошмарном сне, все страхи возвращаются.

«Эта черепаха, – подумал Джордж, направляясь к столику, в ящике которого лежали спички. – Где я уже видел такую черепаху?»

Но ответа не нашел и перестал об этом думать.

Взял из ящика коробок спичек, со стойки – нож (держа его лезвием от себя, как учил отец), из буфета для посуды в столовой – маленькую миску. Потом вернулся в комнату Билла.

– Ка-акая же ты жо-опная дырка, Дж-Джорджи. – Впрочем, голос Билла звучал миролюбиво. Он отодвинул от края прикроватного столика атрибуты болезни: пустой стакан, графин с водой, бумажные салфетки, книги, бутылку растирки «Викс варораб», запах которой всегда будет ассоциироваться у Билла с грудным кашлем и сопливым носом. Там же стоял и старенький радиоприемник «Филко», транслирующий не Баха или Шопена, а песню Литтл Ричарда... но так тихо, что голос Литтл Ричарда лишился присущей ему первозданной мощи. Их мать, которая обучалась игре на рояле в Джульярде⁸, ненавидела рок-н-ролл. Не просто не любила – он вызывал у нее отвращение.

– Я не жопная дырка, – ответил Джордж, расставляя принесенное на прикроватном столике.

– Она самая, – настаивал Билл. – Большая, грязная жопная дырка, вот ты кто.

Джордж попытался представить себе такого ребенка – жопную дырку на ножках, и засмеялся.

– Ты – жопная дырка, которая больше Огасты. – Тут начал смеяться и Билл.

– Твоя жопная дырка больше целого штата, – ответил Джордж. И оба они хохотали почти две минуты.

Потом последовал разговор шепотом, из тех, какие имеют значение только для маленьких мальчиков: выясняли, кто самая большая жопная дырка, у кого самая большая жопная дырка, чья жопная дырка более грязная и так далее. Наконец Билл произнес одно из запретных слов – обозвал Джорджа большой, грязной, засранной жопной дыркой, после чего оба расхохотались. Смех Билла перешел в приступ кашля. Когда же кашель пошел на спад (к тому времени лицо Билла приобрело цвет спелой сливы, что встревожило Джорджа), пианино вновь перестало играть. Оба мальчика повернулись к гостиной, прислушиваясь: не отодвинется ли стул, не раздадутся ли торопливые шаги матери. Билл зажал рот сгибом локтя, подавляя остатки кашля, другой рукой указывая на графин. Джордж налил ему стакан воды, Билл выпил его.

Пианино заиграло вновь – опять «К Элизе». Пьеса эта навсегда осталась в памяти Заики Билла, и даже много лет спустя при этих звуках кожа покрывалась мурашками, сердце сжималось, и он вспоминал: «Моя мама играла эту пьесу в день смерти Джорджа».

– Еще будешь кашлять, Билл?

– Нет.

⁸ Джульярдская школа – одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства.

Билл достал из коробки бумажную салфетку, издал какой-то урчащий звук, отхаркнул мокроту в салфетку, смял ее в комок и бросил в корзинку для мусора у кровати, заполненную такими же комками. Потом открыл жестянку с парафином, перевернул и выложил на ладонь парафиновый куб. Джордж пристально смотрел на него, но помалкивал и ни о чем не спрашивал. Билл не любил, когда Джордж заговаривал с ним, если он что-то делал, а Джордж уже на собственном опыте убедился – если будет держать рот на замке, Билл скорее всего сам все объяснит.

Ножом Билл отрезал маленький кусочек от парафинового куба, опустил в миску, зажег спичку и положил ее на отрезанный кусок парафина. Оба мальчика наблюдали за желтым пламенем, а затихающий ветер время от времени хлестал окно дождем.

– Корабль нужно сделать водонепроницаемым, иначе он намокнет и утонет. – В обществе Джорджа Билл заикался меньше, а порой заикание вообще исчезало. В школе, однако, оно становилось таким сильным, что говорить он просто не мог. Общение прекращалось, и одноклассники Билла отводили глаза, когда тот, ухватившись за край парты, с покрасневшим лицом, цветом уже не отличавшимся от ярко-рыжих волос, сощурившись, пытался вытолкнуть какое-нибудь слово из упрямящегося горла.

Иногда – чаще всего – слово выталкивалось. Но случалось – застревало намертво. В три года его сбила машина, отбросив на стену дома. Семь часов он пролежал без сознания. Мама всегда говорила, что заикание – следствие того происшествия. Но Джордж иногда чувствовал, что у его отца (и самого Билла) такой уверенности нет.

Кусок парафина в миске почти полностью растаял.

Пламя сходило на нет, стало синим, продвигаясь по картонной спичке, погасло. Билл сунул палец в расплавившийся парафин, зашипев, отдернул. Виновато улыбнулся Джорджу:

– Горячо.

Через несколько секунд сунул вновь, принялся намазывать парафин на бумажный борт, где тот быстро засыхал, образуя пленку молочного цвета.

– А можно мне? – спросил Джордж.

– Давай. Только не капни на одеяло, а не то мама тебя убьет.

Джордж сунул палец в парафин, уже очень теплый, но не горячий, и принялся размазывать его по другой стороне кораблика.

– Толстым слоем не клади, жопная дырка! – одернул его Билл. – Хочешь, чтобы он утонул в первом же плавании?

– Извини.

– Все нормально. Лучше размазывай.

Джордж закончил со своим бортом, потом поднял кораблик. Он стал тяжелее, но не намного.

– Круто. Я собираюсь выйти и отправить его в плавание.

– Давай, – ответил Билл. Теперь он выглядел усталым... усталым – и по-прежнему нездоровым.

– Мне бы хотелось, чтобы и ты мог пойти, – ответил Джордж. Ему действительно хотелось. Билл иной раз любил покомандовать, но у него всегда возникали такие интересные идеи, и он редко обижал брата. – Это же твой кораблик.

– Мне тоже хотелось бы пойти. – Билл помрачнел.

– Что ж... – Джордж переминался с ноги на ногу, держа кораблик обеими руками.

– Ты лучше надень дождевик, – предупредил Билл, – не то заболеешь г-гриппом, как я. Наверное, все равно заболеешь, от моих ба-ацилл.

– Спасибо, Билл. Классный кораблик. – И тут Джордж сделал то, чего не делал давно, то что Билл запомнил навсегда: наклонился и поцеловал брата в щеку.

– Теперь ты точно заболеешь, жо-опная дырка. – Но Билл как-то повеселел. Улыбнулся Джорджу. – И убери все на место, хорошо? Или у мамы случится и-истерика.

– Конечно. – Он собрал все подручные средства, которыми они обеспечили водонепроницаемость бортов кораблика и пересек комнату: кораблик лежал на жестянке с парафином, стоявшей чуть под углом в миске.

– Дж-Дж-Джорджи?

Джордж обернулся, посмотрел на брата.

– Бу-удь осторожен.

– Конечно. – Брови мальчика чуть приподнялись. Такое обычно говорит мать – не старший брат. Странно, как и то, что он поцеловал Билла. – Конечно, буду.

Он вышел. Больше Билл никогда его не видел.

3

И теперь Джордж бежал, догоняя уплывающий вниз кораблик, по левой стороне Уитчем-стрит. Бежал быстро, но вода бежала еще быстрее, и расстояние между ним и корабликом увеличивалось. Он услышал нарастающий рокот и увидел, что в пятидесяти ярдах ниже по холму дождевая вода, текущая по ливневой канаве, уходит в водосток – продолговатый, полукруглый вырез в бордюрном камне. На глазах у Джорджа лишенную листьев ветвь, с черной и блестящей, как кожа тюленя, корой, занесло в пасть водостока. Ветвь на мгновение зависла, а потом ее утащило вниз. Туда и направлялся его кораблик.

– Ох, говно и «Шинола»⁹! – в ужасе воскликнул он.

Прибавил скорости и уже подумал, что сейчас выхватит кораблик из воды. Но тут нога Джорджа поскользнулась, и он упал, ободрав коленку и вскрикнув от боли. И уже с мостовой, под другим углом, наблюдал, как его кораблик сделал два круга, попав в очередной водоворот, а потом исчез.

– Говно и «Шинола»! – вновь выкрикнул он, стукнув кулаком по гудрону. Заболела и рука, и Джордж заплакал. Так глупо потерять кораблик!

Он поднялся, подошел к водостоку. Опустился на колени, заглянул вниз. Вода гудела, падая в темноту. От этого гудения по коже побежали мурашки. Оно напомнило ему о...

– Ах! – Вскрик вырвался из него, словно выбитый пружиной, и он отпрянул.

Там были желтые глаза – те самые глаза, которые он всегда представлял себе, но никогда не видел в подвале. Это животное, пришла бессвязная мысль, животное, только и всего, какое-то животное, может, домашний кот, которого утянуло туда водой.

И однако он уже изготовился дать деру... побежал бы через секунду-другую, когда его умственный распределительный щит справился бы с шоком, вызванным этими сверкающими желтыми глазами. Он чувствовал грубую поверхность гудрона под пальцами, над ним – холодный слой воды, огибающей их, и тут раздался голос, вполне нормальный, даже приятный голос, обратившийся к нему из водостока.

– Привет, Джорджи.

Джордж моргнул и вновь посмотрел вниз. И не смог поверить тому, что увидел. Это тянуло на выдуманную историю или на фильм, в котором зверушки разговаривали и танцевали. Будь он на десять лет старше, он бы точно не поверил тому, что видел, но он не прожил шестнадцати лет. Только шесть.

В водостоке находился клоун. Освещение там оставляло желать лучшего, но света все-таки хватало, так что Джордж Денбро не сомневался в том, что видел. А видел он клоуна, как

⁹ «Шинола» – марка обувного крема. Исходная фраза, популярная во время Второй мировой войны – «Ты не отличишь говно от «Шинолы». Туповат, значит.

в цирке или по телику. И выглядел этот клоун чем-то средним между Бозо¹⁰ и Кларабелем¹¹, который общался с другими (или это была женщина?.. с полом клоуна Джордж определиться не мог), дую в свой ящик в субботней утренней передаче «Худи-Дуди». Только Буйвол Боб мог понять, что говорит Кларабель, и Джорджа это всегда смешило. Он видел, что лицо у клоуна в водосток белое, пучки рыжих волос торчат с обеих сторон лысой головы, вокруг рта нарисована большая клоунская улыбка. Живи Джордж несколькими годами позже, он подумал бы сначала о Рональде Макдональде¹², а уж потом о Бозо или Кларабеле.

В одной руке клоун держал связку шариков всех цветов, словно какой-то огромный спелый фрукт.

В другой руке – кораблик Джорджа.

– Хочешь свой кораблик, Джорджи? – Клоун улыбнулся.

И Джордж улыбнулся. Ничего не смог с собой поделаться. На такую улыбку нельзя не ответить.

– Конечно, хочу.

Клоун рассмеялся.

– «Конечно, хочу». Это хорошо! Это очень хорошо! А как насчет шарика?

– Ну... конечно. – Он потянулся вперед... а потом с неохотой отвел руку. – Я ничего не должен брать у незнакомых людей. Так говорил мой папа.

– У тебя мудрый папа, – ответил клоун из водостока, улыбаясь. И как, спросил себя Джордж, он мог подумать, что у клоуна желтые глаза? Они же ярко-синие, с искринкой, такие же, как у мамы и Билла. – Правда, очень мудрый. Поэтому я тебе представлюсь. Я, Джорджи, Боб Грей, так же известный, как Пеннивайз, Танцующий клоун. Пеннивайз, познакомься с Джорджем Денбро. Джордж Денбро, познакомься с Пеннивайзом. И теперь мы знаем друг друга. Я перестал быть незнакомцем для тебя, и ты перестал быть незнакомцем для меня. Заметано?

Джордж засмеялся:

– Думаю, да, – потянулся к кораблику... и вновь отвел руку. – Как ты оказался там, внизу?

– Ветер с дождем просто задули меня туда, – ответил Пеннивайз, Танцующий клоун. – Они задули туда весь цирк. Ты чувствуешь запах цирка, Джордж?

Джордж наклонился вперед. Внезапно в нос ударил запах арахисовых орешков! Горячих поджаренных арахисовых орешков. И уксуса! Белого, который через дырку в крышке льют на картофель-фри! А еще запах сахарной ваты и жарящихся пончиков. Плюс слабый, но ядреный запах говна диких животных. Распознал он и запах опилок на арене. Но при этом...

При этом никуда не делись запах мутного потока, и гниющих листьев, и темных водосточных теней. Сырой, гнилостный запах. Подвальный запах.

Только остальные запахи были сильнее.

– Конечно, чувствую.

– Хочешь свой кораблик, Джорджи? – спросил Пеннивайз. – Я повторяю вопрос только потому, что он вроде бы не так уж тебе и нужен. – Он поднял кораблик выше, улыбаясь. Клоун был в мешковатом шелковом костюме с большими оранжевыми пуговицами, ярко-синем галстуке, больших белых перчатках, какие обычно носили Микки Маус и Дональд Дак.

– Да, хочу. – Джордж смотрел в водосток.

– И шарик? У меня есть красные, зеленые, желтые, синие...

– Они летают?

¹⁰ Бозо – клоунский персонаж, созданный в 1946 г. Аланом Ливингстоном.

¹¹ Кларабель – клоунский персонаж (мужчина) детской телепрограммы (1947–1960) на канале Эн-би-си.

¹² Рональда Макдональда можно увидеть во многих «Макдональдсах». Появился в 1963 г. Ныне его знают 96 % американских школьников.

– Летают? – Глаза клоуна округлись. – Да, конечно, летают. Они летают! А еще есть сахарная вата.

Джордж потянулся к водостоку.

Клоун схватил его за руку.

И Джордж увидел, что лицо клоуна изменилось.

Он увидел перед собой ужас, в сравнении с которым самые жуткие образы существа в подвале казались сладкими грезами. Увиденное разом, одним ударом когтистой лапы, лишило его рассудка.

– Они летают, – проворковала тварь в водостоке сдавленным, посмеивающимся голосом. Она крепкой, обжимающей хваткой держала руку Джорджа и тащила его к ужасной темноте, куда с шумом и ревом низвергалась вода, унося к океану смытый в нее дождем мусор. Джордж изогнул шею, чтобы не смотреть в эту запредельную черноту, и закричал в дождь, бессвязно кричал в белое осеннее небо, широкой дугой изогнувшееся над Дерри во второй половине того дня, осенью 1957 года. Его пронзительные, душераздирающие крики услышала вся Уитчем-стрит: в домах, что ниже водостока, что выше, люди бросались к окнам или выбежали на крыльцо.

– Они летают, – рычало Оно, – летают, Джорджи, и когда ты окажешься внизу со мной, ты тоже будешь летать, ле...

Плечо Джорджа прижало к бетону бордюрного камня, и Дэйв Гарденер, который оставался дома, из-за наводнения не пошел в «Корабль обуви», где работал, увидел только мальчика в желтом дождевике, маленького мальчика, кричащего и дергающегося в мутной воде, которая перехлестывала его лицо, отчего крики частично захлебывались, пузырясь.

– Все внизу летает, – шептал посмеивающийся, мерзкий голос, а потом внезапно мальчик услышал, как что-то рвется, накатила волна слепящей боли, и на том для Джорджа Денбро все закончилось.

Дэйв Гарденер поспел туда первым, и хотя он подбежал к водостоку через сорок пять секунд после первого крика, Джордж Денбро уже умер. Гарденер схватился за дождевик на спине мальчика, вытащил его на мостовую... и начал кричать сам, когда тело Джорджа повернулось у него в руках. Левая сторона дождевика стала ярко-красной. Кровь лилась в водосток из рваной дыры в том месте, где была левая рука мальчика. Круглая головка плечевой кости, отворачиваясь, торчала из порванной материи.

Глаза мальчика смотрели в белесое небо и уже начали наполняться дождем, когда Дэйв, пошатываясь, двинулся навстречу другим людям, бегущим по улице.

4

Где-то внизу, в водостоке, почти до отказа набитом мусором («Там никого не могло быть, – потом объяснял шериф округа репортеру «Дерри ньюс», и в голосе слышались ярость и раздражение: он едва сдерживался, чтобы не сорваться на крик. – Даже Геркулеса унесло бы этим потоком»), сложенный из газетного листа кораблик Джорджа мчался вперед по темным кавернам и длинным бетонным тоннелям, в которых ревел водяной поток. Какое-то время он плыл бок о бок с дохлым куренком, чьи когтистые, как у ящерицы, лапки смотрели в потолок, с которого капала вода. Потом, в каком-то пересечении к востоку от города, куренка унесло влево, а кораблик Джорджа поплыл прямо.

Часом позже (мать Джорджа лежала в палате интенсивной терапии городской больницы Дерри, там ей дали успокоительного, а Заика Билл, бледный и потрясенный, молча сидел на кровати, слушая рыдания отца, доносящиеся из гостиной, где мать играла на пианино «К Элизе», когда Джордж вышел из дома) кораблик вылетел из бетонной трубы, как пуля вылетает из ружейного ствола. Поплыл по водоводу и далее по безымянному каналу. Двадцать минут

спустя, когда кораблик добрался до бурлящей, вздувшейся реки Пенобскот, на небе начали появляться первые просветы синевы. Прекратился и дождь.

Кораблик нырял носом, раскачивался, иной раз черпал воду, но не тонул. Два брата хорошо потрудились: борта оставались водонепроницаемыми. Я не знаю, где закончилось его плавание, и закончилось ли. Возможно, он достиг океана и до сих пор бороздит его просторы, как волшебный корабль из сказки. Я знаю только одно: он держался на поверхности и несся на гребне потока, когда пересек административную границу города Дерри, штат Мэн, и, тем самым, навсегда уплыл из этой истории.

Глава 2

После фестиваля (1984 г.)

1

Адриан носил эту шляпу по одной причине (как потом скажет его рыдающий бойфренд в полиции) – потому что выиграл ее на конкурсе «Бросай до победного» в ярмарочном комплексе в Бэсси-парк, за шесть дней до смерти. Он ею гордился.

– Он носил ее, потому что *любил* этот говенный город! – выкрикнул копам Дон Хагартти, бойфренд Адриана.

– Хватит, хватит, в таких словечках нужды нет, – ответил ему патрульный Гарольд Гарденер, один из четырех сыновей Дэйва Гарденера. В тот день, когда его отец вытащил из водостока бездыханное, однорукое тело Джорджа Денбро, Гарольду Гарденеру было пять лет. В этот день, почти двадцать семь лет спустя, тридцатидвухлетний и лысеющий Гарольд понимал, что горе и боль Дона Хагартти – реальность, но не мог заставить себя отнестись к ним серьезно. Этот мужчина (если кому-то хотелось называть его мужчиной) красил губы и носил атласные лосины, такие обтягивающие, что не составляло труда сосчитать все морщинки на его члене. Горе – горем, боль – болью, он все равно оставался педиком. Как его друг, покойный Адриан Меллон.

– Давайте повторим еще разок, – предложил напарник Гарольда, Джеффри Ривз. – Вы вдвоем вышли из «Сокола» и направились к Каналу. Что произошло потом?

– Сколько раз я должен говорить вам одно и то же, придурки? – Хагартти по-прежнему кричал. – Они убили его! Столкнули в воду. Решили, что они в Мачо-Сити! – Дон Хагартти заплакал.

– Еще разок, – терпеливо гнул свое Ривз. – Вы вдвоем вышли из «Сокола». Что произошло потом?

2

В комнате для допросов чуть дальше по коридору двое полицейских Дерри беседовали с семнадцатилетним Стивом Дюбеем. Этажом выше, в кабинете инспектора по надзору за условно осужденными, еще двое допрашивали восемнадцатилетнего Джона Гарттона по кличке Паук, и, наконец, в кабинете начальника полиции сам шеф Эндрю Рейдмахер и заместитель окружного прокурора Том Баутильер вели допрос пятнадцатилетнего Кристофера Ануина. Кристофер, в вываренных джинсах, измазанной машинным маслом футболке и массивных тупоносых саперных сапогах, плакал. Рейдмахер и Баутильер занялись им, потому что совершенно справедливо предположили, что он – слабое звено.

– Давай повторим еще разок, – предложил Баутильер Кристоферу, произнеся эту фразу практически одновременно с Джеффри Ривзом, который находился двумя этажами ниже.

– Мы не собирались его убивать, – лепетал Ануин. – Все эта шляпа. Мы не могли поверить, что он будет носить эту шляпу после... вы понимаете, после того, как Паук предупредил его в первый раз. Наверное, мы хотели припугнуть его.

– За то, что он сказал, – вставил шеф Рейдмахер.

– Да.

– Сказал Джону Гартону семнадцатого июля, во второй половине дня.

– Да, Пауку. – Из глаз Ануина вновь брызнули слезы. – Но мы пытались его спасти, когда увидели, что он в беде... во всяком случае, мы со Стиви Дюбеем пытались... мы не собирались его убивать!

– Брось, Крис, не засирай нам мозги, – отмахнулся Баутильер. – Вы же сбросили этого маленького гомика в Канал.

– Да, но...

– И вы трое сами пришли сюда, чтобы выложить все начистоту. Шеф Рейдмахер и я это ценим, верно, Энди?

– Будь уверен. Только настоящий мужчина готов отвечать за то, что он сделал, Крис.

– Так что не опускайся до лжи. Вы решили бросить его в Канал, как только увидели, что он и его дружок-гомик выходят из «Сокола», так?

– Нет! – яростно запротестовал Крис Ануин.

Баутильер достал из нагрудного кармана рубашки пачку «Мальборо», сунул сигарету в рот. Потом предложил пачку Ануину:

– Сигарету?

Ануин взял. Баутильеру пришлось гоняться пламенем спички за кончиком сигареты, потому что губы подростка тряслись.

– В том числе и потому, что он был в этой шляпе? – спросил Рейдмахер.

Ануин глубоко затянулся, опустил голову, сальные волосы упали на глаза. Он выпустил дым через нос, усыпанный угрями.

– Да, – едва слышно выдохнул он.

Баутильер наклонился вперед, его карие глаза сверкнули. Лицо стало хищным, но голос оставался мягким.

– Что, Крис?

– Я сказал, да. Думаю, так. Сбросить в Канал. Но не убивать. – Он поднял голову, охваченный паникой, жалкий, все еще не способный осознать колоссальные перемены, которые произошли в его жизни после того, как вчера вечером в половине восьмого он вышел из дома, чтобы с двумя друзьями повеселиться в последний вечер проходящего в Дерри фестиваля «Дни Канала». – Не убивать! – повторил он. – И этот парень под мостом... я до сих пор не знаю, кто он.

– Какой парень? – спросил Рейдмахер без особого интереса. Эту часть они уже слышали, и ни один в нее не поверил – рано или поздно обвиняемые в убийстве практически всегда указывают на какого-то таинственного другого парня. Баутильер даже придумал название этой увертке: синдром однорукого мужчины, отталкиваясь от старого телесериала «Беглец».

– Парень в клоунском костюме, – ответил Крис Ануин и содрогнулся. – Парень с шариками.

3

Фестиваль «Дни Канала», который проходил с 15 по 21 июля, удался, с этим соглашалось большинство жителей Дерри: положительно сказался и на нравственном облике города, и на его имидже... и на кошельке. Недельный фестиваль проводился в честь столетия открытия Канала, который пересекал центр города. Благодаря сооружению Канала в Дерри активизировалась торговля лесом в 1884–1910 годах. Канал положил начало процветанию Дерри.

Город прихорашивался – с востока на запад и с севера на юг. Рытвины и выбоины, которые, как клялись некоторые жители, не ремонтировались десятилетиями, выравнивали, они обретали твердое покрытие. Городские здания ремонтировали внутри и красили снаружи. Худшие из граффити в Бэсси-парк (главным образом направленные против гомосексуалистов, вроде «УБЬЕМ ВСЕХ ПИДОРОВ» или «СПИД ВАМ ОТ БОГА, ЧЕРТОВЫ ГОМИКИ») счи-

щали со скамеек и деревянных стен крытого пешеходного моста через Канал, прозванного Мостом Поцелуев.

В трех примыкающих друг к другу пустующих магазинах в центре города разместили Музей дней Канала, заполнив его экспонатами, которые собрал Майкл Хэнлон, местный библиотекарь и историк-любитель. Семьи-старожилы делились своими бесценными сокровищами, и за неделю фестиваля почти сорок тысяч посетителей музея заплатили по четвертаку, чтобы посмотреть на меню столовой 1890-х годов, топоры, пилы, другой инструмент лесорубов 1880-х, детские игрушки 1920-х, более двух тысяч фотографий и девять бобин любительских фильмов о жизни Дерри в последние сто лет.

Спонсировало музей «Женское общество Дерри», которое запретило к показу некоторые из предложенных Хэнлоном экспонатов (в частности, знаменитый стул наказаний из 1930-х) и фотографий (скажем, банды Брэдли после знаменитой перестрелки). Но все согласилось: экспозиция и так хороша, и никто, если на то пошло, не хотел видеть всю ту жуть. Куда лучше подчеркнуть позитив и отринуть негатив, как пелось в старой песне.

В Дерри-парк поставили огромный полосатый тент, под которым продавали закуски, выпечку и прохладительные напитки. Каждый вечер там играл оркестр. В Бэсси-парк компания «Смоукис грейтер шоу» привезла аттракционы, а местные жители поставили павильоны с разными конкурсами. Специальный трамвайчик каждый час курсировал по историческим кварталам города, в итоге подъезжая к этой шумной и веселой машине по выкачиванию денег.

Именно здесь Адриан Меллон выиграл шляпу, которая послужила причиной его смерти, – бумажный цилиндр с цветком и надписью на ленте: «Я ♥ ДЕРРИ!»

4

– Я устал, – сказал Джон Гартон. Как и два его друга, одевался он, бессознательно подражая Брюсу Спрингстину, хотя если б его спросили, он, вероятно, назвал бы Спрингстина хлюпиком или тем же гомиком и выказал бы восхищение такими крутыми металлическими группами, как «Деф Леппард», «Твистед систер» или «Джудас Прист». Рукава простой синей футболки он оторвал, чтобы выставить напоказ мускулистые руки. Его густые каштановые волосы падали на один глаз – в этом он скорее копировал Джона Кугара Мелленкампа¹³, а не Спрингстина. Обе руки украшали синие татуировки – тайные символы, которые выглядели как детские рисунки. – Больше не хочу говорить.

– Только расскажи нам о второй половине вторника на ярмарке, – предложил ему Пол Хьюз. Он тоже устал, а вся эта безобразная история шокировала его и вызывала отвращение. В голову вновь и вновь приходила мысль о том, что фестиваль «Дни Канала» закончился событием, о котором все знали, но никто не решался сообщить в «Программе дня». А если бы решился, то выглядело бы это следующим образом:

Суббота, 21:00. Последнее выступление оркестра средней школы Дерри и ансамбля «Барбер шоп меллоу-мэн».

Суббота, 22:00. Большой праздничный фейерверк.

Суббота, 22:35. Ритуальное жертвоприношение Адриана Меллона, официально закрывающее фестиваль «Дни Канала».

- На хер ярмарку, – ответил Паук.
- Только повтори, что ты сказал Меллону, и что он сказал тебе.
- Господи... – Паук закатил глаза.
- Давай, Паук, – поддакнул напарник Хьюза.

¹³ Мелленкампа, Джон (р. 1951 г.) – американский рок-музыкант.

Джон Гартон вновь закатил глаза и пошел по новому кругу.

5

Гартон увидел их обоих, Меллона и Хагарты, когда они фланировали, обняв друг друга за талию и хихикая словно девушки. Поначалу он и впрямь подумал, что это две девушки. Потом узнал Меллона. Ему раньше подсказали, кто он такой. А в тот момент, когда он смотрел на них, Меллон повернулся к Хагарты... и они поцеловались.

– Чел, я сейчас блевану, – в отвращении воскликнул Паук.

Компанию Гартону составляли Крис Ануин и Стив Дюбей. Когда Паук указал на Меллона, Дюбей сказал, что он вроде бы знает второго педика. Его звали Дон, фамилию он не помнил, и этот педик подвозил одного ученика средней школы Дерри и пытался к нему подкатить.

Меллон и Хагарты вновь двинулись к трем парням. Они вышли из павильона, где проводился конкурс «Бросай до победного», и направлялись к выходу с территории ярмарочного комплекса. Паук Гартон потом скажет полицейским Хьюзу и Конли, что его «гражданская гордость» почувствовала себя уязвленной при виде этого гребаного педика в шляпе с надписью на ленте «Я ♥ ДЕРРИ». Идиотская хреновина, эта шляпа – бумажная имитация цилиндра с приклеенным сверху цветком, который покачивался из стороны в сторону. И эта идиотская шляпа еще сильнее уязвила гражданскую гордость Паука.

А потому, когда Меллон и Хагарты проходили мимо, по-прежнему обнимая друг друга за талию, Паук Гартон крикнул: «Надо бы мне заставить тебя съесть эту шляпу, гребаный жоподрючило!»

Меллон повернулся к Гартону, флиртуя поиграл глазками.

– Если тебе хочется что-нибудь съесть, милый, я могу найти кое-что повкуснее моей шляпы.

Тут Паук Гартон решил, что сейчас он подправит лицо этого гомика. На нем поднимутся новые горы и континенты заметно сместятся. Никто еще не предлагал ему отсосать. Никто.

Он уже двинулся к Меллону. Хагарты, дружок Меллона, испугавшись, попытался его увести, но тот, улыбаясь, не двигался с места. Потом Гартон скажет патрульным Хьюзу и Конли, что Меллон, по его мнению, был под кайфом. Был, подтвердит Хагарты, когда патрульные Гарденер и Ривз поделятся с ним предположением Гартона, под кайфом от двух пончиков с каплей меда, от ярмарки и дня в целом. И следовательно, не мог адекватно воспринимать реальность угрозы, которую представлял собой Паук Гартон.

– Но таким уж был Адриан. – Бумажной салфеткой Дон вытер глаза и размазал тушь на веках. – Он не считал нужным прятаться. Относился к тем дуракам, которые думают, что все так или иначе образуется.

И ему в тот день крепко бы досталось, если бы Гартон вдруг не почувствовал, как что-то постукивает ему по локтю. Полицейская дубинка. Повернул голову и увидел патрульного Фрэнка Мейкена, еще одного представителя «Гордости Дерри».

– Не обращай на него внимания, дружок, – предложил Мейкен Гартону. – Занимайся своими делами и оставь этих голубков в покое. Развлекайся.

– Вы слышали, что он мне сказал? – зло спросил Гартон. К нему уже присоединились Ануин и Дюбей (они оба, почувствовав беду, попытались увести его на центральную аллею, но Гартон оттолкнул их, набросился бы с кулаками, если б они не отстали). Его мужское начало чувствовало себя оскорбленным и требовало отмщения. Никто не предлагал ему отсосать. Никто.

– Я не верю, что он как-то тебя обозвал, – ответил Мейкен. – И ты, если мне не изменяет память, заговорил с ним первым. Так что двигай отсюда, сынок. И не хочу тебе это повторять.

– Он назвал меня гомиком!

– Так ты боишься, что, может, ты гомик? – спросил Мейкен вроде бы с искренним интересом, и Гартон густо покраснел.

По ходу этого диалога Хагартти изо всех сил пытался увести Адриана Меллона. И наконец Меллон сдвинулся с места.

– Пока-пока, любовь моя! – обернувшись, крикнул Адриан.

– Заткнись, сладкожопый, – бросил ему Мейкен. – Проваливай отсюда.

Гартон попытался броситься на Меллона, но Мейкен схватил его.

– Я могу отвезти тебя в участок, дружок, и, судя по тому, как ты себя ведешь, это не самая плохая мысль.

– Когда увижу тебя в следующий раз, тебе будет больно! – крикнул Гартон вслед удаляющейся паре, и многие головы повернулись в его сторону. – А если ты будешь в этой шляпе, я тебя убью. Не нужны городу такие гомики, как ты!

Не поворачиваясь, Меллон поднял левую руку, помахал пальцами (с ногтями, покрашенными светло-вишневым лаком) и еще сильнее принялся крутить бедрами. Гартон вновь рванулся к нему.

– Еще одно слово или движение, и ты едешь в участок, – спокойно предупредил Мейкен. – И поверь, мой мальчик, слова у меня не разойдутся с делом.

– Пошли, Паук. – Крис Ануин дернул его за рукав. – Остынь.

– Вы любите таких, как этот? – спросил Паук Мейкена, полностью игнорируя Криса и Стива. – Да?

– Такие мне как раз безразличны, – ответил Мейкен. – А что я действительно люблю, так это спокойствие и порядок, и их ты как раз и нарушаешь, прыщавый. А теперь хочешь проехать со мной или как?

– Пошли, Паук, – подал голос Стив Дюбей. – Давай съедим по хот-догу.

Паук пошел, нарочито одергивая футболку и убирая волосы с глаз. Мейкен, который тоже давал показания наутро после смерти Адриана Меллона, указал в них: «Последнее, что я слышал, когда он уходил с друзьями, были его слова: «Когда увижу его в следующий раз, ему крепко достанется»».

6

– Пожалуйста, мне нужно поговорить с матерью, – в третий раз попросил Стив Дюбей. – Я должен поговорить с матерью, чтобы она успокоила моего отчима, не то он задаст мне чертовскую трепку, когда я вернусь домой.

– Скоро поговоришь, – пообещал ему патрульный Чарльз Аварино. И Аварино, и его напарник, Барни Моррисон, знали, что сегодня Стив Дюбей домой не вернется, возможно, не попадет туда еще много вечеров. Парень, похоже, не понимал, насколько серьезен этот арест, и Аварино не сильно удивился, когда какое-то время спустя узнал, что Дюбей бросил учебу в шестнадцать лет. До того он учился в школе на Уотер-стрит. Его коэффициент умственного развития равнялся 68, как следовало из теста Векслера, который он проходил в седьмом классе, где дважды оставался на второй год.

– Расскажи нам, что случилось, когда ты увидел Меллона, выходящего из «Сокола», – предложил Моррисон.

– Нет, чел, лучше не буду.

– Почему нет? – спросил Аварино.

– Я, возможно, и так наговорил слишком много.

– Ты и пришел сюда, чтобы поговорить, – напомнил Аварино, – нет разве?

– Ну... да... но...

– Послушай, – Моррисон сел рядом с Дюбеем, дал ему сигарету, – ты думаешь, я и Чик любим педиков?

– Я не знаю...

– По нам видно, что мы любим педиков?

– Нет, но...

– Мы твои друзья, Стиви, – говорил Моррисон без тени улыбки. – И поверь, тебе, Крису и Пауку сейчас нужны все друзья, которые только у вас есть, потому что завтра все правдолюбцы этого города будут требовать вашей крови.

На лице Стива Дюбея отразилась тревога. Аварино, который буквально мог читать мысли этого волосатого маменькиного сынка, подозревал, что тот вновь думает о своем отчиме. И хотя Аварино терпеть не мог маленькое сообщество геев города Дерри (как практически все копы, он бы только порадовался, увидев, что «Сокол» закрылся навсегда), он бы с удовольствием лично отвез Дюбея домой. Более того, подержал бы Дюбея за руки, пока отчим будет превращать этого говнюка в отбивную котлету. Аварино не любил геев, но не считал, что их можно мучить и убивать только за то, что они – геи. С Меллоном обошлись жестоко и безжалостно. Из-под моста через Канал его достали с выпученными от ужаса глазами. А этот парень, похоже, не имел ни малейшего представления о том, что он помог сделать.

– Мы не собирались причинять ему вреда, – повторил Стив. Эту фразу он говорил всякий раз, когда начинал путаться.

– Потому ты и хочешь поговорить с нами начистоту, – кивнул Аварино. – Если мы доберемся до истины, то, возможно, вся эта история не будет стоить и выеденного яйца. Правда, Барни?

– Не то слово, – согласился Моррисон.

– Еще раз, что ты можешь сказать? – терпеливо настаивал Аварино.

– Что ж... – И Стив, пусть и медленно, начал говорить.

7

Когда бар «Сокол» открылся в 1973 году, Элмер Керти полагал, что его клиентура будет по большей части состоять из пассажиров автобусов: расположенная рядом автостанция обслуживала маршруты трех компаний – «Трейлуэйз», «Грейхаунд» и «Арустук». Он не принял в расчет, что на автобусах ездили главным образом женщины и семьи с маленькими детьми. А многие другие брали с собой в дорогу бутылку в пакете из плотной оберточной бумаги и вообще не поднимались со своего кресла. Выходили из автобуса разве что солдаты или моряки, которые пропускали по стакану пива, иногда по два. Да и какой можно устроить загул за десятиминутную остановку?

Керти начал сознавать эту горькую правду где-то к 1977 году, но тогда он уже ничего не мог изменить. По уши погряз в счетах и не знал, как выйти из минуса. Мысль о том, чтобы поджечь бар и получить страховку, конечно же, приходила в голову, но он полагал, что нанять надо профессионала, поскольку его самого вывели бы на чистую воду... и понятия не имел, где нанимают профессиональных поджигателей.

В феврале того года он решил, что протянет до Четвертого июля¹⁴, а потом, если ситуация не улучшится, просто выйдет за дверь, сядет в автобус и поедет посмотреть, как живут люди во Флориде.

Но в следующие пять месяцев бар вдруг начал процветать, хотя ничего в нем не изменилось. Остались прежними и интерьер, выдержанный в черно-золотых тонах, и украшавшие его чучела птиц (брат Элмера Керти был таксидермистом-любителем, специализировался на

¹⁴ День Независимости США.

птицах, и Элмер унаследовал чучела после его смерти). Если раньше он наливал шестьдесят стаканов пива и смешивал двадцать напитков за вечер, то теперь неожиданно для себя Элмер наливал восемьдесят стаканов и смешивал сто напитков... сто двадцать... иногда сто шестьдесят.

Теперь его клиентура за редким исключением состояла из вежливых молодых людей. Многие из них одевались, мягко говоря, необычно, но тогда необычная одежда еще оставалась практически нормой, и Элмер Керти понял, что посетители его бара почти все без исключения геи, где-то году в 1981-м. Если бы жители Дерри услышали, как он говорит об этом, они бы рассмеялись и сказали, что Элмер Керти, должно быть, считает, что они только вчера на свет родились – но в этом его утверждении не было ни грамма лжи. Как муж погуливающей жены, он узнал последним. А к тому времени, когда узнал, его это не волновало. Бар приносил прибыль, как и четыре других бара в Дерри, но «Сокол» был единственным, который регулярно не разносили буйные посетители. Во-первых, в бар не заходили женщины, из-за которых обычно и вспыхивали драки, а во-вторых, эти мужчины, геи они или нет, где-то овладели тем секретом мирного общения друг с другом, что никак не давался их гетеросексуальным собратьям.

Как только Керти узнал о нетрадиционной ориентации своих завсегдатаев, до его ушей отовсюду начали долетать страшные истории о «Соколе». Истории эти циркулировали по городу многие годы, но до 1981-го Керти просто их не слышал. Самыми активными рассказчиками этих историй, как выяснил он, были мужчины, которых не затащили бы в «Сокол» и на аркане, из страха, что у них руки отсохнут или что-то другое. И однако именно они знали самые пикантные подробности.

Согласно этим историям, ты мог зайти в бар в любой вечер и увидеть, как мужчины, тесно прижавшись друг к другу, танцуют, вместе гоня шкурку прямо на танцплощадке; как мужчины целуются взапуск у стойки бара; как мужчины отсасывают друг другу в туалетах. А еще была комната, куда ты шел, если хотел провести какое-то время на Башне силы: там восседал здоровяк в нацистской униформе, со смазанной вазелином рукой, который с радостью ублажал всех, кто этого хотел.

На самом деле ничего такого не было и в помине. Если какие-то пассажиры автобусов заходили в «Сокол» выпить пива или стаканчик виски, они не замечали ничего необычного: да, сидели в баре только мужчины, но по всей стране работали тысячи баров для рабочих, куда тоже не заглядывали женщины. Посещали бар геи, но гей и глупец – не синонимы. Если им хотелось немного оторваться, они ехали в Портленд. Если им хотелось оторваться на полную, прочувствовать, что такое шомпол или большой мальчик Пека, они ехали в Нью-Йорк или Бостон. Дерри был небольшим городком, провинциальным городком, и здешнее маленькое сообщество геев понимало, какая над ними нависала угроза.

Дон Хагарты бывал в «Соколе» два или три года до того мартовского вечера в 1984 году, когда впервые появился там с Адрианом Меллоном. Ранее Хагарты считал себя вольным стрелком, встречался с одним партнером не более пяти-шести раз. Но к концу апреля даже Элмеру Керти, который не обращал на такие дела никакого внимания, стало ясно: у Хагарты и Меллона завязались серьезные отношения.

Хагарты работал чертежником в конструкторском бюро в Бангоре. Адриан Меллон, журналист, в штате нигде не состоял, писал статьи во все издания, где его могли опубликовать – в журналы авиакомпаний, в исповедальные журналы, в региональные, в воскресные приложения, в журналы эротических писем. Кропал он и роман, но не так чтобы усердно: начал его на третьем курсе колледжа, двенадцатью годами раньше.

Адриан приехал в Дерри, чтобы написать большую статью о Канале – получил заказ от «Нью-Ингленд байуэйз», глянцевого журнала, выходящего в Конкорде раз в два месяца. Адриан Меллон согласился написать эту статью, потому что выжал из «Байуэйза» командировочные на три недели плюс оплату номера в «Дерри таун-хаусе», хотя на сбор материала

требовалось пять дней. За оставшиеся две недели он мог собрать материал для статей в еще четыре региональных издания.

Но в этот трехнедельный период он встретил Дона Хагарты, и вместо того чтобы вернуться в Портленд по завершении командировки, нашел себе маленькую квартиру на Косат-лейн. Прожил там только шесть недель, а потом перебрался к Дону Хагарты.

8

Это лето, рассказал Хагарты Гарольду Гарденеру и Джеффу Ривзу, стало счастливейшим в его жизни... и ему следовало быть начеку, так он и сказал; уж он-то точно знал, что Бог подкладывает ковер под таких, как он, лишь затем, чтобы выдернуть из-под ног.

По словам Хагарты, его смущало только одно – Адриан очень уж восхищался Дерри. Он купил футболку с надписью на груди «МЭН НЕ ТАК ПЛОХ, НО ДЕРРИ ЧУДО КАК ХОРОШ». Он купил свитер школьной команды «Тигры Дерри». И конечно же, эта шляпа. Он заявлял, что местная атмосфера будоражит кровь и вдохновляет. Возможно, говорил правду: впервые за год он достал из чемодана совсем уж зачухнувшийся роман.

– Так он действительно работал над романом? – спросил Гарденер. Не потому, что его это интересовало, просто хотел, чтобы Дон побольше им рассказал.

– Да... писал страницу за страницей. Говорил, что роман получится ужасным, но он более не будет ужасным незаконченным романом, как все прошедшие годы. Собирался поставить последнюю точку к своему дню рождения, в октябре. Конечно же, он не знал, каков Дерри на самом деле. Думал, что знал, но не прожил здесь достаточно долго, чтобы прочувствовать настоящий Дерри. Я пытался рассказать ему, но он не слушал.

– А каков настоящий Дерри, Дон? – спросил Ривз.

– Больше всего похож на мертвую шлюху с червяками, выползающими из манды.

Оба копа в изумлении уставились на него.

– Это плохое место, – добавил Хагарты. – Это клоака. Как будто вы оба этого не знаете? Вы прожили здесь всю жизнь и этого не знаете?

Ни один из них не ответил, и после короткой паузы Хагарты продолжил.

9

Перед тем как Адриан Меллон вошел в его жизнь, Дон собирался уехать из Дерри. Он прожил здесь три года, главным образом потому, что согласился снять на длительный срок квартиру, из окон которой открывался самый фантастический вид на реку, но теперь срок договора подходил к концу, и Дона это радовало. Отпадала необходимость каждый рабочий день мотаться в Бангор и обратно. Никаких тебе больше зловещих флюидов, которые все время незримо чувствовались в Дерри. Адриан мог думать, что лучше Дерри ничего нет, а вот Дона город пугал. И не только гомофобскими настроениями, которые ясно выражали и местные проповедники, и граффити в Бэсси-парк, но как раз это Дон мог привести в качестве вещественного доказательства. Адриан лишь рассмеялся.

– Дон, в каждом городе Америки есть люди, которые ненавидят геев. И не говори мне, что ты не в курсе. У нас, в конце концов, эпоха слабоумного Ронни и Филлис Хаусфлай¹⁵.

– Пойдем со мной в Бэсси-парк, – предложил Дон, когда понял, что Адриан верит в то, что говорит – а говорил он по большому счету о том, что Дерри ничуть не хуже любого другого

¹⁵ Хаусфлай (Комнатная муха) – прозвище Филлис Шлафлай (р. 1924), активной противницы феминизма и легализации однополых отношений.

города, расположенного в глубинке и с тем же количеством жителей. – Я хочу тебе кое-что показать, любовь моя.

Они поехали в Бэсси-парк – как сказал Хагарты копам, произошло это в середине июня, примерно за месяц до убийства Адриана. Он привел его в темные, дурно пахнущие тени под Мостом Поцелуев и указал на одно из граффити. Адриану пришлось зажечь спичку и поднести к надписи, чтобы прочитать ее.

«ПОКАЖИ МНЕ СВОЙ ЧЛЕН, ГОМИК, И Я ЕГО ТЕБЕ ОТРЕЖУ».

– Я знаю, как люди относятся к геям. – Дон заговорил ровным, спокойным голосом. – Подростком меня избili на стоянке грузовиков в Дейтоне. Какие-то парни в Портленде подожгли мне брюки около закускойной, а толстозадый старый коп сидел в патрульной машине и смеялся. Я много чего повидал – но с подобным никогда не сталкивался. Посмотри сюда. Прочитай.

Пламя второй спички высветило:

«ЗАГОНИМ ГВОЗДИ В ГЛАЗА ВСЕХ ПЕДИКОВ (ВО ИМЯ ГОСПОДА)!»

– Кто бы ни писал эти короткие наставления, с головой у них совсем плохо. Мне было бы легче, если б я думал, что все надписи – дело рук одного человека, психа-одиночки, но... – Дон обвел рукой свод Моста Поцелуев. – Здесь много таких надписей. И я уверен, что писал не один человек. Вот почему я хочу уехать из Дерри, Ади. Здесь слишком много таких мест и людей, которые свихнулись на этом.

– Знаешь, подожди, пока я не закончу роман, хорошо? Пожалуйста? В октябре, обещаю, не позже. Воздух здесь лучше.

– Он не знал, что остерегаться следовало воды, – с горечью добавил Дон Хагарты.

10

Том Баутильер и шеф Рейдмахер наклонились вперед, оба молчали. Крис Ануин сидел, наклонив голову, говорил в пол. Именно эту часть его рассказа они хотели услышать, ту самую часть, которая отправляла в Томастонскую тюрьму штата как минимум двоих из этой троицы говнюков.

– Ярмарка была не очень, – монотонно бубнил Ануин. – Все эти клевые аттракционы уже разбирали, ну, знаете, вроде «Чертова блюда» или «Парашютной карусели». На автодроме, где сталкиваются машины, вывесили табличку «ЗАКРЫТО». Ездили только детские автомобильчики. Мы пошли к павильонам, Паук увидел тот, где проводился конкурс «Бросай до победного», заплатил пятьдесят центов, увидел шляпу, которую носил тот гомик, попытался выиграть ее, но броски ему не удавались, и после каждого нового промаха настроение у него ухудшалось, вы понимаете. И Стив... он из тех парней, которые постоянно говорят, забей, блин, забей на это, забей на то, почему бы тебе не забить, понимаете? Только в этот день он очень уж настаивал на своем, потому что принял ту таблетку, понимаете? Красную таблетку. Может, даже не запрещенную. Он цеплялся к Пауку, и я даже подумал, что сейчас Паук ему врежет. Но он продолжал цепляться: «Ты даже не можешь выиграть эту пидорскую шляпу. Ты, должно быть, совсем выдохся, раз не можешь выиграть эту пидорскую шляпу». Наконец женщина, которая там работала, дает нам приз, хотя кольцо даже не висело над ним, потому что, думаю, она хотела от нас избавиться. Не знаю, может, и не хотела. Но мне кажется, что хотела. Дала нам такую дуделку, ну, понимаете. Ты в нее дуешь, надуваешь ее, раскатываешь. А она вроде бы пердит, знаете? У меня такая была. Я получил ее на Хэллоуин, или на Новый год, или на какой-то другой чертов праздник, я думал, отличная штука, только я ее потерял. А может, кто-то вытащил ее из моего кармана на этой гребаной школьной игровой площадке, знаете? Так что, когда ярмарка закрывалась и мы уходили оттуда, Стив по-прежнему доставал

Паука насчет того, что тот не смог выиграть пидорскую шляпу, Паук все больше молчал, и я знал, что это дурной признак, но мне оставалось только идти с ними, понимаете? Я знал, что надо найти нам всем какое-то занятие, только не мог ничего придумать. Поэтому, когда мы пришли на автомобильную стоянку, Стив говорит: «Куда едем? По домам?» – а Паук отвечает: «Давай сначала подскочим к «Соколу» и посмотрим, нет ли там этого педика».

Баутильер и Рейдмахер переглянулись. Баутильер поднял палец и постучал по щеке: хотя этот кретин в саперных сапогах не имел об этом ни малейшего понятия, говорил он об убийстве по предварительному сговору.

– Я говорю, нет, мне пора домой, а Паук говорит, ты боишься подъехать к этому пидорскому бару? И я, блин, еду. А Стив все еще под кайфом, и он говорит, давай вмажем какому-нибудь гомику, давай вмажем какому-нибудь гомику, давай вмажем...

11

И так уж вышло, что сложилось все наихудшим для всех образом. Адриан Меллон и Дон Хагарты вышли из бара «Сокол», выпив по два стакана пива, миновали автобусную станцию, а потом взялись за руки. Ни один об этом не подумал, иногда они делали так инстинктивно. Часы показывали двадцать минут одиннадцатого. На углу они повернули налево.

Мост Поцелуев находился в полумиле выше по течению. Они собирались перейти реку по Мосту Главной улицы, не так разрисованному граффити. Кендускиг, как обычно летом, сильно обмелела, глубина не превышала четырех футов. Вода бесшумно обтекала бетонные опоры моста.

Когда «Дастер» настиг их (Стив Дюбей заметил, как они вдвоем выходили из «Сокола» и радостно указал на них), они только поднялись на мост.

– Подрезай их! Подрезай их! – крикнул Паук Гартон. Адриан и Дон только что прошли под фонарем, и он заметил, что они идут, держась за руки. Это его разъярило – но не так сильно, как шляпа. С большим бумажным цветком, который болтался из стороны в сторону. – Подрезай их, на хрен!

Стив так и сделал.

Крис Ануин отрицал свое активное участие в том, что последовало дальше, но Дон Хагарты рассказал другую историю. По его словам, Гартон выскочил из автомобиля чуть ли не до того, как он остановился, а остальные двое быстро последовали за ним. Потом состоялся разговор. Не очень хороший разговор. В тот вечер Адриану было не до красноречия или ложного кокетства: он понял, что они с Доном в беде.

– Дай мне эту шляпу. – Гартон протянул руку. – Дай мне эту шляпу, гомик.

– Если дам, ты оставишь нас в покое? – Голос Адриана дрожал от страха, он чуть не плакал, в ужасе переводя взгляд с Ануина на Дюбея и Гартона.

– Просто дай мне эту хреновину!

Адриан протянул ему шляпу. Гартон достал выкидной нож из левого переднего кармана джинсов и разрезал шляпу на две части. Потер обе половинки о свой обтянутый джинсами зад. Потом бросил под ноги и потоптался на них.

Дон Хагарты тем временем подался назад, воспользовавшись тем, что внимание троицы сосредоточилось на Адриане и шляпе, – по его словам, он искал копа.

– А теперь вы позволите нам... – начал Адриан Меллон, но в тот момент Гартон ударил его по лицу, и Адриана отбросило к парапету моста, высотой до пояса. Он закричал, прижимая руки ко рту. Сквозь пальцы сочилась кровь.

– Ади! – закричал Хагарты и метнулся к другу. Дюбей поставил ему подножку. Гартон ударил его ногой в живот. Хагарты отлетел с тротуара на проезжую часть. Мимо проехала

машина. Хагарты поднялся на колени, закричал, привлекая внимание. Машина не сбавила скорости. Водитель, как сказал он Гарденеру и Ривзу, даже не оглянулся.

– Заткнись, гомик! – рывкнул Дюбей и ударил Хагарты в лицо. Тот, теряя сознание, повалился на бок в ливневую канаву.

Чуть позже он услышал голос Криса Ануина, советующий ему обратиться и не получить того, что получит его дружок. В своих показаниях Ануин подтвердил, что предупреждал Хагарты.

Хагарты слышал тяжелые удары и крики своего возлюбленного. Адриан кричал, как кролик в силке, сказал он полиции. Хагарты пополз к перекрестку и ярким огням автостанции, но в какой-то момент обернулся, чтобы посмотреть.

Адриана Меллона, ростом в пять футов и пять дюймов и весящего фунтов сто тридцать пять в одежде и с ботинками, бросало от Гартона к Дюбею и Ануину, словно в какой-то игре. Его тело напоминало трясущуюся и заваливающуюся то в одну, то в другую сторону тряпичную куклу. Но упасть на землю ему не давали удары этой троицы. Били они от души, рвали одежду Адриана. Хагарты увидел, как Гартон ударил его в пах. Волосы Адриана падали на лицо. Кровь текла изо рта на рубашку. На правой руке Паук Гартон носил два тяжелых перстня: один – положенный выпускникам средней школы Дерри, второй – с бронзовыми, переплетенными буквами «Д» и «Б», аббревиатурой «Дэд Багз», металлической группы, которая ему особенно нравилась. Перстни разделяли три дюйма. Они уже разорвали верхнюю губу Адриана и выбили ему три передних зуба.

– Помогите! – завопил Хагарты. – Помогите! Помогите! Они убивают его! Помогите!

Дома на Главной улице стояли темные и затаившиеся. Никто не поспешил на помощь, даже с островка света – автостанции, и Хагарты не понимал, как такое могло быть. Ведь там были люди. Он их видел, когда они с Ади прошли мимо. Неужели никто не хотел помочь? Никто?

– ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕ! ОНИ ЕГО УБИВАЮТ! ПОЖАЛУЙСТА! РАДИ БОГА!

– Помогите, – прошептал тихий голос слева от Хагарты и тут же сменился хихиканьем.

– Вышвырнем его! – уже кричал Гартон, кричал и смеялся. – Вышвырнем его! За борт!

– Вышвырнем! – смеясь, подхватил Дюбей. – Вышвырнем! Вышвырнем!

– Помогите, – повторил тихий голос, слово это произнес серьезно, но потом вновь засмеялся... как ребенок, который больше не мог сдерживать смех.

Хагарты посмотрел вниз и увидел клоуна – в этот момент Гарденер и Ривз перестали всерьез воспринимать рассказ Хагарты, потому что остальное более всего тянуло на бред сумасшедшего. Потом, правда, у Гарольда Гарденера возникли сомнения. Потом, выяснив, что Ануин тоже видел клоуна (или только сказал, что видел), Гарденер задумался: а вдруг это не бред? У его напарника сомнений не возникло, или он в них не признался.

Клоун, по словам Хагарты, являл собой нечто среднее между Рональдом Макдональдом и клоуном из старых телепрограмм, Бозо... так он, во всяком случае, подумал. Но в дальнейшем Хагарты пришел к выводу, что клоун выглядел иначе. С нарисованной красной (не оранжевой) улыбкой на белом лице и необычными, сверкающими серебром глазами. Возможно, контактными линзами, но какая-то часть Хагарты думала тогда и продолжала думать, что он увидел естественный цвет глаз клоуна – серебряный. Он был в мешковатом костюме с большими оранжевыми пуговицами-помпонами и в мультяшных перчатках.

– Если тебе нужна помощь, Дон, – обратился клоун к Хагарты, – возьми шарик.

Он протянул руку со связкой воздушных шариков.

– Они летают, – продолжил клоун. – Здесь, внизу, мы все летаем. И твой дружок тоже скоро будет летать.

12

– Этот клоун назвал вас по имени? – уточнил Джефф Ривз совершенно бесстрастным голосом. Посмотрел на Гарденера поверх склоненной головы Хагарты, подмигнул.

– Да, – ответил Хагарты, не поднимая головы. – Я знаю, как это выглядит со стороны.

13

– Значит, вы сбросили его в реку, – первым заговорил Баутильер. – «Вышвырнем его», так?

– Не я. – Ануин поднял голову. Одной рукой откинул волосы с глаз и с мольбой посмотрел на них. – Когда я увидел, что они действительно хотят это сделать, я попытался оттащить Стива, потому что этот парень мог разбиться... До воды там футов десять...

Поверхность воды и парапет моста разделяли двадцать три фута. Один из патрульных шефа Рейдмахера уже все замерил.

– Но он, казалось, обезумел. Эти двое продолжали кричать: «Вышвырнем его! Вышвырнем!» – а потом они его подняли. Паук ухватил под мышками, Стив – за штаны под задом, и... и...

14

Когда Хагарты увидел, что они собираются сделать, он бросился к ним, крича во весь голос: «Нет! Нет! Нет!»

Крис Ануин оттолкнул его, и Хагарты плюхнулся на тротуар, так сильно, что лязгнули зубы.

– Тоже хочешь туда? – прошептал он. – Вали отсюда, бэби.

Они сбросили Адриана Меллона с моста в текущую под ним реку. Хагарты услышал всплеск.

– Сматываемся, – сказал Стив Дюбей. Он и Паук уже пятились к автомобилю.

Крис Ануин подошел к парапету и посмотрел вниз. Сначала он увидел Хагарты. Тот, скользя и хватаясь за все, что попадалось под руку, сползал к воде по заросшему сорняками, замусоренному склону. Потом увидел клоуна. Клоун одной рукой вытаскивал Адриана из воды на дальнем берегу; в другой руке он держал связку воздушных шариков. С Адриана стекала вода, он кашлял, стонал. Клоун повернул голову и улыбнулся Крису. По словам Криса, он увидел сверкающие серебряные глаза клоуна и его оскаленные зубы... большие зубы, так он сказал.

– Как у льва в цирке, чел. Я хочу сказать, такие они были большие.

Потом, по его словам, он увидел, как клоун закинул одну руку Адриана себе за голову.

– И что потом, Крис? – спросил Баутильер. Эта часть вызывала у него скуку. Сказки вызывали у него скуку с восьми лет.

– Не знаю, – ответил Крис. – В этот момент Стив схватил меня и потащил к машине. Но... мне кажется, он вгрызся ему в подмышку. – Он вновь посмотрел на них, в глазах читалась неуверенность. – Мне кажется, именно это он сделал. Вгрызся ему в подмышку. Как будто хотел съесть его, чел. Как будто хотел съесть его сердце.

15

Нет, сказал Хагартти, когда его познакомили с версией Криса Ануина, изложенной в форме вопросов. Клоун не вытаскивал Ади на дальний берег, по крайней мере он этого не видел... и он признавал, что в тот момент он не мог считаться беспристрастным свидетелем. В тот момент он просто обезумел.

Клоун, по его словам, стоял у дальнего берега, держа в руках тело Адриана, с которого стекала вода. Правая рука Ади находилась за головой клоуна, а лицом клоун действительно утыкался в правую подмышку Ади, но не вгрызлся в нее. Клоун улыбался. Хагартти видел, как он выглядывает из-под руки Ади и улыбается.

Руки клоуна напряглись, и Хагартти услышал хруст ломающихся ребер.

Ади закричал.

– Лети с нами, Дон, – донеслись до него слова клоуна, сорвавшиеся с улыбающихся красных губ, а потом рукой в белой перчатке он указал под мост.

Шарики, взлетов, билось о свод моста – не десяток, и не сотня, а тысячи, красных, синих, зеленых и желтых, и на каждом написано «Я ♥ ДЕРРИ».

16

– Очень хорошо, теперь это точно звучит, как бред. – Ривз вновь подмигнул Гарденеру.

– Я знаю, как это звучит, – ответил Хагартти все тем же мертвым голосом.

– Вы видели все эти шарики? – спросил Гарденер.

Дон Хагартти медленно поднял руки перед собой.

– Я видел их так же ясно, как вижу сейчас мои пальцы. Тысячи шариков. Я не мог разглядеть за ними поверхность моста, так их было много. Они непрерывно колыхались, поднимаясь и опускаясь. И еще был звук. Необычный глуховатый скрип. Это они терлись друг о друга. И нити. Вниз свисал лес белых нитей. Они казались свисающими свободными концами паутины. Клоун утащил Ади под мост. Я видел, как он идет сквозь эти белые нити. Ади ужасно хрипел. Я пошел за ними... а потом клоун обернулся. Я увидел его глаза, и сразу понял, с чем имею дело.

– С чем, Дон? – мягко спросил Гарольд Гарденер.

– Это был Дерри, – ответил Дон Хагартти. – Это был сам город.

– И что вы сделали потом? – На этот раз вопрос последовал от Ривза.

– Я убежал, тупая ты срань. – И Хагартти разрыдался.

17

Гарольд Гарденер держал свои сомнения при себе до 13 ноября. На следующий день в окружном суде Дерри начинался суд над Джоном Гартоном и Стивенем Дюбеем, обвиняемыми в убийстве Адриана Меллона. Но 13 ноября он пошел к Тому Баутильеру, потому что хотел поговорить о клоуне. Баутильер такого желания не испытывал, однако увидел, что без должных наставлений Гарденер может сотворить какую-то глупость, и согласился поговорить.

– Никакого клоуна не было, Гарольд. В ту ночь в роли клоунов выступили те три парня. И тебе это известно так же хорошо, как и мне.

– У нас два свидетеля.

– Все это бред сивой кобылы. Ануин решил вплести в эту историю однорукого мужчину, чтобы прозвучала она следующим образом: «Мы не убивали этого бедного гомика, это сделал однорукый мужчина». Решил, как только понял, что своими показаниями он подвел себя и дружков под монастырь. У Хагартти была истерика. Он находился рядом и смотрел, как эти

парни убивали его лучшего друга. Меня бы не удивило, если б в таком состоянии он увидел летающие тарелки.

Но Баутильер знал, что это не так. Гарденер видел это по его глазам, и отговорки заместителя окружного прокурора только раздражали.

– Перестаньте. Мы говорим о независимых свидетелях. Не надо мне вешать лапшу на уши.

– Ты хочешь поговорить о лапше? Ты говоришь мне, что веришь в вампира-клоуна под Мостом Главной улицы? Потому что, по моему разумению, это и есть лапша на уши.

– Не верю, но...

– Или в то, что Хагартти увидел миллион воздушных шариков под мостом, и каждый с той же надписью, что и на шляпе его любовника? Потому что и это я полагаю лапшой...

– Нет. Разумеется, н...

– Тогда чего тебя это волнует?

– Прекратите этот перекрестный допрос! – взорвался Гарденер. – Они оба описали клоуна одинаково, и ни один не знал, что говорил другой.

Баутильер сидел за столом, вертел в руке карандаш. Но тут положил карандаш, встал, подошел к Гарольду Гарденеру. Коп возвышался над заместителем окружного прокурора на добрых пять дюймов, но отступил на шаг под напором злости Баутильера.

– Ты хочешь, чтобы мы проиграли это дело, Гарольд?

– Нет. Разумеется, н...

– Ты хочешь, чтобы эти двуногие гниды вышли на свободу?

– Нет!

– Ладно. Хорошо. Раз уж в этом у нас полное согласие, я скажу тебе, что думаю. Да, вероятно, в ту ночь под мостом был человек. Может, даже в клоунском костюме, хотя я имел дело с достаточным числом свидетелей, чтобы предположить, что это был какой-то бродяга, надевший найденную на помойках одежду. Я думаю, он искал оброненную мелочь или объедки, недоеденный бургер, брошенный с моста, крошки в пакете из-под чипсов «Фрито». Остальное дополнило их воображение. Такое возможно?

– Не знаю, – ответил Гарольд. Он хотел бы согласиться с доводами Баутильера, но, учитывая степень совпадения двух описаний... Нет. Не складывалось.

– Подведем итоги. Мне без разницы, был ли там Кинки-Клоун¹⁶, парень в костюме Дяди Сэма или Хуберт – счастливый гомик¹⁷. Если мы введем этого человека в процесс, их адвокат вцепится в него, не успеешь ты и глазом моргнуть. Он заявит, что эти невинные барашки, а они будут сидеть с короткими стрижками и в новеньких костюмах, не сделали ничего такого, только ради шутки сбросили этого гея Меллона с моста. Он укажет, что Меллон после падения в реку был жив. Это подтвердят показания Хагартти и Ануина. Его клиенты не совершали убийства, нет, нет! Это дело рук психа в клоунском костюме. Если мы введем этого человека в процесс, так оно и будет, и ты это знаешь.

– Ануин все равно изложит свою версию.

– Но Хагартти – нет, – указал заместитель окружного прокурора. – Потому что он понимает. А без показаний Хагартти кто поверит Ануину?

– Есть еще мы, – горечь, прозвучавшая в голосе Гарденера, изумила его самого, – но, полагаю, мы не скажем.

– Да перестань! – взревел Баутильер, вскинув руки. – Они убили его! Не просто сбросили с моста в реку! У Гартона был выкидной нож. На теле Меллона нашли семь колотых ран, в том числе один удар, нанесенный в левое легкое, а два – в яйца. Размер ран соответствует

¹⁶ Кинки-Клоун – герой одноименной песни группы «Ogden Edsl», созданной в 1970 г.

¹⁷ Кеннеди, Хуберт – американский математик и активный пропагандист гомосексуализма.

лезвию ножа Гартон. Меллону сломали четыре ребра – это сделал Дюбей своим медвежьим объятьем. Его покусали, все так. Укусы обнаружены на руках, левой щеке, шее. Я думаю, это работа Ануина и Гартон, хотя мы четко идентифицировали только один укус, и недостаточно четко, чтобы выходить с ним в суд. И действительно, из правой подмышки вырван большой кусок мяса, но что с того? Один из этой троицы любил кусаться. Возможно, у него возник крепкий стояк, когда он это делал. Я готов спорить, что это Гартон, хотя доказать мы ничего не сможем. И Меллон лишился мочки уха. – Баутильер замолчал, сверля взглядом Гарольда. – Если в эту историю просочится клоун, мы никогда не сможем добиться для них обвинительного приговора. Ты этого хочешь?

– Нет, я же сказал.

– Этот парень, конечно, был гомиком, но он никому ничего дурного не делал, – продолжил Баутильер. – И тут, бац! – появляются эти три говнюка в саперных сапогах и лишают его жизни. Я собираюсь отправить их в тюрьму, и если услышу, что в Томастоне их трахнули в жопу, то пошлю им открытки, выразив надежду, что у того, кто это сделал, был СПИД.

«Очень уж праведный у тебя гнев, – подумал Гарденер. – И этот обвинительный приговор будет прекрасно смотреться в твоём послужном списке, когда двумя годами позже ты захочешь баллотироваться на более высокий пост».

Но он ушел, больше ничего не сказав, потому что тоже хотел, чтобы их посадили.

18

Джона Уэббера Гартон признали виновным в убийстве по предварительномуговору и назначили наказание от десяти до двадцати лет лишения свободы с отбыванием в Томастонской тюрьме штата.

Стивена Бишоффа Дюбея признали виновным в убийстве по предварительномуговору и приговорили к пятнадцати годам лишения свободы с отбыванием в Шоушенкской тюрьме штата.

Кристофера Филиппа Ануина судили отдельно как несовершеннолетнего и признали виновным в убийстве без отягчающих обстоятельств. Его приговорили к шести месяцам лишения свободы в исправительной колонии для подростков в Саут-Уиндэме условно.

На все три приговора были поданы апелляции, а потому, когда писалась эта книга, Гартон и Дюбей едва ли не каждый день появлялись в Бэсси-парк, глазели на девушек или играли в «Брось монетку»¹⁸, не так уж и далеко от того места, где нашли изуродованное тело Адриана Меллона, качающееся на воде у одной из опор Моста Главной улицы.

Дон Хагарт и Крис Ануин уехали из города.

На судебном процессе (речь о Гартоне и Дюбее) никто не упомянул про клоуна.

¹⁸ «Брось монетку» – игра состоит в том, чтобы с определенного расстояния попасть центом в отверстие, вырезанное в скамье. Запечатлена в начальных кадрах фильма «Пурпурная роза Каира» (1985 г.).

Глава 3

Шесть телефонных звонков (1985 г.)

1

Стэнли Урис принимает ванну

Как потом говорила Патришия Урис матери, ей следовало понять: что-то не так. Следовало понять, потому что Стэнли Урис никогда не принимал ванну ранним вечером. Он принимал душ каждое утро и иногда любил полежать в ванне поздним вечером (с журналом в одной руке и банкой холодного пива – в другой), но ванна в семь вечера... совсем не в его манере.

И еще эта история с книгами. Ему бы порадоваться. А вместо этого, она не понимала почему, он вроде бы расстроился и выглядел подавленным. За три месяца до того ужасного вечера Стэнли узнал, что его друг детства стал писателем... не настоящим писателем, объяснила Патришия своей матери, а романистом. Автором книг значился Уильям Денбро, но Стэнли иногда называл его Заика Билл. Он прочитал практически все книги Денбро, если на то пошло, читал последнюю в тот вечер, когда принимал роковую ванну, – вечер 28 мая 1985 года. Патти сама как-то взяла одну из ранних книг Денбро, из любопытства, но отложила, осилив только три главы.

Это был не просто роман, как она позже скажет матери, это была страхкнига. Так она это произнесла, одним словом, как произносила секскнига. Милая и добрая женщина, Патти не умела четко и ясно выразить свои мысли... ей так много хотелось рассказать матери об этой книге... как она ее напугала, почему расстроила, но не получилось. «В ней полным-полно чудовищ, полным-полно чудовищ, преследующих маленьких детей. Еще и убийства, и... я не знаю... много плохого и боли, все такое (надо сказать, книга показалась ей почти что порнографической; это слово ускользало от нее, потому что в реальной жизни она ни разу его не произнесла, хотя и знала, что оно означает). Но Стэн заново открыл для себя одного из друзей детства... Говорил, что напишет ему, но я знала, что он этого не сделает... Я знала, что от этих книг ему тоже становится не по себе... и... и... и...»

Тут Патти Урис начала плакать.

В тот вечер (по прошествии примерно двадцати семи с половиной лет с того дня в 1957 году, когда Джордж Денбро встретил клоуна Пеннивайза) Стэнли и Патти сидели в маленькой гостиной их дома в пригороде Атланты. Работал телевизор. Пенни удобно устроилась в кресле на двоих, деля внимание между вязанием и любимой телевикториной «Семьи-соперники»¹⁹. Она просто обожала Ричарда Доусона и думала, что цепочка карманных часов, с которой он всегда появлялся, ужасно сексуальна, хотя никто и никогда не вырвал бы у нее такого признания. Нравилось ей и шоу, потому что она практически всегда угадывала самый популярный ответ (в «Семьях-соперниках» правильных ответов не было – только самые популярные). Однажды она спросила Стэна, почему вопросы, которые ей представлялись такими легкими, обычно вызывали массу проблем у семей, участвующих в шоу. «Возможно, дело в том, что все делается сложнее, когда ты под этими прожекторами, – ответил Стэнли, и ей показалось, что по его лицу пробежала тень. – Все гораздо труднее, когда ты у всех на виду. Вот когда у тебя перехватывает дыхание. Когда все взаправду».

¹⁹ «Семьи-соперники» – российский аналог «Сто к одному».

Скорее всего так оно и было, решила она. Стэну иногда удавалось так глубоко проникнуть в сущность человеческой природы. Гораздо глубже, полагала она, чем его давнему другу Уильяму Денбро. Тот разбогател, издав несколько страхкниг, цеплявших людские инстинкты.

Не то чтобы у Урисов дела шли плохо. Жили они в прекрасном пригороде. Дом, купленный в 1979 году за 87 тысяч долларов, теперь могли быстро и без проблем продать за 165 тысяч. Нет, она не собиралась этого делать, но приятно осознавать, что за те годы, что они здесь живут, дом заметно подорожал. Иногда, возвращаясь на своем «вольво» из торгового центра «Фокс Ран» (Стэнли ездил на «мерседесе» с дизельным двигателем – подшучивая над мужем, она называла автомобиль седанли) и видя свой дом, величественно возвышающийся за низкой тисовой изгородью, она думала: «И кто здесь живет? Ой, так это я живу! Здесь живет миссис Стэнли Урис!» Но мысль эта была не только счастливой полностью – к ней подмешивалась такая неистовая гордость, что порой Патти начинало мутить. Когда-то давно, видите ли, жила-была одинокая восемнадцатилетняя девушка, Патришия Блум, и ее не пустили на вечеринку по случаю окончания школы, которая проводилась в загородном клубе под Глойнтоном, штат Нью-Йорк, где она жила и училась. Не пустили Патти на вечеринку, само собой, потому, что ее фамилия рифмовалась со словом плюм²⁰. Произошло это с ней, костлявой маленькой жидовской сливой, в 1967 году, и такая дискриминация, понятное дело, нарушала закон (ха-ха-ха-ха), а кроме того, все это былем поросло. Да только для какой-то ее части не поросло. Какой-то части Патти предстояло до конца дней возвращаться к автомобилю рядом с Майклом Розенблаттом, слушая, как хрустит гравий под ее туфельками на высоких каблуках и его взятыми напрокат черными ботинками, возвращаться к автомобилю его отца, который Майкл одолжил на вечер и полировал всю вторую половину дня. Какой-то ее части предстояло всегда идти рядом с Майклом, одетым в белый, взятый напрокат смокинг... и как он сверкал в ту теплую весеннюю ночь! Сама она пришла на вечеринку в светло-зеленом вечернем платье, и мать заявила, что в нем она выглядит, как русалка, и сама идея жидовки-русалки весьма забавна, ха-ха-ха-ха. Они возвращались к автомобилю, высоко подняв головы, и она не плакала (тогда – не плакала), но понимала, что они не возвращаются, нет, конечно, не возвращались. Что они делали на самом деле, так это линяли (бежали, то бишь), что рифмуется с воняли. Никогда в жизни они так остро не ощущали своего еврейства, чувствуя себя ростовщиками, пассажирами вагонов для скота, чувствуя себя пархатыми, длинноносыми, с болезненной, желтоватой кожей; чувствуя себя презренными жидами. Им хотелось злиться, но злиться они не могли. Злость пришла позже, когда уже не имела значения. В тот момент она могла ощущать только стыд, только душевную боль. А потом кто-то засмеялся. Громкий, пронзительный, звенящий, смех этот напоминал последние аккорды бравурной пьесы для фортепьяно, и в машине она смогла зарыдать, ох, будьте уверены, эта жидовка-русалка, чья фамилия рифмовалась со словом «плюм», рыдала, как безумная. Майк Розенблатт неуклюже обнял ее за шею, чтобы успокоить, но она вывернулась из-под его руки, чувствуя себя пристыженной, чувствуя себя грязной, чувствуя себя еврейкой.

Дом, такой красивый, возвышающийся за вечнозелеными изгородями, поднимал настроение, но не до конца. Боль и стыд оставались, и даже тот факт, что их считали своими в этом спокойном, благополучном районе, не мог заглушить скрипа гравия под их обувью на той бесконечной прогулке. Не заглушало этого скрипа и членство в загородном клубе, где метрдотель всегда уважительно приветствовал их: «Добрый вечер, мистер и миссис Урис». Возвращаясь, она не выходила из машины, ссутулившись над рулем «вольво» модели 1984 года, смотрела на свой дом, окруженный огромной зеленой лужайкой, и часто (даже слишком часто) думала о том пронзительном смехе. И надеялась, что девушка, которая тогда так пронзительно смеялась, теперь живет в паршивом дощатом домишке, с мужем-гоем, который поколачивает ее,

²⁰ От английского plum (слива), Blum-plum.

что она трижды беременела и всякий раз все заканчивалось выкидышем, что муж изменял ей с женщинами, которые болели чем-то венерическим, что у нее смещены позвоночные диски, распухают суставы, а грязный смеющийся язык покрывают язвы.

Она ненавидела себя за такие мысли, за такие немилосердные мысли, и обещала, что и сама станет лучше, перестанет пить постылые горькие коктейли. Проходили месяцы, и подобные мысли не заглядывали ей в голову. Она уже думала: может, все наконец-то осталось в прошлом. Я больше не восемнадцатилетняя девушка. Я – женщина тридцати шести лет. От девушки, которая слышала бесконечный скрип гравия под ногами, от девушки, которая выскользнула из-под руки Майка Розенблатта, когда тот пытался обнять ее, чтобы успокоить, потому что это была еврейская рука, Патти отделило полжизни. Эта глупая маленькая русалка мертва. Теперь я могу забыть ее и быть самой собой. Ладно. Хорошо. Отлично. А потом где-то, когда-то, скажем, в супермаркете, она внезапно слышала тот самый пронзительный смех, доносящийся из соседнего прохода, и по спине ее бежали мурашки, соски затвердевали до боли, руки сжимали ручку тележки или сцеплялись в замок, и она думала: кто-то только-только сказал кому-то, что я – еврейка, что я – всего лишь большеносая пархатая жидовка, что Стэнли – тоже большеносый пархатый жид. Он – бухгалтер, а евреи, само собой, сильны в математике, и мы приняли их в загородный клуб, нам пришлось, потому что в 1981 году большеносый жидовский гинеколог подал иск и выиграл процесс, но мы смеемся над ними, мы смеемся, смеемся и смеемся. Или она просто слышала воображаемый скрип гравия и думала: «Русалка! Русалка!»

А потом ненависть и стыд, возвращаясь, накатывали лавиной, как боль при мигрени, и она боялась не только за себя, но за все человечество. Обратни. В той книге Денбро (которую она пыталась читать, но отложила) рассказывалось об оборотнях. Обратни, такая хрень. Да что этот человек мог знать об оборотнях?

Но большую часть времени она не пребывала в таком отвратительном настроении... не пребывала. Она любила своего мужа, любила свой дом, и обычно могла любить жизнь и себя. Все шло хорошо. Так было, разумеется, не всегда – всегда хорошо не бывает, так ведь? Когда она приняла обручальное кольцо Стэнли, ее родители разозлились и опечалились. Они познакомились на вечеринке женского клуба. Он перевелся в ее институт из университета Нью-Йорка, где учился на полученную от государства стипендию. Их познакомила общая подруга, а к концу вечера Патти уже подозревала, что любит его. К каникулам она в этом больше не сомневалась. Весной Стэнли предложил ей маленькое бриллиантовое колечко с продетой сквозь него маргариткой, и она его приняла.

В конце концов, несмотря на сомнения, родители согласились с ее выбором. Ничего другого сделать они и не могли, хотя очень скоро Стэнли Урису предстояло отправиться в вольное плавание по волнам рыночной экономики, которые кишели молодыми бухгалтерами. Причем в этом плавании он не мог опереться на семейные финансы, и их единственная дочь становилась заложницей его успеха. Патти уже исполнилось двадцать два, она стала женщиной, и в самом скором времени ей предстояло стать бакалавром гуманитарных наук.

– Мне придется содержать этого чертова очкарика до конца моей жизни, – услышала как-то вечером Патти гневную тираду отца. Ее родители ходили куда-то на обед, и отец выпил лишнего.

– Ш-ш-ш, она тебя услышит, – донесся до нее голос Рут Блюм.

Патти, возненавидевшая их обоих, лежала без сна далеко за полночь, с сухими глазами, ее попеременно бросало то в жар, то в холод. Два последующих года она пыталась избавиться от этой ненависти; ненависти в ней и без того хватало. Иногда, глядя в зеркало, она видела, что эта ненависть делает с ее лицом, какие рисует на нем морщины. Эту битву она выиграла. Ей помог Стэнли.

Его родителей тоже тревожила их свадьба. Они, разумеется, не верили, что Стэнли суждено жить в нищете, но думали, что «дети слишком торопятся». Дональд Урис и Андреа Бертоли сами поженились, когда им было чуть больше двадцати, но как-то забыли об этом.

Только Стэнли демонстрировал уверенность в себе, уверенность в своем будущем, его ни в коей мере не тревожили трудности, которые, по словам родителей, грозили «детям». И в конце концов оправдалась его уверенность, а не их страхи. В июле 1972 года, едва на дипломе Патти просохли чернила, она уже нашла себе работу преподавателя стенографии и делового английского в Трейноре, маленьком городке в сорока милях южнее Атланты. Когда она думала о том, как получила эту работу, выходило, что без помощи сверхъестественных сил тут не обошлось. Она составила себе список из сорока вакансий, собранных по журналам для учителей, потом написала сорок писем за пять вечеров (по восемь за вечер) со своим резюме и с просьбой прислать более подробную информацию о работе. Получила двадцать два ответа, что место уже занято. В некоторых более развернутое изложение требований показало, что для нее эта работа не подходит: она только потеряет свое и чужое время. В итоге осталось двенадцать вакансий. И каждая выглядела не лучше и не хуже другой. Стэнли подошел, когда она смотрела на них и гадала, как ей удастся заполнить двенадцать заявлений о приеме на работу и не рехнуться. Он глянул на ворох бумаг у нее на столе, а потом постучал пальцем по письму директора Трейнорской школы, которое выглядело для нее точно таким же, как и все остальные.

– Вот оно.

Патти подняла на него глаза, изумленная определенностью, которая слышалась в его голосе.

– Ты знаешь о Джорджии что-то такое, чего не знаю я?

– Нет. Побывал там только раз, да и то в кино.

Она смотрела на него, изогнув бровь.

– «Унесенные ветром». Вивьен Ли. Кларк Гейбл. «Я подумаю об этом за-автра, потому что за-автра будет другой день». Я говорю, как будто родом с Юга, Патти?

– Да. Из Южного Бронкса. Если ты ничего не знаешь о Джорджии и никогда там не был, каким образом...

– Потому что все сложится.

– Ты не можешь этого знать, Стэнли.

– Конечно же, могу, – возразил он. – Знаю. – Глядя на него, Патти видела, что он не шутит. Его глаза потемнели, словно смотрел он в себя, консультируясь с каким-то внутренним механизмом, который щелкал и постукивал, то есть работал как положено, да только принцип действия этого механизма Стэнли понимал не больше, чем обычный человек понимает, как работают его наручные часы.

– Черепашка не мог нам помочь, – внезапно сказал он. Четко и ясно. Она его слышала. Этот взгляд вовнутрь, это удивленное недоумение по-прежнему отражалось на его лице, и ее это напугало.

– Стэнли? О чем ты? Стэнли?

Он дернулся. Она ела персики, просматривая заявления, и его рука задела блюдо. Оно упало на пол и разбилось. Его взгляд прояснился.

– Ох, черт! Извини.

– Все нормально. Стэнли... что ты такое говорил?

– Я забыл, – ответил он. – Но думаю, мы должны серьезно рассмотреть Джорджию, любовь моя.

– Но...

– Доверься мне, – оборвал он ее, и Патти доверилась.

Ее собеседование прошло блестяще. Она знала, что получила эту работу, когда садилась в поезд, чтобы вернуться в Нью-Йорк. Заведующему кафедры бизнеса она сразу понравилась,

как и он ей. Все получилось как нельзя лучше. Письмо с подтверждением пришло неделей позже. Трейнорская объединенная школа предлагала ей 9 200 долларов в год и контракт на испытательный срок.

– Тебе придется голодать, – предрек Герберт Блюм дочери, когда она сказала, что собирается согласиться на эти условия. – И тебе придется голодать на жаре.

– Фигушки, Скарлетт, – улыбнулся Стэнли, когда она передала ему слова отца. Она была в ярости, чуть не плакала, но тут начала смеяться, и Стэнли заключил ее в объятия.

Жара их донимала, но от голода они не страдали. Они поженились 19 августа 1972 года. Патти Блюм пришла к первой брачной ночи девственницей. И когда обнаженной скользнула под прохладную простыню в курортном отеле Поконоса, в голове у нее бушевала гроза – молнии желания и страсти били из черных облаков страха. Стэнли присоединился к ней, с твердым, как дубинка, пенисом, торчащим из рыжеватых лобковых волос, и она прошептала: «Не сделай мне больно, дорогой».

– Я никогда не причиню тебе боль, – ответил он, обнимая ее, и сдерживал свое обещание до 28 мая 1985 года – когда ранним вечером принял ванну.

С преподаванием у нее сразу все пошло хорошо. Стэнли нашел работу – устроился водителем грузовика в пекарню, получая сто долларов в неделю. В ноябре того же года, когда открылся торговый центр «Трейнор Флетс», он перешел туда, в отделение «Эйч-энд-Ар Блок»²¹, уже на сто пятьдесят долларов в неделю. На пару их годовой доход составил 17 тысяч долларов, для них – королевское состояние, поскольку в те времена бензин стоил тридцать пять центов за галлон, а батон белого хлеба – на десять центов дешевле. В марте 1973 года, без шума и фанфар Патти перестала принимать противозачаточные таблетки.

В 1975 году Стэнли ушел из «Эйч-энд-Ар Блок» и открыл собственную фирму. Их родители сошлись на том, что решение это глупое. Не то чтобы Стэнли не следовало открывать собственную фирму, ни боже мой, никто не говорил, что ему не следовало открывать собственную фирму! Но он сделал это слишком рано, с этим соглашались все четверо, и на Патти ложилась слишком большая финансовая нагрузка. «По крайней мере, пока этот сосунок не обрюхатит ее, – как-то вечером после обильных возлияний сказал Герберт Блюм своему брату на кухне, – а потом, вероятно, мне придется содержать их». Старшие Блюмы и Урисы достигли консенсуса в том, что человеку нельзя думать о собственном бизнесе, пока он не войдет в возраст зрелости и рассудительности, дожив, скажем, до семидесяти восьми лет.

И вновь Стэнли проявил сверхъестественную уверенность в себе. Да, он был молод, умен, умел находить общий язык с людьми. Да, он завел полезные знакомства, работая в «Эйч-энд-Ар Блок». Все это воспринималось как само собой разумеющееся. Но он не мог знать, что компания «Корридор видео», пионер в только нарождающемся рынке видеокассет, собралась обосноваться на огромном участке свободных земель, расположенном в каких-то десяти милях от пригорода, куда Урисы переехали в 1979 году, не мог знать, что «Корридор» потребуется независимое маркетинговое исследование менее чем через год после того, как компания обосновалась в Трейноре. Но даже если Стэнли каким-то образом получил эти сведения, он не мог знать наверняка, что они отдадут свой заказ молодому очкастому еврею, который к тому же был и чертов янки – еврею, с лица которого не сходила улыбка, которого отличала пружинистая походка, который в свободное от работы время носил клешенные джинсы и на лице которого оставались следы юношеских угрей. И однако они отдали ему. Отдали. И Стэн, казалось, знал об этом с самого начала.

Выполнение заказа «КВ» привело к тому, что ему предложили перейти в компанию на начальный оклад 30 тысяч долларов в год.

²¹ «Эйч-энд-Ар Блок» – компания, занимающаяся подготовкой налоговых деклараций.

– И это действительно только начало, – в тот же вечер, в постели, поделился Стэнли с Патти. – Они будут расти, как кукуруза в августе, милая моя. Если никто не взорвет мир в ближайшие десять лет, встанут в один ряд с «Кодак», «Сони» и «Эр-си-эй».

– И что ты собираешься делать? – спросила Патти, уже зная ответ.

– Я собираюсь сказать им, что с ними приятно иметь дело, – ответил он, и рассмеялся, и притянул ее к себе, и поцеловал. Через какое-то время вошел в нее, и последовали оргазмы... первый, второй, третий, как яркие ракеты, взрывающиеся в ночное небо... но не ребенок.

По работе в «Корridor видео» ему приходилось контактировать с самыми богатыми и влиятельными людьми Атланты, и Урисы, к собственному изумлению, обнаружили, что большинство из них вполне достойные люди. С таким благорасположением, добротой и открытостью на Севере им сталкиваться практически не приходилось. Патти помнила, как Стэнли однажды написал отцу и матери: «Самые богатые люди Америки живут в Атланте, штат Джорджия. Я собираюсь помочь некоторым из них стать еще богаче, и они собираются помочь мне стать богаче, и никто не будет мне хозяином, кроме моей жены Патришии, а поскольку я и так принадлежу ей, то полагаю, это хорошо».

К тому времени, когда они уехали из Трейнора, Стэнли акционировал свою компанию, и под его началом работали шесть человек. В 1983 году по уровню дохода они ступили на незнакомую территорию – территорию, о которой до Патти доходили только смутные слухи. То была сказочная земля ШЕСТИЗНАЧНЫХ СУММ. И произошло это с той же легкостью, с какой в субботнее утро надевается пара кроссовок. Иногда ее это пугало. Однажды она даже позволила себе пошутить насчет сделки с дьяволом. Стэнли так смеялся, что чуть не задохнулся, но она не видела в этом ничего смешного, и полагала, что тут не до смеха.

Черепашка не мог нам помочь.

Иногда, без всякой на то причины, Патти просыпалась с этой мыслью, которая застревала в голове, как последний фрагмент в остальном забытого сна, и поворачивалась к Стэнли, чтобы коснуться его, убедиться, что он по-прежнему здесь, рядом.

Это была хорошая жизнь – никакого безудержного пьянства, секса на стороне, наркотиков, скуки и жарких споров о том, что делать дальше. Омрачало все только одно облачко. О наличии этого облачка первой упомянула ее мать. И если подумать, не приходилось сомневаться, что только ее мать могла указать на это первой. Упоминание появилось в форме вопроса в одном из писем Рут Блюм. Она писала Патти раз в неделю, и то самое письмо пришло ранней осенью 1979 года. Пришло со старого трейнорского адреса, и Патти читала его в гостиной их нового дома, окруженная картонными коробками из-под вина, из которых вываливались вещи, чувствуя себя одинокой, изгнанной, лишенной корней и всех прав.

В принципе, письмо это не отличалось от обычного письма Рут Блюм из дома: четыре плотно исписанные странички с шапкой на каждой «ПРОСТО НЕСКОЛЬКО СТРОК ОТ РУТ». Ее почерк тянул на нечитаемый, и Стэнли однажды пожаловался, что не может разобрать ни слова. «А тебе оно надо?» – отреагировала Патти.

Письмо переполняли фирменные мамини новости: Рут Блюм захватывала широкий круг родственников во всех их взаимоотношениях. Многие из тех, о ком писала мать, начинали выцветать в памяти Патти, как случается с фотографиями старого альбома, но для Рут все они оставались четкими и яркими. Забота об их здоровье и интерес к их разнообразным делам не ослабевали, и ее прогнозы всегда оставались мрачными. У отца Патти по-прежнему слишком часто болел живот. Он утверждал, что это всего лишь несварение желудка, а мысль о том, что у него может быть язва, писала Рут, пришла бы ему в голову лишь после того, как он начал бы харкать кровью, а может, не пришла бы и тогда. Ты знаешь своего отца, дорогая – он работает как вол, но иногда и думает, как вол, прости, Господи, за такие слова. Рэнди Харленген перевязала себе трубы, из ее яичников вырезали кисты, большие, как мячи для гольфа, ничего

злокачественного, слава богу, но двадцать семь кист, можешь себе такое представить! Это все нью-йоркская вода, она в этом не сомневалась... да, конечно, и загрязненный воздух, но Рут полагала, что все беды со здоровьем от плохой воды. С ней в организм человека попадало черт знает что. Рут сомневалась, знала ли Патти, как часто она благодарила Бога за то, что «вы, дети», живете в сельской местности, где воздух и вода (но особенно вода) чище и полезнее (Рут весь Юг, включая Атланту и Бирмингем, представлялся сельской местностью). Тетя Маргарет вновь судилась с энергетической компанией. Стела Фланагэн опять вышла замуж, некоторых людей ничего не учит, даже собственный опыт. Ричи Хубера снова уволили.

И в середине этой болтовни (зачастую язвительной), льющейся как из ведра, посреди абзаца, никак не связав ни с тем, что предшествовало, ни с тем, что следовало, Рут небрежно задала Ужасный Вопрос: «Так когда же вы со Стэном сделаете нас бабушкой и дедушкой? Мы уже готовы начать баловать внука (или внучку). И, на случай, если ты этого не заметила, Патти, мы не молодеем». Далее она написала, что дочь Бракнеров, которые жили по соседству, отправили домой из школы, потому что она пришла без бюстгальтера и в просвечивающей блузке.

В минорном настроении, тоскуя по старому дому в Трейноре, чувствуя неуверенность в сегодняшнем дне и боясь того, что ждет впереди, Патти пошла в ту комнату, которой предстояло стать их спальней, и легла на матрац. Пружинный каркас кровати еще стоял в гараже, и матрац, лежащий на голом, не застеленном ковром полу, казался артефактом, выброшенным на незнакомый песчаный берег. Она положила голову на руки и проплакала целых двадцать минут. Она чувствовала, что слезы все равно придут. Письмо матери лишь приблизило их появление, точно так же, как пыль, попавшая в нос, провоцирует чихание.

Стэнли хотел детей. Она хотела детей. Их мнения по этому вопросу полностью совпали. Как, впрочем, и во многом другом, большом и малом: они восхищались фильмами Вуди Аллена, считали, что необходимо более или менее регулярно посещать синагогу, голосовали за одну партию, не жаловали марихуану... В их доме в Трейноре одну свободную комнату они разделили пополам. В левой половине Стэнли поставил стол для работы дома и кресло для чтения. В правой стояли швейная машинка и карточный столик, на котором Патти складывала паззлы. Насчет этой комнаты у них существовала договоренность, такая нерушимая, что они редко упоминали о ней. Точно так же, как не говорили о том, что у них есть носы и они носят обручальные кольца. Когда-нибудь эту комнату они передадут Энди или Дженни. Но где ребенок? Швейная машинка, корзины с материей, карточный столик и письменный стол, кресло для чтения оставались на своих местах, с каждым месяцем укрепляя свои позиции, настаивая на законности своего присутствия в этой комнате. Так она думала, хотя до конца мысль эта у нее так и не оформилась, совсем как слово «порнографическая». Эту мысль она не могла окончательно облечь в слова. Но она помнила, как однажды, когда пришли месячные, сдвинула дверцу шкафчика под мойкой, чтобы взять гигиеническую прокладку. Помнила, как посмотрела на упаковку прокладок «Стейфри» и подумала, что упаковка выглядит очень уж самодовольной, будто говорит: «Привет, Патти! Мы твои дети. Мы единственные дети, которые будут у тебя, и мы голодны. Покорми нас. Покорми нас своей кровью».

В 1976-м, через три года после того, как она выбросила противозачаточные таблетки, они поехали в Атланту, к доктору Харкавею.

– Мы хотим знать, что не так, – сказал Стэнли, – и мы хотим знать, если ли у нас возможность что-то с этим сделать.

Они сдали все анализы. Выяснилось, что сперматозоиды Стэнли подвижны, яйцеклетки Патти способны к оплодотворению, все каналы, которым положено быть открытыми, – открыты.

Харкавей, который не носил обручального кольца, а радостным и розовощеким лицом более всего напоминал студента-дипломника, только что вернувшегося с каникул, проведен-

ных на горнолыжных склонах в Колорадо, сказал им, что причина, возможно, в нервах. Сказал им, что такая проблема встречается у многих. Сказал, что, возможно, в таких случаях, которые сродни физической импотенции, потребуется психологическая коррекция – чем больше ты хочешь, тем меньше у тебя получается. Они должны расслабиться. Они должны, если смогут, во время секса полностью забыть о продолжении рода.

Всю дорогу домой Стэн сидел мрачным. Патти спросила почему.

– Я никогда этого не делаю.

– Чего не делаешь?

– Не думаю о продолжении рода в процессе.

Она начала смеяться, хотя за секунду до этого ощущала одиночество и испуг. А той же ночью, в постели, когда она не сомневалась, что Стэнли давно уже спит, он испугал ее, заговорив из темноты. Голос звучал ровно, но чувствовалось, что он давится сле зами.

– Дело во мне. Это моя вина.

Она подкатилась к нему, нащупала, обняла.

– Не говори глупостей.

Но ее сердце билось часто, слишком часто. И причина заключалась не в том, что он напугал ее, внезапно заговорив. Он словно заглянул в ее мысли и прочитал тайный приговор, который она вынесла и хранила там, сама того не зная до этой минуты. Без всякого повода, без всякой на то причины, она почувствовала (она знала), что он прав. Что-то было не так, и не с ней. С ним. В нем.

– Не будь дураком, – яростно прошептала Патти в его плечо. Он чуть вспотел, и она вдруг осознала, что он боится. Страх шел от него холодными волнами. Она словно лежала голой не рядом с мужем, а перед открытым холодильником.

– Я не дурак, и не говорю глупостей, – ответил он тем же голосом, ровным и одновременно переполненным эмоциями. – Ты это знаешь. Причина во мне. Но я не знаю, какая именно.

– Ты не можешь этого знать. – Голос ее звучал строго и сердито – как голос ее матери, когда та чего-то боялась. И пусть Патти отчитывала мужа, по телу ее пробежала дрожь, оно дернулось, как от удара хлыста. Стэнли это почувствовал и еще крепче обнял ее.

– Иногда, иногда я знаю почему. Иногда мне снится сон, дурной сон, я просыпаюсь и думаю: «Теперь я знаю. Я знаю, что неправильно». Я не про то, что ты не можешь забеременеть – про все. Все, что неправильно в моей жизни.

– Стэнли, в твоей жизни нет ничего неправильного!

– Я не говорю про внутренний мир, – ответил он. – Внутри все чудесно. Я о том, что снаружи. Что-то должно закончиться, и этого нет. Я просыпаюсь от этих снов и думаю: «Моя прекрасная жизнь – всего лишь глаз какого-то тайфуна, которого я не понимаю». Я боюсь. А потом все это... тает. Как и все сны.

Патти знала, что иногда его мучили кошмары. Пять или шесть раз она просыпалась от того, что он стонал и метался. Вероятно, это случалось, и когда она не просыпалась. Если она тянулась к нему, спрашивала, что ему приснилось, он говорил одно и то же: «Не могу вспомнить». Потом на ощупь искал на прикроватном столике сигареты и курил, сидя в постели, пока остатки кошмара не уйдут сквозь поры, как пот.

Зачать ребенка они так и не могли. Вечером 28 мая 1985 года (в тот самый вечер, когда он решил принять ванну) их родители все еще ждали, когда же они станут бабушками и дедушками. Свободная комната оставалась свободной. Прокладки «Стейфри макси» и «Стейфри мини» все так же лежали на привычных местах в шкафчике под раковиной в ванной. Месячные приходили в положенный день. Ее мать, занятая главным образом своими делами, но не забывшая полностью о больной для дочери теме, перестала задавать этот вопрос как в своих письмах, так и в те дни, когда Патти и Стэнли бывали в Нью-Йорке (они приезжали туда два-

жды в год). Смолкли и шуточные вопросы о том, принимают ли они витамин Е. Стэнли тоже больше не говорил про детей, но иногда, когда он не знал, что она на него смотрит, Патти видела тень на его лице. Какую-то тень. Словно он отчаянно пытается что-то вспомнить.

Если не считать этого единственного облачка, жили они без особых забот и тревог до того момента, как вечером 28 мая, аккуратно во время программы «Семьи-соперники», зазвонил телефон. Рядом с Патти лежали шесть рубашек Стэна, две ее блузки, нитки-иголки, стояла коробочка с пуговицами. Стэн держал в руках новый роман Уильяма Денбро, еще не вышедший в карманном формате. На лицевой стороне суперобложки скалилось какое-то чудовище. Заднюю сторону занимала фотография лысого мужчины в очках.

Стэн сидел ближе к телефону. Снял трубку.

– Алло... резиденция Урисов.

Выслушал ответ и нахмурил брови.

– Кто, ты говоришь?

На мгновение Патти охватил страх. Позднее стыд заставил ее солгать и сказать родителям: она поняла, что что-то не так, едва зазвонил телефон. На самом деле это было всего мгновение, на которое она оторвалась от шитья. Но, возможно, она говорила правду. Возможно, они оба знали, что что-то грядет, задолго до этого телефонного звонка, – что-то, никак не соответствующее уютному дому, красиво возвышающемуся за низкими, вечнозелеными изгородями, что-то, давно принятое как само собой разумеющееся, а потому специального объявления и не требовалось... этого острого мгновения страха, похожего на быстрый укол ножом для колки льда, вполне хватило.

«Это мама?» – беззвучно спросила она в этот момент, думая, что, возможно, у ее отца, весящего на двадцать фунтов больше нормы и с давних пор страдающего, как он говорил «болями в животе», случился инфаркт.

Стэн покачал головой, а потом улыбнулся тому, что услышал в трубке.

– Ты... ты! Черт, будь я проклят! Майк! Как ты...

Он снова замолчал, слушая. Улыбка блекла, ее сменяло выражение, которое Патти узнала, или подумала, что узнала, аналитическое выражение, появляющееся на лице Стэна, если кто-то формулировал задачу, или объяснял внезапное изменение в текущей ситуации, или рассказывал что-то странное и интересное. Она предположила, что это как раз последнее. Новый клиент? Давний друг? Возможно. И она вновь переключилась на телевизор, на экране которого женщина обнимала Ричарда Доусона и страстно его целовала. Она подумала, что Ричарда Доусона целовали даже чаще, чем Камень красноречия²². А еще она подумала, что и сама не отказалась бы его поцеловать.

И начав искать подходящую к остальным черную пуговицу на синюю джинсовую рубашку Стэна, Патти отметила для себя, что телефонный разговор перешел в более спокойное русло. Стэнли время от времени что-то бурчал, и тут вдруг спросил: «Ты уверен, Майк?» Наконец после долгой паузы Патти услышала: «Хорошо, я понимаю. Да, я... Да. Да, все. Общую картину я себе представляю. Я... что?.. Нет, я не могу обещать это на сто процентов, но тщательно все обдумаю. Ты знаешь, что... ох?.. Ты серьезно?.. Да, будь уверен! Разумеется, я сделаю. Да... точно... спасибо... да. Пока». Он положил трубку.

Патти повернулась к нему и увидела, что он уставился в пространство над телевизором. На экране аудитория хлопала семье Райан, которая только что увеличила свой запас очков до двухсот восьмидесяти. Последние очки они получили, правильно предположив, что на вопрос: «Какой предмет ребенок больше всего ненавидит в школе» – большинство в зрительном зале ответит «математика». Райаны прыгали, обнимались, радостно кричали. Стэнли, однако, хму-

²² Камень красноречия (камень Бларни) – блок синего камня, встроенный в фундамент замка Бларни в Ирландии, и, как гласит легенда, тот, кто поцелует камень, обретет дар красноречия, а также получит успех у женщин и в обществе вообще.

рился. Потом она скажет своим родителям, что лицо Стэнли, как ей показалось, чуть побледнело (и ей действительно так показалось), не упомянув, что в тот момент списала все на настольную лампу с зеленым абажуром.

– Кто звонил, Стэн?

– Гм-м-м-м? – Он повернулся к ней. Она подумала, что на его лице читается легкая рассеянность с толикой раздражения. И только потом, вновь и вновь прокручивая в голове эту сцену, Патти начала склоняться к тому, что смотрела в лицо человека, который методично отключает себя от реальности, проводок за проводком. Лицо человека, который уходит из-под синева в темноту.

– Кто тебе звонил?

– Никто, – ответил он. – Правда никто. Пойду приму ванну. – Он поднялся.

– Что? В семь вечера?

Он не ответил, просто вышел из комнаты. Она могла бы спросить его, что случилось, могла даже пойти за ним и спросить, не разболелся ли у него живот – он не стеснялся говорить о сексе, зато с другими физиологическими процессами было иначе, и он мог сказать, что идет принимать ванну, тогда как на самом деле у него внезапно расстроился желудок и возникла насущная необходимость справить большую нужду. Но на экране представляли новую семью, Пискапо, и Патти нутром чуяла, что Ричард Доусон найдет что-то забавное, чтобы обыграть эту фамилию, а кроме того, ей никак не удавалось найти подходящую черную пуговицу, хотя она знала, что в коробке их тьма тьмушая. Разумеется, они прятались – другого объяснения она найти не могла...

Поэтому она позволила Стэну уйти и не думала о нем, пока по экрану не побежали титры. Тогда подняла голову и увидела его пустое кресло. Она слышала, как наверху потекла вода, наполняя ванну, слышала, как перестала течь через пять или десять минут... но теперь до нее дошло, что она не слышала, как открылась и закрылась дверца холодильника, то есть он поднялся вверх без банки пива. Кто-то ему позвонил и осчастливил серьезной проблемой, а она предложила ему хоть единственное слово сочувствия? Нет. Попыталась разговорить, чтобы он поделился с ней? Нет. Даже заметив, что что-то не так? И в третий раз – нет. Все из-за этого дурацкого телешоу. Она даже не могла винить пуговицы – они были бы только предложением.

Ладно, она отнесет ему банку «Дикси», посидит на краешке ванны, потрет спину, изобразит гейшу, помоеет голову, если он захочет, и выяснит, что это за проблема... или кто.

Она достала из холодильника банку пива и пошла наверх. Тревога зашевелилась в ней, когда она увидела, что дверь ванной закрыта. Не прикрыта, а плотно закрыта. Стэнли никогда не закрывал дверь, когда принимал ванну. У них даже была такая шутка: дверь закрыта, значит, он делает что-то такое, чему его научила мама, открыта – он безо всякого отворачивания делает нечто иное, обучение которому его мама, как и положено, оставила на других.

Патти постучала ногтями по двери, внезапно осознав, очень явственно осознав, какой это неприятный звук, словно цоканье когтей рептилии. И конечно, стучать в дверь ванной, как гость... такого она никогда не делала за всю их семейную жизнь... не стучалась ни в дверь ванной, ни в другую дверь в доме.

Беспокойство внезапно резко усилилось, и она подумала об озере Карсон, в котором часто плавала девочкой. К первому августа вода в озере становилась такой же теплой, как в ванне... но потом ты внезапно попадала в холодный карман и дрожала от удивления и удовольствия. Только что тебе было тепло, а в следующий момент чувствовала, как температура слоя воды, ниже бедер, падала на добрых десять градусов. Если исключить удовольствие, именно это она сейчас и испытывала – словно попала в холодный карман. Только этот холодный карман находился не ниже бедер, и попали в него, в темных глубинах озера Карсон, не ее длинные девичьи ноги.

На сей раз холодный карман образовался вокруг ее сердца.

– Стэнли? Стэн?

Теперь она не стала стучать ногтями. Постучала кулаком. Не получив ответа, забарабанила в дверь.

– Стэнли?

Ее сердце. Ее сердце выскочило из груди. Билось в горле, не давая дышать.

– Стэнли!

В тишине, последовавшей за ее криком (и тот факт, что она кричала менее чем в тридцати футах от места, где ложилась и засыпала каждую ночь, пугал ее больше всего), она услышала звук, от которого паника, пребывавшая на нижних ступенях ее сознания, поднялась по лестнице, как незваный гость. Тихий, ненавязчивый такой звук. Звук капающей воды. Плюх... пауза. Плюх... пауза. Плюх... пауза. Плюх...

Она буквально видела, как капля формируется на срезе крана, становится тяжелой и толстой, беременеет, потом падает – плюх.

Только этот звук. Никакого другого. И внезапно она осознала, причем как-то сразу отпали все сомнения, что в этот вечер инфаркт сразил Стэнли – не ее отца.

Застонав, она схватилась за хрустальную ручку и повернула ее. Однако дверь все равно не открылась: ее заперли изнутри. И внезапно, в быстрой последовательности, в голове Патришии Урис промелькнули три «никогда»: Стэнли никогда не принимал ванну ранним вечером, Стэнли никогда не закрывал дверь в ванную, за исключением тех случаев, когда пользовался унитазом, и Стэнли никогда не запирался от нее.

«Возможно ли, – задалась она безумным вопросом, – приготовиться к инфаркту?»

Патти прошлась языком по губам (судя по звуку, который раздался в голове, наждачной бумагой прошлись по доске) и вновь позвала мужа. В ответ услышала лишь размеренное плюх... плюх... плюх... Посмотрела вниз и увидела, что в одной руке все еще держит банку «Дикси». Смотрела и смотрела на нее. Сердце, как кролик, металось в горле. Она тарашилась на банку пива так, словно до этой самой минуты никогда ее не видела. И действительно, похоже, никогда не видела, во всяком случае, никогда не видела такую банку пива, потому что, когда она моргнула, банка эта превратилась в телефонную трубку, черную и угрожающую, как змея.

– Могу я чем-нибудь вам помочь, мэм? У вас проблема? – выплюнула змея. Патти бросила трубку на рычаг, отступила, потирая руку, которая держала трубку. Огляделась и увидела, что она вернулась в комнату, где работал телевизор, поняла, что паника, незваным гостем поднявшаяся по лестнице ее сознания, застлала ей глаза. Теперь она вспомнила, что уронила банку пива у двери ванной и рванула вниз, думая: это какая-то ошибка, над которой мы потом посмеемся вместе. Он наполнил ванну, вспомнил, что у него нет сигарет, и пошел за ними, еще не успев раздеться.

Да. Только он уже запер дверь в ванную изнутри, а отпирать ее ему не хотелось, поэтому он открыл окно над ванной и спустился вниз по стене дома, как это сделала бы муха. Именно так, конечно, именно так...

Паника вновь начала подниматься в ее сознании, как горький черный кофе, грозящий перехлестнуть через край чашки. Патти закрыла глаза и вступила с ней в схватку. Стояла, замерев, бледная статуя с пульсирующей на шее артерией.

Теперь она вспомнила, как прибежала вниз, как шлепанцы ступали по ступенькам, как подскочила к телефону, да, точно, но кому она собиралась позвонить?

Мелькнула безумная мысль: «Я хотела бы позвонить черепахе, но черепаха не смог бы нам помочь».

Это не имело значения. Она все-таки набрала ноль и сказала что-то необычное, потому что телефонистка спросила, возникла ли у нее проблема. Проблема возникла, все так, но как она могла сказать безликому голосу, что Стэнли заперся в ванной и не отвечает ей, что мерные звуки капель воды, падающих в ванну, разрывают ей сердце? Кто-то должен помочь. Кто-то...

Она поднесла тыльную сторону ладони ко рту, укусила. Она пыталась думать, пыталась заставить себя думать.

Запасные ключи. Запасные ключи в шкафчике на кухне.

Она двинулась к двери, нога в шлепанце ударила по банке с пуговицами, которая стояла рядом с ее стулом. Часть высыпалась из коробки, они упали на пол, поблескивая, как остекленевшие глаза, в свете настольной лампы. Она увидела как минимум с полдюжины черных пуговиц.

В шкафчике над двойной раковиной стояла лакированная доска в форме ключа. Один из клиентов Стэна преподнес ему такой рождественский подарок двумя годами раньше. Из доски торчали крючочки, на которых висели по два дубликата всех ключей, которые использовались в доме. Под каждым крючком с ключами Стэн прилепил прямоугольник липкой ленты «Мистик» и своим аккуратным почерком написал, что это за ключи: «ГАРАЖ», «ЧЕРДАК», «ВАННА НИЖ.», «ВАННА ВЕРХ.», «ПАРАДНАЯ ДВЕРЬ», «ЧЕРНЫЙ ХОД». Отдельно висели дубликаты автомобильных ключей, подписанные соответственно «М-С» и «ВОЛЬВО».

Патти схватила ключи с маркировкой «ВАННА ВЕРХ.», побежала к лестнице, но заставила себя перейти на шаг. Бег – приглашение панике вернуться, а паника и так была слишком близко. Опять же, если бы она просто шла, ничего плохого, возможно, и не случилось бы. Или, если бы и случилось, Бог мог посмотреть вниз, увидеть, что она идет, а не бежит, и подумать: «Это хорошо, я допустил чертовскую ошибку, но теперь у меня есть время исправить ее».

Шагая неторопливо, как дама, направляющаяся на заседание Женского книжного клуба, Патти поднялась по лестнице, подошла к запертой двери ванной.

– Стэнли? – позвала она, одновременно пытаясь вновь открыть дверь, внезапно испугавшись пуще прежнего, не желая воспользоваться ключом, потому что ключ нес в себе что-то роковое, окончательное. Если Бог не исправит ошибку к тому времени, как она повернет ключ, Он уже не исправит ее никогда. Эра чудес, в конце концов, осталась в прошлом.

Но дверь так и осталась запертой, а в ответ она услышала те же звуки: плюх... пауза... В ванну капала вода.

Ее рука дрожала, и ключ обстучал всю пластину вокруг замочной скважины, прежде чем протиснулся в нее и вошел до упора. Патти повернула ключ, услышала, как щелкнул замок. Не сразу удалось ей и взяться за хрустальную ручку. Она так и норовила выскользнуть из руки. Не потому, что дверь оставалась закрытой – просто ладонь и пальцы сделались влажными от пота. Но Патти усилила хватку и заставила ручку повернуться. Толкнула дверь.

– Стэнли? Стэнли? Ст?..

Она посмотрела на ванну, на синюю занавеску, сдвинутую к дальнему краю, и забыла, как закончить имя мужа. Она просто смотрела на ванну с выражением торжественности на лице, как у ребенка, первый раз пришедшего в школу. Через мгновение она начнет кричать, и Анита Маккензи, которая жила в соседнем доме, услышит ее. Именно Анита Маккензи вызовет полицию в полной уверенности, что кто-то вломился в дом Урисов и теперь там убивают людей.

Но в тот момент Патти Урис просто стояла, сминая пальцами темную юбку из хлопчато-бумажной ткани, с серьезным лицом, с широко раскрытыми глазами. А потом эта чуть ли не благоговейная торжественность стала трансформироваться во что-то еще. Широко раскрытые глаза начали вылезать из орбит. Губы растянулись в жуткой ухмылке ужаса. Патти хотела кричать и не могла. Крики стали такими большущими, что не могли вырваться наружу.

Ванную освещали флуоресцентные трубки. Очень яркие. Никаких теней. Человек мог видеть все, хотел он того или нет. Вода в ванной ярко алела. Стэнли полусидел спиной к ближней стенке. Его голова так сильно запрокинулась назад, что короткие черные волосы на затылке касались кожи между лопатками. Если бы его открытые глаза могли видеть, для него она бы сейчас стояла на голове. Рот раззявился, будто распахнутая дверь. На лице застыл запредельный ужас. На бортике ванны лежала упаковка бритвенных лезвий «Жиллет платину плюс».

На обеих руках он вскрыл себе вены от запястья до сгиба локтя. Потом продольные надрезы накрыл поперечными, чуть ниже «браслетов судьбы»²³, словно написав пару кровавых заглавных «Т». Эти разрезы под ярко-белым светом смотрелись красно-пурпурными. Патти подумала, что открывшиеся сухожилия и связки выглядят, как кусочки дешевой говядины.

Капля воды собралась на срезе поблескивающего хромом крана. Она полнела. Можно сказать, беременела. Сверкала. Упала. Плюх.

Он окунул мизинец правой руки в собственную кровь и написал одно-единственное слово на синем кафеле над ванной. От последней буквы этого слова вниз уходила линия. Патти видела, что прочертил палец Стэнли, когда его рука падала в воду, где теперь и плавала. Она подумала, что Стэнли провел эту линию (последнее, что он сделал в этом мире), уже теряя сознание. Слово это кричало со стены:

ОНО

Еще одна капля упала в ванну.

Плюх.

Этот звук вывел Патти из ступора. Она вновь обрела голос. Глядя в отражающие свет мертвые глаза мужа, она закричала.

2

Ричард Тозиер «делает ноги»

Рич чувствовал, что держится молодцом, как нельзя лучше, пока не началась рвота.

Он выслушивал все, что сказал ему Майк Хэнлон, говорил то, что следовало говорить, отвечал на вопросы Майка, даже сам задал несколько. Смутно он понимал, что говорил с Майком один из его Голосов, не сдержанный и пренебрежительный, как те, что он иногда использовал на радио (Кинки Бриффкейс, секс-бухгалтер, был его любимчиком, во всяком случае, какое-то время, и слушателям Кинки нравился почти так же, как его любимчик на все времена, полковник Баффорд Киссдривел), но теплый, густой, уверенный Голос. У-меня-все-в-порядке, вот кому принадлежал этот Голос. Звучал отлично, но лгал. Как и все остальные Голоса.

– Что ты помнишь, Рич? – спросил его Майк.

– Очень мало, – ответил Рич и после паузы добавил: – Полагаю, достаточно.

– Ты приедешь?

– Я приеду, – ответил Рич и положил трубку.

Посидел в своем кабинете, за столом, откинувшись на спинку стула, глядя на Тихий океан. С левой стороны двое подростков лежали на досках для серфинга. Только лежали, не летели по волнам, потому что волн сегодня не было.

Часы на столе, дорогие, кварцевые, подарок представителя звукозаписывающей компании, показывали 17:09. Происходило все 28 мая 1985 года. Разумеется, в том месте, откуда звонил Майк, было на три часа позже. Там уже стемнело. От этой мысли кожа покрылась мурашками, и он зашевелился. Начал что-то делать. Первым делом, само собой, поставил пластинку – не выбирая, схватив первую попавшуюся из тысяч, что стояли на полках. Рок-н-ролл являлся почти такой же неотъемлемой частью его жизни, как и Голоса, и ему с трудом удавалось что-либо делать без музыки, и чем громче, тем лучше. Схватил он пластинку с ретроспективной мотауна²⁴. Марвин Гэй²⁵, один из новых членов, как иногда называл их Рич, Оркестра покойников, пел «На ушко мне шепнули».

²³ «Браслет судьбы» – поперечная линия на запястье, от которой отходит линия судьбы.

²⁴ Мотаун – направление популярной танцевальной музыки, смешивающее в себе приемы и традиции стилей ритм-энд-

«О-ох, небось, ты гадаешь, как я узнал...»

– Неплохо, – пробормотал Рич. Даже чуть улыбнулся. Все, конечно, было плохо, и петля затягивалась у него на шее, но он чувствовал, что как-нибудь выкрутится. Никаких проблем.

Он начал подготовку к возвращению домой. И в какой-то момент, где-то часом позже, ему пришло в голову: ситуация такова, будто он умер, но ему тем не менее разрешили отдать все необходимые деловые распоряжения... включая, разумеется, и касающиеся собственных похорон. И он чувствовал, что получается у него очень даже хорошо. Он позвонил сотруднице турагентства, услугами которой пользовался, говоря себе, что она уже на автостраде, едет домой, а он звонит для очистки совести. Но, чудо из чудес, застал ее на месте. Объяснил, что ему нужно, и она попросила у него пятнадцать минут.

– Я твой должник, Кэрл, – ответил он. За последние три года они перешли от мистера Тозиера и мисс Фини к Ричу и Кэрл – прогресс значительный, учитывая, что они никогда не виделись.

– Хорошо, расплачивайся, – ответила она. – Хочу услышать Кинки Брифкейса.

Без малейшей паузы (если делаешь паузу, чтобы найти Голос, он обычно не находится вообще) Рич заговорил:

– С вами Кинки Брифкейс, секс-бухгалтер... ко мне на днях зашел один парень, который хотел знать, что самое худшее, если ты заболел СПИДом. – Он заговорил чуть тише, быстрее и более развязно; это был, несомненно, американский голос, и при этом в нем слышались интонации богатого английского плантатора, обаятельного, но пустоголового. Рич понятия не имел, кем на самом деле был Кинки Брифкейс, но, конечно же, он носил белые костюмы, читал «Эсквайр», пил то, что подавали в высоких стаканах, и напитки эти запахом напоминали шампунь с ароматом кокоса. – Я ответил ему сразу – попытаться объяснить матери, как подхватил эту заразу от гаитянки. До следующей встречи, это Кинки Брифкейс, секс-бухгалтер, и я говорю: «Если есть проблемы с блядом, звякни мне, я буду рядом».

Кэрл Фини завизжала от смеха.

– Идеально. Идеально. Мой бойфренд утверждает, что ты не говоришь всеми этими головами, он уверен, у тебя какая-то специальная машинка для изменения голоса...

– Всего лишь талант. – Кинки ушел, его место занял Даблью-Си Филдс, цилиндр, красный нос, сумка с клюшками для гольфа и все такое. – Я так набит талантом, что мне приходится затыкать все отверстия на теле, чтобы он не вытек из меня, как... ну, чтобы не вытек.

Она вновь расхохоталась, и Рич закрыл глаза. Он уже чувствовал, как начинает болеть голова.

– Будь душкой, посмотри, что ты сможешь сделать? – попросил он, все еще будучи Даблью-Си Филдсом, и положил трубку, оборвав ее смех.

Теперь ему следовало стать самим собой, а давалось это с трудом – с каждым годом все труднее. Проще быть смелым, когда ты кто-то еще.

Он попытался выбрать пару хороших кожаных туфель, и уже почти решил остановиться на кроссовках, когда вновь зазвонил телефон. Кэрл Фини справилась с заданием в рекордно короткий срок. Он уж собрался стать Голосом Бафорда Киссдривела, но поборол искушение. Она взяла ему билет первого класса на беспосадочный рейс «Американ эйрлайнс» из Лос-Анджелеса в Бостон. Самолет вылетал в 21:03 и прибывал в аэропорт Логан в пять утра. Из Бостона ему предстояло вылететь в 7:30 рейсом «Дельты» и прибыть в Бангор, штат Мэн, в 8:20. Она арендовала ему седан в компании «Авис», а стойку «Ависа» в международном аэропорту Бангора и административную границу Дерри разделяли всего двадцать шесть миль.

блюз, соул и т. п.

²⁵ Марвин Пенц Гэй-младший (1939–1984) – американский певец, аранжировщик, музыкант-мультиинструменталист, автор песен и музыкальный продюсер, наряду со Стиви Уандером стоявший у истоков современного ритм-энд-блюза.

«Всего двадцать шесть миль? – подумал Рич. – Всего-то, Кэрол? Что ж, может, так оно и есть... если считать в милях. Но ты понятия не имеешь, как далеко на самом деле находится Дерри, да и я тоже. Но, о Боже мой, о милый мой Боже, мне предстоит это выяснить.

– Я не стала заказывать тебе номер, потому что ты не сказал, как долго там пробудешь. Ты...

– Нет... позволь мне разобраться с этим самому. – И тут инициативу перехватил Бафорд Киссдривел. – Ты – персик, дорогая моя. Персик из Джорджии²⁶, само собой, – добавил он, имитируя южный акцент.

Положил трубку (всегда лучше оставлять их смеющимися) и набрал 207-555-1212, номер справочной штата Мэн. Ему хотелось узнать телефон отеля «Дерри таун-хаус». Господи, название из прошлого. Он не вспоминал «Дерри таун-хаус»... сколько? Десять лет? Двадцать? Или даже двадцать пять? И хотя в это не верилось, не вспоминал как минимум двадцать пять лет, а если бы не звонок Майка, мог бы не вспомнить и до конца своих дней. И однако, в его жизни был период, когда он каждый день проходил мимо этой большой груды красного кирпича, и не раз пробежал мимо, а за ним гнались Генри Бауэрс, Рыгало Хаггинс и еще один большой парень, Виктор Как-его-там, гнались изо всех сил, выкрикивая «любезности»: «Мы тя поймаем, жопорылый», или «Ща поймаем, умник хренов», или «Ща поймаем, пидор очкастый». Они хоть раз поймали его?

Прежде чем Рич успел вспомнить, оператор спросил, какой его интересует город.

– Дерри, пожалуйста...

Дерри! Господи! Даже это слово во рту ощущалось странным и забытым. Произнести его – все равно что поцеловать что-то древнее.

– ...У вас есть номер отеля «Дерри таун-хаус»?

– Минуточку, сэр.

Конечно же, нет. И отеля давно нет. Снесен в рамках городской программы обновления. На его месте построили административный комплекс, спортивную арену, торговый центр. А может, он сгорел однажды ночью, когда для пьяного торговца обувью, который курил в постели, сработала теория вероятности. Все ушло, Ричи, совсем как очки, которыми всегда доставал тебя Генри Бауэрс. Как там сказано в песне Спрингстина? «Золотые те денечки... девушка моргнула, их уже и нет». Какая девушка? Конечно же, Бев. Бев...

«Таун-хаус», возможно, изменился, но определенно не исчез, потому что в трубке послышался ровный, механический голос: «Номер девять... четыре... один... восемь... два... восемь... два. Повторяю, номер...»

Но Рич все записал с первого раза. И с радостью положил трубку, оборвав этот монотонный голос на полуслове. Так легко представить себе огромного глобального справочного монстра, зарытого глубоко под землей, всего в заклепках, держащего тысячи телефонных трубок в тысячах изгибающихся хромированных щупалец. Этакая телефонная версия доктора Осьминога, немезиды Человека-паука. С каждым годом мир, в котором жил Рич, все более напоминал ему огромный электронный дом с привидениями, где цифровые призраки и перепуганные люди в постоянном напряжении соседствовали друг с другом.

Еще держались. Перефразируя Пола Саймона²⁷, еще на месте после всех этих лет²⁸.

Он набрал номер отеля, который последний раз видел через роговые очки своего детства. Набрать номер, 1-207-941-8282, не составило ровным счетом никакого труда. Рич держал трубку у уха, глядя в панорамное окно своего кабинета. Серферы ушли. На их месте по

²⁶ Штат Джорджия славится своими персиками. Если девушке хотят сделать комплимент, ее называют «Персик из Джорджии».

²⁷ Пол Фредерик Саймон (р. 1941) – рок-музыкант, поэт и композитор.

²⁸ Песня Саймона и Гарфункеля «Без ума после всех этих лет»/«Still Crazy After All These Years».

берегу медленно прогуливалась парочка, юноша и девушка держались за руки. Парочка так и просилась на рекламный плакат, украсивший бы стену турагентства, в котором работала Кэрол Фини, – так красиво они смотрелись. Только перед съемкой им, возможно, пришлось бы снять очки.

«Ща поймаем тебя, козел! Разобьем твои очки!»

Крисс, внезапно подсказала память. Его фамилия Крисс. Виктор Крисс.

Господи Иисусе, ничего этого он не хотел знать, прошло столько лет, но ведь это не имело ровным счетом никакого значения. Что-то происходило глубоко внизу в хранилищах, там, где Рич Тозиер хранил свою личную коллекцию «Золотых старых песен». Двери открывались...

Только там хранятся не пластинки, так? В тех глубинах ты не Рич Тозиер по прозвищу Пластинкин, популярный диджей радиостанции КЛАД и Человек тысячи голосов, так? И то, что открывается... это не совсем двери, так?

Он попытался вышибить из головы эти мысли.

Главное, помнить, что я в порядке. Я в порядке. Ты в порядке, Рич Тозиер в порядке. Можешь выкурить сигарету, и все дела.

Он уже четыре года как бросил курить, но сейчас мог выкурить сигарету, это точно.

Они – не пластинки, а трупы. Ты похоронил их глубоко, но теперь происходит какое-то безумное землетрясение, и земля выбрасывает их на поверхность. Там, в глубине, ты – не Рич Тозиер по прозвищу Пластинкин. Там, в глубине, ты всего лишь Ричи Тозиер, прозванный Очкариком, и ты со своими друзьями, и ты так испуган, что твои яйца буквально превращаются в желе. Это не двери, и они не открываются. Это крипты. Они раскалываются, и вампиры, которых ты полагал мертвыми, вылетают наружу.

Сигарету, только одну. Даже «Карлтон» подойдет, ради всего святого.

«Поймаем тебя, Четыре Глаза! Заставим съесть твою сраную сумку для книг!»

– «Таун-хаус», – произнес мужской голос с характерным выговором янки. Прежде чем долететь до уха Рича, он проделал долгое путешествие, пересек Новую Англию, Средний Запад, проскочил под казино Лас-Вегаса.

Рич спросил у голоса, может ли он зарезервировать «люкс» в «Таун-хаусе» начиная с завтрашнего дня. Голос ответил, что может, потом спросил, как надолго.

– Точно сказать не могу. У меня...

У него что? Мысленным взором он увидел мальчика с сумкой для книг из шотландки, убегающего от плохих парней; увидел мальчика в очках, худенького мальчика с бледным лицом, которое каким-то странным образом кричало каждому проходящему мимо хулигану-подростку: «Ударь меня! Подойди и ударь меня! Вот мои губы! Размажь их по зубам! Вот мой нос! Вышиби из него кровь, даже сломай, если сможешь! Двинь в ухо, чтобы оно распухло, как кочан цветной капусты! Рассеки бровь! Вот мой подбородок, попробуй отправить меня в нокаут! Вот мои глаза, такие синие и огромные за этими ненавистными, ненавистными линзами, эти очки в роговой оправе, с одной дужкой, замотанной изолентой. Разбей очки! Всади по осколку стекла в каждый из этих глаз и закрой их навеки! Чего ты ждешь?»

Он закрыл глаза и лишь потом продолжил.

– Видите ли, я еду в Дерри по делу. Не знаю, сколько потребуется времени, чтобы завершить сделку. Как насчет трех дней с опционом на продление?

– С опционом на продление? – с сомнением повторил мужчина, и Рич терпеливо ждал, пока тот сообразит что к чему. – О, я вас понял! Замечательно!

– Благодарю вас, и я... э... надеюсь, что вы сможете проголосовать за нас в ноябре, – сказал Джон Ф. Кеннеди. – Джеки хочет... э... переделать... э... Овальный кабинет... и я нашел работу для моего... э... брата Бобби.

– Мистер Тозиер?

– Да?

– Хорошо... кто-то еще на несколько секунд встрял в раз говор.

«Да, один член из Пэ-дэ-эм, – подумал Рич. – Партии давно умерших, на случай если вам требуется расшифровка. Не волнуйтесь об этом». По его телу пробежала дрожь, и он вновь сказал себе чуть ли не в отчаянии: «Ты в порядке, Рич».

– Я тоже слышал чей-то голос. Наверное, где-то пересеклись линии. Так что у нас с «люксом»?

– Никаких проблем, – ответил мужчина. – Дерри – деловой город, но до бума тут далеко.

– Правда?

– Ох, ага, – подтвердил мужчина, и Рич вновь содрогнулся. Он забыл и это, замену на севере Новой Англии простого «да» на «ох, ага».

«Ща поймаем тебя, гаденыш», – прокричал голос-призрак Генри Бауэrsa, и Рич почувствовал, как внутри треснули новые крипты; вонь, которую он чувствовал, шла не от разложившихся тел, а от разложившихся воспоминаний, а это куда как хуже.

Он продиктовал номер своей кредитной карточки «Американ экспресс» и положил трубку. Потом позвонил Стиву Коваллу, программному директору КЛАД.

– Что такое, Рич? – спросил Стив. Последние рейтинги «Арбитра» показывали, что КЛАД – на вершине людоедского лос-анджелесского рынка радиостанций коротковолнового диапазона, и Стив пребывал в превосходном настроении – возблагодарим Господа за маленькие радости.

– Возможно, ты пожалеешь, что спросил. Я сматываюсь.

– Сматыва... – По голосу чувствовалось, что Стив нахмурился. – Боюсь, я тебя не понял, Рич.

– Должен надеть сапоги-сороходы. Уезжаю.

– Что значит – уезжаешь? Согласно сетке, которая лежит передо мной, завтра ты в эфире с двух пополудни до шести вечера, как и всегда. Собственно, завтра, в четыре часа, ты интервьюируешь Кларенса Клемонса. Ты же знаешь Кларенса Клемонса²⁹, Рич. Это, можно сказать, про него, «Войди и сыграй, Здоровяк»³⁰.

– Клемонс может поговорить с О'Харой точно так же, как и со мной.

– Клемонс не хочет говорить с Майком, Рич. Клемонс не хочет говорить с Бобби Расселлом. Он не хочет говорить со мной. Кларенс – большой поклонник Бафорда Киссдривела и Уайатта, упаковщика-убийцы. Он хочет говорить с тобой, друг мой. И у меня нет никакого желания увидеть, как саксофонист весом в двести пятьдесят фунтов, которого однажды едва не взяли в профессиональную футбольную команду, начнет буйствовать в моей студии.

– Я не думаю, что он где-то когда-то буйствовал, – ответил Рич. – Мы говорим о Кларенсе Клемонсе, а не о Кейте Муне³¹.

Пауза. Рич терпеливо ждал.

– Неужели ты это серьезно? – наконец спросил Стив. Голос зазвучал печально. – Я хочу сказать, если у тебя только что умерла матушка, или у тебя обнаружили опухоль мозга, или что-то такое, тогда...

– Я должен уехать, Стив.

– Твоя мать заболела? Или, не дай бог, умерла?

– Она уже десять лет как умерла.

²⁹ Клемонс, Кларенс (р. 1942) – известный американский музыкант (в том числе и саксофонист) и актер, прозванный Здоровяком.

³⁰ Стив чуть меняет фразу «Бенни Уэбстер, войди и сыграй для меня»/«Benny Webster, come and blow for me» песни Дюка Эллингтона «Cotton tail». Бенни Уэбстер (1909–1973) – американский джазовый музыкант, тенор-саксофонист, выдающийся исполнитель стиля свинг.

³¹ Мун Кейт Джон (1946–1978) – барабанщик рок-группы «Ху»/«The Who», был человеком неуравновешенным как на сцене, так и в жизни. Во время концертов часто ломал барабаны.

- У тебя опухоль мозга?
- Нет даже полипа в прямой кишке.
- Тогда это не смешно, Рич.
- Не смешно.
- Тогда ты ведешь себя, как дилетант хренов, и мне это не нравится.
- Мне тоже не нравится, но я должен уехать.
- Куда? Почему? В чем дело? Расскажи мне, Рич!

– Мне позвонил человек. Человек, которого я знал давным-давно. В другом месте. Когда кое-что случилось. Я дал слово. Мы все обещали, что вернемся, если это кое-что начнется снова. И я полагаю, что оно началось.

– О каком «кое-что» мы говорим, Рич?

– Я бы предпочел это опустить. Опять же, ты подумаешь, что я рехнулся, если я скажу тебе правду: не помню.

– И когда ты дал это знаменитое обещание?

– Очень давно. Летом тысяча девятьсот пятьдесят восьмого.

Вновь долгая пауза, и он знал, что Стив Ковалл пытается решить, то ли Рич Тозиер, по прозвищу Пластинкин, он же Бафорд Киссдривел, он же Уайатт, упаковщик-убийца и т. д., и т. п., разыгрывает его, или у него какое-то психическое расстройство.

– Ты же тогда был ребенком, – наконец подал голос Стив.

– Одиннадцать уже исполнилось. Пошел двенадцатый год.

Еще пауза. Рич терпеливо ждал.

– Ладно. – Стив сломался. – Я изменю ротацию – поставлю Майка вместо тебя. Могу позвонить Чаку Фостеру, чтобы он заполнил несколько смен, если найду китайский ресторан, в котором он сейчас обретается. Я это сделаю, потому что мы прошли вместе долгий путь. Но я никогда не забуду, что ты меня подставил, Рич.

– Да брось ты! – Головная боль усиливалась. Он же понимал, что подводит радиостанцию. Или Стив думал, что он не понимал? – Мне нужно отъехать на несколько дней, не более того. А ты ведешь себя так, будто я наблевал на нашу лицензию, выданную Эф-ка-эс³².

– На несколько дней – ради чего? Воссоединение скаутского звена в Мухосрань-Фоллз, штат Северная Дакота? Или в Козевдуй-Сити, что в Западной Виргинии?

– Вообще-то я думал, что Мухосрань-Фоллз – это в Арканзасе, друже, – пробасил Бафорд Киссдривел, но не умаслил Стива.

– Потому что ты дал слово, когда тебе было одиннадцать? Уж прости меня, но дети не обещают ничего серьезного, когда им одиннадцать! Но дело даже не в этом, и ты это знаешь, Рич. У нас не страховая компания. У нас не юридическая фирма. Это шоу-бизнес, пусть даже и в скромных масштабах, ты чертовски хорошо это знаешь. Если бы ты предупредил меня за неделю, я бы не держал трубку в одной руке и пузырек миланты³³ в другой. Ты просто загоняешь меня в угол, и ты это знаешь, поэтому не говори мне, что для тебя это новость!

Стив уже кричал, и Рич закрыл глаза. Стив сказал, что никогда этого не забудет, и Рич полагал, что это правда. Стив сказал, что дети в одиннадцать лет не дают серьезных обещаний, и тут он ошибался. Рич не мог вспомнить, какое он дал обещание (не знал, хотел ли вспомнить), но оно было более чем серьезное.

– Стив, мне пора.

– Да. И я сказал тебе, что как-нибудь выкручусь. Иди, дилетант.

– Стив, это неле...

³² ФКС – федеральная комиссия по связи.

³³ Миланта – средство, понижающее кислотность желудка.

Но Стив уже бросил трубку. Рич положил свою на рычаг. Едва он оторвал руку, как телефон зазвонил вновь, и он знал, не снимая трубки, что это опять Стив, еще более взбешенный. Разговаривать с ним в таком состоянии смысла не имело – они только еще сильнее разругаются. Поэтому он сдвинул рычажок на правой стороне телефонного аппарата, оборвав звонки.

Он поднялся наверх, вытащил из чулана два чемодана и принялся складывать, практически не глядя: джинсы, рубашки, нижнее белье, носки. Лишь потом до него дошло, что он не взял с собой ничего, кроме одежды, какую носят дети. С чемоданами он спустился вниз.

На стене кабинета висела большая черно-белая фотография Биг-Сура³⁴, сделанная Анселем Адамсом³⁵. Рич повернул ее на спрятанных петлях, открыв дверцу сейфа. Набрал код, распахнул дверцу, полез в глубину, за документы: свидетельства, подтверждающие право собственности на уютный домик, расположенный между геологическим разломом и пожароопасной зоной, на двадцать акров леса в Айдахо, сертификаты акций. Он покупал акции вроде бы полагаясь на случай, и брокер, когда видел приближающегося Рича, хватался за голову, но все купленные им акции с годами только росли в цене. Его иногда удивляла мысль, что он почти что (не совсем, но почти что) богатый человек. Все благодаря рок-н-роллу и... разумеется, Голосам.

Дом, акры, страховой полис, даже копия его последнего завещания. Нити, которые прочно привязывали тебя к карте жизни, подумал он.

Внезапно появилось неодолимое желание щелкнуть «Зиппо» и поджечь все эти документы, свидетельства, сертификаты. Он мог это сделать. Бумаги, лежащие в его сейфе, больше ничего не значили.

Тут его впервые охватил ужас, и в этом не было ничего сверхъестественного. Пришло лишь осознание, как легко пустить под откос свою жизнь. Вот что пугало. Ты всего лишь подносишь вентилятор к тому, что годами собирал воедино, и включаешь эту хреновину. Легко. Сжигаешь или сдуваешь, а потом сматываешься.

За документами, двоюродными братьями и сестрами денег, лежали они, родимые. Наличные. Четыре тысячи: десятки, двадцатки, купюры по пятьдесят и сто долларов.

Беря деньги, рассовывая по карманам джинсов, Рич задался вопросом: может, он каким-то образом знал что делает, когда клал в сейф деньги, пятьдесят баксов в один месяц, сто двадцать – в следующий, может, только десять, после этого. Заначка. На случай, если придется сматываться.

– Чел, это страшно. – Он едва отдавал себе отчет, что говорит вслух. Тупо посмотрел через большое окно на берег. Пляж опустел, вслед за серферами ушли и молодожены (если это были молодожены).

Ах да, док... память ко мне возвращается. Помните Стэнли Урису, к примеру? Можете поспорить на свою шкуру, помню... Помню, как мы так говорили и думали, что это круто. Стэнли Урин³⁶, так звали его большие парни. «Эй, Урин! Эй, ты, христубийца хренов. Куда ты идешь? Один из твоих приятелей-гомиков пообещал тебе отсосать?»

Рич захлопнул дверцу сейфа, вернул фотографию на место. Когда он в последний раз думал о Стэнли Урине? Пять лет назад? Десять? Двадцать? Семья Рича уехала из Дерри весной 1960 года, и как же быстро все их лица растаяли в памяти, их банда, жалкая кучка неудачников с их маленьким клубным домом в том месте, которое называли Пустошь, название странное, учитывая, как буйно там все росло. Они воображали, будто они – исследователи джунглей или «Морские пчелы»³⁷, вырубаящие посадочную полосу на тихоокеанском атолле, одновременно

³⁴ Биг-Сур – прибрежный регион центральной части Калифорнии.

³⁵ Адамс, Ансель (1902–1984) – американский фотограф, одним из первых начал снимать Запад США.

³⁶ Урин – от английского Urine (моча).

³⁷ «Морские пчелы» – инженерно-строительный батальон ВМФ США.

сдерживая атаки япошек. Они воображали себя строителями плотины, ковбоями, астронавтами, высадившимися на заросшую джунглями планету, но, как ни назови, никто не забывал, что на самом деле это было убежище. Убежище от больших парней. Убежище от Генри Бауэrsa, и Виктора Крисса, и Рыгало Хаггинса, и всех остальных. Та у них еще подобралась компания: Стэн Урис с большим еврейским носом, Билл Ден бро, который мог сказать лишь: «Хай-йо, Сильвер!»³⁸ – не заикаясь так сильно, что тебя это едва не сводило с ума, Беверли Марш с ее синяками и сигаретами, закрученными в рукав блузы, Бен Хэнском, такой огромный, что тянул на человеческую версию Моби Дика, и Ричи Тазиер, в очках с толстыми стеклами, острым язычком и лицом, которое просто молило, чтобы его подправили, придав ему новую форму. Существовало ли слово, которым их можно было назвать? О да. Существовало всегда. *Le mot juste*³⁹. В данном конкретном случае *le mot juste* означало «слюнтяи».

Как это вернулось, как это все вернулось... и теперь он стоял в кабинете, неистово дрожа всем телом, как бездомный щенок в бушующую грозу, дрожал, потому что вспомнил не только тех, с кем дружил. Было и кое-что другое, о чем он не думал долгие годы, но воспоминания эти таились совсем не в глубинах сознания, а у самой поверхности.

Кровь.

Темнота. Страшная темнота.

Дом на Нейболт-стрит, и Билл, кричащий: «Ты уб-бил моего брата, га-га-гандон!»

Он это помнил? Достаточно хорошо, чтобы не хотеть вспоминать что-то еще, можете поспорить на свою шкуру.

Запах мусора, запах говна, и запах чего-то еще. Хуже, чем два первых. Запах чудовища, запах Оно, внизу, в темноте под Дерри, где гремели машины. Он вспомнил Джорджа...

Это и переполнило чашу. Он бросился к ванной, споткнулся о стул Имса⁴⁰, чуть не упал. Успел... в самый последний момент. На коленях заскользил по керамическим плиткам ванной комнаты к унитазу, словно танцевал брейк, схватился за край и выблевал все содержимое желудка. Но даже это не остановило поток воспоминаний; внезапно он увидел Джорджи Денбро, словно расстался с ним только вчера, Джорджи, с которого все и началось, Джорджи, убитого осенью 1957 года. Джорджи умер сразу после наводнения, одну его руку вырвало из плечевого сустава, и Рич заблокировал все эти воспоминания. Но иногда они возвращались, да, действительно, они возвращались, иногда они возвращались.

Рвота прекратилась, Рич вслепую, на ощупь, нашел кнопку слива. Забурлила вода. Ранний ужин, вылетающий изо рта теплыми кусками, исчез.

Его унесло в канализацию.

В гул, вонь и темноту канализации.

Он закрыл крышку, приложился к ней лбом, заплакал. Заплакал впервые с 1975 года, когда умерла его мать. Даже не думая о том, что делает, поднес руки к глазам, сложив ладони лодочкой. Контактные линзы, которые он носил, выскользнули из-под век и заблестели на ладонях.

Сорок минут спустя, чувствуя, что очистился от всего лишнего, он забросил оба чемодана в багажник «MG»⁴¹ и задним ходом выехал из гаража. День клонился к вечеру. Он посмотрел на свой дом в окружении недавно посаженных деревьев и кустов, он посмотрел на берег, на воду цвета светлых изумрудов, по которой заходящее солнце проложило дорожку червонного золота. И в этот самый момент вдруг осознал, что больше никогда этого не увидит, что он – ходячий мертвец.

³⁸ «Хай-йо, Сильвер, ВПЕРЕ-Е-ЕД!» – знаменитая фраза Одинокого рейнджера, так же известного, как капитан Кид, героя многих радиопередач, телесериалов, фильмов, комиксов, сражающегося со злом на Диком Западе.

³⁹ *Le mot juste* – правильное слово (*фр.*).

⁴⁰ Стул Имса – вращающийся стул, созданный Чарльзом и Реем Имс (1956 г.).

⁴¹ «MG» – марка английского спортивного автомобиля.

– Теперь я еду домой, – прошептал Рич Тозиер самому себе. – Еду домой, помоги мне, Господи, я еду домой.

Он включил передачу и уехал, вновь почувствовав, как это легко – проскочить сквозь внезапно появившуюся трещину в том, что он полагал крепкой и устойчивой жизнью... как легко оказаться на темной стороне, уплыть из-под синевы в черноту.

Из-под синевы в черноту, да, именно так. Где могло ждать что угодно.

3

Бен Хэнском пьет виски

Если бы в тот вечер 28 мая 1985 года вы захотели найти человека, которого журнал «Тайм» назвал «возможно, самым многообещающим молодым архитектором Америки» («Сохранение энергии в городе и младотурки», «Тайм», 15 октября 1984 г.), вам пришлось бы поехать на запад от Омахи по автостраде 80. Потом по указателю «Шведхолм» свернуть на шоссе 81 и доехать до центра Шведхолма (ничего собой не представляющего). Там повернуть на шоссе 92 перед рестораном «У Баки: Съешь и облизнешься» («Куриные стейки – наша специализация») и вновь мчаться среди полей до шоссе 63. Повернуть направо. Шоссе 63 как стрела пронзает заброшенный маленький городок Гатлин и приводит в Хемингфорд-Хоум.

В сравнении с центром Хемингфорд-Хоума центр Шведхолма выглядел, как Нью-Йорк. Деловой район Хемингфорд-Хоума – восемь зданий, пять на одной стороне улицы, три – на другой. Парикмахерская «Чистая стрижка», в витрине которой висело пожелтевшее от времени, написанное от руки пятнадцатью годами ранее объявление: «ЕСЛИ ТЫ ХИППИ, СТРИГИСЬ ГДЕ-НИБУДЬ ЕЩЕ», кинотеатр, где показывали только старые фильмы, универсальный магазинчик. Добавьте к этому отделение банка «Домовладельцы Небраски», заправочную станцию, «Аптеку Рексолла» и магазин сельскохозяйственной техники и скобяных товаров. Только последнее заведение выглядело более или менее процветающим.

И в конце квартала, рядом с пустырем, вы нашли бы придорожный бар-ресторан «Красное колесо», стоящий словно пария чуть в стороне от остальных зданий. Если бы вы забрались в такую глубинку, то обязательно увидели бы на земляной, в рытвинах, автостоянке старенький «кадиллак-кабриолет» модели 1968 года, с двумя СБ-антеннами⁴² на багажнике, с заказным номерным знаком «КЭДДИ БЕНА» над передним бампером. А в зале – нужного вам человека, который шел к стойке бара: долговязого, дочерна загорелого, в рубашке из шамбре, вылинявших джинсах, обтрепанных саперных сапогах. С сетью морщинок в уголках глаз, но нигде больше. Выглядел он лет на десять моложе своего возраста, составлявшего тридцать восемь лет.

– Привет, мистер Хэнском. – Рикки Ли положил бумажную салфетку на стойку перед садящимся Беном. В голосе Рикки Ли слышалось изумление, и он действительно изумился, потому что никогда раньше не видел Хэнскома в «Колесе» накануне рабочего дня. Он регулярно приходил сюда каждую пятницу вечером, чтобы выпить два стакана пива, и каждую субботу – чтобы выпить четыре или пять. Всегда справлялся о трех мальчиках Рикки Ли, всегда, уходя, оставлял под пустым стаканом пять долларов чаевых. По части поговорить за жизнь или личного уважения он, несомненно, был самым любимым клиентом Рикки Ли. Десять долларов в неделю (и пятьдесят – каждое Рождество в последние пять лет), конечно, неплохо, но хороший собеседник ценился дороже. Хороший собеседник вообще в дефиците, а уж в такой-то дыре, где никто двух слов связать не мог, они встречались реже, чем зубы у курицы.

⁴² СБ-антенны – обеспечивают прием в СБ-диапазоне (27 мгц), в котором работают многие любительские радиостанции.

Хотя родился и вырос Хэнском в Новой Англии, а учился в калифорнийском колледже, что-то в нем было от экстравагантного техасца. Рикки Ли рассчитывал на появление Бена Хэнскома по пятницам и субботам, потому что привык на это рассчитывать. Мистер Хэнском мог строить небоскреб в Нью-Йорке (где он уже построил три наиболее обсуждаемых здания), художественную галерею в Редондо-Бич или административный корпус в Солт-Лейк-Сити, но появлялся вечером в пятницу. Где-то между восемью и половиной десятого вечера дверь с автостоянки открывалась, и он входил в зал, словно жил на другом конце города и решил заехать в «Колесо» и выпить пива, потому что по телевизору не показывали ничего интересного. На своей ферме в Джанкинсе он построил взлетно-посадочную полосу, куда прилетал на собственном «лирджете».

Двумя годами раньше он работал в Лондоне, сначала проектировал, а потом контролировал строительство нового коммуникационного центра Би-би-си, здания, из-за которого в английской прессе до сих пор продолжались жаркие дебаты («Гардиан»: «Возможно, самое прекрасное здание, построенное в Лондоне за последние двадцать лет»; «Миррор»: «Если не считать лица моей тещи после попойки в пабе, ничего более отвратительного видеть мне не доводилось»). Когда мистер Хэнском взялся за этот заказ, Рикки Ли подумал: «Что ж, когда-нибудь я его еще увижу. Или, возможно, он забудет про нас». И действительно, пятничный вечер сразу же после отъезда Бена Хэнскома в Англию пришел и ушел без него, хотя Рикки Ли поворачивался к двери на автостоянку всякий раз, когда она открывалась между восемью и половиной десятого. Что ж, когда-нибудь я его увижу. Возможно. «Когда-нибудь» пришлось на следующий вечер. Дверь открылась в четверть десятого, и он вошел в бар, в джинсах, футболке с надписью «ВПЕРЕД, АЛАБАМА» на груди и саперных сапогах. Выглядел так, словно приехал с другого конца города. А когда Рикки Ли прямо-таки радостно воскликнул: «Эй, мистер Хэнском! Господи! Что вы здесь делаете?» – с легким удивлением посмотрел на бармена, как будто в его появлении здесь не было ну совершенно ничего необычного. И этот вечер не остался единственным. За два года его активного участия в работе над коммуникационным центром Би-би-си он появлялся в «Красном колесе» каждую субботу. В 11:00 вылетал из Лондона на «Конкорде» и прибывал в аэропорт Кеннеди в 10:15, за сорок пять минут до взлета в Лондоне, во всяком случае, по часам. («Господи, это прямо-таки путешествие во времени, так? – прокомментировал потрясенный Рикки Ли). Стоявший наготове лимузин доставлял его в аэропорт Тетерборо в Нью-Джерси. Субботним утром эта поездка обычно занимала не больше часа. Он мог без всякой спешки подняться в кабину своего «лирджета» до полудня и приземлиться в Джанкинсе к половине третьего. Если достаточно быстро лететь на запад, сказал он Рикки Ли, день мог бы длиться вечно. Проспав два часа, он проводил час с управляющим фермы и полчаса – со своим секретарем. Потом ужинал и приходил в «Красное колесо» часика на полтора. Всегда один, всегда садился за стойку, и всегда уходил один, хотя, видит бог, в этой части Небраски хватало женщин, которые с радостью бы легли под него. На ферме он спал шесть часов, а потом тем же маршрутом, только в обратной последовательности, добирался до Лондона. Эта история производила неизгладимое впечатление на всех посетителей бара. Может, он гей, как-то предположила одна женщина. Рикки Ли коротко глянул на нее, отметил тщательно уложенные волосы, сшитую по фигуре одежду, несомненно, с дизайнерскими ярлыками, бриллиантовые серьги, уверенный взгляд и понял, что она – с востока, вероятно, из Нью-Йорка, а сюда приехала на считанные дни, то ли к родственникам, то ли к давней школьной подруге, и ей не терпится вернуться назад. Нет, ответил он, мистер Хэнском не гомик. Она достала из сумки пачку сигарет «Дорал», зажала одну красными блестящими губами, пока он подносил к ней огонек зажигалки. «Откуда вы знаете?» – спросила она и чуть улыбнулась. Просто знаю, ответил он. И он знал. Подумал о том, чтобы сказать: «Он самый одинокий мужчина, которого мне доводилось встретить за всю мою жизнь». Но он не собирался говорить

ничего такого этой нью-йоркской женщине, которая смотрела на него так, будто видела перед собой новый и забавный вид живых существ.

Сегодня мистер Хэнском выглядел немного побледневшим, немного рассеянным.

– Привет, Рикки Ли, – поздоровался он, усаживаясь, а потом принялся изучать свои руки.

Рикки Ли знал, что мистеру Хэнскому предстояло провести шесть или восемь месяцев в Колорадо-Спрингс, контролируя начало строительства Культурного центра горных штатов, комплекса из шести зданий, «врезанных» в горный склон. «Когда его построят, люди будут говорить, что комплекс напоминает игрушки, которые ребенок-великан разбросал по лестничному пролету, – объяснил он Рикки Ли. – Некоторые обязательно скажут, и отчасти будут правы. Но я думаю, это сработает. Это самый крупный проект, за который я когда-либо брался, и его реализация – чертовски трудная работа, но я думаю, все получится».

Рикки Ли предположил, что у мистера Хэнскома легкий приступ того, что актеры называют страхом перед выходом на сцену. Ничего удивительного, и, наверное, так оно и должно быть. Когда ты превращаешься в такую значимую величину, что тебя замечают, ты становишься достаточно большим, чтобы попадать под обстрел критики. А может, он просто приболел. Инфекций нынче хватало, всяких и разных.

Рикки Ли взял пивной стакан со стойки под зеркалом и потянулся к крану «Олимпиа».

– Не надо, Рикки Ли.

Рикки Ли повернулся к нему, удивленный – а когда Бен Хэнском оторвался от своих рук и поднял голову, испугался. Потому что мистер Хэнском не выглядел так, будто у него страх перед выходом на сцену, или он подхватил какой-то вирус, или что-то в этом роде. Он выглядел так, будто только что получил чудовищной силы удар, и до сих пор пытается понять, что же его ударило.

Кто-то умер. Он, конечно, не женат, но у каждого человека есть семья, и кто-то из ближайших родственников сыграл в ящик. И это так же точно, как говно сползает вниз по наклонной стенке унитаза.

Кто-то бросил четвертак в музыкальный автомат, и Барбара Мандрелл запела о пьянице и одинокой женщине.

– У вас все в порядке, мистер Хэнском?

Бен Хэнском вскинул на Рикки Ли глаза, которые в сравнении с его лицом выглядели на десять, нет – на двадцать лет старше, и этот самый момент бармен с удивлением открыл для себя, что волосы мистера Хэнскома седеют. Раньше он никогда не замечал седины в его волосах.

Хэнском улыбнулся. Жуткой улыбкой призрака. Или трупа.

– Боюсь, что нет, Рикки Ли. Нет, сэр. Не сегодня. Сегодня у меня все отнюдь не в порядке.

Рикки Ли поставил пивной стакан и подошел к тому месту, где сидел Хэнском. Бар-ресторан пустовал, как обычно пустуют по понедельникам бары в период, когда футбольный сезон давно закончился. В зале не насчитывалось и двадцати посетителей. Энни сидела у двери на кухню, играла в криббидж с поваром блюд быстрого приготовления.

– Плохие новости, мистер Хэнском?

– Плохие новости, совершенно верно. Плохие новости из дома. – Он смотрел на Рикки Ли. Он смотрел *сквозь* Рикки Ли.

– Сочувствую, мистер Хэнском.

– Спасибо, Рикки Ли.

Он замолчал, и Рикки Ли уже собрался спросить, не может ли он чем-нибудь помочь, когда Хэнском задал свой вопрос:

– Какой виски подают в твоём баре, Рикки Ли?

– Для всех остальных в этой дыре – «Четыре розы», – ответил Рикки Ли. – Для вас, думаю, это «Дикая индюшка».

Ответ вызвал у Хэнскома легкую улыбку.

– Это хорошо, Рикки Ли. Я думаю, тебе все-таки стоит взять пивной стакан. Как насчет того, чтобы наполнить его «Дикой индюшкой»?

– Наполнить? – с искренним изумлением переспросил Рикки Ли. – Господи, мне придется выкатывать вас отсюда. – «Или вызывать «скорую помощь», подумал он.

– Не сегодня, – покачал головой Хэнском. – Сегодня – не придется.

Рикки Ли внимательно заглянул мистеру Хэнскому в глаза, чтобы убедиться, что тот не шутит, и ему потребовалось меньше секунды, чтобы понять: нет, не шутит. Поэтому он взял с полки пивной стакан и извлек из-под стойки бутылку «Дикой индюшки». Горлышко бутылки застучало о край стакана, когда Рикки Ли начал наполнять его виски. Он зачарованно наблюдал, как виски льется в стакан, и решил, что в мистере Хэнскоме не чуточка техасской экстравагантности, а гораздо больше. Никогда в жизни Рикки Ли не наливал такую большую порцию виски и сомневался, что еще когда-нибудь нальет.

«Вызывать «скорую помощь», чтоб я сдох! Если он выпьет этот стакан, мне придется звонить Паркеру и Уотерсу в Шведхолм, чтобы приезжали со своим катафалком».

Тем не менее он принес полный стакан и поставил перед Хэнскомом. Отец Рикки Ли как-то сказал ему: «Если человек в здравом уме, ты приносишь ему все, за что он платит, будь это моча или яд». Рикки Ли не знал, хороший это совет или плохой, зато знал другое: если ты зарабатываешь на жизнь за стойкой бара, такие советы не позволяют совести изрубить тебя в капусту.

Хэнском какое-то время задумчиво смотрел на чудовищную порцию виски, потом спросил:

– Сколько я тебе должен за этот стакан, Рикки Ли?

Рикки Ли медленно покачал головой, не отрывая глаз от пивного стакана, наполненного виски.

– Нисколько. За счет заведения.

Хэнском снова улыбнулся, на сей раз более естественно.

– Что ж, спасибо тебе, Рикки Ли. А теперь я хочу показать тебе нечто такое, чему научился в Перу в 1978 году. Я работал с человеком, которого звали Фрэнк Биллингс, можно сказать, учился у него. Думаю, Фрэнк Биллингс был лучшим архитектором в мире. Он подцепил какую-то лихорадку, и врачи кололи ему самые разные антибиотики, но ни один не мог с ней справиться. Биллингс умер, сторев за две недели. Я хочу показать тебе то, чему научился у индейцев, которые участвовали в этом проекте. Местный самогон был очень крепким. Выпиваешь глоток, и он проскакивает вниз, ты уже думаешь, как все хорошо, и тут кто-то зажигает факел у тебя во рту и пытается запихнуть его в горло. Однако индейцы пили его, как кока-колу, я редко видел кого-то пьяным и никогда не видел, чтобы кто-то страдал от похмелья. Мне не доставало духа пить его, как пили они. Но, думаю, сегодня я попробую. Принеси мне дольки лимона.

Рикки Ли принес четыре и аккуратно положил на новую бумажную салфетку рядом с пивным стаканом виски. Хэнском взял одну дольку, запрокинул голову, как человек, собравшийся закапать капли в глаз, а потом начал выжимать лимонный сок в правую ноздрю.

– Господи Иисусе! – в ужасе воскликнул Рикки Ли.

Горло Хэнскома двигалось. Лицо побагровело – а потом Рикки Ли увидел, как слезы текут от уголков глаз к ушам. В музыкальном автомате сменилась пластинка. «Спиннерс»⁴³ пели о человеке-резиновой ленте. «О боже, просто не знаю, сколько я смогу выдержать», – пели «Спиннерс».

Хэнском на ощупь нашел на стойке вторую дольку лимона и выжал сок в другую ноздрю.

⁴³ «The Spinners» – американская музыкальная группа, работающая в стиле соул. Выступает с 1961 г. и по настоящее время.

– Вы же, на хрен, убьете себя, – прошептал Рикки Ли.

Хэнском бросил оба выжатых клинышка на стойку. Его глаза горели красным, он тяжело и часто дышал. Лимонный сок вытекал из ноздрей, прокладывая путь к уголкам рта. Хэнском схватил пивной стакан, поднял и осушил на треть. Замерев, Рикки Ли наблюдал, как кадык мистера Хэнскома ходит вверх-вниз.

Архитектор поставил стакан на стойку, дважды содрогнулся, потом кивнул. Посмотрел на Рикки Ли и чуть улыбнулся. Краснота из глаз ушла.

– Срабывает, как они и говорили. Ты настолько занят своим носом, что совершенно не чувствуешь, что течет в горло.

– Вы сошли с ума, мистер Хэнском, – присипел Рикки Ли.

– Можешь поспорить на свою шкуру. Помнишь эту фразу, Рикки Ли? В нашем детстве она была в ходу. «Можешь поспорить на свою шкуру». Я тебе говорил, что раньше был толстым?

– Нет, сэр, никогда не говорили, – прошептал Рикки Ли. Он уже не сомневался, что мистер Хэнском получил известие столь чудовищное, что действительно мог рехнуться... во всяком случае, на какое-то время.

– Я был жиртрестом. Никогда не играл в бейсбол или баскетбол. В салочки меня всегда ловили первым, я не мог убежать даже от самого себя. Я был толстым, все так. И в моем родном городе жили парни, которые частенько гонялись за мной. Реджинальд Хаггинс, которого все звали Рыгало Хаггинс. Виктор Крисс. Несколько других. Но мозговым центром той компании был Генри Бауэрс. Если эту землю когда-нибудь и топтал ногами действительно гадкий мальчишка, Рикки Ли, то это был Генри Бауэрс. Он гонялся не только за мной. Моя беда была в том, что я не мог убежать так быстро, как остальные.

Хэнском расстегнул пуговицы рубашки, распахнул ее. Наклонившись вперед, Рикки Ли увидел необычной формы шрам. На животе мистера Хэнскома, повыше пупка. Побелевший, разгладившийся, старый. Буква! Кто-то вырезал заглавную букву «Эйч» на животе мужчины, судя по всему, задолго до того, как мистер Хэнском стал мужчиной.

– Это сделал со мной Генри Бауэрс. Тысячу лет тому назад. Мне повезло, что он не вырезал у меня на животе все свое чертово имя⁴⁴.

– Мистер Хэнском...

Хэнском взял две другие лимонные дольки, по одной в руку, запрокинул голову и закапал в ноздри лимонный сок. Содрогнулся, положил выжатые клинышки на стойку, сделал два больших глотка из стакана. Опять содрогнулся, сделал еще глоток, ухватился за край стойки, закрыл глаза. На какие-то мгновения застыл, держась за стойку, как человек на яхте, плывущей по бурному морю, держится за леер, чтобы его не снесло за борт. Потом открыл глаза и улыбнулся Рикки Ли:

– Я могу играть в эту игру всю ночь.

– Мистер Хэнском, мне бы хотелось, чтобы вы это прекратили, – нервно бросил Рикки Ли.

Подошла Энни с подносом, попросила налить два «Миллера». Рикки Ли наполнил два стакана, отдал ей. Ноги у него стали ватными.

– С мистером Хэнскомом все в порядке, Рикки Ли? – спросила Энни. Смотрела она мимо него, и Рикки Ли повернулся, чтобы проследить ее взгляд. Мистер Хэнском перегнулся через стойку и осторожно брал дольки лимона из пластиковой коробки, в которой Рикки Ли держал фрукты для напитков.

– Не знаю. Думаю, что нет.

⁴⁴ На английском языке имя Генри пишется Henry.

– Тогда вынь палец из своей задницы и сделай что-нибудь. – Энни, как и большинство других женщин, неровно дышала к Бену Хэнскому.

– Не могу. Мой отец всегда говорил, если человек в здравом уме...

– Твоему отцу Бог дал меньше мозгов, чем суслику. Оставь своего отца в покое. Ты должен положить этому конец, Рикки Ли. Он же собирается себя убить.

Получив указание к действию, Рикки Ли вернулся к тому месту, где сидел Бен Хэнском.

– Мистер Хэнском, я действительно думаю, что...

Хэнском запрокинул голову. Выжал обе дольки. Фактически втянул в себя сок, словно кокаин. Глотнул виски, как воду. Строго посмотрел на Рикки Ли.

– Бух-бах, мы танцуем и поем, очень весело живем, – прервал он Рикки Ли и рассмеялся. Виски в стакане осталось на доньшке.

– Этого достаточно. – Рикки Ли потянулся к стакану.

Хэнском мягко отодвинул его за пределы досягаемости.

– Хуже уже не будет, Рикки Ли. Хуже уже не будет, друг мой.

– Мистер Хэнском, пожалуйста...

– У меня кое-что есть для твоих мальчишек, Рикки Ли. Черт, я чуть не забыл!

Он полез в один из карманов вылинявшей джинсовой жилетки, надетой поверх рубашки. Рикки Ли услышал приглушенный звон.

– Мой отец умер, когда мне было четыре года, – продолжил Хэнском. Язык его нисколько не заплетался. – Оставил нам кучу долгов и это. Я хочу отдать их твоим мальчишкам, Рикки Ли. – Он положил на стойку три серебряных доллара, и монеты заблестели под мягким светом ламп.

У Рикки Ли перехватило дыхание.

– Мистер Хэнском, вы очень добры, но я не могу...

– Их было четыре, но один я отдал Заике Биллу и остальным. Билл Денбро, так его звали на самом деле. Это мы называли его Заи кой Биллом... так же, как говорили «Можешь поспорить на свою шкуру». Он был одним из моих лучших друзей... нескольких моих лучших друзей. Даже у такого толстяка, как я, могло быть несколько друзей. Теперь Заика Билл писатель.

Рикки Ли практически не слышал мистера Хэнскома, он зачарованно смотрел на большие серебряные монеты, «фургонные колеса». Отчеканенные в 1921-м, 1923-м и 1924-м годах. Одному Богу известно, сколько они сейчас стоили, даже если говорить только о серебре, из которого их изготовили.

– Я не могу, – повторил он.

– Но я настаиваю. – Мистер Хэнском поднял пивной стакан и допил виски. Ему полагалось лежать в отрубе, но его глаза не отрывались от лица Рикки Ли. Глаза эти чуть слезились, налились кровью, но Рикки Ли поклялся бы на стопке Библий, что на него смотрели глаза трезвого человека.

– Вы малость пугаете меня, мистер Хэнском, – ответил ему Рикки Ли. Двумя годами раньше Грешэм Арнольд, алкаш, в определенном смысле местная знаменитость, пришел в «Красное колесо» с валиком аккуратно завернутых в бумажку четвертаков в руке и двадцаткой, засунутой под ленту шляпы. Валик протянул Энни, наказав ей скармливать четвертаки музыкальному автомату по четыре разом. Двадцатку положил на стойку и велел Рикки Ли угощать всех. Этот алкаш, этот Грешэм Арнольд, когда-то давно был звездой школьной баскетбольной команды «Хемингфордские тараны» и привел их к первой (и скорее всего последней) победе в чемпионате средних школ. Случилось это в 1961 году. Тогда перед ним открывалось радужное будущее, но после первого семестра его выгнали из университета Луизианы: он пал жертвой выпивки, наркотиков, ночных гулянок. Грешэм вернулся домой, разбил желтый кабриолет, который родители подарили ему на окончание школы, пошел работать старшим продавцом в дилерский центр тракторов «Джон Дир», принадлежащий его отцу. Прошло пять лет. Отец

не мог заставить себя уволить его, поэтому продал дилерский центр и уехал в Аризону, составил раньше времени, глядя на необъяснимую и, по всей видимости, необратимую деградацию сына. Пока дилерский центр принадлежал его отцу, младший Арнольд хотя бы ходил на работу, он предпринимал хоть какие-то усилия, чтобы не давать себе волю с выпивкой. Но после того как дилерский центр перешел в другие руки, его уже больше ничего не сдерживало. Он бывал злобным, но в тот день, когда появился в «Красном колесе» с четвертаками и поставил всем выпивку, был мягким и пушистым, как котенок, и все тепло благодарили его, а Энни ставила песни Мо Бэнди, потому что Грешэм Арнольд любил Мо Бэнди. Он сидел в баре (на том самом стуле, где сейчас сидел мистер Хэнском, внезапно осознал Рикки Ли, и его тревога только усилилась), выпил три или четыре стаканчика бурбона с горькой настойкой, пел вместе с музыкальным автоматом, никому не доставлял хлопот, ушел домой после того, как Рикки Ли закрыл «Колесо», и повесился на ремне в чулане наверху. И глаза Грешэма Арнольда в тот вечер чуть напоминали глаза Бена Хэнскома в этот самый момент.

– Немного пугаю тебя, да? – спросил Хэнском, не отрывая взгляда от Рикки Ли. Он отодвинул пивной стакан и аккуратно положил руки на стойку, перед тремя серебряными долларами. – Но ты испуган не так, как я, Рикки Ли. Молись Господу, чтобы тебе никогда не испытать такого страха.

– А в чем дело? – спросил Рикки Ли. – Может... – Он облизнул губы. – Может, я могу помочь?

– В чем дело? – Бен Хэнском рассмеялся. – Знаешь, ничего особенного. Сегодня вечером позвонил мой давний друг. Его зовут Майк Хэнлон. Я все о нем забыл, Рикки Ли, но меня это особо не испугало. В конце концов, я знал его ребенком, а дети забывчивы, так? Конечно, забывчивы. Можешь поспорить на свою шкуру. Испугало меня другое. На полпути сюда до меня дошло, что я забыл не только Майка. Я забыл о том, что был ребенком.

Рикки Ли молча смотрел на него. Не понимал, о чем говорил мистер Хэнском... но он боялся, все так. Сомнений тут быть не могло. Страх действовал на Бена Хэнскома странным образом, но был настоящим.

– Я хочу сказать, что забыл все. – Костяшками правой руки он легонько постучал по стойке, подчеркивая свои слова. – Ты когда-нибудь слышал, Рикки Ли, об абсолютной амнезии, когда ты даже не знаешь, что у тебя амнезия?

Рикки Ли покачал головой.

– Я тоже. Но сегодня вечером, когда я ехал в «кэдди», воспоминания внезапно обрушились на меня. Я вспомнил Майка Хэнлона, но только потому, что он позвонил мне по телефону. Я вспомнил Дерри, но только потому, что оттуда он звонил.

– Дерри?

– Но это все. А поразило меня то, что я не думал о том, что был ребенком с... даже не знаю, с каких времен. А потом воспоминания хлынули потоком. В том числе я вспомнил, что мы сделали с четвертым серебряным долларом.

– И что вы с ним сделали, мистер Хэнском?

Хэнском посмотрел на часы, внезапно соскользнул со стула. Чуть покачнулся... самую малость. И все.

– Не могу больше тратить время. Сегодня я улетаю.

На лице Рикки Ли тут же отразилась тревога, и Хэнском рассмеялся:

– Улетаю, а не сажусь за штурвал. Сегодня – нет. Рейсом «Юнайтед эйрлайнс», Рикки Ли.

– Ох. – Наверное, на лице его тревога сменилась облегчением, но ему было без разницы. –

И куда летите?

Рубашка Хэнскома оставалась распахнутой. Он посмотрел на перекрестные белые линии старого шрама на животе и начал застегивать пуговицы.

– Думал, что говорил тебе, Рикки Ли. Домой. Я лечу домой. Отдай эти доллары своим мальчишкам. – Он двинулся к двери и что-то в его походке, даже в том, как он подтянул штаны, ужаснуло Рикки Ли. Сходство с умершим и не вызвавшим всеобщей скорби Грешэмом Арнольдом вдруг стало таким явным, что создалось ощущение, будто он видит призрак.

– Мистер Хэнском! – в испуге выкрикнул он.

Хэнском обернулся, и Рикки Ли быстро отступил на шаг. Ткнулся задом в столик под зеркалом. Зазвенели стаканы, стоявшие рядышком бутылки стукнулись друг о друга. Он отступил на шаг, потому что со всей очевидностью понял – Бен Хэнском мертв. Да, Бен Хэнском где-то лежит мертвым, в кювете, на чердаке, а возможно, висит в чулане с ремнем на шее, и носки его ковбойских сапог стоимостью в четыре сотни долларов на дюйм или два не достают до пола, а рядом с музыкальным автоматом стоял и смотрел на него призрак. На мгновение (только на мгновение, но этого хватило, чтобы гулко бьющееся сердце покрылось коркой льда) он убедил себя, что может видеть сквозь этого человека столы и стулья.

– Что такое, Рикки Ли?

– Н-н... ничего.

Бен Хэнском смотрел на Рикки Ли. Под глазами висели лиловые мешки, щеки горели от выпитого виски, ноздри покраснели, как при простуде.

– Ничего, – вновь прошептал Рикки Ли, но не мог оторвать взгляда от этого лица, от лица человека, который умер, погрязнув в грехе, и теперь стоит перед дымящейся боковой дверью ада.

– Я был толстым, а наша семья – бедной, – заговорил Бен Хэнском. – Теперь я это помню. И я помню, что то ли девочка, которую звали Беверли, то ли Заика Билл спасли мою жизнь с помощью серебряного доллара. Я до безумия боюсь того, что еще могу вспомнить, прежде чем закончится этот день, но мой испуг не имеет ровно никакого значения, потому что я обязательно все вспомню. Все воспоминания остались, они растут в моем сознании, как большой пузырь. Но я еду по одной причине: всем, что у меня когда-то было и есть сейчас, я обязан тому, что мы тогда сделали, а в этом мире принято платить за то, что ты получаешь. Возможно, поэтому Бог создал нас сначала детьми, чтобы мы были ближе к земле. Он знал, что тебе придется часто падать и разбиваться в кровь, прежде чем ты выучишь этот простой урок. Ты платишь за то, что получаешь, тебе принадлежит то, за что ты платишь... и рано или поздно то, что тебе принадлежит, возвращается к тебе.

– Вы ведь вернетесь на уик-энд, да? – спросил Рикки Ли онемевшими губами. Тревога его росла, и он смог найти и ухватиться только за эту соломинку. – Вы появитесь у нас в этот уик-энд, как и всегда?

– Не знаю, – ответил мистер Хэнском и улыбнулся жуткой улыбкой. – На этот раз я отправляюсь куда дальше Лондона, Рикки Ли.

– Мистер Хэнском!..

– Отдай эти монеты своим мальчишкам, – повторил Хэнском и выскользнул в ночь.

– Что за черт? – спросила Энни, но Рикки Ли не обратил на нее внимания. Он откинул перегородку, выскочил из-за барной стойки, подбежал к одному из окон, выходящих на автомобильную стоянку. Увидел, как вспыхнули фары «кэджи» мистера Хэнскома, услышал, как заработал двигатель. Он выехал со стоянки, подняв шлейф пыли. Красные фонари превращались в красные точки, по мере того, как «кэджи» уезжал все дальше по шоссе 63, а ночной ветер Небраски разгонял поднятую пыль.

– Он столько выпил, а ты позволил ему сесть за руль большого автомобиля и уехать, – набросилась на Рикки Ли Энни. – Ну, ты и гусь, Рикки Ли.

– Не бери в голову.

– Он же убьется.

И хотя именно так Рикки Ли думал пятью минутами раньше, он повернулся к Энни, когда задние огни «кэдди» скрылись из виду, и покачал головой:

– Сомневаюсь. Хотя судя по тому, как он выглядел, для него было бы лучше, если б убился.

– Что он тебе сказал?

Рикки Ли снова покачал головой. Все, сказанное мистером Хэнскомом, смешалось в кучу, а в итоге получался пшик.

– Не важно. Но не думаю, что мы еще его увидим.

4

Эдди Каспбрэк собирает лекарства

Если вы хотите узнать все, что нужно знать об американце или американке, принадлежащих к среднему классу и живущих в самом конце второго тысячелетия, вам нужно всего лишь заглянуть в его или ее шкафчик-аптечку – так по крайней мере говорят. Но, Господи Иисусе, загляните в тот, что открывает Эдди Каспбрэк, сдвигая дверцу-зеркало, стирая тем самым свое бледное лицо и широко раскрытые глаза.

На верхней полке – анацин, экседрин, экседрин ПМ, контак, гелусил, тайленол, большая синяя банка растирки «Викс» (густые сумерки, укрывшиеся за стеклом), бутылочка виварина, бутылочка серутана (серутан – это от природы, только наоборот, как говорил Лоуренс Уэлк⁴⁵, когда Эдди Каспбрэк был еще маленьким), две бутылочки магнезии Филлипса, обычной, по вкусу напоминавшей жидкий мел, и с новым мятным вкусом, тот же жидкий мел, но с привкусом мяты. Большой флакон «Ролэйдс» по-приятельски соседствует с большим флаконом «Тамс»⁴⁶. Следом за «Тамс» стоит большой флакон таблеток ди-гель с апельсиновым вкусом. Все три напоминают копилки, наполненные таблетками вместо монет.

Вторую полку занимают витамины: витамин Е, витамин С, витамин С с плодами шиповника. Просто витамин В, комплекс витаминов В и витамин В-12. Лизин, который должен помогать при раздражениях кожи, лецитин, который должен препятствовать повышению холестерина внутри и вокруг Большого насоса. Препараты железа, кальция и рыбий жир. Мультикомплекс «Одна-в-день». Мультикомплекс «Миадекс». Мультикомплекс «Центрум». И на шкафчике-аптечке – огромная бутылка геритола, для полного комплекта.

Спустившись на третью полку, мы попадаем в мир практичных представителей патентованных лекарств. Экс-лакс. Маленькие пилюли Картера. Эти два препарата способствуют перемещению «почты» по кишечнику Эдди Каспбрэка. Компанию им составляют каопектат, пептобисмол и преперейшн-эйч, на случай, если «почта» движется слишком быстро или болезненно. Гигиенические салфетки «Такс» в банке с навинчивающейся крышкой необходимы, чтобы прибраться после доставки «почты», независимо от того, состоит она из одного-двух рекламных листов или прибывает большая посылка. Формула-44 помогает при кашле, найкуил и драйстан – при простуде. Есть и бутылка касторового масла. С покраснением горла могут бороться пастилки «Сукретс» в жестянке. Растворов для полоскания рта Эдди держит четыре: хлорасептик, цепакол, цепестат (спрей) и, разумеется, проверенный листерин, который часто имитировали, но так и не смогли создать полный аналог. Визин и мюрин – для глаз. Кортейд и мазь неоспорин – от повреждений кожи (вторая линия защиты, если лизин не оправдывал ожиданий). Тюбик окси-5 соседствует с пластиковой бутылочкой окси-уош (Эдди предпочитал

⁴⁵ Слабительное серутан активно рекламировалось на радио и телевидению в 1930—1960-е гг., в том числе и на «Шоу Лоуренса Уэлка». Обыгрывается Serutan – Nature's.

⁴⁶ «Ролэйдс» и «Тамс» – нейтрализаторы кислотности, конкурирующие на рынке.

иметь на несколько центов меньше, чем на несколько прыщей больше). Тут же тетрациклиновые капсулы.

А в самом углу, отдельно, как какие-то конспираторы – три бутылки угольно-дегтярного шампуня.

Нижняя полка практически пуста, но лекарства на ней – куда более серьезные. Ладно, вы можете ознакомиться с ее содержимым. На этих таблетках можно улететь выше, чем на реактивном самолете Бена Хэнскома, и разбиться сильнее, чем Турман Мансон⁴⁷. Тут валиум, перкодан, элавил и дарвон-комплекс. На этой полке стоит еще одна жестянка пастилок «Сукретс», но самих пастилок в ней нет. В жестянке – шесть таблеток куаалуода.

Эдди Каспбрэк верил в девиз бойскаутов⁴⁸.

Он вошел в ванную, размахивая большой хозяйственной сумкой. Поставил ее на раковину, расстегнул молнию, а потом трясушимися руками начал загружать туда пузырьки, бутылочки и бутылки, банки, тубики, пластиковые бутылочки и спреи. При других обстоятельствах он аккуратно перекладывал бы их одну за другой, но для столь почтительного отношения времени сейчас не было. Потому что выбор, как это представлялось Эдди, стоял перед ним простой и жесткий: двигаться и продолжать двигаться или оставаться на одном месте достаточно долго для того, чтобы задуматься, что все это значит, и умереть от страха.

– Эдди? – позвала снизу Майра. – Эдди, что ты там де-е-е-елаешь?

Эдди бросил в сумку жестянку из-под пастилок, в которой теперь лежали таблетки куаалуода. Шкафчик-аптечка практически опустел. В нем остались только мидол Майры и выжатый чуть ли не до конца тубик блистекса. Эдди замялся, потом схватил блистекс. Начал застегивать молнию, посоветовался сам с собой и отправил в сумку мидол. Майра всегда могла его купить.

– Эдди? – Майра уже преодолела половину лестницы.

Эдди до конца застегнул молнию и вышел из ванной, размахивая сумкой. Невысокий мужчина, с мягким лицом, в котором было что-то от кролика. Большинство волос он уже лишился, остальные росли островками, которые постоянно уменьшались. Вес сумки заставлял его клониться в сторону.

Огромных габаритов женщина медленно поднималась на второй этаж. Эдди слышал, как протестующе скрипели под ней ступени.

– Что ты ДЕ-Е-Е-ЕЛАЕШЬ?

Эдди не требовался психоаналитик, чтобы понять: женился он в определенном смысле на своей матери. Габариты Майры Каспбрэк потрясали. Пятью годами раньше, когда Эдди женился на ней, она была всего лишь крупной женщиной, но он подсознательно чувствовал (иногда приходили к нему такие мысли), что она будет прибавлять и прибавлять. Белая ночная рубашка вздымалась волнами на груди и бедрах. И каким-то образом Майра стала еще более огромной, когда добралась до лестничной площадки второго этажа. Ее бледное, ненакрашенное лицо блестело. Выглядела она жутко испуганной.

– Мне нужно ненадолго уехать, – объяснил Эдди.

– Что значит «уехать»? Кто тебе звонил?

– Не важно. – Он проскочил через коридор в гардеробную. Поставил хозяйственную сумку на пол, открыл складную дверь шкафа, сдвинул в сторону полдюжину одинаковых черных костюмов, которые висели рядком, выделяясь грозным облаком среди другой, более яркой одежды. На работу он всегда надевал черный костюм. Он наклонился в глубины шкафа, где пахло пылью и шерстью, вытащил один из чемоданов, стоявших у дальней стены. Раскрыл и начал бросать туда одежду.

⁴⁷ Мансон, Турман Ли (1947–1979) – известный американский бейсболист. Погиб в возрасте 32 лет при попытке посадить личный самолет.

⁴⁸ Девиз бойскаутов – «Будь готов!»

На него упала тень Майры.

– Что все это значит, Эдди? Куда ты собираешься? Скажи мне!

– Я не могу тебе сказать!

Майра стояла, наблюдая за ним, пытаясь решить, что теперь сказать, что сделать. Возникла мысль запихнуть его в шкаф и придавить дверь своим телом, пока не пройдет этот приступ безумия, но она не могла заставить себя пойти на такое, хотя у нее наверняка бы получилось: ростом она превосходила Эдди на три дюйма, а весила на сотню фунтов больше. Она не знала, ни что ей сделать, ни что сказать, потому что никогда еще он так себя не вел. Не могла сказать, испугалась бы она еще больше, если б вошла в гостиную и увидела их новенький телевизор с большим экраном, парящим в воздухе.

– Ты не можешь уехать, – услышала она свой голос. – Ты обещал принести мне автограф Аль Пачино. – Абсурд, конечно, Бог свидетель, но в такой момент и от абсурда толку больше, чем от молчания.

– Ты и без меня можешь получить этот автограф. Завтра сама будешь возить его по городу.

Ох, новый ужас присоединился к тем, что уже ворочались в ее бедной голове. Она вскрикнула.

– Я не смогу. Я никогда...

– Тебе придется. – Теперь он подбирал обувь. – Больше никому.

– На меня ни одна униформа не налезет – они узки мне в груди.

– Попроси Долорес расставить какую-нибудь, – жестко ответил Эдди. Бросил в чемодан две пары черных туфель, нашел пустую коробку, положил в нее третью пару. Хорошие черные туфли, их еще носить и носить, но выглядели они слишком потрепанными для работы. Если ты зарабатываешь на жизнь тем, что возишь по Нью-Йорку богачей, зачастую знаменитых богачей, все должно быть в лучшем виде. Эти туфли так не выглядели – но вполне могли стодиться там, куда он отправлялся. И для того, что ему, возможно, придется делать, когда он доберется туда. Может, Ричи Тозиер...

Но тут в глазах потемнело, и он почувствовал, как начинает сдавливать горло. Эдди запаниковал – до него дошло, что, запаковав в сумку всю чертову аптеку, он оставил самое важное, свой ингалятор, на первом этаже, на стереосистеме.

Он захлопнул крышку чемодана, щелкнул замками. Повернулся к Майре, которая стояла в коридоре, прижав руку к короткой толстой колонне шеи, словно это она страдала астмой. Она просто смотрела на него, на лице читались недоумение и страх, и он бы мог пожалеть ее, если б его сердце не переполнял ужас за себя.

– Что случилось, Эдди? Кто тебе звонил? У тебя неприятности? Неприятности, да? Что у тебя за неприятности?

Он направился к ней, с хозяйственной сумкой в одной руке и чемоданом в другой. Теперь он не клонился в одну сторону, потому что сумка и чемодан уравнивали друг друга. Жена встала перед ним, перекрыв путь к лестнице, и поначалу он подумал, что она не сдвинется с места. Но в последний момент, когда его лицо едва не ткнулось в мягкий заслон ее груди, Майра отступила, испугавшись. А когда он проходил мимо, не сбавляя шагу, разрыдалась.

– Я не могу возить Аль Пачино! – заверещала она. – Я врежусь в знак «Стоп» или куда-нибудь еще. Я знаю, что врежусь, Эдди. Я бою-ю-ю-юсь!

Он посмотрел на часы «Сет Томас»⁴⁹, стоявшие на столике у лестницы. Двадцать минут десятого. В «Дельте» какая-то дама официальным голосом сказала ему, что на последний самолет в Мэн, вылетающий из Ла-Гуардии в 20:25, он уже опоздал. Он позвонил в «Амтрак», и узнал, что последний поезд в Бостон отправляется с Пенн-стейшн в одиннадцать тридцать.

⁴⁹ «Сет Томас клок компании» – старейшая американская фирма по производству часов.

На нем он мог добраться до Саут-стейшн, а оттуда взять такси до офиса «Кейп-Код лимузин» на Арлингтон-авеню. «Кейп-Код» и компания Эдди, «Ройал крест» много лет плодотворно сотрудничали. Один звонок Бутчу Кэррингтону в Бостон, и проблема с транспортом для поездки на север решилась: Бутч сказал, его будет ждать заправленный и готовый к отъезду «кадиллак». Так что он мог еще и проехаться с шиком, поскольку его не будет доставать рассеявшийся на заднем сиденье клиент, попыхивающий вонючей сигарой и спрашивающий, не знает ли Эдди, где найти девочку, или несколько граммов кокаина, или и то, и другое.

«*Проехаться с шиком, это точно*», – подумал он. Шика этого могло прибавиться только в одном случае – если б его везли в катафалке. Но не волнуйся, Эдди. Обратное, тебя, возможно, так и повезут. Если, конечно, останется, что везти.

– Эдди?

Двадцать минут десятого. Еще есть время поговорить с ней, есть время проявить доброту. Ах, насколько было бы лучше, если б в этот вечер она играла в вист. Он бы просто выскользнул из дома, оставив записку под магнитом на двери холодильника (он всегда оставлял записки Майре на холодильнике, потому что там она их обязательно замечала). В таком уходе, чего там, побеге, не было ничего хорошего, но сейчас получалось только хуже. Все равно что вновь покидать дом, и давалось ему это так же тяжело, как и первые три раза.

«*Дом там, где сердце*, – вдруг подумал Эдди. – *Я в это верю. Старина Бобби Фрост*⁵⁰ говорил, что дом – то место, где тебя должны принять, когда ты туда придешь. К сожалению, это еще и место, откуда тебя не хотят выпускать, раз уж ты туда пришел».

Он стоял на верхней ступеньке, временно утратив способность двигаться, обуянный страхом – воздух со свистом входил и выходил через игольное ушко, в которое превратилось дыхательное горло, – и смотрел на плачущую жену.

– Пойдем со мной вниз, и я расскажу все, что смогу, – предложил он.

В прихожей, у парадной двери, Эдди опустил на пол свою ношу, чемодан с вещами и хозяйственную сумку с лекарствами. Тут он вспомнил кое-что еще – или скорее призрак матери, которая умерла давным-давно, но частенько разговаривала с ним в его голове, напомнил ему.

«*Ты знаешь, когда у тебя промокают ноги, ты сразу простужаешься, Эдди... в отличие от других у тебя очень слабая иммунная система, поэтому тебе нужно соблюдать осторожность. Вот почему в дождь ты всегда должен надевать галоши*».

В Дерри частенько лило. Эдди открыл дверь стенового шкафа в прихожей, снял галоши с крючка, на котором они висели, аккуратно сложенные в пластиковом мешке, и положил в чемодан. «Хороший мальчик, Эдди».

Они с Майрой смотрели телевизор, когда грянул гром. И теперь Эдди вернулся в гостиную, где стоял телевизор «Мюралвижн», и нажатием кнопки опустил экран, такой огромный, что по воскресеньям Фримен Макнил⁵¹ выглядел на нем заезжим гостем с Бробдингега. Он снял трубку с телефонного аппарата и вызвал такси. Диспетчер пообещал, что машина подъедет через пятнадцать минут. Эдди ответил, что его это вполне устраивает.

Он положил трубку и схватил ингалятор, лежавший на их дорогом проигрывателе компакт-дисков «Сони». «Я потратил полторы тысячи баксов на первоклассную стереосистему, чтобы Майра не упустила ни одной золотой ноты, слушая свои записи Барри Манилоу и «Величайшие хиты «Супримс», – подумал он и тут же почувствовал укол совести. Жену он обвинял напрасно – он чертовски хорошо знал, что Майра слушала старые поцарапанные пластинки с тем же удовольствием, что и новые, размером с сорокапятку⁵², лазерные диски,

⁵⁰ Фрост, Роберт (1874–1963) – один из крупнейших американских поэтов.

⁵¹ Макнил, Фримен (р. 1959) – звезда американского футбола 1980-х гг.

⁵² Сорокапятка – виниловая пластинка, вращающаяся со скоростью 45 оборотов в минуту.

точно так же, как с радостью жила бы в Куинсе, в их маленьком четырехкомнатном домике, пока оба не состарились бы и не поседели (и, по правде говоря, на горе Эдди Каспбрэка уже появился снежок). Он купил стереосистему класса «люкс» по той же причине, что и дом из плитняка на Лонг-Айленде, где они вдвоем напоминали две последние горошины в консервной банке, – потому что мог себе это позволить и потому что этим он ублажал мягкий, испуганный, часто недоумевающий, но всегда безжалостный голос матери; этим он говорил: «Я это сделал, мамуля! Посмотри! Я это сделал! А теперь будь так любезна, ради бога, хоть на время заткнись!»

Эдди сунул ингалятор в рот, как человек, имитирующий самоубийство, и нажал на клапан. Облако отвратительно лакричного вкуса заклубилось и устремилось в горло. Эдди глубоко вдохнул. Почувствовал, как освобождаются почти полностью перекрытые дыхательные пути. Сдавленность уходила из груди, но внезапно он услышал в голове голоса, голоса-призраки.

«Разве вы не получили записку, которую я вам посылала?»

«Получил, миссис Каспбрэк, но...»

«Что ж, на случай, если вы ее не прочитали, тренер Блэк, позвольте мне озвучить ее лично. Вы готовы?»

«Миссис Каспбрэк...»

«Хорошо. Тогда слушайте. С моих губ да в ваши уши. Готовы? Мой Эдди не может заниматься физкультурой. Повторяю: он не МОЖЕТ заниматься физкультурой. Эдди очень слабенький, и если он побежит... если он прыгнет...»

«Миссис Каспбрэк, у меня в кабинете лежат результаты последнего медосмотра Эдди. Это требование департамента образования штата. Там указано, что рост Эдди чуть меньше нормы для его возраста, но в остальном он в полном здравии. Я позвонил вашему семейному врачу, чтобы развеять последние сомнения, и он подтвердил...»

«Вы говорите, что я лгуныя, тренер Блэк? Это так? Что ж, вот он, Эдди, стоит рядом со мной! Вы слышите, как он дышит? СЛЫШИТЕ?»

«Мама... пожалуйста... все у меня хорошо...»

«Эдди, ты лучше помолчи. Или ты забыл, чему я тебя учила? Не перебивай старших».

«Я слышу, миссис Каспбрэк, но...»

«Слышите? Это хорошо! Я думала, может, вы оглохли! Он дышит, как грузовик, поднимающийся в гору на низкой передаче, так? И если это не астма...»

«Мама, я не...»

«Успокойся, Эдди, не перебивай меня. Если это не астма, тренер Блэк, тогда я королева Елизавета!»

«Миссис Каспбрэк, Эдди нравится заниматься физкультурой. Он любит игры и бегают очень даже быстро. В моем разговоре с док тором Бейнсом упоминался термин «психосоматический». Я думаю, вы не рассматривали вероятность того...»

«...что мой сын – сумасшедший? Вы это пытаетесь мне сказать? ВЫ ПЫТАЕТЕСЬ СКАЗАТЬ, ЧТО МОЙ СЫН – СУМАСШЕДШИЙ?»

«Нет, но...»

«Он слабенький».

«Миссис Каспбрэк...»

«Мой сын очень слабенький».

«Миссис Каспбрэк, доктор Бейнс подтвердил, что физически Эдди...»

– ...совершенно здоров, – закончил Эдди. Этот унижительный эпизод (его мать кричала на тренера Блэка в спортивном зале начальной школы Дерри, когда он стоял рядом с ней, сжавшись в комок, а другие дети собрались под одним из баскетбольных колец и наблюдали) вспомнился ему впервые за долгие годы. И он знал – это не единственное воспоминание, которое разбудил телефонный звонок Майка Хэнлона. Уже чувствовал, как многие другие, такие же

плохие или еще хуже, толкнутся у входа в его сознание, совсем как толпа рвущихся на распродажу покупателей, штурмующая узкое горлышко – двери универмага. Но горлышко не могло их сдержать. Он в этом не сомневался. И что они найдут на этой распродаже? Его рассудок? Возможно. За полщены. С повреждениями от дыма и воды. Все должно уйти.

– Физически совершенно здоров, – повторил он, глубоко, со всхлипами вдохнул и сунул ингалятор в карман.

– Эдди, – взмолилась Майра, – пожалуйста, скажи, что все это значит?

Дорожки от слез заблестели на пухлых щеках. Руки, сведенные вместе, пребывали в непрерывном мельтешении, пара играющих безволосых, розовых зверьков. Однажды, буквально перед тем, как предложить Майре выйти за него замуж, он взял ее фотографию, которую она ему подарила, и поставил рядом с фотографией матери, скончавшейся от острой сердечной недостаточности в шестьдесят четыре года. Ко дню смерти мать Эдди весила больше четырехсот фунтов – если точно, четыреста шесть. Выглядела она тогда чудовищно, не тело, а раздувшиеся грудь, зад и живот, и поверх этого – одутловатое, постоянно испуганное лицо. Но фотографию, рядом с которой он поставил фотографию Майры, сделали в 1944 году, за два года до его рождения («*Младенцем ты постоянно болел, – прошептал в ухо голос призрака матери. – Мы постоянно дрожали за твою жизнь...*»). В 1944 году мать была вполне стройной женщиной и весила всего лишь сто восемьдесят фунтов.

Это сравнение он провел, вероятно, в последней отчаянной попытке остановить себя от психологического инцеста. Он переводил взгляд с матери на Майру и обратно.

Они могли бы быть сестрами – так походили друг на друга.

Эдди смотрел на две практически идентичные фотографии и говорил себе, что никогда не совершит такого безумства. Он знал, что парни на работе уже отпускали шуточки насчет Джека Спрата и его жены⁵³, но они ничего не знали о его матери. Шутки и насмешки он еще мог снести, но действительно ли хотел стать клоуном в этом фрейдистском цирке? Нет. Не хотел. Он решил, что порвет с Майрой. Сделает это мягко, не травмируя ее нежную душу, потому что опыта по части мужчин у нее было даже меньше, чем у него – по части женщин. А потом, после того как она уплыла бы с горизонта его жизни, он мог бы начать брать уроки тенниса, о чем давно мечтал (Эдди нравится заниматься физкультурой), или купить абонемент в бассейн отеля «Плаза» (он любит игры), не говоря уже о клубе здоровья, который открылся на Третьей авеню напротив гаража...

(Эдди бежит очень даже быстро когда рядом нет никого кто мог бы напомнить ему какой он слабенький и я вижу по его лицу миссис Касбрэк что даже в девятилетнем возрасте он знает что самый лучший подарок который он может сделать себе в этом мире убежать в любом направлении в котором вы миссис Касбрэк не разрешаете ему убежать).

Но в итоге он все равно женился на Майре. В итоге устоявшийся образ жизни и старые привычки оказались слишком сильны. И дом оказался тем самым местом, где тебя сажают на цепь, когда ты приходишь туда. Да, конечно, он мог прогнать пинками призрак матери. Это далось бы ему нелегко, но он знал, что такое ему по силам, если бы от него требовалось только это. Это Майра не дала ему вырваться на свободу, обрести независимость. Приговорила его к новому сроку своей заботливостью, спеленала тревогой, заковала в цепи лаской. Майра, как и его мать, открыла для себя тайну его характера: Эдди отличала особая болезненность, потому что иногда он подозревал, что никаких болезней у него нет; требовалось оберегать Эдди от всех его робких потуг проявить храбрость и мужество.

В дождливые дни Майра обязательно доставала галоши из пластикового мешка в стенном шкафу и ставила у вешалки рядом с дверью. Помимо гренка из пшеничной муки (без масла) на стол перед Эдди каждое утро ставилось блюдечко, многоцветное содержимое кото-

⁵³ Джек Спрат и его жена – синоним семейной пары, в которой муж – худой и низкорослый, а жена – высокая и толстая.

рого с первого взгляда казалось переслащенными фигурками из овсяной муки (теми, что дают детям). На самом деле на блюдечке лежали витамины (из тех самых бутылочек, которые Эдди сгреб в хозяйственную сумку). Майра, как его мать, интуитивно все поняла, так что шансов у него не было. Молодым и неженатым он трижды уходил от матери и трижды возвращался домой. Потом, через четыре года после того, как его мать умерла в прихожей своей квартиры в Куинсе, так заблокировав входную дверь собственным телом, что бригаде «скорой помощи» (их вызвали соседи снизу, когда услышали грохот, с каким миссис Каспбрэк упала на пол для последнего отсчета) пришлось ломать запертую дверь из кухни на лестницу черного хода, он вернулся домой в четвертый и последний раз. Во всяком случае, тогда он верил, что это будет последний раз. Снова дома, снова дома, Боже милостивый мой, снова дома, снова дома, с Майрой-свиньей. Она была свиньей, но не просто толстой, а еще и дорогой ему свиньей: он ее любил, так что никакого шанса для него практически не было. Она притянула его к себе змеиным гипнотическим взглядом понимания. «Снова дома и насовсем», – тогда подумал он.

«Но, может, я ошибался, – подумал он теперь. – Может, это не дом, и никогда не был домом... может, дом – то самое место, куда я должен сегодня ехать. Дом – место, где ты должен, когда приходишь туда, столкнуться лицом к лицу с тварью в темноте».

Его затрясло, словно он вышел на улицу без галош и сильно простудился.

– Эдди, пожалуйста!

Она снова заплакала. Слезы были ее последней линией обороны, как и у его матери: жидкое оружие, вызывающее паралич, превращающее добро и нежность в фатальные бреши в броне.

Да и не носил он никакой брони – доспехи не очень-то ему шли.

Его мать видела в слезах не только оборонительное средство, но и наступательное оружие. Майра редко использовала слезы так цинично... но, цинично или нет, Эдди понимал, что сейчас она пытается использовать их с этой целью – и тактика эта приносила успех.

Он не мог позволить ей победить. Это же так легко – подумать, как одиноко ему будет сидеть в вагоне поезда, мчащегося сквозь темноту на север, в Бостон, с чемоданом на полке над головой и хозяйственной сумкой с лекарствами между ног, со страхом, давящим на грудь, словно банка с прогорклой растиркой «Викс». Так легко позволить Майре увести его наверх и ублажить парой таблеток аспирина. А потом уложить в постель, где ублажить еще раз, уже по-настоящему... или не ублажить.

Но он обещал. Обещал.

– Майра, послушай меня, – заговорил он нарочито сухо, деловым тоном.

Она смотрела на него влажными, беззащитными, испуганными глазами.

Он думал, что попытается все объяснить, насколько ему удастся; попытается рассказать ей о том, как Майк Хэнлон позвонил и сказал, что все началось снова, и да, он думает, что остальные уже едут.

Но с его губ сорвались другие слова, куда более безопасные.

– Утром первым делом поезжай в офис. Поговори с Филом. Скажи ему, что мне пришлось уехать, и Пачино повезешь ты...

– Эдди, я же не смогу! – заголосила она. – Он – такая большая звезда! Если я заблужусь, он накричит на меня, я знаю, что накричит, он будет кричать, они все кричат, когда водитель не знает дороги... и... я расплачусь... это может привести к аварии... Эдди... Эдди, ты должен остаться дома...

– Ради бога! Прекрати!

Она отшатнулась от его голоса; Эдди, хоть и держал ингалятор в руке, не пустил его в ход. Она восприняла бы это как слабость, которую попыталась бы использовать против него. *«Милый Боже, если Ты есть, пожалуйста, поверь мне, когда я говорю, что не хочу обижать*

Майру. Не хочу ранить ее, хочу обойтись даже без синяков. Но я обещал, мы все обещали, мы поклялись на крови, пожалуйста, Господи, помоги мне, потому что я должен это сделать...»

– Я терпеть не могу, когда ты кричишь на меня, Эдди, – прошептала она.

– Майра, а я терпеть не могу, когда мне приходится на тебя кричать, – ответил он, и Майра дернулась. *«Видишь, Эдди, ты вновь причиняешь ей боль. Почему бы тебе сразу не погнать ее по комнате тумаками? С твоей стороны так будет даже милосерднее. И быстрее».*

Внезапно (вероятно, этот образ вызвала из памяти сама мысль о том, чтобы погонять кого-то по комнате тумаками) перед его мысленным взором возникло лицо Генри Бауэрса. Он подумал о Генри Бауэрсе впервые за много лет, и мысли эти не принесли ему успокоения. Скорее наоборот.

Он на несколько мгновений закрыл глаза, открыл и вновь обратился к Майре:

– Ты не заблудишься, и он не будет кричать на тебя. Мистер Пачино – очень милый человек, такой понимающий. – Он никогда в жизни не возил Пачино по городу, но исходил из того, что теория вероятности по крайней мере на стороне его лжи: в отличие от популярного мифа, согласно которому большинство звезд говнюки – Эдди на собственном опыте убедился, что это не так.

Встречались, конечно, исключения из этого правила, и в большинстве случаев эти исключения были настоящими чудовищами. Он очень надеялся, что Майре повезет и Пачино таким не окажется.

– Правда? – смиренно спросила Майра.

– Да. Правда.

– Откуда ты знаешь?

– Деметриос возил его два или три раза, когда работал в «Манхэттен лимузин», – без запинки солгал Эдди. – Он говорил, что мистер Пачино всегда давал на чай, не меньше пятидесяти дол ларов.

– Я не против, если он даст мне и пятьдесят центов, лишь бы не кричал на меня.

– Майра, это так же просто, как раз-два-три. Первое, ты забираешь его у отеля «Сент-Реджис» в семь вечера и везешь в «Эй-би-си-билдинг». Они перезаписывают последнее действие пьесы, в которой играет Пачино. Если не ошибаюсь, называется она «Американский бизон». Второе, около одиннадцати ты отвозишь его обратно в «Сент-Реджис». Третье, возвращаешься в гараж, сдаешь автомобиль, расписываешься за выполнение работы.

– Это все?

– Это все. Ты с этим справишься, даже стоя на голове, Марти.

Она обычно смеялась, когда он называл ее этим ласковым именем, но теперь только смотрела с детской серьезностью:

– А если он захочет поехать куда-то на обед, вместо того чтобы возвращаться в отель? Или выпить? Или потанцевать?

– Я не думаю, что захочет, но, если выразит такое желание, ты его отвезешь. Если у тебя создастся впечатление, что гулять он собирается всю ночь, ты позвонишь Филу Томасу по радиотелефону сразу после полуночи. К тому времени у него будет свободный шофер, который сменит тебя. Я бы никогда не обратился к тебе, если б у меня был другой шофер, но двое болеют, Деметриос в отпуске, а все остальные в этот вечер заняты. К часу ночи ты точно будешь нежиться в своей постельке, Марти... к часу ночи – самое, самое позднее. Я ап-солютно это гарантирую.

Не рассмеялась она и на ап-солютно.

Он откашлялся и наклонился вперед, уперев локти в колени. Тут же призрак матери зашептал: «Не сиди так, Эдди. Это неудобная поза, у тебя сдавливаются легкие. У тебя такие слабые легкие».

Он вновь выпрямился, не вставая со стула, подавшись назад, едва заметив, что делает.

– Пусть это будет единственный раз, когда мне придется сесть за руль. – Она не говорила, а стонала. – За последние два года я стала такой королевой, и униформа теперь ужасно на мне сидит.

– Это будет единственный раз, клянусь.

– Кто позвонил тебе, Эдди?

И, будто ожидая этих слов, по стене заскользили огни, послышался одиночный автомобильный гудок: такси свернуло на подъездную дорожку. Волна облегчения прокатилась по телу Эдди. Они провели пятнадцать минут, говоря о Пачино, а не о Дерри, Майке Хэнлоне, Генри Бауэрсе, и что могло быть лучше? Лучше для Майры, лучше, само собой, и для него. Он не хотел думать или говорить об этом без крайней необходимости.

Эдди встал.

– Мое такси.

Майра поднялась так быстро, что наступила на подол ночной рубашки и повалилась вперед. Эдди ее поймал, но на мгновение возникли большие сомнения в том, что сможет удержать: она перевешивала его на добрую сотню фунтов.

А Майра продолжала гнуть свое:

– Эдди, ты должен мне рассказать.

– Не могу. Да и времени нет.

– Ты никогда ничего не скрывал от меня, Эдди. – Она заплакала.

– Я и сейчас не скрываю. Ничего не скрываю. Не помню, и все. Во всяком случае, пока не помню. Человек, который мне позвонил, был... и есть... давний друг. Он...

– Ты заболеешь, – в отчаянии запричитала она, следуя за ним, когда он вновь направился к прихожей. – Я знаю, что заболеешь. Позволь мне поехать с тобой, Эдди, пожалуйста, я позабочусь о тебе, Пачино может взять такси или доберется туда как-то иначе, от него не убудет, ты согласен со мной, правда? – Голос ее набирал силу, страха в нем прибавлялось, и, к ужасу Эдди, она все больше и больше напоминала ему мать, какой та выглядела в последние месяцы перед смертью: старой, толстой и безумной. – Я буду растирать тебе спину и следить, чтобы ты вовремя принимал таблетки... я... я буду помогать тебе... я не буду говорить с тобой, если ты не захочешь, но ты сможешь мне все рассказывать... Эдди... Эдди, пожалуйста, не уходи! Эдди, пожалуйста! Пожа-а-а-а-луйста!

Он уже пересекал прихожую, направляясь к парадной двери, вслепую, низко наклонив голову, как человек, идущий против сильного ветра. Каждый вдох вновь давался с трудом. Когда он поднял чемодан и хозяйственную сумку, весили они фунтов по сто. Он чувствовал на спине ее пухлые, розовые руки, ощупывающие, поглаживающие, тянущие назад с беспомощным желанием, а не с реальной силой. Она старалась совратить его сладкими слезами тревоги, старалась вернуть.

«Я не смогу!» – в отчаянии подумал он. Астма разыгралась круто, с самого детства не было у него такого приступа. Он потянулся к дверной ручке, но она ускользала от него, ускользала в черноту дальнего космоса.

– Если ты останешься, я испеку тебе кофейный торт со сметаной, – лепетала Майра. – Мы поджарим попкорн... Я приготовлю твой любимый обед с индейкой... Если хочешь, приготовлю утром, на завтрак... Я начну прямо сейчас... потушу гусиные потроха... Эдди, пожалуйста, я боюсь, ты так пугаешь меня!

Она схватила его за воротник и потянула назад, как здоровяк-коп хватает подозрительного типа, который пытается удрать. В последнем, тающем усилии Эдди продолжал рваться к двери... и когда силы окончательно иссякли, как и воля к сопротивлению, он почувствовал, что ее пальцы разжались.

Еще один жалостливый вопль вырвался из груди Майры.

Но Эдди уже ухватился за ручку – благословенно прохладную ручку! Открыл дверь и увидел ждущее у дома такси, посланца из мира здравомыслия. Вечер выдался ясным. В небе сияли яркие звезды.

Он повернулся к Майре, в груди клокотало и свистело.

– Тебе надо понять, это совсем не то, что мне хотелось бы делать. Если б у меня был шанс... хоть малейший шанс... я бы не поехал. Пожалуйста, пойми это, Марти. Я уезжаю, но я вернусь.

Ох, это прозвучало, как ложь.

– Когда? Как долго тебя не будет?

– Неделю. Может, дней десять. Конечно же, не дольше.

– Неделю! – прокричала она, схватившись за грудь, как примадонна в плохой опере. – Неделю! Десять дней! Пожалуйста, Эдди! Пожа-а-а-а...

– Марти, прекрати. Договорились? Просто прекрати.

И каким-то чудом она прекратила: закрыла рот и просто стояла, глядя на Эдди влажными, обиженными глазами, не сердясь, только в ужасе за него и за себя. И, возможно, впервые за годы их знакомства, он почувствовал, что может любить ее без опаски. Потому что она отпускала его? Пожалуй, что да. Нет... «пожалуй» он мог и опустить. Он знал, что да. Уже чувствовал, будто смотрит в телескоп не с того конца.

Так что, возможно, все было хорошо. И что он под этим понимал? Вывод, что может любить ее? Что может любить ее, пусть она и выглядит, как его мать в более молодые годы, пусть даже она ела печенье в кровати, когда смотрела «Хардкастл», Маккормика или «Фалькон крест», и крошки всегда попадали на его сторону, пусть даже она не умна, и пусть даже забывала про его лекарства в шкафчике-аптечке, потому что свои хранила в холодильнике?

А может быть...

Могло быть так, что...

Все эти другие идеи он рассматривал так или иначе, с одной стороны или с другой, по ходу своих туго сплетенных жизней сына, любовника, мужа; теперь же, когда он покидал дом, как ему казалось, действительно в последний раз, новая мысль сверкнула в голове, и озарение произошло по нему, как крыло какой-то большой птицы.

А если Майра боялась даже больше, чем он?

А если его мать тоже?

Еще одно воспоминание о Дерри выстрелило из подсознания злобно шипящим фейерверком. На центральной улице находился обувной магазин. «Корабль обуви», так он назывался. Мать как-то раз привела его туда (он полагал, что ему было не больше пяти или шести лет) и велела сидеть тихо и быть хорошим мальчиком, пока она выберет пару белых туфель на свадьбу. Он сидел тихо и вел себя как положено хорошему мальчику, пока мать говорила с мистером Гарденером, одним из продавцов, но ему было только пять (или шесть) лет, а потому, когда матери не подошла уже третья пара принесенных мистером Гарденером белых туфель, заскучавший Эдди встал и направился в дальний конец магазина, чтобы получше рассмотреть некое сооружение, которое заинтересовало его. Поначалу он подумал, что это большой ящик, поставленный на попу. Подойдя ближе, решил, что это стол. Но, разумеется, более странного стола видеть ему еще не доводилось. Он был таким узким! Изготовили его из блестящего полированного дерева, украсили инкрустацией и резьбой. Опять же, к нему вел короткий лестничный пролет из трех ступенек – Эдди никогда не видел столов со ступенями. Вплотную приблизившись к этому необычному столу, он увидел, что у его основания – дырка, на боковой стороне – кнопка, а наверху (его это просто заворожило) – нечто такое, что выглядело точь-в-точь, как космоскоп капитана Видео.

Эдди обошел стол и обнаружил надпись. Должно быть, ему уже исполнилось шесть лет, потому что он смог ее прочесть, шепча каждое слово:

«ВАША ОБУВЬ ВАМ ПОДХОДИТ? ПРОВЕРЬТЕ И УВИДИТЕ!»

Он вновь обошел стол, поднялся по трем ступенькам, сунул ступню в дырку у основания проверочного устройства. «Ваша обувь вам подходит?» Эдди этого не знал, но ему не терпелось проверить и увидеть. Он сунул лицо в резиновую маску и нажал на кнопку. Зеленый свет залил глаза. Он увидел свою ступню, плавающую внутри ботинка, заполненного зеленым дымом. Он шевелил пальцами ноги, и пальцы, на которые он смотрел, зашевелились – его пальцы, все точно, как он и подозревал. Тут он осознал, что может видеть не только сами пальцы; он может видеть и кости! Кости своей ступни! Он скрестил большой и второй пальцы, словно снимая последствия того, что солгал, и кости образовали букву «Х», только не белую, а гоблински-зеленую. Он мог видеть...

Тут пронзительно закричала его мать, этот панический крик разорвал тишину обувного магазина, как скрежет отлетевшего лезвия косилки, как пожарный колокол, как трубный глас. Эдди в страхе вскинул голову, оторвавшись от объектива, и увидел, как она бежит к нему через весь магазин, в одних чулках, с развевающимся позади платьем. Она сшибла стул, и одно из этих приспособлений для измерения размера ноги, которые всегда так щекотались, отлетело в сторону.

Ее грудь вздымалась. Рот превратился в алую букву «О», символизирующую ужас. Головы продавцов и других покупателей поворачивались в ее сторону.

– Эдди, слезь оттуда! – кричала она. – Слезь оттуда. От этих машин у тебя будет рак. Слезь оттуда! Эдди! Эдди-и-и-и-и...

Он попятился, будто машина внезапно раскалилась докрасна. В панике забыл про ступеньки. Каблуки соскользнули с верхней, и он начал медленно заваливаться назад, отчаянно замахал руками в уже проигранной битве за сохранение равновесия. И разве не подумал он тогда с безумной радостью: «Я падаю! Я упаду и узнаю на собственном опыте, каково это, упасть и удариться головой! Как же здорово!» Разве он так не подумал? Или мужчина, которым он стал, вкладывает взрослые, служащие его целям мысли в голову ребенка, в которой всегда кишмя кишат сбивчивые догадки и смутные образы (образы, которые теряют смысл, обретая четкость)? Подумал... или попытался подумать?

В любом случае вопрос этот так и остался спорным. Он не упал. Мать подросла вовремя. Мать поймала его. Он разрыдался, но не упал.

Теперь все смотрели на них. Он это помнил. Он помнил, как мистер Гарденер подобрал с пола приспособление для измерения размера ноги и проверил маленькие скользящие штучки, чтобы убедиться, что приспособление работает, а второй продавец поднял стул и один раз всплеснул руками, выразив пренебрежительное удивление, прежде чем его лицо вновь превратилось в любезно-бесстрастную маску. Лучше всего Эдди запомнил мокрую мамину щеку и ее кислое дыхание. Он помнил, как она вновь и вновь шептала ему в ухо: «Никогда больше этого не делай, никогда больше этого не делай, никогда больше!» Его мать словно произносила заклинание, отгоняющее беду. То же заклинание она произносила годом раньше, когда обнаружила, что няня отвела Эдди в общественный бассейн в Дерри-парк в особенно жаркий летний день. Случилось это, когда страх перед полиомиелитом начала 1950-х только-только начал сходить на нет. Она вытащила мальчика из бассейна, говоря, что он не должен этого делать, никогда, никогда, и все дети смотрели на них так же, как сейчас – продавцы и покупатели, а ее дыхание и тогда пахло чем-то кислым.

Она увела его из «Корабля обуви», крича продавцам, что она всех их засудит, если с ее мальчиком что-то случится. Все утро перепуганный Эдди то начинал, то прекращал плакать, и астма донимала его весь день. А ночью он долгие часы лежал без сна, гадая, что такое рак, хуже ли он полиомиелита, может ли он убить, как много времени ему на это потребуется, как тебе будет больно, прежде чем ты умрешь. Задавался он и вопросом, отправится ли он потом в ад.

Угроза была серьезной, это он точно знал.

Мама очень уж перепугалась. Вот откуда он знал.

Ее охватил такой дикий ужас.

– Марти, – позвал он через эту временную пропасть, – ты меня поцелуешь?

Она поцеловала его и прижала к себе так крепко, что у него застонали кости спины. «Будь мы в воде, – подумал он, – она бы утопила нас обоих».

– Не бойся, – прошептал он ей на ухо.

– Ничего не могу с собой поделать! – заголосила она.

– Я знаю, – ответил он, почувствовав, что астма отступает, хотя Марти крепко прижимала его к себе. Свистящая нотка из дыхания ушла. – Я знаю, Марти.

Водитель вновь нажал на клаксон.

– Ты позвонишь? – спросила она дрожащим голосом.

– Если смогу.

– Эдди, пожалуйста, разве ты не можешь сказать мне, в чем дело?

А если бы он мог? Ей бы стало спокойнее?

Ладно, вечером мне позвонил Майк Хэнлон, и мы какое-то время поговорили, но весь наш разговор сводился к двум пунктам. «Все началось снова», – сообщил Майк. «Ты приедешь?» – спросил Майк. И теперь у меня поднялась температура, Марти, только эту температуру не сбить аспирином, и мне трудно дышать, только этот чертов ингалятор мне не поможет, потому что эти затруднения с дыханием связаны не с легкими или горлом – причина в области сердца. Я вернусь к тебе, если смогу, Марти, но ощущаю себя человеком, который стоит у входа в старую штольню, потолок которой в любой момент может обрушиться во многих местах, стоит у входа и прощается с белым светом.

Да... конечно же, да! После моего рассказа она сразу же успокоится!

– Нет, – ответил он. – Пожалуй. Я не могу сказать тебе, в чем дело.

И, прежде чем она произнесла хоть слово, прежде чем снова начала кричать («Эдди, вылезай из этого такси! От него у тебя будет рак!»), он большими шагами двинулся прочь, все быстрее и быстрее. Последние ярды, отделяющие его от такси, чуть ли не пробежал.

Она все еще стояла в дверном проеме, когда такси задним ходом выкатилось на улицу, стояла, когда они поехали к городу, большая, черная женщина-тень, вырезанная из света, который лился из их дома. Он помахал рукой и подумал, что в ответ она тоже вскинула руку.

– Куда сегодня едем, дружище? – спросил таксист.

– Пенн-стейшн, – ответил Эдди, и рука отпустила ингалятор. Астма отправилась в то место, где привыкла проводить время между атаками на его бронхи. Он чувствовал себя... почти здоровым.

Но ингалятор очень даже потребовался ему четыремя часами позже, когда он резко дернулся, выходя из легкой дремы, отчего мужчина в деловом костюме, сидевший напротив, опустил газету и посмотрел на него с любопытством, к которому примешивалась тревога.

«Я вернулась, Эдди! – ликующе вопила астма. – Я вернулась и наконец-то на этот раз могу тебя убить! Почему нет? Должна же я это когда-нибудь сделать, знаешь ли! Не могу я возиться с тобой целую вечность!»

Грудь Эдди вздымалась и опускалась. Он поискал ингалятор, нашел, направил в горло, нажал на клапан. Потом откинулся на высокую спинку амтраковского сиденья, дрожа всем телом, ожидая облегчения, думая о сне, из которого он только что вернулся в реальность. О сне? Господи Иисусе, если бы. Эдди боялся, что сон этот очень уж тянул на воспоминания. Он помнил зеленый свет, как в рентгеновской установке обувного магазина, и покрытого язвами прокаженного, который гнался по подземным тоннелям за кричащим мальчиком, Эдди Каспбрэком. Он бежал и бежал

(он бежит очень даже быстро так сказал тренер Блэк его матери и он бежал очень даже быстро от гнавшейся за ним твари да вам лучше в это поверить вы можете поспорить на свою шкуру)

в этом сне, одиннадцатилетним мальчишкой, и кто-то зажег спичку, и он посмотрел вниз, и увидел разлагающееся лицо мальчика (его звали Патрик Хокстеттер, и он пропал в июле 1958 года), и черви выползали из щек Патрика Хокстеттера, и вползали в них, и изнутри Патрика Хокстеттера шел ужасный вонючий запах, и в этом сне, где воспоминаний было больше, чем сна, он посмотрел в сторону и увидел два школьных учебника, которые набухли от влаги и покрылись зеленой плесенью: «Дороги ко всему» и «Открываем нашу Америку». Они находились в таком состоянии, потому что их окружала гнилая сырость («Как я провел это лето» – сочинение Патрика Хокстеттера: «Я провел его мертвым в тоннеле! Плесень выросла на моих учебниках, и они раздулись до размеров каталогов «Сирса»). Эдди открыл рот, чтобы кричать, и именно тогда шершавые пальцы прокаженного прошли по его щеке и полезли в рот. Тут он и проснулся, как от толчка, но не в канализационном коллекторе под Дерри, штат Мэн, а в сидячем вагоне, одном из передних вагонов, поезда компании «Амтрак», который мчался через Род-Айленд под большой белой луной.

Мужчина, сидевший напротив, помялся, решил, что лучше все-таки спросить, и спросил:

– Вы в порядке, сэр?

– Да-да, – кивнул Эдди. – Я заснул, и мне приснился кошмар. Он-то и спровоцировал приступ астмы.

– Понимаю. – Газета вновь поднялась. Эдди увидел, что его сосед читает газету, которую мать иногда называла «Жид-Йорк таймс»⁵⁴.

Эдди выглянул в окно, посмотрел на спящий пейзаж, освещенный лишь сказочной луной. Тут и там дома, иногда несколько вместе, в основном темные, только в некоторых светились окна. Но свет их казался таким блеклым, таким неестественным в сравнении с прозрачным светом луны.

Он думал, что луна говорила с ним, вспомнил Эдди. Генри Бауэрс. Господи, каким же тот был психом. Задался вопросом: где сейчас Генри Бауэрс? Умер? В тюрьме? Мотается по пустынным равнинам центральной части страны, как вирус, который ничто не берет, глубокой ночью, от часа до четырех, грабит маленькие магазинчики, работающие круглосуточно, или, возможно, убивает людей, которым хватило глупости остановиться, реагируя на его поднятую руку с оттопыренным большим пальцем, чтобы доллары из их бумажников перекечевали в его?

Возможно, возможно.

В какой-нибудь психиатрической лечебнице штата? Смотрит на растущую, как в эти дни, с каждой ночью луну? Говорит с ней, слушает ответы, доступные только его слуху?

Эдди решил, что это еще более вероятный вариант. Он содрогнулся. «*Я все-таки вспоминаю свое отрочество*, – подумал он. – *Я вспоминаю мои летние каникулы в том далеком, гиблом 1958 году*». Он чувствовал, что мог бы вспомнить чуть ли не любой эпизод того лета, если б захотел, но он не хотел. «*О господи, если я бы мог все снова забыть!*»

Он прислонился лбом к грязному стеклу окна, держа в руке ингалятор, словно святыню, наблюдая, как поезд разрывает ночь.

«Я еду на север, – думал он, – но это неправильно.

Я не еду на север. Потому что это не поезд; это машина времени. Не на север. Назад. Назад в прошлое».

И еще он подумал, что слышит бормотание луны.

⁵⁴ «Жид-Йорк таймс» – с одной стороны, игра слов на английском New York Times – Jew York Times, с другой стороны, владельцы газеты и большинство ведущих журналистов – евреи.

Эдди Каспбрэк крепче сжал ингалятор и закрыл глаза, чтобы подавить внезапное головокружение.

5

Беверли Роган огребает порку

Том уже засыпал, когда зазвонил телефон. Приподнялся, наклонился к телефонному аппарату и тут же почувствовал, как груди Беверли прижались к его плечу: она перегнулась через него, чтобы дотянуться до трубки. Он упал на подушку, гадая в полусне, кто мог звонить в такой поздний час по их домашнему номеру, которого нет в телефонном справочнике. Услышал «алло» Беверли, после чего провалился в сон. Он уговорил почти три упаковки пива во время бейсбольного матча, поэтому соображал плохо.

Но потом вопрос Беверли, резкий и любопытный – «Что-о-о?» – вонзился ему в ухо, как нож для колки льда, и он снова открыл глаза. Попытался сесть, и телефонный шнур впился в его толстую шею.

– Убери к черту эту хрень, Беверли, – прорычал он.

Она быстро встала, обошла кровать, держа шнур на растопыренных пальцах. Волосы, темно-рыжие, естественными волнами ниспадали на ночную рубашку, чуть не доставая до талии. Волосы шлюхи. Ее взгляд избегал его лица, не желая узнать, какая там эмоциональная погода, и Тому Рогану это не нравилось. Он сел. Начала болеть голова. Черт, она наверняка болела уже давно, но когда засыпаешь, этого не чувствуешь.

Он прошел в ванную, отливал, как ему показалось, три часа, потом решил выпить еще банку пива, все равно уж встал, чтобы попытаться заглушить на корню набирающее силу похмелье.

Пересекая спальню по пути к лестнице (в белых семейных трусах, которые, как паруса, трепыхались под внушительным животом, со здоровенными ручищами, выглядел он скорее как портовый грузчик, а не президент и генеральный менеджер компании «Беверли фэшнс, инк.»), он обернулся и сердито крикнул: «Если звонит Лесли, эта чертова лесбиянка, скажи ей, пусть найдет себе какую-нибудь шлюху и даст нам поспать!»

Беверли коротко глянула на него, покачала головой, давая понять, что это не Лесли, и повернулась к телефонному аппарату. Том почувствовал, как напряглись мышцы шеи. Выглядело так, что она давала ему отлуп. Миледи давала ему отлуп. Ми-гребаная-леди давала ему отлуп. Похоже, ему следовало принимать меры. Похоже, Беверли нуждалась в очередном напоминании о том, кто в доме хозяин. Похоже. Иногда ей приходилось повторять пройденное. Она плохо усваивала материал.

Он спустился вниз, прошлепал по коридору на кухню, рассеянно вытащил трусы из расщелины между ягодицами, открыл холодильник. Пальцы нащупали только синий пластиковый контейнер с остатками вчерашнего супа. Пиво исчезло. Даже банка, которую он держал у задней стенки на самый крайний случай (как и сложенную двадцатку, лежавшую в бумажнике под водительским удостоверением). Игра продолжалась четырнадцать иннингов⁵⁵, и все впустую. «Уайт сокс»⁵⁶ проиграли. В этом году в команду набрали каких-то сосунков.

Его взгляд прошелся по бутылкам крепкого, которые стояли в застекленной полке над кухонным баром, и на мгновение он представил себе, как наливает чуть-чуть «Бима»⁵⁷ на единственный кубик льда, но понимал, что напрашивается на еще большие неприятности для своей

⁵⁵ Бейсбольная игра состоит из девяти иннингов, но продолжается до победы, так что в принципе число иннингов не ограничивается.

⁵⁶ «Уайт сокс» – профессиональная бейсбольная команда из Чикаго.

⁵⁷ «Джим Бим» – наиболее продаваемый по всему миру бренд бурбона.

головы, которая и так болела, а потому двинулся в обратный путь. Взглянул на старинные напольные часы, что стояли у лестницы. Полночь уже миновала. Эта информация не улучшила его настроение, которое редко бывало особо хорошим.

По лестнице он поднимался медленно, отдавая себе отчет (очень хорошо отдавая себе отчет), с каким напрягом работает сердце. Кабух, ка-бах. Ка-бух, ка-бах. Ка-бух, ка-бах. Он нервничал, когда чувствовал удары сердца не только в груди, но и в ушах, и в запястьях. Иногда, когда такое случалось, он представлял сердце не как сжимающийся и разжимающийся орган, а как большой манометр в левой половине груди, и стрелка на этом манометре зловеще уходила в красную зону. Ему это совершенно не нравилось, ему это совершенно не требовалось. А что ему требовалось – так это ночь крепкого сна.

Но эта тупая шлюха, на которой он женился, все еще висела на телефоне.

– Я понимаю, Майк... да... да, конечно... я знаю... но...

Пауза затянулась.

– Билл Денбро? – воскликнула она, и тот самый нож для колки льда вновь проткнул ухо.

Он постоял у двери в спальню, пока дыхание не выровнялось. Сердце вновь застучало в одном ритме: ка-бах, ка-бах, ка-бах: буханье прекратилось. На какие-то мгновения он представил себе стрелку, уходящую из красной зоны, потом отогнал картинку. Он – мужик, черт побери, и крепкий мужик, а не котел с барахлящим термостатом. Он в отличной форме. Он из железа. И если ей требуется повтор урока, он с радостью поучит ее.

Он уже собрался войти в спальню, но передумал, и задержался на прежнем месте чуть дольше, слушая ее, не обращая особого внимания, о ком она говорит или что сказала, только слушая, как она возвышает и понижает голос. И ощущал знакомую тупую ярость.

Он познакомился с ней четыре года назад, в баре для одиночек в центре Чикаго. Разговор завязался легко, потому что оба работали в Стандарт-Брэндс-Билдинг и у них нашлись общие знакомые. Том – на сорок втором этаже, в отделе по связям с общественностью компании «Кинг-энд-Лэндри». Беверли Марш (тогда еще с девичьей фамилией) – на двенадцатом, помощницей дизайнера в «Делия фэшнс». Делия, которая потом добилась скромного, но признания на Среднем Западе, специализировалась на молодежи: ее юбки, блузки, шали и слаксы продавались по большей части в «магазинах юности», как называла их Делия Каслман. Том называл их иначе – «магазины укурков». В Беверли Марш Том Роган сразу отметил следующее: она желанна, и она ранима. Менее чем через месяц выяснилось еще кое-что: она талантлива. Очень талантлива. В ее эскизах повседневных платьев и блузок он увидел машину для печатанья денег с сумасшедшим потенциалом.

Конечно, печатать их следовало не в магазинах укурков, подумал он, но не сказал (во всяком случае, тогда). Никакого тусклого освещения, никаких низких цен, никаких говенных стендов между одеждой для наркоманок и фанаток рок-групп. Все это следовало оставить мелкоте.

Он узнал о ней очень много, прежде чем она поняла, что он серь езно ею заинтересовался, как, собственно, и хотел Том. Он всю жизнь искал такую, как Беверли Марш, и налетел на нее со скоростью льва, преследующего медлительную антилопу. Нет, ее ранимость сразу не просматривалась: ты смотрел и видел роскошную женщину, стройную, но в положенных местах не обделенную природой. Бедра, возможно, чуть подкачали, зато зад был по высшему разряду, а такой великолепной груди ему встречать не доводилось. Том Роган питал слабость к женской груди, а высокие девушки в этом практически всегда его разочаровывали. Они носили тонкие блузки, и их соски сводили тебя с ума, но, сняв с них эти блузки, ты обнаруживал, что кроме сосков похвастаться им практически нечем. Сами груди выглядели, как круглые ручки ящиков бюро. «Если женская грудь не вмещается в ладонь – это уже вымя», – обожал говорить его сосед по общежитию в колледже, но Том полагал, что в соседе столько дерьма, что оно выплескивалось на поворотах. Итак, выглядела она отлично, все так, тело потрясающее да еще эти

роскошные вьющиеся рыжие волосы. Но чувствовалась в ней слабина... какая-то слабина. Она словно посылала радиосигналы, уловить которые мог только он. Конечно, свидетельствовали о том же и кое-какие внешние признаки: она много курила (от этого он ее практически отучил), ее глаза пребывали в непрерывном движении, никогда не встречались с глазами собеседника, только касались их и тут же ускользали в сторону, она легонько потирала локти, когда нервничала, ногти поддерживала в должном порядке, но стригла очень коротко. Это Том заметил при их первой встрече. Она подняла стакан белого вина, он посмотрел на ее ногти и подумал: «Она так коротко стрижет ногти, потому что иначе грызла бы их».

Львы, возможно, не думают – во всяком случае, не думают, как люди, – но они видят. И когда антилопы уходят от водопоя, вспугнутые запахом приближающейся смерти, кошки наблюдают, какая из них отстает от стада, потому что хромает, потому что медлительная... или потому что у нее недостаточно обострено чувство опасности. И вполне возможно, что некоторые антилопы (и некоторые женщины) хотят, чтобы их завалили.

Внезапно он услышал звук, мгновенно вырвавший его из этих воспоминаний, – чиркнула ее зажигалка.

Тупая ярость вернулась. Живот наполнил жар... не такое уж неприятное ощущение. Закурила. Она закурила. По этому вопросу они провели несколько Специальных семинаров Рогана. И на тебе, она снова закурила. Она медленно усваивала материал, само собой, но хороший учитель лучше всего проявляет свой талант именно с такими учениками. Или ученицами.

– Да, – говорила она теперь. – Понятно. Хорошо. Да... – Она послушала, потом с ее губ сорвался странный нервный смех, какого раньше он никогда не слышал. – Раз уж ты спросил, закажи мне номер и помолись за меня. Да, хорошо... понятно... я тоже. Спокойной ночи.

Когда он вошел в спальню, она опускала трубку на рычаг. Он собирался сразу наехать на нее, криком потребовать, чтобы она прекратила курить, прекратила курить, **НЕМЕДЛЕННО**, но когда увидел ее, слова застряли в горле. Ему уже доводилось видеть Беверли такой, два или три раза. Однажды – перед первым большим показом ее моделей, потом – перед частным показом для национальных оптовиков, и наконец – в Нью-Йорке, куда они приехали на вручение международных дизайнерских премий.

Она пересекала спальню большими шагами, белая кружевная ночная рубашка облегла тело, сигарету она сжимала передними зубами (господи, какую же ненависть вызывал у него один только ее вид с сигаретой во рту). Дымок вился над левым плечом, напоминая дым, выходящий из паровозной трубы.

Но подождать с криком заставило Тома ее лицо, из-за ее лица крик этот умер у него в горле. Сердце ухнуло – ка-БУХ! – и он поморщился, говоря себе, что ощутил не страх, а только изумление, увидев ее такой.

Эта женщина действительно оживала, лишь когда ее работа приближалась к кульминации. Все упомянутые выше случаи имели непосредственное отношение к ее карьере. В таких ситуациях он видел женщину, совершенно не похожую на ту, которую хорошо знал, – женщину, которая заглушала его чувствительный, настроенный на страх радар мощными помехами. Женщина, какой становилась Беверли в стрессовых ситуациях, была сильной, но очень звинченной, бесстрашной, но и непредсказуемой.

Щеки ее покраснелись, румянец залил и высокие скулы. Широко раскрытые глаза сверкали, в них не осталось и следов сна. Волосы просто летали. И... ах, посмотрите сюда, друзья и соседи! Нет, вы только посмотрите сюда! Неужто она достает из чулана чемодан? Чемодан? Клянусь Богом, достает!

«Закажи мне номер... помолись за меня».

Что ж, номер ни в каком отеле ей не понадобится, во всяком случае, в обозримом будущем, потому что маленькая Беверли Роган собирается остаться здесь, дома, большое ей за это спасибо, и следующие три или четыре дня есть она будет стоя.

Но молитва, может, даже две, ей пригодятся, прежде чем он закончит разбираться с ней.

Она поставила чемодан в изножье кровати, пошла к комоду. Выдвинула верхний ящик, достала две пары джинсов, вельветовые брюки. Бросила в чемодан. Вернулась к комоду, сигаретный дымок по-прежнему вился над плечом. Схватила свитер, пару футболок, одну из своих матросских блузок, в которых выглядела так глупо, но отказывалась их выкинуть. Человек, который ей позвонил, определенно не относился к тем, кто добирался до модных курортов на собственном реактивном самолете. Одежду она отбирала неброскую. А-ля Джеки Кеннеди, отправляющаяся на уик-энд в Хайниспорт.

Но его не волновало, ни кто ей звонил, ни куда, по ее мнению, она собиралась ехать, потому что ей предстояло остаться дома. Совсем другая мысль стучала в его голове, которая разболелась из-за того, что он выпил слишком много пива и не выспался.

Ему не давала покоя сигарета.

Вроде бы, по ее же словам, она все их выкинула. Но она обманула его – и доказательство тому торчало сейчас у нее изо рта. А поскольку она по-прежнему не замечала его, стоящего в дверном проеме, он не отказал себе в удовольствии вспомнить два вечера, которые убедили его, что теперь она всецело в его руках.

«Я не хочу, чтобы ты курила, когда находишься рядом со мной, – сказал он ей, когда они возвращались с вечеринки в Лейк-Форест. В октябре. – Я должен дышать этим дерьмом на вечеринках и в офисе, но не хочу, когда мы вдвоем. Знаешь, на что это похоже? Я скажу тебе правду – это неприятно, но правда. Все равно, что ты ешь чьи-то сопли».

Он подумал, что она начнет возражать, но Беверли только посмотрела на него застенчивым, стремящимся улажить взглядом. Ответила тихо, смиренно, покорно: «Хорошо, Том».

«Тогда загаси сигарету».

Она загасила. И остаток вечера Том пребывал в отличном расположении духа.

Несколько недель спустя, выходя из кинотеатра, она, не подумав, закурила еще в вестибюле и попыхивала сигаретой, пока они шли через автостоянку. Та ноябрьская ночь выдалась холодной, ветер, как маньяк, набрасывался на каждый оголенный квадратный дюйм кожи, который ему удавалось найти. Том помнил, что временами до него долетал запах озера, как бывало в холодные ночи, слабый запах рыбы и в какой-то степени пустоты. Он позволил ей курить. Даже открыл ей дверцу, когда они подошли к его автомобилю. Сел за руль, закрыл свою дверцу, и только потом обратился к ней: «Бев?»

Она вынула сигарету изо рта, повернулась к нему, в глазах читался вопрос, и тут он ей врезал, вlepил крепкую оплеуху, приложился к ее щеке так сильно, что заняла ладонь, так сильно, что ее голову отбросило на подголовник. Ее глаза широко раскрылись от удивления и боли... но и чего-то еще. Рука поднялась, чтобы исследовать тепло и онемение на щеке. «Ох-х! Том!» – воскликнула она.

Он смотрел на нее, сощурившись, небрежно улыбаясь, весь напряженный, готовый увидеть, что за этим последует, как онаотреагирует. В штанах напрягся член, но на это он внимания не обращал. Это оставалось на потом, а пока шел урок. Он прокрутил в голове только что случившее. Ее лицо. Что еще отразилось на нем, помимо удивления и боли? Отразилось на миг и тут же исчезло. Сначала удивление. За ним – боль. А следом

(ностальгия)

воспоминание... она что-то вспомнила. Отразилось только на миг. Он не думал, что она даже знала, что отразилось, отразилось на ее лице или промелькнуло в голове.

А теперь – в настоящее. Все будет в первой фразе, которую она не произнесет. Он знал это так же хорошо, как собственное имя.

Она не произнесла: «Сукин ты сын».

Она не произнесла: «Еще увидимся, Мачо-Сити».

Она не произнесла: «Между нами все кончено, Том».

Только посмотрела на него обиженными, до краев полными слез карими глазами и спросила: «Зачем ты это сделал?» Хотела сказать что-то еще, но разрыдалась.

«Выброси это».

«Что? Что, Том?» Косметика оставляла темные потеки на ее щеках. Он не возражал. Ему даже нравилось видеть ее такой. Грязно, конечно, но было в этом и что-то сексуальное. Блядское. Возбуждающее.

«Сигарета. Выброси ее».

До нее дошло. С осознанием пришло чувство вины.

«Я просто забыла! – крикнула она. – И все!»

«Выброси сигарету, Бев, или получишь еще».

Она опустила стекло, выбросила сигарету. Потом снова повернулась к нему, лицо бледное, испуганное, но при этом спокойное.

«Ты не можешь... ты не должен меня бить. Это плохая основа для... для длительных отношений». Она пыталась найти тон, взрослый ритм, и потерпела неудачу. Он вернул ее в прошлое. Рядом с ним в этом автомобиле сидел ребенок. С пышными формами, чертовски сексуальный, но ребенок.

«Не могу бить и не бью – две большие разницы, девочка, – ответил он. Голос звучал спокойно, но внутри все вибрировало. – И это мне решать, что подходит для длительных отношений, а что нет. Если тебя это устраивает, отлично. Если нет – можешь прогуляться пешком. Останавливать тебя я не стану. Разве что дам пинка на прощание, но останавливать не стану. Это свободная страна. Что еще я могу сказать?»

«Возможно, ты уже сказал более чем достаточно», – прошептала она, и он ударил ее второй раз, сильнее, потому что ни одной герле не дозволено так говорить с Томом Роганом. Он бы врезал и королеве Англии, если б та позволила себе съязвить на его счет.

Она ударилась щекой о мягкую обивку приборной панели. Рука схватилась за ручку дверцы, а потом соскользнула с нее. Она лишь скрючилась в углу, словно кролик, поднеся одну руку ко рту, глядя на него большими, влажными, перепуганными глазами. Том пару секунд смотрел на нее, а потом вылез из автомобиля. Обошел сзади, открыл ее дверцу. Его дыхание клубилось в холодном, ветреном ноябрьском воздухе, и запах озера заметно усилился.

«Хочешь выйти, Бев? Я видел, как ты потянулась к ручке, и подумал, что ты хочешь выйти. Хорошо. Пожалуйста. Я попросил тебя кое-что сделать, и ты сказала, что сделаешь. А потом нарушила слово. Так ты хочешь выйти? Давай. Выходи. В чем проблема? Выходи. Ты хочешь выйти?»

«Нет», – прошептала она.

«Что? Не слышу тебя».

«Нет, я не хочу выходить», – ответила она чуть громче.

«Что? От этих сигарет у тебя эмфизема? Если ты не можешь говорить громче, я куплю тебе гребаный мегафон. Это твой последний шанс, Беверли. Ты должна ответить так, чтобы я смог тебя услышать: ты хочешь выйти из этого автомобиля или ты хочешь уехать со мной?»

«Хочу уехать с тобой», – ответила она и сцепила руки на юбке, как маленькая девочка. Не посмотрела на него. По щекам катились слезы.

«Хорошо, – кивнул он. – Отлично. Но сначала ты мне кое-что скажешь, Бев. Ты скажешь: «Я забыла, что обещала не курить рядом с тобой, Том».

Теперь она посмотрела на него ранеными, молящими, бессловесными глазами. «Ты можешь заставить меня это сделать, – говорили ее глаза, – но, пожалуйста, не надо. Не надо, я люблю тебя, неужели нельзя без этого обойтись?»

Нет, он не мог ей этого позволить, потому что речь шла не о ее желании или нежелании, и они оба это знали.

«Говори».

«Я забыла, что обещала не курить рядом с тобой, Том».

«Хорошо. А теперь скажи «извини».

«Извини», – механически повторила она.

Сигарета дымилась на асфальте, как короткий фитиль. Люди, выходящие из кинотеатра, поглядывали на них, мужчину, стоявшего у открытой со стороны пассажирского сидения дверцы «веги» последней модели и женщину, сидевшую внутри, чопорно сцепив руки на коленях, опустив голову, лампочка под потолком окрашивала ее волосы золотом.

Он раздавил сигарету. Растер по асфальту.

«А теперь скажи: «Я никогда больше не сделаю этого без твоего разрешения».

«Я никогда... – голос дрогнул, – ...никогда... б-б-б...»

«Скажи это, Бев».

«...никогда больше не сделаю этого. Без твоего разрешения».

Он захлопнул дверцу, вновь обошел автомобиль. Сел за руль и повез их в свою квартиру в центре города. Ни он, ни она по пути не произнесли ни слова. С половиной их взаимоотношений они определились на автомобильной стоянке. Со второй – сорок минут спустя, в постели Тома.

Она сказала, что не хочет заниматься любовью. Но он прочитал другое и в ее глазах, и в походке, а потому, сорвав с нее блузку, обнаружил, что соски затвердели и торчат. Она застонала, когда он прошелся по ним рукой, вскрикнула, когда он пососал сначала один, а потом второй, покрутил их в пальцах. Она схватила его руку и сунула ее между своих ног.

«Я думал, ты не хочешь», – сказал он, и она отвернулась, но руку его не отпустила, только быстрее задвигала бедрами.

Он толкнул ее, уложив на кровать... и стал нежен, не сдернул с нее трусики, а снял медленно и осторожно, прямо-таки торжественно.

А входя в нее, почувствовал, будто вокруг горячее, нежное масло.

Задвигался вместе с ней, используя ее, но и позволяя ей использовать себя, и первый раз она кончила буквально сразу, вскрикнула и впилась ногтями ему в спину. Потом он перешел на длительные, медленные движения, и в какой-то момент ему показалось, что она кончила вновь. Том тоже вроде бы приближался к оргазму, но подумал о среднем показателе отбивания «Сокс», о том, кто может перехватить у него контракт с Челси, и все наладилось. Потом она начала увеличивать темп, ускоряться и ускоряться. Он посмотрел на ее лицо, на разводы туши, на размазанную помаду и почувствовал, как понесся навстречу блаженству.

Она все сильнее и сильнее вскидывала бедра (в те дни они обходились без буфера – пивного живота), так что их животы все чаще шлепали друг о друга.

На грани оргазма она закричала, а потом укусила его в плечо мелкими, ровными зубами.

«Сколько раз ты кончила?» – спросил он после того, как они приняли душ. Она отвернулась, а когда ответила, он едва расслышал ее: «Об этом не принято спрашивать».

«Правда? И кто тебе это сказал? Мистероджерс⁵⁸?»

Он взялся за ее лицо, большой палец глубоко ушел в одну щеку, остальные сжали вторую, ладонь охватила подбородок.

«Поговори с Томом, – сказал он. – Слышишь меня, Бев? Поговори с папулей».

«Три», – с неохотой ответила она.

«Хорошо, – кивнул он. – Теперь можешь покурить».

Она недоверчиво посмотрела на него, рыжие волосы разметались по подушкам, весь ее наряд состоял из обтягивающих трусиков. От одного только взгляда на нее его мотор начал заводиться. Он кивнул.

⁵⁸ Мистероджерс – Фред Макфли Роджерс (1928–2003), ведущий детской американской телепередачи «Округа мистера Роджерса» (1968–2001).

«Давай. Сейчас можно».

Три месяца спустя они поженились. С его стороны на регистрации присутствовали два друга, с ее – одна подруга, Кей Макколл, которую Том назвал «та грудастая сука-феминистка».

Все эти воспоминания пронесли в голове Тома за считанные секунды, как часть фильма, прокрученная в ускоренном режиме, пока он стоял в дверном проеме, наблюдая за ней. Она выдвинула нижний ящик «бюро выходного дня», так она называла свой комод, и кидала в чемодан трусики, не те, что ему очень нравились, из скользящего под пальцами атласа или гладкого шелка, а хлопчатобумажные, как у маленьких девочек, в большинстве своем застиранные, с лопнувшим местами эластиком. За трусиками последовала ночнушка, тоже хлопчатобумажная, такие он не раз видел в сериале «Маленький домик в прериях». Она залезла в самую глубину ящика, чтобы посмотреть, что еще там может прятаться.

Тем временем Том Роган направился к своему гардеробу по ворсистому ковру, покрывавшему пол спальни. Босиком, а потому бесшумно. Сигарета. Вот что разъярило его. Прошло много времени с тех пор, как она забыла тот первый урок. Потом были другие уроки, много уроков, и иной раз в жаркий день ей приходилось надевать блузы с длинным рукавом и свитера под горло. Случалось, что и в пасмурные дни она постоянно ходила в солнцезащитных очках. Но тот первый урок был неожиданным и основополагающим...

Он забыл про телефонный звонок, вырвавший его из еще неглубокого сна. Сигарета. Раз она курила сейчас, значит, забыла про Тома Рогана. Временно, конечно, только временно, но это временно очень уж затянулось. Что заставило ее забыть, значения не имело. Такое в его доме не проходило, какой бы ни была причина.

На дверце шкафа, изнутри, на крюке висела широкая черная кожаная лента. Без пряжки – ее он снял давным-давно. На одном конце, там, где раньше была пряжка, лента образовывала петлю, в которую теперь Том сунул руку.

«Том, ты плохо себя вел! – иногда говорила его мать... ладно, «иногда» – неудачное слово, «часто» подходит куда больше. – Иди сюда, Томми. Я должна тебя выпороть». Через все его детство пунктиром проходили порки. В конце концов он сумел удрать, в «Уичита стейт колледж», но, вероятно, полностью удрать так и не удалось, потому что он по-прежнему слышал ее голос во снах: «Иди сюда, Томми. Я должна тебя выпороть». Выпороть...

Он был старшим из четырех детей. Через три месяца после рождения младшего Ральф Роган умер... что ж, «умер», возможно, не самое удачное слово, лучше сказать «покончил с собой» – щедро плесканул щелока в стакан с джином и проглотил эту адскую смесь, сидя на сральнике в ванной. Миссис Роган нашла работу на заводе компании «Форд». Одиннадцатилетний Том стал опорой семьи. И если он что-то делал не так, скажем, если малыш накладывал в подгузник после ухода няни, и подгузник этот ему не меняли до прихода матери... если он забывал встретить Меган на углу Широкой улицы после того, как закрывался ее детский сад, и это видела лезущая во все дыры миссис Гант... если он смотрел «Американскую эстраду», пока Джой устраивал погром на кухне... если случалось это или что-то другое, список получался очень и очень длинным... тогда, после того как младших укладывали спать, появлялась розга, и слышалось приглашение: «Томми, иди сюда. Я должна тебя выпороть».

Лучше пороть самому, чем быть выпоротым. Если Том что и усвоил на великой дороге жизни, так только эту истину.

Поэтому взмахнул рукой, и свободный конец кожаной ленты взлетел, затягивая петлю на его руке. Потом зажал петлю в кулаке. Ощущения ему нравились. Он чувствовал себя взрослым. Кожаная полоса свисала из его кулака, как дохлая змея. Головная боль исчезла.

Она нашла то, что искала в глубине ящика: старый белый хлопчатобумажный бюстгальтер с жесткими чашечками. Мысль о том, что в столь поздний час ей позвонил любовник, на мгновение вынырнула у него в сознании и снова ушла на глубину. Нелепо. Ни одна женщина не поедет к любовнику, захватив с собой полинявшие матросские блузки и хлопчатобумаж-

ные трусики из «Кей-Марга» с местами лопнувшей эластичной лентой. Опять же, она бы не решилась.

– Беверли, – мягко позвал он, и она тут же повернулась, вздрогнула, глаза широко раскрылись, длинные волосы развевались.

Ремень завис... чуть опустился. Он смотрел на нее, вновь чувствуя неуверенность. Да, именно так она выглядела перед крупными показами, и тогда он старался не попадаться у нее на пути, понимая, что ее переполняют страх и агрессивность. Она нацеливалась на борьбу, и голову ее словно заполняло горючим газом: одна искра, и она взорвется. Она не относилась к этим показам как к шансу отделиться от «Делия фэшнс», самостоятельно зарабатывать на жизнь, может, даже сколотить состояние. Если бы этим все заканчивалось, никаких проблем бы не возникало. Но, если бы этим все и заканчивалось, она не была бы столь невероятно талантлива. Показы эти она воспринимала как суперэкзамен, которые принимали у нее очень строгие учителя. Что она видела в этих показах, так это некое существо без лица. Оно не имело лица, зато у него было имя – Авторитет.

Вся эта большеглазая нервозность читалась сейчас на ее лице. И не только. Вокруг нее возникла аура, он буквально видел это, аура предельного напряжения, отчего она стала более желанной, но и более опасной в сравнении с тем, какой была все эти годы. И он боялся, потому что она была здесь, вся целиком, другая, особенная Беверли, отличающаяся от той Беверли, какой он хотел ее видеть, какую вылепил собственными руками.

Беверли выглядела потрясенной и испуганной. А еще она выглядела безумно бодрой. Щеки горели, но под нижними веками появились белые пятнышки, совсем как вторая пара глаз. Лоб белел, как и пятна под глазами.

И сигарета по-прежнему торчала изо рта, теперь с чуть приподнятым кончиком, словно она полагала себя Франклином Делано Рузвельтом. Сигарета! Только от одного ее вида ярость вновь накатила на него зеленой волной. Откуда-то издалека, из глубин сознания, донесся тихий голос Беверли, вспомнились слова, которые он услышал от нее однажды ночью, слова, произнесенные в темноте безжизненным, апатичным голосом: «Когда-нибудь ты убьешь меня, Том. Когда-нибудь ты зайдешь слишком далеко, и это будет конец. Ты перегнешь палку».

Тогда он ответил: «Делай по-моему, Бев, и этот день никогда не настанет».

Теперь же, перед тем как ярость ослепила его, он задался вопросом, а не настал ли этот день.

Сигарета. Телефонный звонок, чемодан, странное выражение лица – все побоку. Они будут разбираться с сигаретой. Потом он ее трахнет. А уж потом они обсудят все остальное. К тому времени, возможно, и звонок и чемодан покажутся ему более важными.

– Том, – сказала она. – Том, я должна...

– Ты куришь. – Голос его доносился издалека, как из очень хорошего радиоприемника. – Похоже, ты кое-что забыла, крошка. Где ты их прячешь?

– Смотри, я ее выбрасываю. – Она прошла к двери ванной. Бросила сигарету (даже с такого расстояния он видел следы зубов на фильтре) в унитаз. П-ш-ш-ш. Она вернулась. – Том, мне позвонил давний друг. Давний, давний друг. Я должна...

– Заткнись, вот что ты должна! – взревел он. – Просто заткнись! – Но страх, который он хотел видеть, – страх перед ним – на ее лице не появился. Страх был, но причиной служил телефонный звонок, а Беверли полагалось бояться совсем другого. Она, похоже, не замечала ремня, не видела и его самого, и Тому стало как-то не по себе. А был ли он здесь? Идиотский вопрос, но был ли?

Таким ужасным и одновременно таким простым показался ему этот вопрос, и на мгновение он испугался, что совершенно оторвется от самого себя и помчится, как перекасти-поле под сильным ветром. Но тут же взял себя в руки. Он здесь, все в порядке, и хватит на сегодня этого гребаного психокопания. Он здесь, он – Том Роган, Том, клянусь Богом, Роган, и если

эта спятившая шлюха в ближайшие тридцать секунд не станет паинькой, то скоро она будет выглядеть так, словно суровый железнодорожный коп выбросил ее из мчащегося на полной скорости вагона.

– Я должен тебя выпороть, – продолжил он. – Уж извини, крошка.

Он уже видел эту смесь страха и агрессии. Но впервые взгляд адресовался ему.

– Опустит эту штуковину, – услышал он. – Мне необходимо как можно быстрее попасть в аэропорт.

«Ты здесь, То м? Здесь?»

Он отшвырнул от себя эту мысль. Полоса кожи, которая когда-то была ремнем, медленно качалась перед ним, как маятник. Его глаза блеснули и больше уже не отрывались от ее лица.

– Послушай меня, Том. В мой родной город вернулась беда. Очень большая беда. Тогда у меня был друг. Наверное, я могла бы назвать его бойфрендом, да только мы были слишком маленькими. Ему исполнилось лишь одиннадцать лет, и он сильно заикался. Сейчас он писатель. Думаю, ты даже прочитал одну его книгу... «Черная стремнина».

Она всмотрелась в его лицо, но не обнаружила никакой реакции. Только ремень качался слева – направо, справа – налево. Он стоял, наклонив голову, чуть расставив мясистые ноги. Потом она провела рукой по волосам – рассеянно, – словно занимало ее много разных важных проблем, а ремня она вовсе и не видела, и этот не дающий покоя, ужасный вопрос вновь возник в голове: «Ты здесь? Ты уверен?»

– Эта книга лежала здесь не одну неделю, а я так и не связала одно с другим. Может, следовало, но мы стали старше, и я давно, очень давно не думала о Дерри. Короче, у Билла был брат, Джордж, и Джордж погиб до того, как я познакомилась с Биллом. Его убили. А потом, следующим летом...

Но Том уже наслушался этой галиматии, что снаружи, что изнутри. Быстро двинувшись на нее, он занес правую руку, как человек, собравшийся бросить копьё. Ремень со свистом рассек воздух. Беверли увидела, попыталась увернуться, правым плечом зацепила раму двери в ванную, и ремень сочно чвакнул по ее левому предплечью, оставив красную отметину.

– Я должен тебя выпороть, – повторил Том. Голос звучал спокойно, в нем даже слышалось сожаление, но зубы обнажились в застывшей улыбке. Он хотел увидеть этот взгляд, хотел прочитать в этом взгляде страх, ужас и стыд, хотел, чтобы этот взгляд сказал ему: «Да, ты прав, я этого заслужила», – хотел, чтобы этот взгляд подтвердил: «Да, ты здесь, все так, я чувствую твое присутствие». А потом вернулась бы любовь, и все стало бы нормально и хорошо, потому что он действительно любил ее. Они даже смогли бы поговорить, если бы она захотела, о том, кто звонил и что все это значит. Но только позже. А сейчас начинался урок. Как обычно, состоящий из двух частей. Сначала порка, потом трах.

– Извини, крошка.

– Том, не делай...

Он нанес боковой удар и увидел, как ремень обвил ее бедро. А потом чвакнул по ягодице. И...

Господи, она хватала ремень! Она схватилась за ремень!

На мгновение Том Роган так изумился столь неожиданным нарушением заведенного порядка, что едва не остался без ремня, точно остался бы, если б не петля, надежно зажатая в кулаке.

Он дернул ремень на себя.

– Даже не пытайся что-либо отнять у меня, – прохрипел он. – Ты меня слышишь? Еще раз это сделаешь, и месяц будешь ссать клюквенным соком.

– Том, прекрати, – ответила она, и ее интонация еще больше разъярила его – она говорила с ним, как воспитательница с шестилеткой, устроившим истерику на игровой площадке. – Я должна ехать. Это не шутка. Люди погибли, а я много лет назад обещала...

Том мало что услышал. Он взревел и двинулся на нее, наклонив голову, вслепую размахивая ремнем. Ударил им Беверли, отбросив по стене от дверного проема. Снова поднял руку, ударил, поднял руку – ударил, поднял руку – ударил. Наутро он сможет поднять руку выше уровня глаз лишь после того, как выпьет три таблетки кодеина, но теперь он осознавал только одно – она ослушалась его. Не только курила, но и схватилась за ремень, пытаясь вырвать его, поэтому, дамы и господа, друзья и соседи, она сама напросилась, что ж, теперь он с чистой совестью сможет дать показания у престола Господа Всемогущего и Всевидящего: она получает все, что ей причитается.

Он гнал ее вдоль стены, взмахивая ремнем, нанося удар за ударом. Руки она подняла, чтобы защитить лицо, но бить по телу ему ничто не мешало. В тишине комнаты ремень зычно щелкнул, как бич. Но она не кричала, как случалось иногда, и не молила о пощаде, как обычно. И, хуже всего, не плакала, как бывало всегда. В комнате слышались только удары ремня да их дыхание: его – тяжелое и хриплое, ее – легкое и частое.

Беверли метнулась к кровати и туалетному столику, который стоял с ее стороны. Плечи покраснели от ударов. Волосы летели огненной волной. Он двинулся за ней, медленнее, но огромный, просто огромный – он играл в сквош, пока два года назад не порвал ахиллово сухожилие, и с тех пор его вес чуть вышел из-под контроля (если точнее, то совсем вышел из-под контроля), но мышцы-то остались, крепкая основа, покрывшаяся жирком. Однако он уже задыхался, и это слегка тревожило.

Она добралась до туалетного столика, и он подумал, что она скрючится рядом в три погибели или попытается забраться под столик. Вместо этого она что-то схватила... повернулась... и внезапно воздух наполнился летающими снарядами. Она швырялась в него косметикой. Флакон «Шантильи» ударил между сосков, упал к ногам, разлетелся вдребезги. Тома тут же окутал удушающий цветочный аромат.

– Прекрати! – взревел он. – Прекрати, дрянь!

Она не прекращала, руки ее летали по стеклянной поверхности туалетного столика, хватая все, что находили, и тут же швыряли в него. Он схватился за то место, куда ударил флакон «Шантильи». Ему просто не верилось, что она чем-то ударила его, пусть даже в его сторону летело многое и разное. Стекло пробка флакона его порезала. Не так чтобы сильно, треугольная царапина, но неужто одной рыжеволосой даме теперь предстояло увидеть восход солнца с больничной койки? Да, предстояло. Той самой даме...

Банка с кремом с невероятной силой стукнула его по лбу, над правой бровью. Он услышал глухой удар, донесшийся словно изнутри головы. Перед правым глазом полыхнуло белым, и он отступил на шаг, от изумления у него отвисла челюсть. Тюбик «Нивеи» шлепнулся на живот, отприкошетил, а она... она – что? Такое возможно? Да! Она кричала на него!

– Я еду в аэропорт, сукин ты сын! Ты меня слышишь? У меня есть дело, и я еду! И тебе лучше убраться с моего пути, потому что Я ЕДУ!

Кровь заливала ему правый глаз, жгучая и горячая. Он стер ее тыльной стороной ладони.

Постоял, уставившись на нее, будто никогда не видел раньше. И в каком-то смысле действительно не видел. Ее грудь часто-часто вздымалась. Лицо, по большей части красное, где-то – ярко белое, пылало. Губы растянулись, оскалив зубы. Но она уже опустошила поверхность туалетного столика. Запас метательных снарядов иссяк. Он по-прежнему мог прочитать страх в ее глазах... только она по-прежнему боялась не его.

– Сейчас ты вернешь эту одежду на прежнее место. – Произнося эти слова, он изо всех сил боролся с одышкой, и ему это не нравилось. Одышка смазывала эффект. Одышка говорила о слабости. – Потом уберешь чемодан и вернешься в постель. Если ты все это сделаешь, возможно, я изобью тебя не слишком сильно. Возможно, ты сумеешь выйти из дома через два дня, а не через две недели.

– Том, послушай меня, – говорила она медленно, глядя на него ясными глазами. – Если ты приблизишься ко мне, я тебя убью. Ты это понимаешь, мешок дерьма? Я тебя убью.

И внезапно (может, потому, что на лице ее читалось крайнее отвращение, презрение, может, потому, что она назвала его мешком дерьма, или только из-за того, как воинственно поднималась и опадала ее грудь) его начал душить страх. Не бутон страха, не цветок, а целый чертов сад страха, чудовищный страх, что его тут и нет вовсе.

Том Роган бросился на свою жену, на сей раз без единого слова. Он приближался молча, как пронизывающая воду торпеда. Теперь он собирался уже не просто избить и подчинить ее себе, но сделать то, что она пообещала сделать с ним.

Он думал, она побежит. Возможно, в ванную. Или к лестнице. Но нет, она не сдвинулась с места. Уперлась бедром в стену, ухватилась за туалетный столик, поднимая его и толкая вперед, сломала два ногтя, когда в какой-то момент потные ладони соскользнули с дерева.

Казалось, столик сейчас вернется на место, встанет на все четыре ножки, но она всей своей тяжестью навалилась на него, приподняла выше, столик завальсировал на одной ножке, на зеркало упал свет, в нем отразилась бегущая по потолку тень, а потом столик повалился вперед. Его передняя кромка ударила Тома по ногам, выше колена, свалив на пол. Послышался мелодичный звон флакончиков, которые сталкивались и разбивались в ящиках. Он увидел, как зеркало падает слева от него, и вскинул правую руку, чтобы прикрыть глаза от осколков. При этом петля соскользнула с запястья. Стекло, посеребренное с задней стороны, разлетелось во все стороны. Он почувствовал, как несколько осколков вонзились в него, потекла кровь.

Теперь она плакала, дыхание вырывалось из груди рыданиями и всхлипами. Время от времени она видела себя уходящей от Тома, уходящей от его тирании, как когда-то ушла от тирании отца, ускользящей ночью, с чемоданами, брошенными в багажник «катлэсса». Глупой она себя не считала, и, конечно, даже сейчас, стоя на границе учиненного ею разгрома, отдавала себе отчет, что любила Тома и в какой-то степени продолжала любить. Но любовь не устраняла страха перед ним... ненависти к нему... и презрения к себе за то, что выбрала его по теперь уже смутным причинам, похороненным во временах, которым следовало кануть в Лету. Ее сердце не разрывалось; скорее оно горело в груди, таяло. И она боялась, что жар, идущий от ее сердца, скоро уничтожит ее рассудок, сожжет его.

Но прежде всего в глубинах ее сознания продолжал звучать сухой, ровный голос Майка Хэнлона: «Оно вернулось, Беверли... Оно вернулось... и ты обещала...»

Столик поднялся и опустился. Один раз. Два. Три. Словно дышал.

Двигаясь с осторожностью, но проворно – уголки губ опустились и чуть подрагивают, как перед судорогой – Беверли обошла туалетный столик, ступая на цыпочках между осколками разбитого зеркала, и подхватила ремень в тот самый момент, когда Том отшвырнул туалетный столик в сторону. Потом она отступила, сунув руку в петлю. Отбросила волосы с глаз, наблюдая за ним в ожидании дальнейших действий.

Том поднялся. Один осколок порезал ему щеку. Косой порез, тонкий, как нитка, тянулся над бровью. Медленно поднимаясь, он щурился, глядя на нее, и она видела капли крови на его боксерах.

– Сейчас ты отдашь мне ремень, – прорычал он.

Она дважды обернула ремень вокруг руки и вызывающе смотрела на него.

– Прекрати это, Бев. Немедленно.

– Если подойдешь ко мне, я выбью из тебя все дерьмо. – Слова слетали с ее языка, но она не могла поверить, что произносит их именно она. И кем был этот дикарь в окровавленных трусах? Ее мужем? Отцом? Любовником в колледже, который однажды ночью из прихоти сломал ей нос? «*Господи, помоги мне*, – подумал она. – *Господи, помоги мне сейчас*». Но слова продолжали слетать. – Я могу сделать и это. Ты – толстый и медлительный, Том. Я уезжаю и, полагаю, возможно, уже не вернусь. Я полагаю, все кончено.

– Кто этот Денбро?

– Забудь о нем. Я...

Она едва успела сообразить, что этот вопрос – отвлекающий маневр. Он бросился на нее, прежде чем она договорила последнее слово. Ремень по дуге рассек воздух, и звук, который разнесся по комнате, когда он вошел в контакт с губами Тома, очень уж походил на тот, который слышишь, когда удается, приложив немало усилий, вытащить из бутылки непослушную пробку.

Том взвизгнул, прижал руки ко рту, его глаза широко раскрылись от боли и шока. Кровь лилась между пальцев на тыльные стороны ладоней.

– Ты разбила мне рот, сука! – сдавленно закричал он. – Господи, ты разбила мне рот!

Он вновь двинулся на нее, выставив перед собой руки. Рот прекратился в мокрое красное пятно. Губы она разорвала ему как минимум в двух местах. С зуба сорвало коронку. Он ее выплюнул. Одна часть Беверли пятилась от всего этого кровавого ужаса, хотела закрыть глаза. Но другая Беверли ощущала дикую радость преступника, осужденного на казнь и освобожденного случайным землетрясением из блока смертников. Этой Беверли очень даже нравилось то, что она видела. «Лучше бы ты ее проглотил! – подумала другая Беверли. – Лучше б она застряла у тебя в глотке, чтобы ты ею подавился».

Именно эта Беверли взмахнула ремнем в последний раз – ремнем, которым он полосовал ее ягодицы, ноги, груди. Этим ремнем за последние четыре года он пользовал ее бесчисленное число раз. И число ударов зависело от тяжести проступка. Том приходит домой, а обед не разогрет? Два удара. Бев работает допоздна в студии и забывает позвонить домой? Три удара. Эй, посмотрите на это – Беверли выписали штраф за парковку в неподобающем месте. Один удар... по грудям. Бить он умел. Синяки оставались редко. Да и особой боли она не чувствовала. Только унижение. Вот что доставляло боль. И еще худшую боль вызывало осознание того, что она жаждала этой боли. Жаждала унижения.

«Этот удар оплатит за все», – на замахе подумала она.

Ударил низко, наискось, и ремень хлестанул по яйцам. Послышался короткий, но сильный звук, из тех, что доносится из соседского двора, где выбивают ковер. Этого удара вполне хватило. Боевой настрой Тома Рогана развеялся как дым.

Он издал пронзительный вопль и начал падать на колени, будто решил, что пора помолиться. Руками зажал промежность. Запрокинул голову. На шее вздулись жилы. Рот раскрылся в гримасе боли. Левое колено опустилось на тяжелый, с острыми зубринами осколок флякона из-под духов, и Том молча завалился на бок, как кит. Одна рука оторвалась от яиц, чтобы схватиться за порезанное колено.

«Кровь, – подумала она. – Святой Боже, он весь в крови».

«Он выживет, – холодно ответила новая Беверли, та Беверли, которая объявилась после телефонного звонка Майка Хэнлона. – Такие, как он, всегда выживают. А ты выметайся отсюда, пока он не решил, что хочет продолжения банкета. Или – что пора спуститься в подвал за винчестером».

Беверли попятилась и почувствовала, как ногу пронзила боль: наступила на осколок разбитого зеркала. Она наклонилась и схватилась за ручку чемодана. Не отрывая глаз от Тома, вновь попятилась к двери, потом, пятясь, двинулась по коридору. Чемодан держала перед собой, обеими руками, и он бил ей по голеникам, пока она пятилась. Порезанная пятка оставляла на полу кровавые следы. Добравшись до лестницы, она развернулась и начала быстро спускаться, не позволяя себе думать. Подозревала, что никаких связных мыслей в голове не осталось, по крайней мере на какое-то время.

Почувствовала прикосновение к ноге и вскрикнула.

Посмотрела вниз и увидела, что это свободный конец ремня. Петля оставалась на запястье. В тусклом свете ремень еще больше напоминал дохлую змею. Она швырнула его

через перила, лицо перекосила гримаса отвращения, и она увидела, как ремень плюхнулся на ковер в прихожей, где и остался, изогнувшись буквой «S».

У подножия лестницы Беверли, скрестив руки, взялась за подол белой кружевной ночной рубашки и потянула ее через голову. Рубашку пятнала кровь, и она не хотела носить ее ни одной лишней секунды, ни при каких обстоятельствах. Она отшвырнула от себя рубашку, и та приземлилась на фикус у двери в гостиную, облепила его, как кружевной парашют. Беверли, голая, наклонилась к чемодану. Похолодевшие соски торчали, словно пули.

– БЕВЕРЛИ, НЕМЕДЛЕННО ПОДНИМАЙСЯ СЮДА!

Она ахнула, дернулась, вновь склонилась над чемоданом. Если он мог так громко кричать, значит, времени у нее гораздо меньше, чем она предполагала. Она открыла чемодан, вытащила трусики, блузку, старые «левисы». Натянула все на себя, стоя у входной двери, не отрывая глаз от лестницы. Но Том не появился на верхней площадке. Он дважды прокричал ее имя, и всякий раз она отшатывалась, глаза начинали бегать, губы раздвигались, обнажая зубы.

Она вставляла пуговицы в петли на блузке, как могла быстро. Двух верхних не оказалось (ирония судьбы – для себя она теперь практически ничего не шила), и Беверли подумала, что выглядит она, как проститутка, ищущая, с кем бы еще раз наскоро перепихнуться, прежде чем закончить трудовую ночь... а впрочем, сойдет и такой наряд.

– Я ТЕБЯ УБЬЮ, СУКА! ГРЕБАНАЯ СУКА!

Она захлопнула крышку чемодана, защелкнула замки. Рукав другой блузки торчал из-под крышки, как язык. Она торопливо огляделась, подозревая, что больше уже никогда не увидит этот дом.

Мысль эта принесла ей только облегчение, поэтому она открыла дверь и вышла.

Она отшагала три квартала, не очень-то понимая, что делает, когда до нее дошло, что идет она босиком. Порезанная нога, левая, при каждом шаге отдавала тупой болью. Конечно, нужна бы какая-то обувь, но время – почти два часа ночи. Ее бумажник и кредитные карточки остались дома. Она залезла в карманы джинсов, но не обнаружила ничего, кроме пыли. У нее не было ни десятика, не было даже цента. Она оглядела жилой квартал, в который забрела: красивые дома, ухоженные лужайки, подстриженные кусты, темные окна.

И внезапно ее разобрал смех.

Беверли Роган сидела на низкой каменной стене, поставив чемодан между ног, и хохотала. Светили звезды, и какие яркие! Она запрокинула голову и смеялась, глядя на звезды, безудержное веселье накатило на нее, как приливная волна, которая поднимала, несла и очищала, сила, такая могучая, что любая сознательная мысль растворялась в ней, думать могла только кровь, и лишь ее властный голос говорил с Беверли бессловесным языком желания, хотя чего желал этот голос, она так и не поняла, да ее это и не интересовало. Ей вполне хватало ощущения тепла, которым наполняла ее настойчивость этого голоса. Желание, подумала она, и внутри нее приливная волна веселья набрала скорость, неся к какому-то неизбежному крушению.

Она смеялась, глядя на звезды, испуганная, но свободная, в компании ужаса, острого, как боль, и сладкого, как зрелое октябрьское яблоко, и когда в спальне на втором этаже дома, где жили владельцы этой низкой каменной стены, зажегся свет, она схватила за ручку свой чемодан и убежала в ночь, все еще смеясь.

6

Билл Денбро берет отпуск

– Уехать? – повторила Одра в замешательстве, чуть испуганная, а потом подобрала под себя босые ноги, подняв их с пола. Холодного, как и весь коттедж, если на то пошло. Эта весна

на юге Англии выдалась как никогда промозглой, и Билл Денбро во время своих регулярных утренних и вечерних прогулок не единожды думал о Мэне... думал, что странно, о Дерри.

Вроде бы коттедж оборудовали системой центрального отопления (так, во всяком случае, указывалось в объявлении о сдаче в аренду, и они нашли котел, установленный в чистеньком маленьком подвале, в том уголке, где раньше размещался ларь с углем), но они с Одрой очень быстро поняли, что британское представление о системе центрального отопления отличается от американского. Похоже, англичане полагали, что центральное отопление функционирует как должно, если утром твоя струя не превращается в лед по пути к унитазу. И сейчас как раз было утро, без четверти восемь. Билл положил трубку пятью минутами раньше.

– Билл, ты не можешь просто уехать. Ты это знаешь.

– Я должен, – ответил он. У дальней стены стоял буфет. Билл подошел к нему, взял с верхней полки бутылку «Гленфиддика»⁵⁹, налил в стакан. Часть выплеснулась мимо. – Черт, – пробормотал он.

– Кто тебе звонил? Чего ты боишься, Билл?

– Я не боюсь.

– Да? У тебя всегда так дрожат руки? Ты всегда начинаешь пить до завтрака?

Он вернулся к креслу, полы халата обвивали щиколотки, сел. Попытался улыбнуться, но получалось не очень, и он решил обойтись без улыбки.

В телевизоре диктор Би-би-си как раз заканчивал выдавать утреннюю порцию плохих новостей, прежде чем перейти к результатам вчерашних футбольных матчей. По прибытии в маленькую пригородную деревушку Флит за месяц до начала съемок их восхитил технический уровень английского телевидения – на экране хорошего цветного телевизора «Пай» все выглядело как живое, так и хотелось шагнуть внутрь. «Больше строк или что-то в этом роде», – заметил тогда Билл. «Я не знаю, в чем дело, но это здорово», – ответила Одра. Но потом выяснилось, что большую часть эфирного времени занимают американские шоу, телесериалы вроде «Далласа» и бесконечные спортивные трансляции, от неведомых ранее и скучных (чемпионат по дартсу, все участники которого выглядели, как заторможенные борцы сумо) до просто скучных (британский футбол оставлял желать лучшего, крикет был еще хуже).

– В последнее время я много думал о доме. – Билл отхлебнул из стакана.

– О доме? – На ее лице отразилось столь искреннее недоумение, что он рассмеялся.

– Бедная Одра! Уже чуть ли не одиннадцать лет, как вышла за парня, и ничегошеньки о нем не знаешь. Что ты об этом знаешь? – Он вновь рассмеялся и осушил стакан. Смех этот совершенно ей не понравился, как и стакан виски до завтрака в его руке. Смех этот больше напоминал вопль боли. – Интересно, а у остальных есть мужья или жены, которые тоже только что выяснили, сколь мало они знают. Наверное, есть.

– Билли, я знаю, что люблю тебя, – ответила она. – Одиннадцати лет для этого хватило.

– Я знаю. – Он ей улыбнулся, и в улыбке читались нежность, усталость и страх.

– Пожалуйста. Пожалуйста, скажи мне, что все это значит. Она смотрела на него восхиительными серыми глазами, сидя в обшарпанном кресле арендованного дома с поджатыми под себя и прикрытыми подолом ночной рубашки ногами, женщина, которую он полюбил, на которой женился и любил по-прежнему. Он попытался глубже заглянуть ей в глаза, чтобы увидеть, что она знала. Попытался представить все это как историю. Он мог, но прекрасно понимал, что продать такую историю не удастся.

Бедный мальчик из штата Мэн поступает в университет, получив стипендию. Всю жизнь он хотел стать писателем, но, записавшись на литературные дисциплины, обнаруживает, что заблудился в странной и пугающей стране, а компаса у него нет. Один парень хочет стать Апдайком. Другой – Фолкнером Новой Англии, только он хочет писать романы о суровой

⁵⁹ «Гленфиддик» – шотландский виски.

жизни бедняков белым стихом. Одна девушка восхищается Джойс Кэрл Оутс, но чувствует, что Оутс «радиоактивна в литературном смысле», потому что выросла в сексистском обществе. Оутс не может быть добродетельной. Она же будет более добродетельной. Один низкорослый толстый аспирант не может или не хочет говорить громче шепота. Этот парень написал пьесу, в которой девять персонажей. Каждый произносит только одно слово. Мало-помалу персонажи понимают, что если слова сложить вместе, получится предложение: «Война – это средство, которое используется всеми сексистскими торговцами смертью». Парень получает пятерку от человека, который ведет Н-141, семинар писательского мастерства. Этот преподаватель опубликовал четыре книги сборника стихов и свою диссертацию, все в местном университетском издательстве. Он курит травку и носит медальон с пацификом. Пьесу толстяка-шептуна ставит театральная группа во время забастовки с требованием прекратить войну, которая проводилась в кампусе в 1970 году. Преподаватель играет одну из ролей.

Билл Денбро тем временем написал один детективный рассказ – убийство в запертой комнате, три научно-фантастических рассказа и несколько рассказов-ужасиков, в которых многое взято из Эдгара По, Г. Ф. Лавкрафта и Ричарда Матесона – позже он скажет, что эти рассказы напоминали катафалк середины XIX века, снабженный компрессором и выкрашенный красной фосфоресцирующей краской.

Один из НФ-рассказов приносит ему четверку.

«Уже лучше, – пишет преподаватель на титульной странице. – В контратаке инопланетян мы видим порочный круг, в котором насилие порождает насилие; мне особенно понравился «иглоносый» космический корабль, как символ социосексуального нашествия. Это интересно, хотя и напоминает чуть стертый скрытый подтекст».

Все остальные опусы получают максимум тройку.

Наконец как-то раз он встает после обсуждения рассказика болезненно-бледной девушки о том, как корова изучала выброшенный кем-то двигатель на незасеянном поле (то ли после атомной войны, то ли безо всякой войны), которое продолжалось семьдесят минут или около того. Болезненно-бледная девушка курит одну сигарету «Винстон» за другой да рассеянно ковыряет прыщи, разбросанные по впадинам висков. Она настаивает, что ее маленький рассказ – социополитическое заявление в стиле раннего Оруэлла. Большинство группы и преподаватель соглашаются, но дискуссия тянется и тянется.

Когда Билл встает, все смотрят на него. Он высокий и харизматичный.

Медленно произнося слова, не заикаясь (он не заикался уже более пяти лет), он начинает: «Я совсем этого не понимаю. Я ничего в этом не понимаю. Почему литературное произведение должно быть социокаким-то? Политика... культура... история... разве они не естественные ингредиенты любого литературного произведения, если оно хорошо написано? Я хочу сказать... – Он оглядывается, видит враждебные глаза и смутно осознает, что его выступление они воспринимают как какую-то атаку. Может, так оно и есть. Они думают, доходит до него, что в их ряды, возможно, затесался сексистский торговец смертью. – Я хочу сказать... разве вы не можете позволить литературному произведению быть просто литературным произведением?»

Никто не отвечает. Молчание расплзается по аудитории. Он стоит, переводя взгляд с одной холодной пары глаз на другую. Болезненно-бледная девушка выпускает струю дыма и тушит окурок в пепельнице, которую всегда носит в рюкзаке.

Наконец к нему обращается преподаватель, мягко, как к ребенку, устроившему необъяснимую истерику: «Ты веришь, что Уильям Фолкнер просто рассказывал истории? Ты веришь, что Шекспира интересовали только деньги? Давай, Билл. Скажи нам, что ты об этом думаешь?»

– Я думаю, что это близко к истине, – отвечает Билл после долгой паузы, в течение которой честно обдумывает вопрос, и видит в их глазах осуждение.

– Полагаю, – говорит преподаватель, играя ручкой и с улыбкой глядя на Билла из-под прикрытых веками глаз, – тебе еще предстоит многому научиться.

Где-то в глубинах аудитории зарождаются аплодисменты.

Билл уходит... но возвращается на следующей неделе, в стремлении набираться писательского мастерства. За это время он написал рассказ, который назвал «Темнота», историю о маленьком мальчике, обнаружившем, что в подвале его дома живет монстр. Мальчик не пугается его, сражается с ним и в конце концов побеждает. Он чувствует себя на седьмом небе, когда пишет этот рассказ; он даже чувствует, что и не пишет вовсе – просто позволяет рассказу изливаться из него. В какой-то момент он кладет ручку и выносит свою горячую, уставшую руку на двенадцатиградусный декабрьский мороз, где она чуть ли не дымится от разности температур. Он ходит по кампусу, обрезанные зеленые сапоги скрипят по снегу, как петли ставен, которым требуется смазка, а его голова просто раздувается от истории. Это немного пугает – ее желание вырваться наружу. Он чувствует, если она не сможет выйти из головы через летающую по бумаге, зажатую в его руке ручку, то выдавит ему глаза, в стремлении вырваться и обрести конкретную форму. «Собираюсь сделать из нее конфетку», – признается он ветреной зимней темноте и смеется... неуверенно как-то смеется. Он полностью отдает себе отчет, что наконец-то понял, как это делается – после десяти лет поисков внезапно обнаружил кнопку стартера огромного, застывшего бульдозера, который занимал столько места в его голове. Он завелся. Заревел, заревел. В ней нет ничего красивого, в этой большущей машине. Она предназначена не для того, чтобы возить хороших девушек на танцы. Это не статусный символ. Это машина для работы. Она может сшибать что угодно. Если не будешь осторожным, она сшибет и тебя.

Он спешит в дом и заканчивает «Темноту» в один присест, пишет до четырех часов утра и наконец засыпает на тетради. Если бы кто-нибудь сказал ему, что писал он о своем брате Джордже, Билл бы удивился. Он не думал о Джордже долгие годы – во всяком случае, он искренне в это верит.

Рассказ возвращается от преподавателя с жирной единицей на титульной странице. Под единицей еще две строки, большими буквами. Одна – «БУЛЬВАРНОЕ ЧТИВО». Вторая – «МАКУЛАТУРА».

Билл несет пятнадцатистраничную рукопись к дровяной печке, открывает крышку топки. Но за мгновение до того, как рукопись полетела бы в огонь, он осознает абсурдность своего поступка. Садится в кресло-качалку, смотрит на плакат «Грейтфул Дэд» и начинает смеяться. Бульварное чтиво? Макулатура? Отлично! Пусть это бульварное чтиво! Мир полон бульварного чтива!

– Пусть они рубят чертовы деревья на бумагу для бульварного чтива! – восклицает Билл и смеется, пока слезы не начинают скатываться из глаз на щеки.

Он перепечатывает титульную страницу, где преподаватель оставил свой вердикт, и посылает рассказ в журнал для мужчин «Белый галстук» (хотя по тому, что Билл видит в этом журнале, его следовало бы назвать «Обнаженные девушки, которые выглядят, как наркоманки»). Однако в его истрепанном «Райтерс маркет»⁶⁰ указано, что они покупают рассказы-ужастики, и в двух номерах, приобретенных в местном семейном магазинчике, он действительно нашел четыре рассказа-ужастика, втиснутые между обнаженными девушками и рекламой порнофильмов и таблеток для повышения потенции. Один из них, написанный Деннисом Этчисоном, очень даже хорош.

Он посылает «Темноту» без особых надежд – он посылал уже много рассказов в разные журналы, но получал одни лишь отказы, поэтому он как громом поражен и обрадован, когда заведующий отделом литературы журнала «Белый галстук» покупает рассказ за двести долларов, с оплатой по публикации. Заместитель заведующего дополняет решение босса короткой запиской, в которой называет творение Билла «лучшим чертовым рассказом-ужастиком после

⁶⁰ «Райтерс маркет» – ежегодник с самой разнообразной информацией, которая может потребоваться писателям.

«Банки» Рэя Брэдбери». Далее зам написал: «Очень жаль, что от побережья до побережья прочитают его лишь человек семьдесят», – но Билла Денбро это не волнует. Двести долларов!

Он идет к своему куратору с бланком отказа от посещения Н-141. Куратор дает добро. Билл Денбро степлером соединяет бланк с хвалебным письмом заместителя заведующего литературного отдела и прикрепляет обе бумажки к доске объявлений на двери кабинета преподавателя, ведущего семинар писательского мастерства. В углу доски объявлений он видит антивоенную карикатуру. И внезапно, словно обретя собственную волю, его пальцы достают ручку из нагрудного кармана, и на карикатуре он пишет: «Если беллетристика и политика когда-нибудь действительно станут взаимозаменяемыми, я покончу с собой, потому что не знаю, что еще можно сделать. Видите ли, политика постоянно меняется. Истории – никогда». Останавливается, а потом, в некотором смущении (но ничего не может с собой поделаться) добавляет: «Полагаю, вам еще предстоит многому научиться».

Три дня спустя бланк отказа возвращается к нему через почту кампуса. Преподаватель его подписал. В графе «ОЦЕНКА НА МОМЕНТ ПРЕКРАЩЕНИЯ ЗАНЯТИЙ» поставил не двойку и не тройку, право на которые давали Биллу полученные ранее отметки, а сердито выведенную единицу. Ниже преподаватель написал: «Думаешь, деньги что-то кому-то доказывают, Денбро?»

– Что ж, если на то пошло, то да, – говорит Билл Денбро пустой квартире и вновь начинает дико хохотать.

На последнем году обучения в колледже он решает написать роман, потому что понятия не имеет, за что берется. Из эксперимента он выходит потрепанным, испуганным... но живым, с рукописью в почти пять сотен страниц. Рукопись посылает в «Викинг пресс», зная, что это будет лишь первая из многих остановок для его книги о призраках... но ему нравится кораблик на логотипе «Викинга», а потому приятнее начать именно с этого издательства. Но, так уж вышло, первая остановка становится последней. «Викинг» покупает книгу – и для Билла Денбро начинается сказка. Человек, которого когда-то звали Заика Билл, добивается успеха в двадцать три года. Три годами позже и в трех тысячах миль от севера Новой Англии он обретает статус чудаковатой знаменитости, обвенчавшись в голливудской церкви в Пайнс с кинозвездой на пять лет его старше.

Колонки светской хроники отводят новому союзу семь месяцев. Вопрос лишь в том, говорится в них, закончится все разводом или признанием брака недействительным. Друзья (и враги) с обеих сторон придерживаются того же мнения. Помимо разницы в возрасте хватает и других очень уж явных диспропорций. Он – высокий, уже лысеющий, уже начинающий полнеть. В компании говорит медленно, временами понять его просто невозможно. Одра – с золотисто-каштановыми волосами, статная, великолепная. По виду – не земная женщина, а представительница какой-то сверхрасы полубогов.

Его наняли написать сценарий по его второму роману, «Черная стремнина» (главным образом потому, что право на написание как минимум первого варианта сценария стало непременным условием продажи прав на экранизацию, несмотря на заявления его литературного агента, что он рехнулся), и его вариант на самом деле оказался очень даже неплохим. Билла пригласили в Юниверсал-Сити для доработки сценария и дальнейшей работы над фильмом.

Его литагент – миниатюрная женщина Сьюзен Браун. Ее рост ровно пять футов. Она необычайно энергична и даже еще более эмоциональна.

– Не делай этого, Билли, – говорит она ему. – Откажись. Они вложили в этот фильм много денег и найдут хорошего сценариста. Может, даже позовут Гольдмана⁶¹.

⁶¹ Гольдман, Уильям (р. 1931) – писатель, драматург, один из самых знаменитых американских сценаристов, дважды лауреат премии «Оскар», адаптировавший для экранизации три романа Стивена Кинга: «Мизери» (1990), «Сердца в Атлантиде» (2001) и «Ловец снов» (2003).

– Кого?

– Уильяма Гольдмана. Единственный хороший писатель, который поехал туда и одним выстрелом убил двух зайцев.

– О чем ты говоришь, Сьюзи?

– Он остался там и не растерял мастерства, – отвечает она. – Шансы на то, что так и будет, не выше шансов победить рак легких. Такое возможно, но кому охота пробовать? Ты сгоришь на сексе и спиртном. Или от каких-то новых таблеток. – Безумно завораживающие карие глаза Сьюзен сверкают. – А если выяснится, что заказ получит какой-нибудь зануда, а не такой, как Гольдман, что с того? Книга на полке. Они не могут изменить ни слова.

– Сьюзен...

– Послушай меня, Билли! Хватай деньги и беги. Ты молодой и сильный. Такие им и нужны. Ты поедешь туда, и первым делом они лишат тебя самоуважения, а потом и способности писать. Это прямая линия из пункта А в пункт Б. И последнее, но не менее важное: из тебя высосут весь тестостерон. Ты пишешь, как мужчина, но ты всего лишь мальчишка с очень высоким лбом.

– Я должен ехать.

– Кто здесь пернул? – Она морщит носик. – Должно быть, потому что что-то точно завоняло.

– Но я поеду. Должен.

– Господи!

– Я должен уехать из Новой Англии. – Он боится произнести следующую фразу (для него это все равно, что произнести заклятие), но не считает возможным скрывать от нее. – Я должен уехать из Мэна.

– Но почему, скажи на милость?

– Не знаю. Просто должен.

– Ты говоришь мне что-то серьезное, Билли, или говоришь как писатель?

– Это серьезно.

Этот разговор они ведут в постели. Грудь ее маленькие, как персики, и такие же сладкие. Он крепко ее любит, но оба знают, что любовь эта ненастоящая. Она садится – простыня сползает на колени – и закуривает. Она плачет, но он сомневается, знает ли она, что он в курсе. У нее просто по-особому блестят глаза. Упомянуть об этом бестактно, он и не упоминает. Он не любит ее по-настоящему, но она ему далеко не безразлична.

– Тогда поезжай. – Голос становится деловито-сухим, она поворачивается к нему. – Позвони, когда закончишь, если у тебя останутся силы. Я приеду и подберу остатки. Если останется, что подбирать.

Киноверсия романа «Черная стремнина» называется «Логово Черного демона», и Одра Филлипс играет главную роль. Название ужасное, но фильм получается очень даже ничего. Так что в Голливуде он оставляет одну-единственную часть своего тела – сердце.

– Билл. – Голос Одры вырывает его из воспоминаний. Он замечает, что она выключила телевизор. Смотрит на окно и видит лижущий стекла туман.

– Я объясню, насколько смогу, – пообещал он. – Ты этого заслуживаешь. Но сначала я попрошу тебя кое-что сделать.

– Хорошо.

– Налей себе чашку чая и расскажи, что ты знаешь обо мне. Или думаешь, что знаешь.

Она в недоумении посмотрела на него, потом прошла к высокому комоду на ножках.

– Я знаю, что ты из Мэна. – Она налила себе чай из чайника, что стоял на подносе для завтрака. Она родилась и жила в Америке, но в голосе слышался английский выговор – следствие роли, которую она играла в «Комнате на чердаке». Они приехали в Англию на съемки этого фильма. Билл впервые написал оригинальный сценарий. Ему предложили поставить фильм.

Слава богу, он отказался: его отъезд окончательно бы все порушил. Он и так знал, что они скажут, вся съемочная группа. Билли Денбро наконец-то показал свое истинное лицо. Еще один хренов писатель, безумнее, чем сортирная крыса.

И, видит Бог, он чувствовал себя безумцем.

– Я знаю, что у тебя был брат, которого ты очень любил, но он умер, – продолжила Одра. – Я знаю, что ты вырос в городке, который назывался Дерри, через два года после смерти брата переехал в Бангор, в четырнадцать лет – в Портленд. Я знаю, что твой отец умер от рака легких, когда тебе исполнилось семнадцать. И ты написал бестселлер, еще учась в колледже, оплачивая обучение стипендией и деньгами, которые получал, работая на текстильной фабрике. Должно быть, тебе это показалось очень необычным... такое изменение в доходах. В перспективах.

Она вернулась в ту часть комнаты, где находился он, и он увидел это в ее лице: осознание, что в их отношениях есть белые пятна.

– Я знаю, что ты написал «Черную стремнину» годом позже и приехал в Голливуд. За неделю до начала съемок ты встретил совсем запутавшуюся женщину, которую звали Одра Филипс, и она немного знала о том, через что тебе пришлось пройти... эти безумные перемены в жизни... потому что пятью годами раньше была никому не известной Одри Филпотт. И эта женщина тонула...

– Одра, не надо...

Ее глаза не отрывались от его.

– Почему нет? Давай скажем правду и посраим дьявола. Я тонула. За два года до встречи с тобой я открыла для себя попперсы⁶², годом позже – кокаин, который понравился мне еще больше. Попперс утром, кокаин днем, вино вечером, валиум – на ночь. Витаминный набор Одры. Слишком много важных встреч, слишком много хороших ролей. Я очень уж напоминала персонажа из романа Жаклин Сюзанн⁶³. Это было так весело. Знаешь, как я воспринимаю то время, Билл?

– Нет.

Она мелкими глотками пила чай, смотрела ему в глаза и улыбалась.

– Все равно что бежишь по пешеходной дорожке в международном аэропорту Лос-Анджелеса. Понимаешь?

– Нет, не совсем.

– Это движущаяся пешеходная дорожка. Транспортер. Длиной в четверть мили.

– Я знаю дорожку. Но не понимаю, что ты...

– Ты можешь просто стоять, и она доставит тебя в зал выдачи багажа. Но если хочешь, ты можешь и не стоять. Можешь идти по ней и даже бежать. И тебе кажется, что ты идешь нормальным шагом, или, как обычно, бежишь трусцой, или просто бежишь, как обычно, или, как обычно, несешься на полной скорости: тело забывает, но в действительности ты добавляешь свою скорость к скорости дорожки. Поэтому там, где дорожка заканчивается, вывешены таблички с предупреждением: «ПРИТОРМОЗИТЕ, СХОД С ДВИЖУЩЕЙСЯ ДОРОЖКИ». Когда я встретила тебя, я чувствовала, что как раз сбегая с движущейся дорожки на твердую землю. То есть мое тело находилось миль на девять впереди моих ног. Сохранить равновесие невозможно. Рано или поздно ты хлопнешься лицом об пол. Только я не хлопнулась. Потому что ты меня поймал.

⁶² Попперсы – сленговое название группы алкилированных нитратов, которые употребляются ингаляционным путем (во время вдыхания). Попперсы часто используются лицами, употребляющими кокаин и экстази, для продления эйфории и уменьшения депрессии во время абстинентного состояния.

⁶³ Сюзанн, Жаклин (1918–1974) – американская писательница, книги которой в немалой степени способствовали наступлению и развитию сексуальной революции. Одра говорит о первом романе писательницы, «Долина кукол» (1966).

Она отставила чашку и закурила, продолжая смотреть ему в глаза. Он понял, что у нее дрожат руки, только по движению огонька зажигалки, который ушел вправо от сигареты, потом влево, прежде чем нашел цель.

Одра глубоко затянулась, выпустила струю дыма.

– Что я знаю о тебе? Я знаю, что ты вроде бы всегда держишь все под контролем. Это я знаю. Ты, похоже, никогда не торопишься, боясь пропустить следующий стакан, следующую встречу или следующую вечеринку. Ты, похоже, уверен, что никуда все это не денется... к тому моменту, когда у тебя возникнет желание выпить, встретиться, погулять. Ты говоришь медленно. Отчасти из-за того, что в Мэне растягивают слова, но главная причина – в тебе. Из всех моих тамошних знакомых ты был первым, кто решил говорить медленно. И мне приходилось сбавлять темп, чтобы слушать. Я смотрела на тебя и видела, что ты никогда не побежишь по движущейся дорожке, зная, что она и так доставит тебя в нужное место. Тебя, похоже, нисколько не трогали голливудские шумиха и истерия. Ты не стал бы арендовать «роллс-ройс», чтобы во второй половине субботы проехаться по Родео-драйв на чужом автомобиле с престижными номерными знаками, сделанными по твоему заказу. Ты не стал бы нанимать пресс-агента, чтобы тот пробивал статьи о тебе в «Варьете» или в «Голливудский репортер». Ты бы никогда не попал в шоу Карсона.

– Писателей туда приглашают, если они умеют показывать карточные фокусы или гнуть ложки. – Билл улыбнулся. – Это федеральный закон.

Он думал, что она тоже улыбнется, но напрасно.

– Я знаю, когда мне потребовалась твоя помощь, ты меня не подвел. Когда я слетела с конца движущейся дорожки, как О-Джей Симпсон в старом рекламном плакате «Хертца». Возможно, ты меня спас от лишней таблетки, которая наложилась бы на избыток спиртного. А может, я бы и сама удержалась на ногах по ту сторону движущейся дорожки и теперь излишне все драматизирую. Но... не похоже на это. Не чувствую я в себе силы, которая удержала бы меня.

Она затушила сигарету всего лишь после двух затяжек.

– Я знаю, с тех пор ты всегда был рядом со мной. И я – рядом с тобой. В постели у нас все складывается отлично. Раньше я придавала этому большое значение. Но у нас все складывается отлично и вне постели, чему теперь я придаю еще большее значение. Я чувствую, что могу стареть рядом с тобой и не бояться этого. Я знаю, ты пьешь слишком много пива и слишком мало двигаешься; я знаю, иногда тебе снятся кошмары...

Он вздрогнул. Неприятно удивленный. Почти что испуганный.

– Мне никогда ничего не снится.

Она улыбнулась:

– Ты так и говоришь интервьюерам, когда они спрашивают тебя, откуда ты берешь свои идеи. Но это неправда. Если только тебя не заставляет стонать по ночам несварение желудка. И я в это не верю, Билли.

– Я говорю? – осторожно спросил он. Потому что действительно не мог вспомнить никаких снов. Ни хороших, ни плохих.

Одра кивнула:

– Иногда. Но я не смогла разобрать ни слова. И пару раз ты плакал.

Он тупо смотрел на нее. Во рту появился неприятный привкус. Тянулся по языку и уходил в горло, как вкус растаявшей таблетки аспирина. «Теперь ты знаешь, каков вкус у страха, – подумал он. – Пора это выяснить, учитывая, как много ты написал на сей предмет». И он полагал, что к этому вкусу успеет привыкнуть. Если проживет достаточно долго.

Воспоминания вдруг начали рваться наружу. Будто где-то в глубинах рассудка вздулся черный волдырь, угрожая лопнуть и изрыгнуть пагубные

(сны)

образы из подсознания в поле мысленного видения, которое управлялось сознанием... и, появившись одновременно, образы эти свели бы его с ума. Он попытался затолкать их назад, и ему это удалось, но лишь после того, как он услышал голос – словно кого-то похоронили живьем и он кричал из-под земли. Принадлежал голос Эдди Каспбрэку.

«Ты спас мне жизнь. Эти большие парни, они меня совсем замордовали. Иногда я думаю, что они действительно хотят меня убить...»

– Твои руки, – указала Одра.

Он посмотрел на них. Они покрылись мурашками. Не маленькими, а огромными белыми узлами, напоминающими яйца насекомых. Они оба смотрели на его руки, не произнося ни слова, будто любовались каким-то музейным экспонатом. Мурашки медленно растеклись.

Возникшую паузу нарушила Одра.

– И я знаю еще одно. Сегодня утром тебе позвонил кто-то из Штатов и сказал, что ты должен уехать.

Он встал, коротко глянул на бутылки со спиртным, прошел на кухню, вернулся со стаканом апельсинового сока.

– Ты знаешь, что у меня был брат, и знаешь, что он умер, но тебе не известно, что его убили.

У Одры перехватило дыхание.

– Убили! Ох, Билл, почему ты никогда не...

– Говорил тебе? – Он рассмеялся, смех этот напоминал лай. – Не знаю.

– Что случилось?

– Тогда мы жили в Дерри. Город залило дождем, но худшее уже миновало. Джордж слушал. Я болел гриппом, лежал в постели. Он захотел, чтобы я сложил ему кораблик из газетного листа. Я это умел, годом раньше научился в дневном лагере. Он сказал, что пустит его по ливневым канавам Уитчем-стрит и Джонсон-стрит, так как по ним по-прежнему текла вода. Я сделал ему кораблик, и он поблагодарил меня, и пошел на улицу, и больше я не видел моего брата Джорджа живым. Если бы я не болел гриппом, то, возможно, сумел бы его спасти.

Он помолчал, правой ладонью потер левую щеку. Словно проверяя, не выросла ли щетина. Его глаза, увеличенные линзами очков, казались задумчивыми, но он на нее не смотрел.

– Произошло все на Уитчем-стрит, там, где она пересекается с Джексон. Тот, кто это сделал, оторвал ему левую руку с той же легкостью, с какой второклассник отрывает у мухи крылышко. Судебный патологоанатом сказал, что он умер от шока или от потери крови. По мне, так разницы никакой.

– Господи, Билл!

– Наверное, ты удивляешься, почему я тебе этого не говорил. По правде говоря, я тоже удивляюсь. Мы женаты одиннадцать лет, и до сегодняшнего дня ты не знала, как умер Джорджи. Я знаю все о твоей семье, даже о дядюшках и тетушках. Я знаю, что твой отец умер в своем гараже в Айова-Сити, потому что пьяным угодил под бензопилу, которую сам же и включил. Я знаю все это, потому что муж и жена, какими бы занятыми они ни были, через какое-то время узнают друг о друге практически все. И если им становится совсем уж скучно и они перестают слушать, все равно как-то узнают... может, и без слов. Или ты думаешь, я не прав?

– Нет. – Она покачала головой. – Конечно, ты прав, Билл.

– И мы всегда могли говорить друг с другом, так? Я хочу сказать, ни одному из нас разговор не наскучивал до такой степени, что мы предпочитали обходиться без слов.

– Что ж, до сегодняшнего дня я тоже так думала.

– Перестань, Одра. Ты знаешь все, что случилось со мной за последние одиннадцать лет моей жизни. Каждый договор, каждую идею, каждую простуду, каждого друга, каждого парня, который причинил мне зло или попытался это сделать. Ты знаешь, что я спал со Сьюзен Браун.

Ты знаешь, что иногда я становлюсь слезливым, если выпью и слишком уж громко завожу пластинки.

– Особенно «Грейтфул дэд», – уточнила она, и он рассмеялся.

На этот раз Одра улыбнулась.

– Ты знаешь и самое важное, то, к чему я стремлюсь, на что надеюсь.

– Да. Думаю, что знаю. Но это... – Она замолчала, покачала головой, задумалась. – Этот телефонный звонок имеет непосредственное отношение к твоему брату, Билл?

– Давай доберемся до сути моим путем. Не старайся загнать меня в эпицентр всего этого, потому что я не знаю, чем тогда все закончится. Оно такое огромное... и такое невероятно ужасное... что я стараюсь подбираться чуть ли не ползком. Видишь ли... мне в голову даже не приходила мысль о том, что я должен рассказать тебе о Джорджи.

Она смотрела на него, хмурясь, потом покачала головой.

– Я не понимаю.

– Я пытаюсь сказать тебе, Одра, что... я не думал о Джорджи двадцать лет, а то и больше.

– Но ты говорил мне, что у тебя был брат, которого звали...

– Я повторил это как факт биографии. И все. Его имя было всего лишь словом. Оно не вызвало никакого отклика в моем сознании.

– Но я думаю, оно, возможно, находит отклик в твоих снах, – произнесла Одра предельно спокойно.

– Отсюда стоны? Плач?

Она вновь кивнула.

– Возможно, в этом ты права. Чего там, ты практически наверняка права. Но сны, которые не помнишь, – не в счет, так?

– Ты действительно утверждаешь, что никогда о нем не думал?

– Нет. Никогда.

Она покачала головой, показывая, что не верит ему.

– Даже о его ужасной смерти?

– До сегодняшнего дня – никогда.

Она посмотрела на него, снова покачала головой.

– Ты спросила у меня перед свадьбой, есть ли у меня братья или сестры, и я ответил, что у меня был брат, но он умер. Ты знала, что мои родители тоже умерли, а у тебя так много родственников, что тебе хватало с ними забот. Но это еще не все.

– В каком смысле?

– В эту черную дыру памяти попал не только Джордж. Я двадцать лет не думал о Дерри. О людях, с которыми я дружил... Эдди Каспбрэк, Ричи Балабол, Стэн Урис, Бев Марш... – Он провел руками по волосам и рассмеялся дребезжащим смехом. – Все равно, как если у тебя такая сильная амнезия, что ты даже не подозреваешь о ней. И когда Майк Хэнлон позвонил...

– Кто такой Майк Хэнлон?

– Еще один мальчишка, с которым мы дружили... из тех, с кем я сдружился после смерти Джорджа. Разумеется, он уже не ребенок. Как и все мы. Это Майк позвонил по телефону, с той стороны Атлантики. «Алло... я попал в дом Денбро?» – спросил он, и когда я ответил, что да, последовал вопрос: «Билл? Это ты?» Я снова ответил «да» и услышал: «Это Майк Хэнлон». Для меня эти имя и фамилия ничего не значили, Одра. Он мог продавать энциклопедии или пластинки Берла Айвза. Тогда он добавил: «Из Дерри». И едва он произнес эти два слова, внутри у меня словно открылась дверь, из нее хлынул какой-то жуткий свет, и я вспомнил, кто он такой. Я вспомнил Джорджи. Я вспомнил всех остальных. Произошло все...

Билл шелкнул пальцами.

– Вот так. И я сразу понял, что он собирается попросить меня приехать.

– Вернуться в Дерри.

– Да. – Он снял очки, потер глаза, посмотрел на нее. Никогда в жизни она не видела более испуганного человека. – В Дерри. Потому что мы обещали, напомнил он, и мы обещали. Мы обещали. Все мы. Дети. Мы встали в речушке, которая бежит через Пустошь, встали в круг, взявшись за руки, и надрезали ладони осколком стекла, словно дети, которые играли в кровных братьев, только это была не игра.

Он протянул к ней руки ладонями вверх, и по центру каждой она смогла разглядеть узкую лесенку, белые перекладыны и стойки которой могли быть давними шрамами. Она держала его руку (обе руки) бесчисленное количество раз, но никогда раньше не замечала эти шрамы на ладонях. Да, они едва просматривались, но она могла бы поклясться...

И вечеринка! Та вечеринка!

Не первая, где они познакомились, хотя эта вторая стала идеальным, как в книге, счастливым концом для первой, поскольку проводилась по поводу завершения съемок «Логова Черного демона». Получилась она шумной и пьяной, по всем параметрам соответствующей каньону Топанга⁶⁴. Разве что с меньшим градусом озлобленности в сравнении с некоторыми лос-анджелесскими вечеринками, потому что съемки прошли лучше, чем кто-либо мог ожидать, и они все это знали. Для Одры Филлипс съемки эти прошли даже еще лучше, потому что она влюбилась в Уильяма Денбро.

И как звали ту самозваную хиромантку? Одра не могла вспомнить имени, знала только, что девушка была одной из двух помощниц гримера. Она помнила, как в какой-то момент вечеринки девушка сдернула с себя блузку (открыв очень даже прозрачный бюст гальтер) и соорудила из нее некое подобие цыганской шали. Накурившись травки, выпив вина, остаток вечера она гадала всем по ладони... во всяком случае, пока не отключилась.

Одра не могла вспомнить, какие предсказания выдавала девушка, хорошие или плохие, остроумные или глупые, – она в тот вечер тоже сильно набралась. Но прекрасно помнила, что в какой-то момент девушка схватила ее руку и руку Билла и объявила, что они очень и очень подходят друг другу. Идеальная пара. Одра помнила, что не без ревности наблюдала за лакированным ногтем девушки, исследующим линии на его ладони – и как глупо это выглядело в странной лос-анджелесской киношной субкультуре, где у мужчин вошло в привычку похлопывать женщин по заду точно так же, как в Нью-Йорке – целовать в щечку. Но в этом движении ногтя по линиям ладони было что-то интимное и томительное.

И тогда никаких белых шрамов на ладони Билла она не заметила.

А ведь наблюдала за процессом ревнивым взором любящей женщины, и не сомневалась в своей памяти. Точно знала – не было никаких шрамов.

Теперь она так и сказала об этом Биллу.

Он кивнул:

– Ты права. Их не было. И хотя я не могу в этом поклясться, не думаю, что они были здесь вчера вечером, в «Плуге и бороне». Мы с Ральфом опять соревновались в армрестлинге на пиво, и я думаю, что заметил бы их. – Он улыбнулся. Сухо, невесело и испуганно. – Думаю, они появились, когда позвонил Майк Хэнлон. Вот что я думаю.

– Билл, это же невозможно. – Но она потянулась за сигаретами.

Билл смотрел на свои руки.

– Это делал Стэн. Резал наши ладони осколком бутылки из-под кока-колы. Теперь я помню это совершенно отчетливо. – Он посмотрел на Одру, и в глазах за линзами очков читались боль и недоумение. – Я помню, как осколок стекла блестел на солнце. Прозрачного стекла, от новой бутылки. Прежде бутылки кока-колы делали из зеленого стекла, помнишь? – Она покачала головой, но он этого не увидел. Снова изучал свои ладони. – Я помню, как свои руки Стэн порезал последним, прикинувшись, что собирается располосовать вены, а не сделать

⁶⁴ Каньон Топанга – один из анклавов богемы Лос-Анджелеса.

маленькие надрезы на ладонях. Наверное, он блефовал, но я чуть не шагнул к нему – чтобы остановить. На секунду-другую мне показалось, что он и впрямь хочет вскрыть себе вены.

– Билл, нет, – говорила она тихо. На этот раз, чтобы зажигалку в правой руке не мотало из стороны в сторону, она сжала запястье левой, как делает полицейский при стрельбе. – Шрамы не могут возвращаться. Или они есть, или их нет.

– Ты видела их раньше, да? Это ты мне говоришь?

– Они едва заметные, – ответила Одра, более резко, чем собиралась.

– У нас у всех текла кровь, – продолжил вспоминать Билл. – Мы стояли недалеко от того места, где Эдди Каспбрэк, Бен Хэнском и я построили тогда плотину...

– Ты не про архитектора?

– Есть такой архитектор?

– Господи, Билл, он построил новый коммуникационный центр Би-би-си! Здесь до сих пор спорят, что это, голубая мечта или жертва аборта!

– Что ж, я не знаю, о том ли человеке речь. Маловероятно, но возможно. Бен, которого я знал, любил что-нибудь строить. Мы стояли, и я держал левую руку Бев Марш в правой руке и правую руку Ричи Тозиера – в левой. Мы стояли в воде, словно баптисты юга после молитвенного собрания в шатре, и я помню, что видел на горизонте Водонапорную башню Дерри. Белую-белую, какими, по нашему представлению, должны быть одежды архангелов, и мы пообещали, мы поклялись, если все не закончилось, если все случится снова... мы вернемся. И сделаем все еще раз. Остановим это. Навсегда.

– Остановим – что? – воскликнула Одра, внезапно разозлившись на него. – Остановим – что? О чем, мать твою, ты говоришь?

– Я бы хотел, чтобы ты не с-с-спрашивала... – начал Билл и замолчал. И она увидела, как смущение и ужас растеклись по его лицу, словно пятно. – Дай мне сигарету.

Она протянула ему пачку. Он закурил. Курящим она никогда его не видела.

– Я раньше заикался.

– Ты заикался?

– Да. Давно. Ты сказала, что я – единственный человек в Лос-Анджелесе, который решается говорить медленно. По правде говоря, я не решаюсь говорить быстро. Это не рефлексия. Не осмотрительность. Не мудрость. Все излечившиеся заики говорят медленно. Это один из навыков, которые человек приобретает, когда, например, мысленно произносит свою фамилию, прежде чем представиться, потому что у большинства заик с существительными проблем больше, чем с другими частями речи, и самое трудное слово для них – собственное имя.

– Заикался. – Она выдавила из себя легкую улыбку, будто он рассказал анекдот, а она не уловила соль.

– До смерти Джорджи я заикался умеренно, – ответил Билл и уже слышал, как слова начали двоиться у него в голове, и появляющиеся двойники отделялись от них на бесконечно малую толику времени; нет, с языка они слетали нормально, в его привычной замедленной и мелодичной манере, но в голове он слышал, как слова, вроде «Джорджи» и «умеренно», разделялись и накладывались друг на друга, превращаясь в «Дж-Дж-Джорджи» и «у-у-умерен-но». – Я хочу сказать, иногда заикание резко усиливалось, обычно случалось это в классе, и особенно, если я знал ответ и хотел его дать, но по большому счету все было терпимо. После смерти Джорджи стало гораздо хуже. Однако потом, в четырнадцать или пятнадцать лет, ситуация стала меняться к лучшему. В Портленде я ходил в среднюю школу Шеврус, там логопедом работала миссис Томас, блестящий специалист. Она научила меня нескольким приемам. К примеру, думать о моем втором имени, прежде чем произнести вслух: «Привет, я – Билл Денбро». Я учил французский, и она посоветовала мне переходить на французский, если я совсем уж застревал на каком-то слове. Поэтому, если ты стоишь столбом и готов провалиться сквозь землю, потому что не можешь сказать: «Эт-эт-эта к-к-к-к...» – и повторяешься, как заигран-

ная пластинка, то достаточно переключиться на французский и «се livre» легко слетит с языка. И это срабатывало каждый раз. А как только ты произнес это на французском, ты можешь вернуться на английский, и с «этой книгой» проблем больше не возникнет. А если ты застрял на каком-нибудь слове, начинающимся с буквы «эс», вроде «стенка», «сердце», «столб», ты начинаешь пришепetyвать – «штенка», «шердце», «штолб». И никакого заикания.

Все это помогало, но основная причина заключалась в другом: живя с родителями в Портленде и учась в Шеврусе, я забывал Дерри и все, что там произошло. Я не забыл все в один миг, но теперь, оглядываясь назад, я должен сказать, что случилось все это в удивительно короткий срок. Возможно, за какие-то четыре месяца. Заикание и воспоминания уходили вместе. Кто-то вытер грифельную доску, и старые уравнения исчезли.

Он выпил остатки апельсинового сока.

– И когда я заикнулся на слове «спрашивала», это случилось впервые за, наверное, двадцать один год. – Он посмотрел на Одру. – Сначала шрамы, потом за-заикание. Ты слышала?

– Ты это делаешь специально! – воскликнула она, действительно испугавшись.

– Нет. Наверное, нет никакой возможности убедить в этом другого человека, но я говорю правду. Заикание – что-то непонятное, Одра. И страшное. На каком-то уровне ты даже не отдаешь себе отчета в том, что заикаешься. Но... ты можешь слышать его в голове. Словно часть твоего рассудка срабатывает на миг быстрее, чем рассудок в целом. Или в голове у тебя появился один из тех ревербераторов, которые подростки встраивали в стереосистемы своих развалюх в пятидесятые годы, благодаря чему звук из задних динамиков на доли секунды отставал от звука из передних.

Билл встал, нервно прошелся по комнате. Он выглядел уставшим, и Одра вдруг с легкой тревогой подумала о том, с какой самоотдачей он работал последние тринадцать или около того лет, словно стремился подкрепить ограниченность своего таланта невероятным трудолюбием, и вкалывал практически без остановок. В голове появилась крайне неприятная мысль, и Одра попыталась вытолкнуть ее прочь, но не получилось. Допустим, на самом деле Биллу позвонил Ральф Фостер, приглашая его в «Плуг и борону», чтобы померяться силой рук или сыграть в триктрак, или Фредди Файрстоун, продюсер «Комнаты на чердаке», чтобы обсудить ту или иную проблему? Может, даже «неправильно набрали номер», как сказала бы жена ну очень английского врача из соседнего коттеджа.

И куда вели такие мысли?

Само собой, к тому, что вся эта история с Дерри и Майком Хэнлоном не более чем галлюцинация. Галлюцинация, возникшая на фоне начинающегося нервного расстройства.

Но шрамы, Одра, как ты объяснишь шрамы? Он прав. Их не было... а теперь они есть. Непреложный факт, и ты это знаешь.

– Расскажи мне все остальное, – попросила она. – Кто убил твоего брата Джорджа? Что сделал ты и те другие дети? Что вы обещали?

Он подошел к ней, опустился на колени, как старомодный кавалер, собирающийся сделать предложение даме, взял ее за руки.

– Я думаю, что смог бы рассказать, – мягко начал он. – Думаю, если бы действительно захотел, смог бы. Большую часть я не помню даже сейчас, но, как только начал бы говорить, вспомнил бы все. Я чувствую эти воспоминания... им не терпится родиться. Они – облака, беременные дождем. Только дождь этот будет очень грязным. А вырастут после этого дождя растения-монстры. Может, я смогу встретиться с этим вновь, плечом к плечу с остальными...

– Они знают?

– Майк сказал, что позвонил всем. Он думает, что все и приедут... за исключением разве что Стэна. Он сказал, у Стэна был какой-то странный голос.

– И для меня все это звучит странно. Ты очень меня пугаешь, Билл.

– Извини. – Он поцеловал ее, и у нее возникло ощущение, что это поцелуй абсолютного незнакомца. Одра вдруг обнаружила, что ненавидит этого Майка Хэнлона. – Я подумал, что лучше попытаться объяснить, насколько возможно. Я подумал, это будет лучше, чем просто ускользнуть под покровом ночи. Полагаю, некоторые так и поступят. Но я должен уехать. И я думаю, что Стэн тоже появится там, как бы странно ни звучал его голос. А может, я говорю так, раз уж не могу себе представить, что не поеду.

– Из-за твоего брата?

Билл медленно покачал головой.

– Я мог бы так сказать, но это была бы ложь. Я любил его. Понимаю, как странно это звучит после моих слов о том, что я не думал о нем больше двадцати лет, но я чертовски его любил. – Он чуть улыбнулся. – Он был прилипалой, но я его любил. Понимаешь?

Одра, у которой была младшая сестра, кивнула.

– Понимаю.

– Но причина не в Джорджи. Я не могу объяснить, в чем. Я... – Он посмотрел через окно на утренний туман. – Я чувствую то же самое, что, должно быть, чувствует птица, когда наступает осень, и она знает... каким-то образом просто знает, что должна лететь домой. Это инстинкт, крошка... и, если на то пошло, я верю, что инстинкт – железный скелет под всеми нашими идеями о свободе воли. Есть ситуации, когда ты не можешь сказать «нет», если только не хочешь покончить с собой, скажем, пустить пулю в рот или броситься в море с высокого утеса. Ты не можешь отказаться от выбранного варианта, потому что вариантов-то просто нет, и возможностей что-либо изменить у тебя не больше, чем у стоящего в «доме» бэттера – уклониться от пущенного в него фастбола⁶⁵. Я должен ехать. Это обещание... оно у меня в мозгу, как рыболовный к-к-крючок.

Одра поднялась, осторожно подошла к нему; она ощущала себя очень хрупкой, словно могла разлететься на тысячи осколков. Положила руку ему на плечо, развернула к себе.

– Тогда возьми меня с собой.

На его лице отразился жуткий страх (не от ее предложения, а за нее), настолько явный, что она отпрянула, впервые по-настоящему испугавшись.

– Нет, – ответил он. – Не думай об этом, Одра. Даже не думай об этом. Ты не подойдешь к Дерри ближе, чем на три тысячи миль. Думаю, в ближайшие пару недель Дерри будет совсем гиблым местом. Ты останешься здесь, продолжишь сниматься и будешь всячески выгораживать меня. А теперь пообещай мне, что так и будет.

– Пообещать? – спросила Одра, всматриваясь ему в глаза. – Пообещать, Билл?

– Одра...

– Думаешь, надо? Ты пообещал, и видишь, к чему это при вело.

Его большие руки до боли сжали ей плечи.

– Пообещай мне! Пообещай! По-по-по-по-по...

Этого она вынести не могла, недоговоренного слова, которое билось у него во рту, словно пытающаяся сорваться с крючка рыба.

– Я обещаю, хорошо? Я обещаю! – Она разрыдалась. – Теперь ты доволен? Господи! Ты сумасшедший, и все это чистое безумие, но я обещаю!

Он обнял ее и увлек к дивану. Принес ей бренди. Она пила маленькими глоточками, медленно возвращая себе самообладание.

– Когда ты уезжаешь?

– Сегодня, – ответил он. – Улечу на «Конкорде». Успею, если поеду в Хитроу на автомобиле, а не на поезде. Фредди ждет меня на съемочной площадке после ленча. Ты поедешь к девяти, и ты ничего не знаешь, так?

⁶⁵ Фастбол – в бейсболе подача на силу.

Она нехотя кивнула.

– Я буду в Нью-Йорке, прежде чем кто-нибудь что-то сообразит. И в Дерри до захода солнца, если с перекладными все с-с-ложится.

– И когда я снова увижу тебя? – мягко спросила она.

Он обнял ее, крепко прижал к себе, но так и не ответил на этот вопрос.

Дерри: Первая интерлюдия

*Сколь многим человеческим глазам... удавалось взглянуть на
тайное строение их тел за все прошедшие годы?
«Книги крови», Клайв Баркер*

Приведенный ниже отрывок и последующие интерлюдии взяты из «Дерри: неофициальная история города» и написаны Майклом Хэнлоном. Это собрание заметок и фрагментов рукописи (они читаются как дневниковые записи) найдено в сейфе публичной библиотеки Дерри. Вышеуказанное название написано на обложке папки, где эти материалы хранились до появления в книге, которая сейчас перед вами. Автор, однако, в тексте несколько раз называет свой труд – «Дерри: взгляд через потайную дверь ада».

Нетрудно предположить, что мысль о публикации не единожды приходила в голову мистера Хэнлона.

2 января 1985 г.

Может ли весь город быть населен призраками?

Населен, как будто бы населены ими некоторые дома?

Не просто один-единственный дом во всем городе, не просто угол одной-единственной улицы, не просто единственная баскетбольная площадка в единственном крошечном парке, с кольцом без сетки, которое в лучах заката кажется страшным и кровавым орудием пыток, не просто одно конкретное место.

Но все. Целый город.

Может такое быть?

Послушайте.

Haunted: «часто посещаемый привидениями или призраками». «Фанк и Уэгноллс»⁶⁶.

Haunting: «постоянно приходящее в голову, никак не забывающееся». Опять «Фанк и Уэгноллс».

То haunt: «часто появляться или возвращаться, особенно в виде призрака». А теперь послушайте!

«Место, часто посещаемое: *курорт, кабинет, клуб...*» – курсив, конечно, мой.

И еще одно значение. Тоже, как и предыдущее, определяет haunt как существительное, и это значение действительно меня пугает: «Кормовая площадка для животных».

Место кормления животных.

Животных, которые избили Адриана Меллона, а потом сбросили с моста?

Животного, которое ждало под мостом.

Кормовая площадка для животных. Место кормления.

Что кормится в Дерри? Что кормится с Дерри?

Знаете, что интересно? Я представить себе не мог, что человек может стать таким пугливым, каким стал я после этой истории с Адрианом Меллоном, и продолжать жить, более того, работать. Такое ощущение, будто я из реальности переместился в какую-то историю, и все знают, что нечего так бояться до самого финала этой истории, когда скрывающийся во тьме наконец-то выйдет из леса, чтобы покормиться... естественно, тобой.

Тобой.

⁶⁶ «Фанк и Уэгноллс» – нью-йоркское издательство, основано в 1876 г. Специализируется на словарях, справочниках, энциклопедиях.

Но если это история, то не классический рассказ ужасов из литературного наследия Лавкрафта, Брэдбери или По. Видите ли, я знаю – не все, но многое. Я ведь начал бояться не в тот сентябрьский день прошлого года, когда раскрыл «Дерри ньюс», прочитал расшифровку показаний этого Ануина на предварительном слушании и понял, что клоун, который убил Джорджа Денбро, мог вновь вернуться. Фактически страх возник где-то году в 1980-м... думаю, именно тогда какая-то часть меня, ранее спавшая, проснулась... зная, что может вновь прийти время Оно.

Какая часть? Наверное, сторожевая.

А может, я услышал голос Черепахи. Да... скорее так оно и было. Я знаю, этому Билл Денбро поверил бы.

Я отрывал новости о давних ужасах в старых книгах; читал о давних злодеяниях в старых периодических изданиях; и всегда в глубине души, день ото дня все громче, я слышал, как в морской ракушке, нарастающей, собирающейся воедино силы; до моих ноздрей словно долетал резкий запах озона грядущих молний. Я начал готовить эти заметки для книги, пусть и в уверенности, что до последней точки мне не дожить. Но при этом моя жизнь продолжалась. На одном уровне сознания я имел дело с самыми абсурдными, самыми невероятными ужасами, на другом – жил повседневными заботами библиотекаря маленького города. Я расставляю по полкам книги; заполняю библиотечные карточки новых читателей; выключаю аппараты для чтения микрофильмов, которые иногда оставляют включенными безответственные посетители; шучу с Кэрол Дэннер насчет того, как мне хочется с ней переспать, она шутит со мной насчет того, как ей хочется оказаться в моей постели, и мы оба знаем, что она действительно шутит, а я – нет, точно так же, как мы знаем, что она не задержится надолго в таком маленьком местечке как Дерри, а я не уеду отсюда до самой смерти, заклеивая порванные страницы «Бизнес уик», присутствуя на ежемесячных собраниях по ознакомлению читателей с новыми поступлениями, где я всегда сижу с трубкой в одной руке и пачкой номеров «Библиотечного журнала» в другой... и просыпаясь глубокой ночью с кулаками, прижатыми ко рту, чтобы сдержать крик.

Готические условности – вранье. Мои волосы не поседели. Я не хожу во сне. Я не начал произносить загадочные фразы и не ношу спиритическую планшетку в кармане моего пиджака спортивного покроя. Думаю, я стал смеяться чуть больше, есть такое, и наверное, иногда смех мой звучит пронзительно и чудно, потому что, случается, люди недоуменно смотрят на меня, когда я смеюсь.

Часть меня (та, что Билл назвал бы голосом Черепахи) говорит, что я должен позвонить им всем сегодня вечером. Но уверен ли я абсолютно, даже теперь? Могу ли я быть абсолютно уверенным? Нет – разумеется, нет. Но, видит Бог, случившееся с Адрианом Меллоном очень уж схоже с тем, что случилось с Джорджем, братом Заики Билла, осенью 1957 года.

Если все началось снова, я им позвоню. Я должен позвонить. Но не сейчас. Еще слишком рано. В прошлый раз все начиналось медленно и достигло пика лишь летом 1958 года. Поэтому... я жду. И заполняю ожидание словами в этих заметках и долгим стоянием у зеркала: я вижу в нем незнакомца, которым стал тот парнишка.

Застенчивое лицо мальчика-книгочея сменилось лицом мужчины, и лицо это – банковского кассира из вестерна, человека, который никогда ничего не говорит, лишь поднимает руки и выглядит испуганным, когда в банк входят грабители. И если сценарий требует, чтобы они кого-то убили, то под пули попадает именно он.

Все тот же старина Майк. Чуть застывший взгляд – это, наверное, есть, легкая потеря ориентации от недостатка сна, но этого не заметить, не приблизившись вплотную... на расстояние поцелуя, а я давно уже так ни с кем не сблизился. Если не присматриваться ко мне, можно подумать, что я читаю слишком много книг, ничего больше. И едва ли кто-нибудь может догадаться (я, во всяком случае, в этом сомневаюсь), что человек с кротким лицом кассира из всех сил старается держаться, держаться за собственный разум...

Если мне придется позвонить, мои звонки могут убить кого-то из них.

И это лишь одна из проблем, которые возникают передо мной долгими ночами, когда сон не идет, когда я в старомодной синей пижаме лежу в кровати, а на ночном столике соседствуют аккуратно сложенные очки и стакан с водой. Я всегда ставлю его туда, на случай, если ночью проснусь от жажды. Я лежу в темноте, маленькими глотками пью воду и гадаю, как много (или сколь мало) они помнят. Иногда я полностью убежден в том, что они ничего не помнят, потому что помнить им нет нужды. Я единственный, кто слышит голос Черепахи, единственный, кто помнит, потому что только я остался в Дерри. А поскольку их разнесло по всей стране, им невдомек, как одинаково сложились судьбы каждого из них. Созвать их сюда, показать им эту одинаковость... да, кого-то это может убить. Может убить даже всех.

Вот я думаю и думаю об этом, думаю о них, пытаюсь увидеть, какими они были и какими могли стать теперь, пытаюсь решить, кто из них наиболее уязвим. Иногда мне представляется, что это Ричи Тозиер по прозвищу Балабол: именно его Крисс, Хаггинс и Бауэрс ловили чаще всего, несмотря на то, что Бен был таким толстым. Ричи больше всего боялся Бауэrsa (мы все боялись его больше всего), но и другие нагоняли на него страха. Если я позвоню ему в Калифорнию, воспримет ли он мой звонок, как возвращение Больших Доставал, двоих – из могилы, а третьего – из дурдома в Джунипер-Хилл, где он буйствует по сей день? Порой я прихожу к выводу, что самым слабым звеном был Эдди, Эдди с его властной мамашей-танком и ужасными приступами астмы. Беверли? Она всегда пыталась разговаривать, как крутая, но боялась не меньше нашего. Заика Билл, который не может отделаться от стоящего перед его глазами ужаса, даже когда накрывает чехлом свою пишущую машинку? Стэн Урис?

Нож гильотины висит над их жизнями, острый, как бритва, но чем больше я об этом думаю, тем сильнее моя убежденность в том, что они не знают о существовании этого ножа. Именно моя рука лежит на рычаге, и я могу дернуть за него, открыв телефонную книжку и позвонив им, одному за другим.

Может, мне не придется этого делать. Я не оставляю тающую надежду, что принял трусливое попискивание моего пугливого разума за идущий из глубины истинный голос Черепахи. В конце концов, на чем я основываюсь? Смерть Меллона в июле. Ребенок, найденный мертвым на Нейболт-стрит в прошлом октябре. Еще один, тело которого обнаружили в Мемориальном парке в начале декабря, перед первым снегопадом. Может, к этому приложил руку какой-то бродяга, как и писали в газетах. Или псих, который с тех пор ушел из Дерри или покончил с собой от угрызений совести и отвращения к самому себе. Именно так, по утверждению некоторых исследователей, поступил настоящий Джек Потрошитель.

Все может быть.

Но дочь Альбрехтов нашли напротив того чертова старого дома на Нейболт-стрит... и убили ее в тот же самый день, что и Джорджа Денбро, только двадцать семь лет спустя. А сына Джонсонов обнаружили в Мемориальном парке с оторванной ниже колена ногой. Да, в Мемориальном парке высится Водонапорная башня, и мальчика нашли почти у ее подножия. А от Водонапорной башни – один шаг до Пустоши; и Водонапорная башня – то самое место, где Стэн Урис видел тех мальчиков.

Тех мертвых мальчиков.

И однако, возможно, все это – чушь и фантазии. Возможно. Или совпадение. А может – нечто среднее... некое гибельное эхо прошлого. Может такое быть? Я чувствую, что да. Здесь, в Дерри, возможно все.

Я думаю, нечто, побывавшее в городе прежде, и сейчас в Дерри: нечто, находившееся здесь в 1957 и 1958-м, нечто, находившееся здесь в 1929 и 1930-м, когда «Легион белой благопристойности» штата Мэн сжег «Черное пятно»; нечто, находившееся здесь в 1904, 1905 и начале 1906 года – по крайней мере до того дня, когда взорвался Металлургический завод Китчнера; нечто, находившееся здесь в 1876 и 1877 годах, нечто, которое появляется каждые

двадцать семь лет. Иногда чуть раньше, иногда чуть позже – но появляется обязательно. Чем дальше уходишь в прошлое в поисках свидетельств его появления, тем труднее их отыскать, потому что документов все меньше и незалатанные дыры в истории города только растут. Но, зная, где искать (и куда смотреть), можно продвинуться достаточно далеко к решению поставленной задачи. Видите ли, Оно всегда возвращается.

Оно.

Короче – да: думаю, я должен позвонить. Думаю, таково наше предназначение. По какой-то причине именно мы избраны для того, чтобы навсегда остановить Оно. Слепая судьба? Слепой случай? Или опять все тот же чертов Черепаха? Он не только говорит, но и командует нами? Не знаю. И сомневаюсь, имеет ли это хоть какое-то значение. Давным-давно Билл сказал, что Черепаха не мог нам помочь, и если тогда не грешил против истины, то и теперь это правда.

Я думаю о нас, стоящих в воде, сцепивших руки, обещающих вернуться, если все начнется снова... образовавших круг, как друиды, – и наши руки кровью дают свое обещание, ладонь к ладони. Ритуал, возможно, такой же древний, как и само человечество, надрез невежества на древе познания, того самого, что растет на границе нашего мира, который мы все знаем, и другого, о существовании которого только подозреваем.

Потому что сходные моменты...

Но я уподобляюсь Биллу Денбро, вновь и вновь кружу на одном месте, повторяю несколько фактов и множество неприятных (зачастую, довольно-таки туманных) предположений, с каждым абзацем становлюсь все более одержимым. Нехорошо. Бесполезно. Даже опасно. Но ведь так трудно дожидаться, пока грянет гром.

Эти записи – попытка подняться над одержимостью, взглянуть на случившееся шире. В конце концов, эта история не только про нас, шестерых мальчиков и одну девочку (каждом по-своему несчастном, каждом отвергнутом сверстниками), которые случайно наткнулись на весь этот ужас одним жарким летом, когда страной еще правил Эйзенхауэр. Эта попытка чуть отвести камеру назад, если хотите... захватить в объектив весь город, место, где почти тридцать пять тысяч человек работают, едят, спят, совокупляются, делают покупки, ездят на автомобилях, ходят в школу, попадают в тюрьму и иногда исчезают в темноте.

И чтобы знать, что это за место сейчас, необходимо – я в этом абсолютно уверен – знать, каким оно было прежде. И если бы мне пришлось определять точку отсчета, с которой все это вновь началось для меня, я назову день ранней весной 1980 года, когда заглянул к Альберту Карсону, умершему прошлым летом в возрасте девяносто одного года. Убеленному сединами старику, прожившему достойную жизнь. Он проработал старшим библиотекарем с 1914 по 1960 год, на удивление долгий срок (да и он сам был удивительным человеком), и я чувствовал: если хочешь знать историю города, лучше всего начать с Альберта Карсона. Я задал ему мой вопрос, когда мы сидели на веранде, и он дал мне ответ, хрипло прокаркал... потому что уже сражался с раком горла, который со временем и свел его в могилу.

– Да ни один из них ни хрена не стоит. Как ты чертовски хорошо знаешь.

– Так с чего мне начать?

– Начать что, скажи на милость?

– Изучение истории этих мест. Дерри со всеми входящими в него территориями.

– Ох. Ладно. Начни с Фрика и Мишо. Они вроде бы лучшие.

– После того, как я прочитаю эти...

– Прочитаешь? Господи, нет! Выброси их в мусорное ведро! Это твой первый шаг. Потом прочитай Баддингера. Брэнсон Баддингера был чертовски небрежным исследователем, да и тем еще бабником, если хотя бы половина из того, что я слышал в детстве, правда, но когда дело касалось Дерри, он, безусловно, старался. Переврал большинство фактов, но переврал с душой, Хэнлон.

Я рассмеялся, а Карсон улыбнулся сморщенными губами: выражение добродушия на его лице, если на то пошло, пугало. Выглядел он, как стервятник, радостно охраняющий только что убитую зверушку в ожидании, когда тушка дойдет до нужной степени разложения, чтобы обед получился наиболее вкусным.

– Закончив Баддингера, прочитай Айвза. Составь список всех, с кем он говорил. Сэнди Айвз до сих пор в университете Мэна. Фольклорист. После того, как прочитаешь его книги, съезди к нему, угости обедом. Я бы пригласил его в «Ориноку», потому что в «Ориноке» обед, похоже, никогда не заканчивается. Выкачай из него все, что только можно. Заполни блокнот именами и адресами. Поговори со старожилками, с которыми говорил он... теми, что остались; мы еще не все вымерли – кхе-хе-хе! – заполучи у них другие имена. И в итоге, если ты, как я и думаю, парень толковый, у тебя будет вся необходимая исходная информация. Если поговоришь со многими, то узнаешь пару историй, которых не найти ни в каких книгах. И возможно, эти истории не дадут тебе спокойно спать.

– Дерри...

– Что Дерри?

– С Дерри не все хорошо, так?

– Не все хорошо? – хрипло каркнул старик. – А что такое хорошо? Что означает это слово? Красивые фотографии реки Кендускиг на закате, сделанные на пленке «кодак-хром» таким-то, с такой-то диафрагмой – это хорошо? Если так, то с Дерри все хорошо, потому что по всем параметрам это красивые фотографии. Чертов комитет высохших старых дев, который спасает особняк губернатора или устанавливает памятную табличку перед Водонапорной башней – это хорошо? Если да, тогда и с Дерри все в шоколаде, потому что у нас перебор этих старух, лезущих в чужие дела. Это хорошо, когда перед зданием Городского центра ставят уродливую пластиковую статую Пола Баньяна⁶⁷? Ох, будь у меня цистерна напалма и старая зажигалка «Зиппо», я бы разобрался с этой гребаной хреновиной, уверяю тебя... но если эстетические пристрастия достаточно широки, чтобы включать в себя пластиковые статуи, тогда с Дерри все хорошо. Вопрос в том, что означает для тебя «хорошо», Хэнлон? Или, ближе к делу, то, что «хорошо» не означает?

Я мог только покачать головой. Он или знал, или нет. Или сказал бы, или нет.

– Ты про неприятные истории, которые, возможно, услышишь или уже знаешь? Они есть всегда. История города – это разваливающийся старый особняк, в котором полным-полно комнат, чуланов, спускных желобов для грязного белья, чердачных помещений и всяких других укромных местечек... не говоря уже об одном, а то и двух потайных ходах. Если ты займешься исследованием особняка Дерри, то все это найдешь. Да. Потом ты, возможно, пожалеешь, но ты их найдешь, а найденное заново уже не спрячешь, так? Некоторые комнаты заперты, но ключи есть... ключи есть всегда.

Его глаза блеснули стариковской пронизательностью.

– В какой-то момент ты, возможно, подумаешь, что набрел на самый ужасный из секретов Дерри... но всегда будет еще один. И еще. И еще.

– Вы...

– Пожалуй, я должен попросить прощения. Горло сегодня что-то очень уж болит. Мне пора принять лекарство и прилечь.

Иными словами, держи нож и вилку, друг мой; давай поглядим, что ты сможешь ими нарезать.

Я начал с хроник Фрика и хроник Мишо. Последовал совету Карсона и выбросил их в мусорное ведро, но сначала прочитал. Книги оказались никудышными, как он и говорил. Я

⁶⁷ Пол Баньян – мифологический лесоруб, герой американского фольклора, легенда Севера, от штата Мэн до Великих озер. Славился фантастической силой, аппетитом, изобретательностью и неунывающим характером.

прочитал опус Баддингера, переписал все ссылки, а потом поработал с каждой. Определенную пользу это принесло, но у ссылок, знаете ли, есть одна особенность: они – что тропинки, проложенные в дикой стране, где живут, как кому хочется. Они разветвляются, потом снова разветвляются; если в какой-то момент свернешь не на ту, уткнешься в непролазные заросли или в непроходимое болото. «Если вы находите ссылку, – как-то сказал нам профессор библиотекведения, у которого я учился, – наступите ей на голову и убейте, прежде чем она начнет размножаться».

Они размножились, и иногда я от этого только выигрывал, но чаще всего – нет. Ссылки эти в сухо написанной книге Баддингера «История старого Дерри» (Ороно, Издательство университета штата Мэн, 1950) охватывали сотню лет забытых книг и покрытых пылью диссертаций по истории и фольклору, статьи из давно прекративших свое существование журналов и иссушающих мозг городских отчетов и книг регистрации различных актов.

Мои беседы с Сэнди Айвзом оказались интереснее. Его источники время от времени пересекались с источниками Баддингера, но пересечением все и ограничивалось. Айвз большую часть жизни провел, собирая устные истории, другими словами – байки, записывал все дословно, к чему Брэнсон Баддінгер, без сомнения, отнесся бы весьма пренебрежительно.

Айвз в 1963–1966 гг. написал цикл статей о Дерри. Большинство старожилов, с которыми он тогда говорил, умерли к тому времени, когда я начал свои исследования, но у них остались сыновья, дочери, племянники и племянницы, кузины и кузены. И, разумеется, один из законов этого мира состоит в следующем: место каждого умершего старожила тут же занимает новый. Так что хорошая история не умирает; всегда передается из уст в уста. Во многих домах я сиживал или на веранде, или на заднем крыльце, выпил галлоны чая, пива «Блэк лейбл», домашнего пива, домашнего рутбира, воды из-под крана, воды из родника. Я слушал и слушал, а бобины моего диктофона вращались и вращались.

И Баддінгер, и Айвз целиком и полностью соглашались в одном: первая группа белых поселенцев состояла примерно из трехсот человек, все англичане. У них был земельный патент, и официально они назывались «Дерри компани». Отведенная им территория включала нынешний Дерри, большую часть Ньюпорта и небольшие кусочки близлежащих городов. Но в 1741 году все жители Дерри просто исчезли. Они жили на дарованной им территории в июне вышеуказанного года, числом примерно триста сорок душ, но к октябрю как сквозь землю провалились. Маленькая деревушка из деревянных домов полностью обезлюдела. Один из этих домов, который стоял на том самом месте, где нынче пересекались Уитчем– и Джонсон-стрит, сгорел дотла. Мишо в своей книге однозначно указывал, что жителей деревни перебили индейцы, но эта версия не подтверждалась ничем, за исключением сгоревшего дома. Скорее всего хозяева слишком уж растопили печку, и от нее занялся весь дом.

Учиненная индейцами резня? Сомнительно. Ни костей, ни тел. Наводнение? В тот год наводнения не было. Эпидемия? Ни слова об этом в архивах близлежащих городов.

Люди просто исчезли. Все до единого. Все триста сорок. Бесследно.

Насколько мне известно, в истории Америки есть только один схожий случай – исчезновение колонистов с острова Роанок, в Виргинии⁶⁸. Каждый школьник в Соединенных Штатах знает эту историю, но кому известно об исчезновении в Дерри? Похоже, никому, даже нынешним жителям города. Я задал соответствующий вопрос студентам разных курсов, в программу обучения которых входила такая дисциплина, как «История штата Мэн», и никто из них не имел об этом ни малейшего понятия. Тогда я прочитал учебник «Штат Мэн тогда и теперь». Согласно Индексу, город Дерри упоминался сорок раз, но описывались главным образом годы бума лесной промышленности. Об исчезновении колонистов, основавших Дерри, ничего не

⁶⁸ Описанный случай относится к концу XVI века. Исчезновение английских колонистов не разгадано и по сей день.

говорилось – и однако это (как же мне его назвать?) умалчивание укладывалось в общую картину.

Как будто некая завеса тайны окутывала происходившие здесь события... и все-таки люди говорят. Я думаю, ничто не может помешать людям говорить. Но слушать нужно внимательно, и это способность из редких. Я лгнул себе, полагая, что за четыре последних года мне удалось ее развить. Если бы не удалось, тогда следовало поставить под сомнение мою профессиональную пригодность, поскольку практики мне хватало. Один старик рассказал мне о том, что его жена слышала голоса, обращавшиеся к ней из сливного отверстия в кухонной раковине за три недели до смерти их дочери – случилось это в начале зимы 1957–1958 гг. Девочка, о которой он говорил, стала одной из первых жертв в череде убийств, начавшихся с Джорджа Денбро и закончившихся лишь следующим летом.

– Цельная уйма голосов, все они бормотали вместе, – сообщил мне старик. Ему принадлежала заправочная станция «Галф» на Канзас-стрит, и разговаривали мы в промежутках между его медленными, прихрамывающими походами к бензоколонкам, где он заправлял баки, проверял уровень масла и вытирал ветровые стекла. – Она им ответила, пусть и испугалась. Наклонилась над раковиной, низко, и прокричала в сливное отверстие: «Вы, черт возьми, кто?» И голоса принялись отвечать, говорила она, до ее ушей донеслись бормотания, хрипы, вопли, визг, смех. И она сказала, что все они произносили ту самую фразу, которую сказал Иисусу бесноватый: «Легион имя мне»⁶⁹. Так они ей говорили. Она два года не подходила к этой раковине. Два года я горбатился здесь по двенадцать часов, потом шел домой и мыл эту чертову посуду.

Он пил «Пепси» из банки, которую взял в торговом автомате, что стоял у двери в его конторку, старик семидесяти двух или трех лет, в застиранном сером комбинезоне, с множеством морщинок, разбегавшихся из уголков его глаз.

– Теперь вы, наверное, думаете, что я совсем рехнулся, но я скажу вам еще кое-что, если вы остановите эти вращающиеся штучки, ага.

Я выключил диктофон и улыбнулся ему:

– С учетом того, что я слышал за последние пару лет, вам надо еще очень сильно потрудиться, чтобы я решил, что вы псих.

Он улыбнулся в ответ, но как-то невесело.

– Однажды вечером я мыл посуду, как и всегда, осенью пятьдесят восьмого, когда все снова успокоилось. Моя жена была наверху, спала. Бог подарил нам только одного ребенка, Бетти, и после ее гибели моя жена много спала. Короче, я вытащил затычку, и вода потекла в сливное отверстие. Вы знаете, какой звук издает мыльная вода, когда сбегает в трубу? Словно ее туда засасывают, вот какой. Этот звук я и слышал, о нем, конечно, не думал, собрался уже пойти в сарай, чтобы наколоть дров, но, когда звук этот начал затихать, я услышал свою дочь. Услышал Бетти, из этих долбанных труб. Ее смех. Она была где-то внизу, в темноте, и смеялась. Только, если прислушаться, выходило, что она кричала. А может, и то, и другое. Смеялась и кричала, где-то внизу, в этих трубах. Единственный раз, когда я слышал что-то такое. Может, мне это просто прислышалось. Но... я так не думаю.

Он посмотрел на меня, я – на него. Свет, который падал на его лицо через грязные стекла, добавлял ему лет, он выглядел древним, как Мафусаил. Я помню, как мне вдруг стало холодно, так холодно.

– Вы думаете, я вешаю вам лапшу на уши? – спросил старик, которому в 1957 году было порядка сорока пяти лет, старик, которому Бог даровал только одну дочь, Бетти Рипсом. Бетти нашли на Внешней Джексон-стрит в том же году, вскоре после Рождества, замерзшую, со вспоротым животом.

⁶⁹ От Марка, 5:9.

– Нет, – я покачал головой, – я не думаю, что вы вешаете мне лапшу на уши, мистер Рипсом.

– И вы тоже говорите правду. – В его голосе слышалось безмерное удивление. – Я это вижу по вашему лицу.

Думаю, он собирался сказать мне что-то еще, но позади нас резко звякнул колокольчик: автомобиль переехал через лежащий на асфальте шланг и подкатил к колонкам. Когда колокольчик звякнул, мы оба подпрыгнули, а я даже вскрикнул. Рипсом поднялся и захромал к автомобилю, вытирая руки тряпкой. А когда вернулся, посмотрел на меня, как на не вызывающего доверия незнакомца, который вдруг забрел с улицы. Я быстренько попрощался и ушел.

Баддингер и Айвз соглашались и еще в одном: на самом-то деле в Дерри далеко не все хорошо – и никогда не было хорошо.

В последний раз я повидался с Альбертом Карсоном примерно за месяц до его смерти. С горлом у него стало совсем плохо. Говорить он мог едва слышным свистящим шепотом.

– Все еще думаешь написать историю Дерри, Хэнлон?

– Не оставляю надежды, – ответил я, но, разумеется, историю города писать не собирался, и, полагаю, он это знал.

– На это у тебя уйдет двадцать лет, – прошептал он, – и читать ее не будет никто. Никто не захочет. Откажись от этого, Хэнлон. – Он помолчал, потом добавил: – Баддингер покончил с собой, знаешь ли.

Разумеется, я знал... но только потому, что люди говорили, а я научился слушать. В заметке «Ньюс» речь шла о несчастном случае, неудачном падении, и действительно, Баддингер упал. Правда, в «Ньюс» забыли упомянуть, что упал он с табуретки в чулане, предварительно затянув петлю на шее.

– Ты знаешь о цикле?

Я в изумлении вытаращился на него.

– Да, – прошептал Карсон, – я знаю. Каждые двадцать шесть или двадцать семь лет. Баддингер тоже знал. Большинство старожиллов знают, хотя об этом они говорить не будут, даже если их сильно напоить. Откажись от этого, Хэнлон.

Он потянулся ко мне птичьей лапой, в которую ссохлась его рука. Сжал мое запястье, и я почувствовал жар пирующей в нем раковой опухоли, которая сжирала все, что еще могла съесть, – впрочем, оставалось не так уж и много; закрома Альберта Карсона практически опустели.

– Майкл... не надо в это влезать. В Дерри есть твари, которые кусаются. Откажись от этого. Откажись.

– Не могу.

– Тогда берегись. – Внезапно с лица умирающего старика на меня глянули огромные и испуганные глаза ребенка. – Берегись.

Дерри.

Мой родной город. Названный в честь графства в Ирландии.

Я здесь родился, в Городской больнице Дерри; учился в начальной школе Дерри; перешел в младшую среднюю школу на Девятой улице; потом в среднюю школу Дерри. Учился в университете штата Мэн – «не в самом Дерри, но буквально через дорогу», – как сказали бы старожилы, а потом снова вернулся сюда. В публичную библиотеку Дерри. Я – житель провинциального городка, жизнь моя скромна и неприметна, Таких, как я, миллионы.

Но:

В 1851 году бригада лесорубов нашла останки другой бригады, которая проводила зиму в лагере, разбитом в верховьях Кендускига, территории, оконечность которой дети продолжают называть Пустошью. Лесорубов было девять, и всех девятерых порубили в капусту. Тут и там валялись головы... руки... пара-тройка ступней... один пенис прибили к стене сруба.

Но:

В 1851 Джон Марксон отравил всю свою семью, а потом, сев в центре круга, образованного их телами, съел целый мухомор. Должно быть, умер в страшных мучениях. Городской констебль, который нашел его, написал в донесении, что поначалу решил, будто труп улыбается ему; «ужасная белая улыбка Марксона», так он написал. Белая улыбка объяснялась тем, что рот заполняли куски гриба-убийцы; Марксон продолжал жевать, даже когда судороги и мышечные спазмы уже корежили его умирающее тело.

Но:

В Пасхальное воскресенье 1906 года владельцы Metallургического завода Китчнера (завод располагался на том месте, где сейчас построили новенький торговый центр Дерри) устроили пасхальную охоту за яйцами «для всех хороших детей Дерри». Проходила она в громадном производственном корпусе завода. Наиболее опасные участки огородили, и многие служащие добровольно пришли на работу и дежурили у этих участков, следя за тем, чтобы излишне любопытные мальчики и девочки не пролезли под оградительные барьеры. Пять сотен шоколадных пасхальных яиц завернули в яркие ленты и спрятали по всему корпусу. Согласно Баддингеру, на каждое пасхальное яйцо приходилось как минимум по одному ребенку. С криками и воплями они бегали по пустынному по случаю воскресного дня заводу, находили яйца под гигантскими опрокидывателями, в ящиках стола бригадира, между зубьев здоровенных шестерней, в заливочных формах на третьем этаже (на старых фотографиях формы эти выглядят, как жестянки для выпечки кексов на кухне какого-то гиганта). Три поколения Китчнеров присутствовали на этом радостном действе с тем, чтобы в конце охоты наградить наиболее отличившихся. Ее намеревались завершить в четыре часа дня, независимо от того, сколько к тому времени будет найдено яиц. Но в действительности охота закончилась на сорок пять минут раньше, в четверть четвертого, когда завод взорвался. Семьдесят два трупа вытащили из-под завалов еще до захода солнца. Всего же погибли сто два человека, из них восемьдесят восемь детей. В следующую среду, когда город еще не пришел в себя от горя, женщина нашла голову девятилетнего Роберта Дохея в ветвях яблони, которая росла в ее саду. Зубы мальчика были в шоколаде, волосы – в крови. Восемь детей и один взрослый исчезли бесследно. Более страшной трагедии в истории Дерри не было, с ней не мог сравниться даже пожар в «Черном пятне» в 1930 году, и объяснений ей так и не нашли. Все четыре паровых котла Metallургического завода отключили. Не приостановили их работу на какое-то время – отключили.

Но:

Убийств в Дерри происходило в шесть раз больше, чем в любом другом сравнимом по населению городе Новой Англии. Я нашел мои предварительные выводы столь невероятными, что обратился со всеми выкладками к одному программисту из средней школы, который, если не сидел перед «Коммодором», то болтался здесь, в библиотеке. Он продвинулся на несколько шагов дальше (поскреби программиста – найдешь трудягу), добавив еще дюжину маленьких городов к статистической выборке, так он это называл, и представил мне составленную компьютером диаграмму, на котором Дерри выпирает, как нарыв. «Должно быть, люди здесь очень уж вспыльчивые, мистер Хэнлон», – прокомментировал он полученный результат. Я промолчал. А если б пришлось ответить, сказал бы, что в самом Дерри есть нечто очень уж вспыльчивое.

Каждый год в Дерри исчезает от сорока до шестидесяти детей, и объяснений этому нет. В основном подростки. Вроде бы все они убегают из города. Некоторые убегают наверняка.

А на пике циклической активности, как, безусловно, сказал бы Альберт Карсон, количество исчезновений зашкаливает. В 1930 году, к примеру, когда сожгли «Черное пятно», в Дерри бесследно исчезли сто семьдесят детей, и вы должны понимать, что речь идет об исчезновениях, о которых сообщали в полицию и которые документировались. Ничего удивительного в этом нет, сказал мне тогдашний начальник полиции, когда я показал ему статистику.

Большинству из них скорее всего надоело есть картофельный суп или просто голодать дома, и они отправились в чужие края в поисках лучшей жизни.

В 1958 году в Дерри числились пропавшими 127 детей в возрасте от трех до девятнадцати лет. «В 1958 году была депрессия?» – спросил я шефа Рейдмахера. «Нет, – ответил он, – но людям не сидится на месте, Хэнлон. Особенно ноги чешутся у детей. Поссорился ребенок с родителями из-за того, что накануне поздно пришел домой со свидания, его и след простыл».

Я показал шефу Рейдмахеру фотографию Чэда Лоува, которая появилась в одном из апрельских номеров «Дерри ньюс». «Вы думаете, он сбежал из дома, потому что родители отругали его, когда он поздно вернулся домой, шеф Рейдмахер? Он пропал в три с половиной года».

Рейдмахер одарил меня строгим взглядом и сказал, что беседовать со мной – одно удовольствие, но, если мы уже все обговорили, у него много дел. Я ушел.

Haunted, haunting, haunt.

Часто посещаемый привидениями или призраками, как в случае с трубами; часто появляется или возвращается, скажем, каждые двадцать пять, двадцать шесть или двадцать семь лет; место кормления животных, как в случаях с Джорджем Денбро, Адрианом Меллоном, Бетти Рипсом, дочерью Альбрехтов, сыном Джонсонов.

Место кормления животных. Да, это не дает мне покоя.

Если еще что-нибудь случится – все равно что, – я позвоню. Должен. А пока у меня есть мои гипотезы, мои тревожные сны и мои воспоминания – мои проклятые воспоминания. Ах да, еще и эти записи, так? Моя Стена плача. Сейчас я сижу над ними, и моя рука так трясется, что я едва могу писать, сижу в опустевшей библиотеке, которая давно уже закрылась, прислушиваюсь к тихим звукам в темных проходах, наблюдаю за тенями, которые отбрасывают тусклые желтые лампы, чтобы удостовериться, что они не двигаются... не изменяются.

Я сижу рядом с телефонным аппаратом.

Кладу на него руку... позволяю ей скользить по нему... касаюсь отверстий в диске, которые могут связать меня с ними со всеми, моими давними друзьями.

Вместе мы зашли далеко и глубоко.

Вместе мы вошли в черноту.

Сможем ли мы выйти из черноты, если войдем в нее второй раз?

Думаю, что нет.

Пожалуйста, Господи, не вынуждай меня звонить им.

Пожалуйста, Господи.

Часть 2

Июнь 1958 года

*Наружность – это я,
А под ней
Погребена там юность.
Корни?
У всех есть корни⁷⁰.*
«Патерсон», Уильям Карлос Уильямс

*Что делать? – сам порой дивлюсь.
Не лечит от скуки летний блюз.
Эдди Кокрэн⁷¹*

Глава 4

Бен Хэнском падает

1

Где-то в 23:45 одна из стюардесс салона первого класса самолета, летящего из Омахи в Чикаго (рейс 41 компании «Юнайтед эйрлайнс»), испытывает сильнейшее потрясение: какое-то время она пребывает в уверенности, что пассажир, сидящий в кресле 1А, умер.

Когда он поднялся на борт самолета в Омахе, она уже подумала: «О-го-го, грядет беда. Он же пьян в стельку». Перегар виски, который окутывал его голову, напомнил ей облако пыли, которое всегда окружает голову маленького мальчика в стрипе⁷² «Мелочь пузатая»⁷³, Свинарник – так его звали. Она и занервничала, потому что при первом обслуживании пассажиров подают спиртное. Не сомневалась, что он закажет виски, а то и двойную порцию. Тогда ей придется решать, обслуживать его или нет. Мало того, по всему маршруту в эту ночь ожидалась гроза, и она почти не сомневалась, что в какой-то момент этот долговязый мужчина в джинсах и рубашке из шамбре начнет блевать.

Но когда дело дошло до заказов, долговязый мужчина попросил стакан минералки и вел себя предельно вежливо. Лампочка вызова на его кресле ни разу не загорается, и стюардесса скоро забывает о нем, потому что и без того хватает забот. Рейс, между прочим, из тех, о которых хочется забыть сразу по завершении, из тех, во время которых могут возникнуть вопросы (если удастся выкроить свободное мгновение) о перспективах собственного выживания.

«Юнайтед-41» зигзагом мчится среди грозовых зон с громом и молниями, напоминая опытного слаломиста на дистанции. Турбулентность очень сильная. Пассажиры вскрикивают и отпускают мрачные шутки по поводу молний, то и дело вылетающих из плотных облаков, окружающих самолет. «Мамочка, это Бог фотографирует ангелов?» – спрашивает маленький мальчик, и его мать, лицо которой заметно позеленело, нервно смеется. Как потом выясня-

⁷⁰ Перевел с английского Эрик М. Кауфман.

⁷¹ Кокрэн, Эдвард «Эдди» Рэй (1938–1960) – американский певец, композитор, одна из ведущих фигур рок-н-ролла. Строки из песни «Летний блюз»/«Summertime blues».

⁷² Стрип – комикс в одну полосу.

⁷³ «Мелочь пузатая» – один из самых популярных стрипов, впервые появился 2 октября 1950 г.

ется, в том рейсе обслуживание было только в салоне первого класса. Загоревшаяся табличка «Пристегните ремни» так и не гаснет. Но стюардессы остаются в проходах, отвечая на вызовы пассажиров: лампочки у кресел то и дело вспыхивают, словно петарды.

– Ральф сегодня занят, – говорит ей старшая стюардесса, когда они идут по проходу; старшая направляется в салон эконом-класса с новой пачкой гигиенических пакетов. Это отчасти код, отчасти шутка. Ральф всегда занят, когда атмосфера беспокойна. Самолет проваливается в воздушную яму, кто-то вскрикивает, стюардесса чуть поворачивается, хватается за спинку сиденья, чтобы сохранить равновесие, и смотрит прямо в немигающие, невидящие глаза мужчины, сидящего в кресле 1А.

«Боже мой, он мертв, – думает она. – Спиртное, которое он выпил до посадки... потом вся эта болтанка... его сердце... перепугался до смерти».

Взглядом долговязый мужчина упирается в нее, но его глаза ее не видят. Они не двигаются. Они остекленели. Конечно же, это глаза мертвеца.

Стюардесса отворачивается от этого жуткого взгляда, ее сердце уже бьется в горле со скоростью самолета, отрывающегося от взлетной полосы, она думает, что ей сделать, что предпринять, и, слава богу, рядом с мужчиной никто не сидит, так что некому кричать и поднимать панику. Она решает, что первым делом нужно дать знать старшей стюардессе, а потом сообщить пилотам. Может, они смогут накинуть на него одеяло и закрыть ему глаза. Капитан оставит включенной табличку «Пристегните ремни», даже если болтанка прекратится, поэтому никто не пойдет в туалет в носовой части самолета, и после посадки, выходя из самолета, пассажиры подумают, что человек спит.

Все эти мысли мгновенно проносятся у нее в голове, она поворачивается, чтобы убедиться, что не ошиблась. Мертвые, незрячие глаза по-прежнему смотрят на нее... а потом труп поднимает стакан с минеральной водой и пьет из него.

В этот самый момент самолет вновь проваливается вниз, его трясет, и вскрик изумления стюардессы растворяется в других, более громких криках страха. Зрачки мужчины смещаются – совсем чуть-чуть, но все-таки, – и стюардесса понимает, что он жив и видит ее. Она думает: *«Когда он вошел в салон, мне показалось, что ему пятьдесят с хвостиком, но ведь он гораздо моложе, несмотря на седеющие волосы».*

Она идет к нему, хотя и слышит нетерпеливые звонки за спиной (Ральф действительно очень занят в эту ночь: после абсолютно безопасной посадки в аэропорту О’Хара из самолета вынесли более семидесяти использованных гигиенических пакетов).

– Все в порядке, сэр? – спрашивает она, улыбаясь. Но улыбка фальшивая, неестественная.

– Все прекрасно и изумительно, – отвечает долговязый мужчина.

Она смотрит на паз на спинке сидения, в который вставлена бумажная карточка с фамилией пассажира. Читает ее – Хэнском.

– Прекрасно и изумительно, – повторяет он. – Но ночь сегодня бурная, так? Думаю, у вас много работы. Не тратьте на меня время, я... – Он одаривает ее жуткой улыбкой, вызывающей у нее мысли о пугалах, оставленных на ноябрьских полях после жатвы. – У меня все хорошо.

– Вы выглядели...

(мертвым)

– Мне показалось, что вам нездоровится.

– Я думал о прошлом, – отвечает он. – Только сегодня вечером, за несколько часов до взлета, я осознал, что есть такое понятие, как прошлое, во всяком случае, для меня.

Вновь слышны звонки.

– Стюардесса, можно вас? – слышится чей-то нервный голос.

– Что ж, если вы уверены, что у вас все...

– Я думал о плотине, которую построил с друзьями, – говорит Бен Хэнском. – Полагаю, первыми моими друзьями. Они строили плотину, когда я... – Он замолкает, на лице отражается удивление, потом он смеется. Искренне, почти беззаботным мальчишечьим смехом, и так странно звучит этот смех в самолете, который немилосердно болтает, – ...когда я свалился им на голову. Можно сказать, в прямом смысле. В любом случае с плотиной у них ничего не получалось. Это я помню.

– Стюардесса?

– Извините, сэръ... я должна обойти пассажиров.

– Разумеется, должны.

Она спешит прочь, радуясь, что избавилась от этого взгляда, мертвого, почти гипнотического взгляда. Бен Хэнском поворачивает голову и смотрит в иллюминатор. Молнии вырываются из громадных облаков в каких-то девяти милях от правого крыла. В отсветах вспышек облака выглядят, как гигантские прозрачные мозги, заполненные дурными мыслями. Он ощупывает карман жилетки, но серебряных долларов нет. Из его кармана они перекечевали в карман Рикки Ли. Внезапно он сожалеет о том, что не оставил хотя бы один. Он мог бы пригодиться. Конечно, можно пойти в любой банк (во всяком случае, можно, когда тебя не болтает во все стороны на высоте двадцати семи тысяч футов) и купить пригоршню серебряных долларов, но едва ли ты сможешь что-нибудь сделать с этими паршивыми медными сандвичами, которое в наши дни государство пытается выдать за настоящие монеты. А для борьбы с оборотнями, вампирами и прочими тварями, обитающими под лунным светом, годится только серебро – настоящее серебро. Тебе нужно серебро, чтобы остановить чудовище. Тебе нужно...

Он закрыл глаза. Воздух гудел от перезвона колоколов. Самолет кренился, качался, проваливался, и воздух гудел от перезвона колоколов. Колоколов?

Нет... звонков.

Это звонки, точнее, звонок, всем звонкам звонок, которого ждешь целый год, с того момента, когда учеба начинает приедаться, а такое всегда случается к концу первой недели. Звонок, сообщающий о вновь обретенной свободе, апофеоз всех звонков.

Бен Хэнском сидит в кресле салона первого класса, подвешенный среди громов и молний на высоте двадцать семь тысяч футов, повернувшись лицом к иллюминатору, и внезапно чувствует, как стена времени истончается и начинает набирать обороты ужасный-и-удивительный перистальтический процесс. Бен думает: «Господи, меня переваривает мое прошлое».

Сполохи молний подсвечивают его лицо, и, хотя он этого не знает, один день только что сменился другим. 28 мая 1985 года перешло в 29 мая над темной, накрытой грозой землей, которая в эту ночь – западный Иллинойс; внизу, натрудившись на посевной, фермеры спят как убитые, им снятся яркие сны, и кто знает, что, возможно, бродит сейчас по их амбарам, погребам и полям, когда молнии бьют, а гром говорит? Никто ничего не знает об этих тварях; людям известно только, что этой ночью природа разбушевалась и воздух обезумел от мощных электрических разрядов.

Но это звонки на высоте двадцати семи тысяч футов, когда самолет наконец-то выходит из зоны турбулентности и болтанка прекращается; это звонки; это звонок во сне Бена; и пока он спит, стена между прошлым и настоящим исчезает полностью, и он проваливается сквозь годы, как человек, падающий в глубокую шахту, возможно, как путешественник во времени Герберта Уэллса, падающий с отломанной железной скобой в руке, все ниже и ниже, в страну морлоков, где машины стучат и стучат в тоннелях ночи. Уже 1981 год, 1977-й, 1969-й, и внезапно он там, там, в июне 1958 года; все вокруг заливают яркий солнечный свет, под закрытыми веками Бена Хэнскома зрачки сужаются, следуя команде, отданной спящим мозгом, который видит не темноту, разлитую над западным Иллинойсом, а ясный солнечный июньский день в Дерри, штат Мэн, двадцатью семью годами ранее.

Звонки.

Звонок.
Школа.
Учебный год.
Учебный год.

2

...закончен!

Звонок разнесся по коридорам школы, большого кирпичного здания, которое стоит на Джонсон-стрит, и, услышав его, весь пятый класс, в котором учился Бен Хэнском, радостно завопил... а миссис Дуглас, обычно самая строгая из учителей, не предпринимала никаких попыток утихомирить своих учеников. Наверное, знала, что это невозможно.

– Дети! – обратилась она к классу, когда радостные крики стихли. – Можете уделить мне еще минутку внимания?

Послышались перешептывания, перемежаемые несколькими стонами. Миссис Дуглас держала в руках табели.

– Я почти уверена, что меня перевели! – чирикнула Салли Мюллер, обращаясь к Бев Марш, которая сидела в соседнем ряду. Салли – умненькая, красивая, жизнерадостная. Бев тоже красивая, но никакой жизнерадостности в ней в этот день не чувствовалось. Она сидела, мрачно уставившись на свои дешевые туфли. На одной щеке цвел желтым синяк.

– Мне насрать, перевели меня или нет, – ответила Бев.

Салли фыркнула. Приличные девочки таких слов не произносят, об этом говорило ее фыркание. Потом она повернулась к Грете Боуи. Вероятно, только радостное волнение, вызванное последним звонком учебного года, заставило Салли заговорить с Беверли, подумал Бен. Салли Мюллер и Грета Боуи из богатых семей, их дома – на Западной Широкой улице, тогда как Бев приходила в школу с Нижней Главной улицы, где стояли обшарпанные многоквартирные дома. Нижнюю Главную и Западную Широкую улицы разделяло не больше мили, но даже такой ребенок, как Бен, знал, что дистанция между ними огромного размера, как расстояние от Земли до Плутона. Достаточно взглянуть на дешевый свитер Беверли Марш, слишком большую юбку, ранее, вероятно, пожертвованную Армии Спасения, и ободранные дешевые туфли, чтобы понять, как далеко разнесены эти две улицы. Но Бену все равно Беверли нравилась больше – гораздо больше. Салли и Грета красиво одевались, и он предполагал, что они каждый месяц делали химическую завивку или что-то в этом роде, но по мнению Бена, главного это отнюдь не меняло. Они могли завивать волосы каждый день, но все равно оставались сопливыми задаваками.

Он думал, что Беверли лучше – и гораздо красивее, хотя никогда в жизни не решился бы сказать ей такое. Но все же иногда, в разгар зимы, когда свет за окном становился желто-сонным, как кот, свернувшийся на диване, когда миссис Дуглас бубнила что-то математическое (как делить столбиком или как найти общий знаменатель двух дробей, чтобы сложить их) или зачитывала вопросы из «Сверкающих мостов», или рассказывала о месторождениях олова в Парагвае, в такие дни, когда казалось, что учеба никогда не закончится, но никакого значения это не имело, поскольку снаружи ждала слякоть... в такие дни Бен, случалось, искоса поглядывал на Беверли, скользил взглядом по ее лицу, а его сердце ныло от томления и одновременно вспыхивало ярким огнем. Он втюрился в нее, или влюбился. И всегда думал о Беверли, когда «Пингвинс»⁷⁴ по радио пели «Земной ангел»... «ты – милая моя / все мысли о тебе...» Да, глупая песня, слезливая, как использованная бумажная салфетка, но и правдивая, потому что

⁷⁴ «Пингвинс» – американская музыкальная группа, созданная в 1953 г. – «Земной ангел»/«Earth Angel» – самая известная песня этой группы.

он никогда не сказал бы ей о своих чувствах. Он думал, что толстым мальчикам разрешено любить красивых девочек только в мыслях. Если бы он кому-то поведал о своей любви (если б было кому), то человек этот наверняка смеялся бы, пока не умер от сердечного приступа. А если бы он признался в этом Беверли, то она или рассмеялась бы (это плохо), или издала такой неприятный звук, будто ее тошнит от отвращения (еще хуже).

– А теперь подходите ко мне, когда я буду называть фамилию. Пол Андерсен... Карла Бордо... Грета Боуи... Кельвин Кларк... Сисси Кларк...

Едва миссис Дуглас называла фамилию, ученики ее пятого класса один за другим подходили к ней (за исключением близнецов Кларков, которые подошли вместе, как и всегда, рука в руке, отличающиеся только длиной очень светлых волос и одеждой: она в платье, он в джинсах), брали табели в светло-коричневых обложках с американским флагом и клятвой верности на лицевой стороне и молитвой «Отче наш» на задней, степенно выходили из класса... а потом со всех ног мчались к большим высоким дверям, уже распахнутым настежь. Выбегали из школы в лето и исчезали. Кто-то уезжал на велосипеде, кто-то удалялся от школы большими прыжками, кто-то усаживался на воображаемую лошадь и пускал ее галопом, шлепая локтями по бедрам, имитируя стук копыт, некоторые уходили обнявшись, распевая «Я зрел сиянье школы, охваченной огнем» на мотив «Боевого гимна республики»⁷⁵.

Марция Фэдден... Фрэнк Фрик... Бен Хэнском...

Он поднялся, бросил на Беверли Марш последний в это лето взгляд (так он тогда думал) и направился к столу миссис Дуглас, одиннадцатилетний подросток с задницей размером с Нью-Мехико – вышеозначенную задницу упаковали в отвратительные новенькие синие джинсы с медными заклепками, «выстреливавшими» маленькие дробинки света, и они шуршали при ходьбе (шрш, шрш, шрш), потому что толстые бедра Бена терлись друг о друга. Он по-девичьи крутил задом. Его живот перекачивался из стороны в сторону. В школу Бен пришел в мешковатом свитере, хотя день выдался теплым. Он практически всегда носил мешковатые свитера, потому что очень стыдился своей груди, стыдился с первого учебного дня после рождественских каникул, когда появился в школе в одной из фирменных футболок «Лиги Плюща»⁷⁶, подаренных матерью, и Рыгало Хаггинс, шестиклассник, прокаркал: «Эй парни! Посмотрите, что подарил Санта-Клаус Бену Хэнскому на Рождество! Большие сиськи!» Рыгало чуть не рухнул от хохота, восторгаясь собственным остроумием. Другие тоже рассмеялись, в том числе и несколько девочек. Если бы в тот момент перед Беном открылся тоннель, ведущий в преисподнюю, он без малейшей заминки прыгнул бы туда, ничего не говоря... может, даже бормоча слова благодарности.

И с того дня он носил только свитера, благо у него их было четыре: мешковатый коричневый, мешковатый зеленый и два мешковатых синих. Это был один из тех немногих случаев, когда он смог противостоять матери, когда чувствовал, что не должен переступить проведенную в пыли предельную черту. А проводить такую черту в его более чем безопасном детстве приходилось крайне редко. Если бы он увидел, что Беверли Марш смеется вместе с остальными, то наверняка бы умер.

– Я рада, что ты провел этот год в моем классе. – С этими словами миссис Дуглас протянула ему табель.

– Спасибо, миссис Дуглас.

– Шпасибочки, миссус Дубвглаз, – донесся насмешливый фальцет из глубин класса.

Генри Бауэрс, само собой. Генри учился в классе Бена, а не в шестом классе, со своими друзьями Рыгалом Хаггинсом и Виктором Криссом, потому что остался в пятом на второй

⁷⁵ «Боевой гимн республики» – американская песня, написанная в 1861 г. Джулией Уэрд Хоув. Любимая песня северян во время Гражданской войны. Первая строка: «Я зрел сиянье Господа, пришествия Его».

⁷⁶ Лига Плюща – здесь Лига футбольных и других спортивных команд, представляющих привилегированные университеты северо-востока США, входящие в Лигу Плюща.

год. Бен чувствовал, что Генри придется задержаться в пятом классе еще на год, раз уж миссис Дуглас пропустила его фамилию, раздавая табели, и это сулило беду. У Бена заняло под ложечкой: если Генри опять остался на второй год, то ответственность отчасти лежала на нем, Бене... и Генри это знал.

Неделей раньше, на годовых контрольных, миссис Дуглас рассказывала их случайным образом, доставая из шляпы бумажки с именем каждого. В итоге Бен очутился на последней парте, рядом с партой Генри Бауэрса. Как и всегда, Бен прикрывал рукой листок с контрольной и низко склонялся над ним, чувствуя чем-то успокаивающее давление парты на живот и для вдохновения покусывая карандаш «би-боп».

Во вторник, когда миновала примерно половина времени, отведенного на контрольную (в тот день – по математике), через проход до Бена долетел шепот. Тихий, не предназначенный для других ушей шепот ветерана-заключенного, передающего послание в тюремном дворе: «Дай списать».

Бен повернулся налево и уперся взглядом в черные и яростные глаза Генри Бауэрса, мальчика крупного даже для двенадцати лет, с накачанными крестьянским трудом мышцами рук и ног. Его отцу, который считался в городе полоумным, принадлежал небольшой участок земли в конце Канзас-стрит, около административной границы Ньюпорта, и Генри как минимум тридцать часов в неделю копал, выдергивал сорняки, сажал, очищал поля от камней, рубил деревья и собирал урожай, если было, что собирать.

Волосы Генри стриг так коротко, что сквозь них проглядывала белая кожа, а челку смазывал бриолином «Батч-ваксед», тубик которого всегда носил в кармане джинсов, так что волосы стояли надо лбом торчком, словно зубья надвигающейся мощной бороны. От него постоянно пахло потом и «Джуси фрут». В школу он приходил в розовой мотоциклетной куртке с орлом на спине. Однажды четвероклассник, не подумав, позволил себе посмеяться над этой курткой. Генри повернулся к парнишке, злобный, как хорек, и быстрый, как ядовитая змея, и дважды врезал ему грязным от работы на земле кулаком. Четвероклассник лишился трех передних зубов, а Генри получил двухнедельные каникулы. Бен надеялся (во всяком случае, тлея в нем такая надежда, свойственная забитым и напуганным), что Генри выгонят из школы, а не временно отстранят от занятий. Не сложилось. Плохиши всегда как-то выкручиваются. Две недели спустя Генри с важным видом вошел на школьный двор, озлобленно-великолепный в своей розовой мотоциклетной куртке, а на челку вымазал столько бриолина, что она едва не отваливалась. Оба опухших, расцвеченных синяками глаза говорили о трепке, которую ему задал полоумный отец за драку в школе. Свидетельства этой трепки со временем исчезли, а для детей Дерри, которым приходилось сталкиваться с Генри, урок пошел впрок. Насколько знал Бен, больше никто не посмел сказать ни слова о розовой мотоциклетной куртке с орлом на спине.

И когда шепот Генри донесся до Бена, три мысли ракетой промчались в его мозгу (очень шустро и сообразительном – полной противоположности жирному телу). Первая – если миссис Дуглас заметит, что Генри списывает с его контрольной, кол получат оба. Вторая – если он не даст Генри списать, тот наверняка поймает его после уроков и продемонстрирует знаменитый двойной удар, причем Хаггинс будет держать его за одну руку, а Крисс – за другую.

Эти детские мысли, конечно же, не могли вызывать удивления, потому что Бен был ребенком. Но третья и последняя, более изощренная, уже отдавала взрослостью.

Да, он может меня поймать. Но, возможно, последнюю неделю занятий мне удастся не попадаться ему на глаза. И я уверен, что удастся, если я постараюсь как следует. А за лето, думаю, он все забудет. Да. Он же очень даже глуп. Если провалит эту контрольную, то его скорее всего опять оставят на второй год. А если он останется, то я окажусь на класс старше. Больше не буду учиться с ним в одном классе. И в младшую среднюю школу перейду раньше его. Я... я могу стать свободным.

«Дай списать», – вновь прошептал Генри, теперь чуть громче. Его черные глаза теперь требовательно сверкали.

Бен покачал головой, и еще тщательнее прикрыл листок.

«Я до тебя доберусь, толстяк, – прошептал Генри еще громче. Перед ним лежал девственно чистый, если не считать его имени и фамилии, лист бумаги. Он попал в отчаянное положение. Если он заваливал экзамены и опять оставался на второй год, дома отец вышиб бы ему мозги. – Дай списать, не то пожалеешь».

Бен опять покачал головой, изо всех сил сцепив зубы, чтобы не стучали. Он боялся, но при этом не отступал от принятого решения. Понимал, что впервые в жизни сознательно определился с планом действий, и это тоже его пугало, хотя он и не понимал почему: прошло немало лет, прежде чем он осознал, что хладнокровие его расчетов, точная и прагматичная оценка расходов, свидетельствующие о начавшемся переходе во взрослый мир, нагнали на него даже больше страха, чем угрозы Генри. От Генри он мог увернуться, а со взрослым миром, в котором, вероятно, так думать придется постоянно, это не получится.

– Кто-то говорит на задних партах? – раздался громкий и отчетливый голос миссис Дуглас. – Если так, попрошу немедленно это прекратить.

Следующие десять минут в классе царила тишина; юные головы склонились над экзаменационными заданиями, от которых шел запах фиолетовых чернил, использовавшихся в мимеографе, а потом шепот Генри вновь донесся с другой стороны прохода, едва слышный, леденящий кровь, спокойно-уверенный в том, что слова не разойдутся с делом: «Ты покойник, толстяк».

3

Бен получил табель и был таков, благодарный всем богам, хранящим одиннадцатилетних толстяков, что Генри Бауэрсу не позволили покинуть класс первым, как он мог бы, учитывая, что всех вызывали в алфавитном порядке, и теперь не поджидал Бена у школы.

Он не побежал по коридору, как другие дети. Он мог бегать, и довольно быстро для ребенка таких габаритов, но отдавал себе отчет, каким смешным при этом выглядел. Но шагал он быстро и вскоре сменил прохладный, пахнувший книгами коридор на яркий июньский солнечный свет. На мгновение застыл, подставив лицо солнцу, радуясь его теплу и собственной свободе. От этого дня сентябрь отстоял на миллион лет. Календарь мог говорить совсем другое, но календарь бессовестно врал. Лето продолжалось гораздо дольше, чем сумма его дней, и принадлежало ему. Он чувствовал, что ростом стал с Водонапорную башню, а шириной сравнялся с городом.

Кто-то толкнул его – и толкнул сильно. Приятные мысли о лете разом вылетели из головы Бена, теперь пытавшегося сохранить равновесие и не покатиться вниз по каменным ступеням. И он таки успел схватиться за железный поручень, который и удержал его от падения.

– С дороги, мешок с говном, – прорычал Виктор Крисс, с зачесанными назад, на манер кока Элвиса, волосами, блестящими от «Брилкрима». Он быстро спустился по лестнице и направился к воротам: руки в карманах джинсов, воротник рубашки поднят, шипы на саперных сапогах скребут и постукивают.

Бен, с гулко бьющимся от испуга сердцем, увидел, что Рыгало Хаггинс стоит на другой стороне улицы, курит. Он поднял руку, приветствуя Виктора, и передал ему сигарету, когда тот подошел. Виктор затянулся, вернул бычок Рыгалу, указал на Бена, который уже миновал поллестницы. Что-то сказал, и оба расхохотались. Бен густо покраснел. Вечно они тебя достают. И получалось, что никуда от этого не деться.

– Тебе так нравится это место, что ты готов простоять здесь целый день? – раздался девичий голос.

Бен повернулся, и красноты на его лице прибавилось. Беверли Марш, очаровательные серо-голубые глаза, роскошные темно-рыжие волосы, обрамляющие лицо и падающие на плечи. Свитер с рукавами, засученными до локтей, с потертым воротом, мешковатостью не уступал свитеру Бена и не позволял судить, появилась у нее грудь или нет, но Бена это не волновало; когда любовь идет впереди полового созревания, она может набегать волнами, такими чистыми и сильными, что никому не устоять против ее напора, а Бен и не собирался сопротивляться этому чувству. Просто сдался ему на милость. Он ощущал себя круглым дураком и при этом испытывал необъяснимый восторг, смущался, как никогда в жизни, и... наслаждался. Эти безысходные эмоции так ударили в голову, что тошнота смешивалась с весельем.

– Нет, – просипел он. – Наверное, нет. – И расплылся в широченной улыбке. Он знал, какой идиотский у него, должно быть, вид, но не мог стянуть губы.

– Что ж, хорошо. Потому что учебный год закончился, знаешь ли. Слава богу.

– Хорошего... – Опять сипение. Ему пришлось откашляться. Румянец усилился. – Хорошего тебе лета, Беверли.

– И тебе, Бен. До осени.

Она быстро сбежала по ступеням, и Бен видел все глазами влюбленного: яркую шотландку юбки, рыжие выющиеся волосы, пляшущие на воротнике ее свитера, молочно-белое лицо, маленький заживающий шрам на икре и (по какой-то причине это последнее вызвало еще одну волну чувств, настолько мощную, что ему вновь пришлось схватиться за поручень; чувство это было огромным, не выражалось словами, но, к счастью, быстро отпустило; возможно, еще не осознанный сексуальный позыв, ничего не значащий для тела, поскольку эндокринные железы еще пребывали в глубокой, без сновидений, спячке, но при этом такой же яркий и жаркий, как летний свет) сверкающий золотистый браслет на лодыжке, над правой тупелькой, подмигивающий солнцу желтыми отблесками.

Звук... какой-то непонятный звук... сорвался с его губ. Он спустился вниз, чувствуя себя немощным стариком, и стоял у лестницы, наблюдая за Беверли, пока она не повернула налево и не исчезла за высокой зеленой изгородью, которая отделяла школьный двор от тротуара.

4

Но простоял он лишь несколько секунд (дети пробежали мимо, по одному и группами, радостно крича), потому что вспомнил про Генри Бауэрса и поспешил к углу здания школы. Пересек игровую площадку малышни, позвенел цепями, на которых висело сиденье качелей, переступил через качалку. Вышел через другие, размером поменьше, ворота на Картер-стрит и повернул налево, ни разу не оглянувшись на большущее здание, в которое последние девять месяцев приходил чуть ли не каждый рабочий день. Он сунул табель в задний карман джинсов и начал насвистывать. Ноги, обутые в кеды, казалось, сами несли его и, как ему казалось, на первых восьми кварталах их подошвы ни разу не коснулись тротуара.

Учеба закончилась в самом начале первого. Мать не могла прийти домой раньше шести, потому что по пятницам всегда заходила после работы в «Супермаркет скидок». Этот день принадлежал только ему.

Он пошел в Маккэррон-парк, какое-то время посидел под деревом, ничего не делая, иногда шепча: «Я люблю Беверли Марш», и всякий раз от романтических чувств, которые охватывали его, голова шла кругом. В какой-то момент, когда в парк пришла группа мальчишек и они принялись делиться на две команды, чтобы сыграть в бейсбол, он дважды прошептал: «Беверли Хэнском», после чего ему пришлось ткнуться лицом в траву, чтобы охладить пылающие щеки.

Вскоре он поднялся и через парк направился к Костелло-авеню, пройдя по которой пять кварталов, мог попасть к публичной библиотеке, куда, вероятно, и хотел попасть с самого

начала. И уже выходил из парка, когда шестиклассник, его звали Питер Гордон, увидел его и крикнул: «Эй, сисястый! Хочешь сыграть? Нам нужен правый филдер!» Раздался взрыв хохота. Бен ускорил шаг, втянув шею в воротник, как черепаха втягивает голову в панцирь.

Но при этом, как ни крути, он мог считать себя счастливым; в другой день мальчишки могли бы побежать за ним, может, чтобы поугаждать, может, сбить с ног и посмотреть, заплачет ли он. Сегодня, однако, им не терпелось начать игру, определиться, какой команде подавать первой. Бен с радостью оставил их с проблемами, без разрешения которых первая летняя игра, конечно же, не могла начаться, и продолжил путь. Пройдя три квартала по Костелло, он заметил кое-что интересное, возможно, даже прибыльное, под зеленой изгородью чьего-то участка. Сквозь дыру в старом бумажном пакете блестело стекло. Бен подцепил пакет ногой и выдвинул на тротуар. Похоже, ему действительно улыбалась удача. В пакете лежали четыре пивные бутылки и четыре большие – из-под газировки. Большие стоили по пять центов, каждая пивная – по два. Двадцать восемь центов лежали под зеленой изгородью, дожидаясь какого-нибудь мальчишки, который, проходя мимо, нагнется и подберет их. Какого-нибудь везучего мальчишки.

– Так это же я! – радостно воскликнул Бен, не подозревая, что готовит ему остаток дня. Он двинулся дальше, держа пакет под донышком, чтобы не вывалились бутылки. «Костелло-авеню маркет» находился одним кварталом дальше, Бен свернул в магазин, обменял бутылки на наличные, а большую часть наличных – на сладости.

Он стоял перед прилавком, где продавались дешевые сладости, и указывал на то, что хотел купить, как всегда радуясь скрипучему звуку, который издавала сдвижная дверка, когда продавец смещал ее по направляющим. Бен купил пять красных лакричных карамелек и пять черных, десять рутбирных ирисок (две на цент), упаковку леденцов за пятак (пять бумажных полосок с пятью приклеенными леденцами на каждой, и ели их прямо с бумаги), пакетик «Ликем айд» и коробочку мятных пастилок «пез», для Пез-гана.

Из магазина Бен вышел с маленьким бумажным пакетиком, набитым сладостями, в руке и четырьмя центами в правом переднем кармане новых джинсов. Он посмотрел на бумажный пакет со сладкой начинкой, и внезапно на поверхность попыталась пробиться мысль,

(будешь и дальше так есть, Беверли Марш никогда на тебя не посмотрит)

неприятная мысль, и он затолкал ее обратно в глубину. Затолкалась она достаточно легко – привыкла к тому, что ее шпыняют.

Если бы кто-то спросил его: «Бен, тебе одиноко?» – он бы посмотрел на этого человека с искренним изумлением. Такой вопрос никогда не приходил ему в голову. Друзей ему заменяли книги и мечты, модели «Ревелл»⁷⁷, гигантский набор «Линкольн логс»⁷⁸ и дома, которые он сооружал из элементов этого набора. Его мать не раз и не два восклицала, что бревенчатые дома Бена выглядят гораздо лучше настоящих домов, которые делались по чертежам. Был у него и большой конструктор «Эректор сет»⁷⁹, а на день рождения в грядущем октябре он рассчитывал получить «Супер сет». Этот конструктор позволял собрать часы, которые показывали настоящее время, и автомобиль с настоящей коробкой передач. «Одиноко?» В ответ он бы мог спросить с искренним недоумением: «Чего? Это как?»

Ребенок, слепой от рождения, не знает, что он слеп, пока кто-нибудь не скажет ему об этом. Но даже тогда у него весьма смутное представление о том, что есть слепота; только потерявшие зрение могут полностью осознать, что же это такое. Бен Хэнском не ощущал себя оди-

⁷⁷ «Ревелл» – компания, изготавливающая модели-склейки автомобилей, самолетов, боевой техники, кораблей. Основана в 1943 г.

⁷⁸ «Линкольн логс» – детский конструктор из миниатюрных бревен со специальными пазами и выступами, которые позволяют возводить из них игрушечные дома.

⁷⁹ «Эректор сет» – детский металлический конструктор, выпускаемый с 1913 г. В некоторые комплекты входят миниатюрные шестерни, блоки, электродвигатели.

ноким, потому не знал ничего, кроме одиночества. Если бы состояние это было для него внове, если бы он мог с чем-то сравнить, то, наверное, понял бы вопрос, но пока одиночество окружало его жизнь со всех сторон и накрывало куполом. Оно просто было – как большой палец с двумя суставами или маленький выступ на задней стороне одного из его передних зубов, маленький выступ, который его язык начинал вылизывать, когда Бен нервничал.

Беверли – сладкая мечта, а конфеты – сладкая реальность, единственный его друг. Вот он и велел инородной мысли проваливаться, и та тихонечко ретировалась, не поднимая скандала. По пути от «Костелло-авеню маркет» до библиотеки он переправил в рот все содержимое пакета. Честно хотел оставить пастилки «пез» на вечер, чтобы съесть их перед телевизором (нравилось ему одну за другой загружать их в рукоятку маленького пластикового Пезгана, нравилось слышать, как щелкает крошечная пружинка внутри, но больше всего нравилось выстреливать их в рот, одну за другой, словно совершая сахарное самоубийство). В этот вечер показывали несколько сериалов, сначала «Вертолетчики», где Кеннет Тоби играл бесстрашного пилота винтокрылой машины, потом «Драгнет», который основывался на настоящих преступлениях, менялись только имена, чтобы защитить невиновных, и наконец, его любимый полицейский сериал «Дорожный патруль», в котором Бродерик Кроуфорд играл патрульного Дэна Мэтьюса. Бродерик Кроуфорд был кумиром Бена. Бродерик Кроуфорд не позволял застать себя врасплох, ни перед кем не прогибался, никому не давал спуска – и, что самое главное, Бродерик Кроуфорд был толстым.

Он добрался до угла Костелло и Канзас-стрит, где требовалось перейти на другую сторону, чтобы попасть в публичную библиотеку. Библиотека состояла из двух зданий. Старое, у тротуара, построенное на деньги богатого лесопромышленника в 1890 году, и новое – низкое, из песчаника, в глубине. Новое занимала детская библиотека. Оба здания соединялись стеклянным коридором.

Здесь, в непосредственной близости от центральной части города, автомобили по Канзас-стрит двигались только в одном направлении, и Бен, перед тем как перейти улицу, посмотрел лишь в одну сторону, направо. А если бы посмотрел налево, его ждал бы неприятный сюрприз. Рыгало Хаггинс, Виктор Крисс и Генри Бауэрс стояли в тени большого старого дуба, растущего на лужайке у Общественного центра, примерно в квартале от перекрестка.

5

– Давай его вздуем, Хэнк. – В голосе Виктора слышалась мольба.

Генри наблюдал, как этот толстый маленький говнюк пересекает улицу: его живот колыхался, затылок болтался взад-вперед, словно чертова Пружинка⁸⁰, зад в новых синих джинсах покачивался, как у девчонки. Генри прикинул дистанцию между ними тремя, стоящими на лужайке у Общественного центра, и Хэнскомом, и между Хэнскомом и спасительным убежищем – библиотекой. Подумал, что они скорее всего успеют догнать его до того, как он войдет в двери, но Хэнском мог начать кричать. От этого маменькиного сынка следовало ждать всякого. Если бы закричал, какой-нибудь взрослый мог вмешаться, а этого Генри совершенно не хотелось. Эта сука Дуглас сказала ему, что он завалил английский и математику. Она перевела его в следующий класс, но назначила ему четыре недели дополнительных летних занятий. Генри предпочел бы остаться на второй год. Если бы остался, отец избил бы его только один раз. А теперь, когда Генри предстояло четыре недели проводить в школе по четыре часа в день, и это в разгар полевых работ, отец мог избить его раз шесть, а то и больше. И с таким мрачным буду-

⁸⁰ Пружинка/Slinky – американская игрушка, созданная на основе спирали, в 1940-х годах военно-морским инженером Ричардом Джеймсом. В продаже – с 1945 г.

щим его примиряло только одно: в этот день он собирался отдать этому жирдяю все тумачи, что еще даже не получил от отца.

С процентами.

– Да, давай перехватим его, – поддержал Виктора Рыгало.

– Мы подождем, пока он выйдет.

Они наблюдали, как Бен открыл половинку большой стеклянной двери и вошел в библиотеку, потом сели на траву и закурили. Рассказывали друг другу анекдоты про коммивояжеров и ждали появления Бена.

Генри знал, что он обязательно выйдет. И вот тогда Генри намеревался заставить его пожалеть о том, что он родился на свет Божий.

6

Библиотеку Бен любил.

Любил прохладу, царящую там даже в самый жаркий день долгого жаркого лета; любил тишину, нарушаемую лишь редким шепотом, чуть слышным постукиванием (библиотекарь ставил книги на полку или возился с формулярами) да шелестом страниц в зале периодики, где старики читали подшивки газет. Ему нравился свет, который днем падал через высокие, узкие окна, а зимними вечерами, когда снаружи завывал ветер, ложился большими кругами под свисающими с потолка шарами-лампами. Ему нравился запах книг – пряный запах, отдающий сказкой. Он иногда ходил вдоль стеллажей с книгами для взрослых, смотрел на тысячи томов и представлял себе мир, полный жизни, в каждом из них. Точно так же иной раз он шел по своей улице в горящих, подернутых дымкой сумерках конца октября, когда от солнца оставалась только густо-оранжевая полоска на горизонте, и представлял себе, какая жизнь идет за всеми этими окнами: люди смеялись, или спорили, или поливали цветы, или кормили детей, домашних животных, а может, ели сами, сидя перед телевизором. Ему нравилось, что стеклянный коридор, который соединял старое здание и детскую библиотеку, всегда оставался жарким, даже зимой, за исключением разве что нескольких облачных дней. Миссис Скарретт, старший детский библиотекарь, как-то сказала ему, что причина – в так называемом парниковом эффекте. Бену эта идея очень понравилась. И годы спустя, когда он построит коммуникационный центр Би-би-си в Лондоне, который вызовет столько споров, причем аргументы «за» и «против» будут звучать еще тысячу лет, никто так и не узнает (за исключением самого Бена), что коммуникационный центр – всего лишь стеклянный коридор публичной библиотеки Дерри, только поставленный на торец.

Ему нравилась и детская библиотека, хотя в ней напрочь отсутствовало обаяние сумрака, которое он ощущал в старом здании, с его шарами-лампами и стальными винтовыми лестницами, такими узкими, что два человека не могли на них разойтись, и одному приходилось отступать назад. Детскую библиотеку всегда заливал свет, солнечный или электрический, и шума здесь хватало, несмотря на многочисленные таблички с надписью «ДАВАЙТЕ НЕ БУДЕМ ШУМЕТЬ, ХОРОШО?» Главным источником шума служила Пухова опушка, куда приходили малыши, чтобы посмотреть книжки-картинки. В этот день, когда Бен вошел в детскую библиотеку, как раз начался Сказочный час. Мисс Дейвис, красивая молодая библиотекарша, читала «Трех козликов»⁸¹.

– И кто это здесь, кто идет по моему мосту?

Мисс Дейвис говорила низким, рычащим голосом злого тролля. Некоторые малыши закрывали рты руками и хихикали, но большинство смотрели во все глаза, с серьезными

⁸¹ «Три козлика» – известная норвежская сказка о трех козликах, идущих по мосту, под которым живет злой тролль.

лицами, признавая голос тролля, как признавали голоса в своих снах, а в их взглядах читался вечный вопрос любой сказки: обведут монстра вокруг пальца – или он набьет брюхо?

Везде висели яркие плакаты. На одном хороший мультяшный мальчик с таким рвением чистил зубы, что рот его пенился, будто пасть бешеной собаки. На другом мультяшный плохиш курил сигарету («СТАВ ВЗРОСЛЫМ, Я ХОЧУ МНОГО БОЛЕТЬ, ТАК ЖЕ, КАК И МОЙ ПАПА», – гласила надпись внизу). Третий являл собой прекрасную фотографию маленьких огоньков пламени, горящих в темноте. Смысл плаката разъясняла надпись:

«ОДНА ИДЕЯ ЗАЖИГАЕТ ТЫСЯЧУ СВЕЧЕЙ».

Ральф Уолдо Эмерсон

Тут же висели приглашения принять участие в скаутских походах. На одном плакате указывалось, что «В СЕГОДНЯШНИХ ДЕВИЧЬИХ КЛУБАХ РАСТУТ ЖЕНЩИНЫ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ». Детям предлагалось записываться в секции софтбола и в театральную студию при Общественном центре. И разумеется, детей призывали принять участие в летней программе чтения. Бену очень нравилась эта программа. Ее участник получал карту Соединенных Штатов. За каждую прочитанную книгу и написанный по ней коротенький реферат участнику выдавалась наклейка с названием одного из штатов, которая приклеивалась к карте. На наклейке указывалась птица штата, цветок штата, год вступления в Союз и президенты, родившиеся в штате, если таковые имелись. Если участник приклеивал к карте все сорок восемь наклеек, ему еще и дарили книгу. Так что сделка получалась чрезвычайно выгодная. Бен намеревался последовать рекомендации, приведенной на плакате: «Не теряй времени, запишись сегодня».

Среди всех этих ярких и красочных объявлений и плакатов выделялся один, приклеенный скотчем к стойке сдачи книг. Никаких мультяшных рисунков, никаких фотографий – строгие черные буквы на белом фоне:

ПОМНИ О КОМЕНДАНТСКОМ ЧАСЕ

С 19:00.

ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДЕРРИ

От одного только взгляда на этот плакат у Бена по коже побежали мурашки. Радость от получения табеля, тревоги из-за Генри Бауэрса, разговор с Беверли, начинающиеся летние каникулы – в итоге он напрочь забыл и про комендантский час для детей, и про убийства.

Люди спорили, сколько их было, но все соглашались, что как минимум четыре с прошлой зимы, пять, если считать Джорджа Денбро (многие придерживались мнения, что смерть маленького Денбро – результат какого-то странного и жуткого, но все равно несчастного случая). В том, что Бетти Рипсом убили, не сомневался никто. Тринадцатилетнюю девочку, изувеченную и вмерзшую в грязь, нашли в первый день после Рождества, в районе строящейся транспортной развязки на Внешней Джексон-стрит. Об этом не написали в газете, и взрослые не могли сказать такое Бену. Информацию эту он почерпнул из подслушанных обрывков разговоров.

По прошествии еще трех с половиной месяцев, вскоре после открытия сезона ловли форели, рыбак, решивший попытать счастья в двадцати милях к востоку от Дерри, поймал, как он сначала решил, палку. Но вытащил из воды кисть, запястье и первые четыре дюйма

предплечья девушки. Крючок впился в плоть этой ужасной находки между большим и указательным пальцами.

Полиция штата нашла тело Черил Ламоники в семидесяти ярдах ниже по течению. Оно зацепилось за дерево, которое упало в реку прошлой зимой. Только благодаря удачному течению обстоятельств тело не унесло в Пенобскот и далее в океан весенним половодьем.

Шестнадцатилетняя Черил проживала в Дерри, но в школу не ходила. Тремя годами раньше она родила дочь, Андреа. Вместе с дочерью она жила у родителей. «Сумасбродства в Черил, конечно, хватало, но в сердце своем она была хорошей девочкой, – сказал полиции рыдающий отец. – Энди постоянно спрашивает: «Где моя мамочка?» – и я не знаю, что ей ответить».

Девушка пропала за пять недель до находки тела. Полицейское расследование убийства Черил Ламоники началось с естественного вопроса: убил ли ее один из бойфрендов? Их у нее хватало. Многие служили на авиабазе, расположенной ближе к Бангору. «Они были такие милые мальчики, большинство из них» – так отозвалась о друзьях Черил ее мать. В число «милых мальчиков» входил и сорокалетний полковник ВВС, с женой и тремя детьми в Нью-Мехико. Еще один бойфренд Черил в это время сидел в Шоушенке за вооруженное ограбление.

Бойфренд, полагала полиция. Или вообще незнакомый человек. Сексуальный маньяк.

Если речь шла о сексуальном маньяке, то он, судя по всему, не брезговал и мальчиками. И в конце апреля учитель младшей средней школы, который повел свой восьмой класс на экскурсию по городу, заметил пару красных кроссовок и штанины детского комбинезона из синего вельвета, торчащие из дренажной трубы на Мерит-стрит. Эту часть Мерит-стрит перегородили переносными барьерами. Асфальт срыли бульдозерами еще прошлой осенью. Там строили магистраль на Бангор.

Из дренажной трубы вытащили тело трехлетнего Мэттью Клементса, который пропал днем раньше (его фотографию поместили на первой полосе утреннего номера «Дерри ньюс»: темноволосый маленький мальчик в бейсболке «Ред сокс» на макушке радостно улыбается в камеру). Клементсы жили на Канзас-стрит, в другом конце города. Его мать, настолько потрясенная горем, что казалось, перенеслась в стеклянный шар абсолютного спокойствия, сообщила полиции, что Мэтти на трехколесном велосипеде ездил взад-вперед перед домом, который стоял на углу Канзас-стрит и Коссаглейн. Она отошла, чтобы положить выстиранное белье в сушилку, а когда вновь выглянула в окно, чтобы проверить, как там Мэтти, его не было. Только перевернутый велосипед лежал на полоске травы между тротуаром и мостовой. Одно из задних колес еще лениво вращалось и замерло уже у нее на глазах.

Шеф Бортон считал, что этого достаточно. На специальной сессии городского совета он предложил со следующего дня ввести комендантский час для детей: с семи вечера все должны сидеть по домам. Предложение, одобренное единогласно, вступило в силу на другой день. Месяцем раньше на эту тему в школе Бена провели общее собрание. Шеф вышел на сцену, засунул большие пальцы за ремень и заверил детей, что тревожиться им не о чем при соблюдении нескольких простых правил: не разговаривать с незнакомцами, садиться в автомобили только к тем, кого хорошо знаешь, всегда помнить, что полицейский – твой друг... и соблюдать комендантский час.

Двумя неделями раньше мальчик, которого Бен знал только в лицо (он учился в другом пятом классе начальной школы Дерри), заглянул в одну из канализационных решеток на Нейболт-стрит, и ему показалось, что он видит плавающие там волосы. Этот мальчик, звали его Фрэнки или Фредди Росс (а может, Рот), искал всякие ценности с помощью изобретенного им аппарата, который он назвал «ВОЛШЕБНАЯ ЛИПУЧКА». Когда он говорил о своем изобретении, создавалось ощущение, что мысленным взором таким он его и видел, написанным большими буквами (может, и неоновыми). «ВОЛШЕБНАЯ ЛИПУЧКА» представляла собой березовую ветку с большим комком жевательной резинки на конце. В свободное время Фредди

(или Фрэнки) бродил по Дерри, заглядывая в водостоки и канализационные решетки. Иногда он видел деньги... по большей части центы, но случалось, десятицентовики и даже четвертаки (по какой-то причине, известной только ему, он называл их «причальными монстрами»). Заметив монету, Фрэнки-или-Фредди и «ВОЛШЕБНАЯ ЛИПУЧКА» брались за дело. Конец палки с комком жвачки всовывался в щель, и в самом скором времени монета оказывалась в кармане мальчика. Бен слышал разговоры о Фрэнки-или-Фредди и его липучке задолго до того, как мальчишка получил всеобщую известность, найдя тело Вероники Грогэн. «Он же жуткий грязнуля, – однажды, на игровой площадке, поведал ему Ричи Тозиер, худой, как щепка мальчишка. Он учился в том же пятом классе, что и Фредди-или-Фрэнки, и носил очки. Бен полагал, что без очков Тозиер видит никак не лучше мистера Мейгу⁸²: увеличенные глаза Ричи плавали за толстыми линзами очков с выражением вечного изумления. Еще он мог «похвастаться» огромными передними зубами, за которые получил прозвище Бобер. – Весь день сует палку со жвачкой на конце во все дыры, а по вечерам отлепляет жвачку от палки и жует ее».

– Господи, это же ужасно! – воскликнул Бен.

– Ты пгаф, ктолик, – ответил Тозиер и удалился.

Фрэнки-или-Фредди шуровал своей «ВОЛШЕБНОЙ ЛИПУЧКОЙ», которую просунул в щель канализационной решетки, по дну водостока, в полной уверенности, что нашел парик. Он рассчитывал вытащить его, высушить, а потом, возможно, подарить матери на день рождения или распорядиться им по-другому. После нескольких минут бесплодных усилий уже решил сдаться, когда из мутной воды на дне водостока вдруг выплыло лицо, лицо с прилипшими к белым щекам опавшими листьями и грязью в глазах.

Фредди-или-Фрэнки с криком побежал домой.

Вероника Грогэн училась в четвертом классе Церковной школы на Нейболт-стрит. Руководили школой люди, которых мать Бена называла «святошами». Девочку похоронили в ее десятый день рождения.

После этой трагедии как-то вечером Арлен Хэнском позвала сына в гостиную и села рядом с ним на диване. Взяла за руки, пристально всмотрелась в глаза. Бен не отводил взгляда, но чувствовал себя не в своей тарелке.

– Бен, ты дурак? – спросила она его.

– Нет, мама, – ответил Бен, ему еще больше стало не по себе. Он понятия не имел, что все это значит. И не мог вспомнить случая, чтобы его мама была такой серьезной.

– Нет, – эхом отозвалась она. – И я так думаю.

Она долго молчала, уже не глядя на Бена, а задумчиво уставясь в окно. Бен даже задался вопросом, уж не забыла ли она про него. Молодая женщина, всего тридцати двух лет, она воспитывала мальчика одна, и это давало о себе знать. Сорок часов в неделю она работала в прядильном цеху ткацкой фабрики в Ньюпорте, и после рабочих дней, когда в воздухе было особенно много прядильной пыли, иногда кашляла так долго и тяжело, что Бена охватывал страх. В такие вечера он долго лежал без сна, уставившись в темноту за окном спальни, и думал, что с ним будет, если она умрет. Он станет сиротой, и тогда или штат возьмет его на попечение (Бен думал, что в этом случае его отправят жить на какую-нибудь ферму, где будут заставлять работать от зари до зари), или его определят в сиротский приют Бангора. Он пытался убедить себя, что глупо об этом волноваться, быть такого не может, однако уговоры не помогали. Он волновался не только о себе; он волновался и о маме. Признавал, что мама его – женщина волевая, и обычно она настаивала на том, что считала правильным, но она была и хорошей мамой. Бен очень ее любил.

⁸² Куинси Мейгу (или просто мистер Мейгу) – персонаж мультфильмов, созданный в 1949 г. При всех его достоинствах, мистера Мейгу отличает сильная близорукость, что создает ему массу проблем, которые усугубляются его отказом признаваться в том, что он плохо видит.

– Ты знаешь об этих убийствах. – Наконец она вновь посмотрела на него.

Бен кивнул.

– Поначалу люди думали, что это... – она запнулась на слове, которое никогда не произносила в присутствии сына, но обстоятельства сложились необычные, и она пересилила себя, – ...сексуальные преступления. Может, так оно и есть, а может, и нет. Может, больше их не будет, а может, будут. Никто ни в чем не уверен, за исключением одного: какой-то безумец охотится здесь на маленьких детей. Ты меня понимаешь, Бен?

Он кивнул.

– И ты знаешь, что я имею в виду, когда говорю, что, возможно, это были сексуальные преступления?

Он не знал, во всяком случае точно, но опять кивнул. Но подумал, что умрет от смущения, если мать решила, что должна поговорить с ним о пестиках и тычинках, помимо того, с чего начался этот разговор.

– Я тревожусь из-за тебя, Бен. Мне кажется, я делаю для тебя не все, что могла бы.

Бен заерзал на диване, но ничего не сказал.

– Ты много времени проводишь один. Думаю, слишком много. Ты...

– Мама...

– Молчи, когда я говорю с тобой. – И Бен замолчал. – Ты должен быть осторожен, Бенни. Скоро лето, и я не хочу портить тебе каникулы, но ты должен быть осторожен. Я хочу, чтобы ты каждый день приходил домой к ужину. Когда мы ужинаем?

– В шесть вечера.

– С точностью до минуты! Поэтому слушай меня внимательно: если я накрою стол, налью тебе молока и увижу, что Бен не моет руки в раковине, я немедленно подойду к телефону и позвоню в полицию, чтобы сообщить, что ты пропал. Ты это понимаешь?

– Да, мама.

– И ты веришь, что я в точности все сделаю?

– Да.

– Возможно, выяснится, что звонила я понапрасну и делать этого не следовало. Мне кое-что известно о мальчиках. Я знаю, как в летние каникулы они увлекаются какими-то играми или занятиями. Скажем, прослеживают пчел до улья, играют в мяч, или в «пни банку»⁸³, или во что-то еще. Видишь ли, я достаточно хорошо представляю себе, чем могут заниматься ты и твои друзья.

Бен степенно кивнул, подумав, что ничего она о нем не знает, раз думает, что у него есть друзья. Но говорить этого он ей не собирался, никогда в жизни.

Она достала из кармана халата и протянула ему маленькую пластмассовую коробочку. Бен открыл ее, увидел, что внутри, и у него отвалилась челюсть.

– Ух ты! – восхищенно воскликнул он. – Спасибо!

В коробочке лежали часы «Таймекс», с серебряными числами на циферблате и ремешком из кожзаменителя. Мама выставила точное время и завела часы. Бен слышал, как они тикали.

– Ого! Круче не бывает! – Он крепко обнял мать и звонко чмокнул в щеку.

Она улыбнулась, радуясь тому, что он доволен подарком, и кивнула. Но тут же вновь стала серьезной.

– Надень часы, постоянно носи их, заводи, смотри на них, не теряй.

– Хорошо.

– Теперь, когда у тебя есть часы, у тебя нет причин не приходить домой вовремя. Помни, что я сказала: если ты задерживаешься, полиция начинает искать тебя по моей просьбе. По

⁸³ «Пни банку» – вариант игры в прятки. Если кто-то из не пойманных игроков бьет по установленной на открытом месте банке, остальные обретают свободу.

крайней мере до тех пор, пока они не поймают мерзавца, который убивает в городе детей, ты не должен задерживаться ни на минуту, или я тут же снимаю телефонную трубку.

– Да, мама.

– И вот что еще. Я не хочу, чтобы ты гулял один. Ты уже знаешь, что нельзя брать сладости у незнакомцев или садиться к ним в машину, чтобы тебя подвезли, мы оба считаем, что ты не дурак, и ты достаточно крупный мальчик для своего возраста, но взрослый мужчина, особенно не в своем уме, легко скрутит ребенка, если действительно этого захочет. Если идешь в парк или библиотеку, иди с кем-нибудь из друзей.

– Хорошо, мама.

Она снова посмотрела в окно и тревожно вздохнула.

– Это до чего ж мы докатимся, если такое будет продолжаться. Есть в этом городе что-то отвратительное. Я всегда это чувствовала. – Она повернулась к нему, сдвинула брови. – Ты такой бродяга, Бен. Должно быть, ты знаешь в Дерри все, так? Во всяком случае, городскую часть.

Бен не думал, что он знает весь город, но действительно, многое в городе было ему знакомо. И он пришел в такой восторг от столь неожиданного подарка – «Таймекса», что согласился бы с матерью, даже если бы она сказала, что Джону Уэйну следовало сыграть роль Адольфа Гитлера в музыкальной комедии о Второй мировой войне. Он кивнул.

– Ты никогда ничего такого не видел? – спросила она. – Ничего или никого... подозрительного? Необычного? Пугающего тебя?

Довольный часами, любя маму, радуясь, как и положено маленькому мальчику, ее заботе (которая одновременно немного пугала неприкрытым, неуправляемым пылом), Бен едва не рассказал ей о том, что произошло в прошлом январе.

Открыл рот, а потом что-то (наверное, интуиция) рот закрыло.

И что это все-таки было? Интуиция. Не больше... но и не меньше. Даже дети могут чувствовать, какая ответственность иной раз свойственна любви, и понять, что в некоторых случаях лучше не говорить всего, что знаешь. Отчасти Бен закрыл рот и по этой причине, но не только. Вторая причина уже не выглядела столь благородной. Она могла быть очень строгой, его мама. Могла показать себя боссом. Она никогда не называла его толстяком, только мальчиком крупным (иногда уточняла – «крупным для его возраста»), и если от ужина что-то оставалось, приносила ему тарелку, когда он смотрел телевизор или делал домашнее задание, и Бен все съедал, хотя где-то и ненавидел себя за это (но никогда – маму, за то, что она приносила тарелку; Бен Хэнском не решился бы ненавидеть свою маму; Господь, конечно же, убил бы его на месте, если бы он хоть на секунду ощутил это жестокое, неблагодарное чувство). Возможно, какая-то глубинная его часть... далекий Тибет глубинных мыслей Бена... подозревал мотивы этого постоянного подкармливания. Мама руководствовалась только любовью? Или чем-то еще? Конечно же, нет. Но... вопросы у него оставались. И, что более важно, она не знала, что у него нет друзей. Из-за этого пробела в ее знаниях он не мог доверять матери, не мог точно предугадать, какой будет ее реакция на его историю о случившемся в январе. Если вообще что-то случилось. Может, возвращаться к шести и проводить вечер дома не так уж и плохо. Он мог читать, смотреть телевизор,

(есть)

собирать что-нибудь из деревянного или металлического конструктора. Но сидеть дома с утра и до вечера... это очень плохо, а он опасался, что именно этим все и закончилось бы, расскажи он ей о том, что видел... или думал, что видел... в январе.

В общем, по разным причинам Бен попридержал эту историю.

– Нет, мама, – ответил он. – Только мистера Маккиббона, который рылся в чужом мусоре.

Его ответ рассмешил ее (она не любила мистера Маккиббона, который был не только республиканцем, но и «святошей»), и этот смех закрыл тему. В тот вечер Бен долго лежал без

сна, но не из-за мыслей о том, что может остаться сиротой в этом суровом мире. Он чувствовал, что его любят, и полагал себя в полной безопасности, лежа в кровати и глядя на лунный свет, который вливался в окно его спальни и расплескивался на одеяло и на пол. Бен подносил часы то к уху, чтобы послушать их тиканье, то к глазам, чтобы полюбоваться чуть светящимся циферблатом.

А когда наконец заснул, ему приснилось, что он играет с другими ребятами в бейсбол на стоянке за гаражом для грузовиков братьев Трекеров. Он как раз нанес удар, обеспечивающий круговую пробежку, размахнулся как надо и от души врезал по маленькому мячику, и другие игроки радостной толпой встретили его у «дома». Обнимали, хлопали по спине, подняли на плечи и понесли к тому месту, где лежали их вещи. Во сне он раздувался от гордости и счастья... а потом посмотрел за бейсбольное поле, туда, где проволочный забор отделял укатанный шлак площадки от заросшего сорняками склона, который спускался к Пустоши. Среди сорняков и кустов стояла фигура, далеко, чуть ли не на пределе видимости. В одной руке в белой перчатке держала связку шариков – красных, желтых, синих, зеленых. Другой призывно манила к себе. Бен не мог разглядеть лица фигуры, но видел мешковатый костюм с большими оранжевыми пуговицами-помпонами спереди и желтым галстуком-бабочкой.

Клоун.

«Ты пгаф, кголик», – согласился фантомный голос.

Проснувшись утром, Бен полностью забыл про сон, но обнаружил, что подушка на ощупь влажная... словно ночью он плакал.

7

Он направился к главной стойке детской библиотеки, освобождаясь от мыслей о комендантском часе с той же легкостью, с какой собака стряхивает с себя воду после купания.

– Привет, Бенни, – поздоровалась с ним миссис Старрет. Как и миссис Дуглас в школе, она искренне любила таких детей, как Бен. Взрослые, особенно те, кому по роду деятельности приходится призывать к порядку детей, по большей части любили Бена, мальчика вежливого, не повышающего голос, думающего, иной раз очень даже остроумного, а главное, спокойного. По этим самым причинам большинство детей его как раз и не жаловали. – Еще не устал от летних каникул?

Бен улыбнулся. Миссис Старрет всегда так шутила.

– Еще нет, потому что с начала летних каникул прошло... – он посмотрел на часы, – ... один час и семнадцать минут. Дайте мне еще час.

Миссис Старрет рассмеялась, прикрывая рот ладонью, чтобы не сильно нарушать тишину. Спросила Бена, не хочет ли тот принять участие в летней программе чтения, и Бен ответил, что хочет. Она выдала ему карту Соединенных Штатов, Бен сказал спасибо и принялся бродить среди книг – брал то одну, то другую, пролистывал, ставил на место. Он знал, какое серьезное это дело – выбор книг в детской библиотеке. Приходилось проявлять максимум осмотрительности. Это взрослый мог брать любое количество книг, а ребенок – только три. И если ты выбирал плохую книгу, то сам же от этого и страдал.

Наконец он сделал выбор: «Бульдозер», «Черный скакун» и еще одна, которую в каком-то смысле взял наобум. Называлась она «Лихач». Написал ее Генри Грегор Фелсен.

– Эта книга тебе, возможно, не понравится, – указала миссис Старрет, ставя штамп в книгу. – Очень уж она кровавая. Я предлагаю ее подросткам, особенно тем, кто только что получил водительское удостоверение, потому что она дает им повод для раздумий. Могу даже предположить, что после прочтения этой книги они с неделю не превышают разрешенной скорости.

– Ладно, сейчас загляну в нее, – ответил Бен и понес книги к одному из столиков, подальше от Пуховой опушки, где сейчас отвешивали двойную порцию тумачков троллю, живущему под мостом.

Какое-то время он читал «Лихача», и оказалось, что книга не очень-то плохая, можно сказать, просто хорошая. В ней рассказывалось о подростке, который действительно отлично водил автомобиль, но один зануда-коп постоянно пытался заставить его ездить медленнее. Бен узнал, что в Айове, где разворачивалось действие книги, нет ограничений скорости. Подумал, что это клево.

Прочитав три главы, он оторвался от книги и увидел новенький выставочный стенд. В верхней части стенда красовался плакат (в этой библиотеке плакаты обожали, всё так), на котором счастливый почтальон вручал письмо счастливому ребенку. «В БИБЛИОТЕКАХ МОЖНО И ПИСАТЬ, – гласила надпись на плакате. – ПОЧЕМУ БЫ НЕ НАПИСАТЬ ДРУГУ ПРЯМО СЕЙЧАС? УЛЫБКИ ГАРАНТИРОВАНЫ!»

Под плакатом в специальных ячейках лежали открытки с марками, конверты с марками, писчая бумага с изображением библиотеки Дерри на каждом листке, на самом верху, синими чернилами. Конверт с маркой стоил пять центов, открытка – три, два листка писчей бумаги – один.

Бен сунул руку в карман. В нем по-прежнему лежали четыре цента, оставшиеся от бутылочных денег. Он заложил страницу в «Лихаче» и прошел к стойке.

– Могу я взять одну открытку? – спросил он.

– Разумеется, Бен. – Как и всегда, его степенная вежливость очаровывала миссис Старрет, а габариты чуть огорчали. Как сказала бы ее мать, этот мальчик роет себе могилу ножом и вилкой. Она дала ему открытку и наблюдала, как он возвращается к своему месту. За столом могло сидеть шестеро, но Бен был один. Она никогда не видела его с другими мальчиками. И сожалела об этом, потому что верила, что в душе Бена Хэнкома хранились несметные сокровища. И он с радостью отдал бы их доброму и терпеливому старателю... если бы таковой появился.

8

Бен достал шариковую ручку, нажал на кнопку и написал на открытке адрес: «Мисс Беверли Марш, Нижняя Главная улица, Дерри, штат Мэн, США, Зона 2». Он не знал номера дома, но мама говорила ему, что большинство почтальонов, даже короткое время поработав на своем участке, прекрасно помнят, где кто живет. И если почтальон, обслуживающий Нижнюю Главную улицу, сможет доставить открытку адресату, это будет хорошо. Если не сможет, она просто вернется на почту, а он останется без трех центов. К нему эта открытка никак вернуться не могла, потому что он не собирался писать на ней ни своих имени и фамилии, ни адреса.

Неся открытку адресом вниз (не хотел рисковать, хотя не видел в библиотеке никого из знакомых), он подошел к деревянному ящику, стоявшему у бюро с библиотечными формулярами, и взял несколько полосок бумаги. Вернулся к столу и начал писать текст открытки, зачеркивать написанное, снова писать.

В последнюю до экзаменов неделю учебы на уроках литературы они читали и писали хайку. Хайку – жанр японской поэзии, короткая, строгая форма, всего три строчки. В хайку, говорила миссис Дуглас, может быть только семнадцать слогов, не больше, не меньше. Хайку обычно концентрируется на одном четком образе, который связан с одним конкретным чувством: грустью, радостью, ностальгией, счастьем... любовью.

Бена буквально зачаровала сама идея. Уроки литературы ему нравились, но особого восхищения он не испытывал. Делал все, что полагалось делать на этих уроках, но материал, который они проходили, чаще всего его не захватывал. Что-то в самой идее хайку разожгло его

воображение. Только от идеи он ощутил себя счастливым, как уже случилось, когда миссис Старрет объяснила ему, что такое парниковый эффект. Бен чувствовал: хайку – хорошая поэзия, потому что это структурированная поэзия. Не было в хайку никаких тайных законов. Семнадцать слогов, один образ, связанный с одной эмоцией, ничего больше. Бинго. Все понятно, все практично. Стихотворение замыкается в своих рамках и зависит только от своих законов. Ему понравилось даже само слово, оно как бы ломалось посередине: хай-ку.

Ее волосы, подумал Бен, и увидел, как они колышутся у нее на плечах, когда она спускается по школьным ступеням. И блестели волосы не от падающих на них лучей солнца – они словно светились изнутри.

Он трудился двадцать минут (с одним перерывом – пришлось сходить за новыми полосками бумаги), вычеркивая слишком длинные слова. Итог получился следующим:

Волосы твои —
Жаркие угли зимой.
Хочу в них сгореть⁸⁴.

Он понимал, что это не шедевр, но ничего лучшего придумать не смог. Боялся, что если сочинять будет слишком долго, а волноваться слишком много, то разнервничается, и получится у него что-то гораздо худшее. Или ничего не получится. Этого ему не хотелось. Тот миг, когда она заговорила с ним, стал для Бена знаменательным. Он хотел, чтобы этот день как-то запечатлелся в памяти. Наверное, Беверли втюрилась в какого-нибудь парня, старше его, шестиклассника, может и семиклассника, и подумает, что хайку послал ей именно он. Мысль эта сделает Бев счастливой, так что этот день запечатлется и в ее памяти. И хотя она никогда не узнает, что написал хайку Бен Хэнском, это не важно; он-то знал.

Законченное хайку он переписал на оборотную сторону открытки (печатными буквами, словно требование о выкупе, а не любовное стихотворение), нажал на кнопку, убрал ручку в карман, сунул открытку под обложку «Лихача».

Поднялся, по пути к двери попрощался с миссис Старрет.

– До свиданья, Бен, – ответила ему миссис Старрет. – Наслаждайся летними каникулами, но не забывай про комендантский час.

– Не забуду.

Он прошел стеклянным коридором между двумя зданиями библиотеки, наслаждаясь теплом (парниковый эффект, самодовольно подумал он), попал в прохладу взрослой библиотеки. Какой-то старик читал «Ньюс», удобно устроившись в одном из больших кресел, которые стояли в нише, отведенной под зал периодики. Заголовок под названием газеты кричал: «ДАЛЛЕС⁸⁵ ТРЕБУЕТ ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ НАПРАВИТЬ ВОЙСКА США В ЛИВАН». На первой полосе разместили также фотографию Айка, пожимающего руку какому-то арабу в Розовом саду. Мама говорила Бену, что ситуация, возможно, изменится к лучшему, если в 1960 году президентом выберут Губерта Хампфри⁸⁶. Бен смутно помнил, что сейчас в стране экономический спад и его мама боялась, что ее могут уволить.

В нижней половине первой полосы нашлось место заголовку поменьше: «ПОЛИЦЕЙСКАЯ ОХОТА НА ПСИХОПАТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ».

Бен толкнул створку большой стеклянной двери библиотеки и вышел на улицу. Почтовый ящик висел на стойке у пересечения пешеходной дорожки с тротуаром. Бен достал открытку из

⁸⁴ Перевод Марины Лариной.

⁸⁵ Даллес, Джон Фостер (1888–1959) – американский государственный деятель, занимавший пост государственного секретаря при президенте Эйзенхауэре.

⁸⁶ Хампфри, Губерт Горадио (1911–1978) – американский политический деятель. В то время сенатор-демократ от Миннесоты. Стал вице-президентом при Линдоне Джонсоне. В 1968 г. проиграл президентские выборы Ричарду Никсону.

книги, бросил в щель почтового ящика. Почувствовал, как сердце ускорило бег, когда открытка выскальзывала из его пальцев. «А если она как-то узнает, что написал хайку я?»

«Не будь дураком», – ответил он себе, чуть встревоженный тем, как взволновала его эта идея.

Он зашагал по Канзас-стрит, едва понимая, что делает, да и не обращая на это никакого внимания. Его занимало совсем другое. Он представлял себе, как Беверли Марш подходит к нему, ее серо-голубые глаза широко раскрыты, рыжие волосы забраны в конский хвост. «Я хочу задать тебе вопрос, Бен, – обратилась к нему эта воображаемая девочка, – и ты должен поклясться, что ответишь честно. – В руке она держала открытку. – Это написал ты?»

Такая жуткая нарисовалась в его голове картина. Такая прекрасная картина. Он хотел, чтобы она стерлась. Он не хотел, чтобы она стиралась. Его лицо вновь начало гореть.

Бен шел и грезил, перекидывая библиотечные книги с одной руки на другую, а потом начал насвистывать. «Ты, наверное, подумаешь, что я ужасная, – продолжила Беверли, – но, кажется, я хочу тебя поцеловать», – и ее губы чуть разошлись.

А у Бена губы вдруг так пересохли, что свистеть он больше не мог.

– Кажется, я хочу, чтобы ты поцеловала, – прошептал он, и улыбнулся широченной, беззаботной, абсолютно прекрасной улыбкой.

Если бы он в этот момент смотрел на тротуар, то увидел бы три тени, которые вырастали рядом с его; если бы он слушал, то до его ушей долетело бы цоканье шипов сапог Виктора, которое становилось все громче с приближением Виктора, Рыгала и Генри. Но Бен ничего не видел и не слышал. Бен был далеко-далеко, чувствуя, как губы Беверли касаются его рта, поднимая застенчивые руки, чтобы прикоснуться к ирландскому пламени ее волос.

9

Как и многие города, большие и малые, Дерри застраивался не по плану – он просто рос. Городские проектировщики никогда не разместили бы его там, где он в результате оказался. Центр Дерри расположился в долине, образованной рекой Кендускиг, которая протекала через деловой район с юго-запада на северо-восток. Остальные районы расплозились по склонам окружающих холмов.

Долина, которую облюбовали первые поселенцы, густо поросла лесом, хватало в ней и болот. Реки Пенобскот и Кендускиг радовали торговцев, но огорчали тех, кто распахивал поля и строил дома слишком близко к ним, особенно к Кендускигу, потому что эта река разливалась каждые три или четыре года. И угроза наводнений по-прежнему нависала над городом, несмотря на огромные деньги, потраченные в последние пятьдесят лет на ее нейтрализацию. Если бы причиной наводнений служила только сама река, этот вопрос решался бы постройкой системы дамб, но немалое значение имели и другие факторы. Скажем, низкие берега Кендускига. Или водосток с окружающей территории. В двадцатом столетии Дерри пережил много больших наводнений и одно катастрофическое, в 1931 году. Усугубляли ситуацию и многочисленные маленькие речушки, протекающие по холмам, на которых раскинулся Дерри – одной из них была Торро, в которой нашли тело Черил Ламоники. Если сильные дожди затягивались, все они выходили из берегов. «Если дождь идет две недели, весь этот чертов город подхватывает насморк», – как-то сказал отец Заики Билла.

В центре города Кендускиг взяли в бетонные берега канала, длина которого составила две мили. Этот канал нырял под Главную улицу там, где она пересекалась с Канальной, и река где-то с полмили текла под землей, прежде чем вновь выйти на поверхность в Бэсси-парк. Канальная улица, на которой словно заключенные на поверке выстроилось большинство баров Дерри, тянулась параллельно Каналу к выходу из города, и каждые несколько недель полицейским приходилось выуживать автомобиль какого-нибудь пьяницы из воды, загрязненной сверх

всякой меры канализационными и сточными водами. Время от времени в Канале ловили рыбу, но только несъедобных мутантов.

В северо-восточной части города, в той части, где находился Канал, реку до какой-то степени удавалось удерживать под контролем. Вдоль нее располагались процветающие промышленные предприятия, несмотря на угрозу наводнений. Люди прогуливались вдоль Канала, иногда рука об руку (если ветер дул, откуда надо; если с противоположной стороны, то вонь начисто лишала эти прогулки романтики), и в Бэсси-парк, который отделялся Каналом от средней школы. Там иногда проводили сборы бойскаутов, а «волчата»⁸⁷ жарили на костре сосиски. В 1969 году горожане, к полному своему изумлению и ужасу, обнаружили, что хиппи (один из них нашел американский флаг на сиденье своих штанов, но этого красного педика в два счета вышибли из города) курят там травку и торгуют «колесами». К 1969 году Бэсси-парк превратился в аптеку под открытым небом. «Вот увидите, – предупреждали люди, – пока кто-то не умрет, они с этим не покончат». И разумеется, кто-то таки умер – семнадцатилетнего парня нашли мертвым в Канале, с почти чистым героином в венах. Такой героин молодежь называла белым гвоздем. После этого наркоманы начали покидать Бэсси-парк, и пошли рассказы о том, что в парке появился призрак этого парнишки. Глупые, конечно, истории, но если из-за них любители закинуться, обкуриться и ширнуться перебрались в другие места, тогда, по меньшей мере, это были полезные глупые истории.

В юго-западной части города река представляла собой более серьезную проблему. Здесь холмы сильно пострадали еще при движении великого ледника, и положение усугублялась продолжающейся водной эрозией, причиной которой служили Кендускиг и его многочисленные притоки.

Во многих местах скальное основание выпирало на поверхность, как наполовину вылезшие из земли кости динозавров. Ветераны департамента общественных работ Дерри знали, что после первого крепкого осеннего мороза их ждет ремонт многих и многих тротуаров в юго-западной части города. Бетон при морозе становился хрупким, а потом скальное основание неожиданно начинало выпирать сквозь него, словно земля хотела снести яйцо.

Эта скудная почва могла прийтись по душе только самым неприхотливым растениям с неглубокой корневой системой, которые сеялись сами по себе, другими словами, сорнякам, редким низкорослым деревьям, густому низкому кустарнику и ползучей дряни вроде ядовитого плюща и сумаха, которые росли везде, где им удавалось пустить корни. Именно на юго-западе земля резко уходила вниз к территории, известной в Дерри как Пустошь. Пустошью (хотя там как раз все заросло) называли неухоженный участок земли шириной в полторы и длиной в три мили. С одной стороны его ограничивала верхняя часть Канзас-стрит, с другой – Олд-Кейп, жилой район для малоимущих. С канализацией там было так плохо, что по городу постоянно ходили истории о лопающихся трубах и вытекающих нечистотах.

Кендускиг протекал посреди Пустоши. Город рос с северо-востока от нее и по обе стороны, но близкое соседство с Дерри в самой Пустоши выдавали только насосная станция № 3 (муниципальная станция по перекачке сточных вод) и свалка. С высоты птичьего полета Пустошь выглядела большим зеленым кинжалом, нацеленным в центр города.

Для Бена вся эта география с геологией означала одно, да и в тот момент он не отдавал себе в этом отчета: по правую его руку домов больше нет, а земля резко уходит вниз. Хлипкий побеленный поручень огораживал тротуар на уровне пояса, номинально защищая прохожих от случайного падения. До Бена доносился шум бегущей воды – звуковой фон к фантазии, из которой он никак не мог выйти.

Он остановился и посмотрел на Пустошь, все еще представляя себе глаза Беверли, чистый запах ее волос.

⁸⁷ «Волчата» – младшая группа скаутов, 8—10 лет.

Кендускиг лишь в нескольких местах проглядывал сквозь густую листву. Некоторые мальчишки рассказывали, что в это время года внизу водятся комары размером с воробья; другие говорили о зыбучих песках, преграждающих дорогу к реке. В комаров Бен не верил, но зыбучие пески его пугали.

Чуть левее он видел стаю кружащих в воздухе и ныряющих вниз чаек: там находилась свалка. Он слышал их далекие крики. На другой стороне Пустоши виднелись Дерри-Хайтс и низкие крыши домов Олд-Кейп, подступавших к ней. Справа от Олд-Кейп, нацелившись в небо белым широким пальцем, высилась Водонапорная башня Дерри. Прямо под Беном из земли торчал конец ржавой дренажной трубы. Бесцветная вода узкой струйкой лилась на склон, и этот ручеек быстро терялся из виду среди густой растительности.

Милая сердцу фантазия с Беверли внезапно сменилась другой, куда более мрачной: а вдруг из дренажной трубы высунется рука мертвеца, в эту самую секунду, у него на глазах? И допустим, повернувшись в поисках телефонного автомата, чтобы позвонить в полицию, он увидит стоящего перед ним клоуна? Смешного клоуна в мешковатом костюме с большими оранжевыми пуговицами-помпонами? Допустим...

Рука легла на плечо Бена, и он закричал.

Раздался смех. Бен развернулся, прижавшись спиной к поручню, отделявшему безопасный, цивилизованный тротуар Канзас-стрит от дикой необузданности Пустоши (поручень явственно закрипел), и увидел стоящих перед ним Генри Бауэrsa, Рыгало Хаггинса и Виктора Крисса.

– Здорово, Сисястый, – сказал Генри.

– Что тебе нужно? – спросил Бен, пытаясь продемонстрировать мужество.

– Я хочу тебя избить, – ответил Генри. Серьезно так, раздумчиво. Но глаза его возбужденно сверкали. – Должен тебя кое-чему научить, Сисястый. Ты же возражать не будешь. Тебе нравится узнавать новое, так?

Он потянулся к Бену. Тот отпрянул.

– Держите его, парни.

Рыгало и Виктор схватили Бена за руки. Он заверещал. Трусливо и малодушно, по-кроличьи, но ничего не мог с собой поделать. *«Пожалуйста, Господи, не дай им заставить меня плакать и не дай им разбить мои новые часы»*, – мысленно взмолился Бен. Он не знал, разобьют они его часы или нет, но не сомневался, что до слез дело дойдет. Не сомневался, что плакать ему придется много, прежде чем они от него отстанут.

– Да он визжит, как свинья. – Виктор вывернул Бену руку. – Правда, он визжит, как свинья?

– Точно, визжит, – хохотнул Рыгало.

Бен дернулся в одну сторону, в другую: Рыгало и Виктор позволяли ему дергаться, а потом рывком возвращали на прежнее место.

Генри схватился за подол широкого свитера Бена и вздернул вверх, открывая живот. Он нависал над ремнем, как раздутый пузырь.

– Вы только посмотрите на это брюхо! – В голосе Генри слышались зачарованность и отвращение. – Господи-помилуй-нас!

Виктор и Рыгало расхохотались. Бен лихорадочно завертел головой, в надежде увидеть кого-либо, кто сможет прийти ему на помощь. Он никого не увидел. За спиной, в Пустоши, стрекотали цикады и кричали чайки.

– Отстаньте от меня! – Он еще не лепетал, но дело к этому шло. – Лучше отстаньте!

– Или что? – спросил Генри, с таким видом, будто его это действительно интересовало. – Или что, Сисястый? Или что, а?

Бен внезапно подумал о Бродерике Кроуфорде, который играл Дэна Мэтьюса в «Дорожном патруле». Этот парень не позволял застать себя врасплох, ни перед кем не прогибался,

никому не давал спуска... и Бен разрыдался. Дэн Мэтьюс проломил бы ими поручень, они покатались бы у него вниз по склону, в колючие кусты, и проделал бы все это своим животом.

– Ой, смотрите, малыш пустил слезу. – Виктор загоготал. Рыгало тоже. Генри чуть улыбнулся, но серьезность, раздумчивость по-прежнему отражались на его лице... и к ним вроде бы подмешивалась грусть. Бена это напугало. Он предположил, что одними кулаками дело не ограничится.

И словно подтверждая его мысль, Генри сунул руку в карман и достал складной нож.

Ужас придал Бену сил. Если раньше он дергался из стороны в сторону, то теперь неожиданно рванулся вперед. И на мгновение поверил, что сможет вырваться. Он обильно потел, так что руки сделались скользкими, и его держали не так уж крепко. Рыгало сумел удержать его правое запястье, а от Виктора он полностью освободился. Еще рывок...

Но он не успел. Генри шагнул вперед и сильно его толкнул. Бен отлетел на поручень, который на этот раз затрещал куда громче. А Виктор и Рыгало вновь схватили его.

– Держите крепко, – приказал им Генри. – Слышите меня?

– Не бойсь, Генри, – ответил Рыгало. В голосе слышалась какая-то скованность. – Он не убежит. Не волнуйся.

Генри надвинулся на Бена так, что его плоский живот уперся в брюхо толстяка. Бен неотрывно смотрел на него, слезы текли из широко раскрытых глаз. «Меня поймали! Поймали! – кричала какая-то часть его разума. Он пытался заставить ее замолчать, не мог думать под эти внутренние крики, но куда там. – Поймали! Поймали! Поймали!»

Генри раскрыл нож с широким, длинным лезвием. Бен увидел, что на лезвии выгравирована фамилия хозяина. Острие блеснуло в лучах яркого солнца.

– Сейчас я устрою тебе экзамен, – заговорил Генри все тем же раздумчивым голосом. – Время пришло, Сисястый, так что готовься.

Бен плакал. Сердце бешено колотилось. Сопли текли из носа и собирались на верхней губе. Его библиотечные книги лежали у ног. Генри наступил на «Бульдозер», глянул вниз, а потом отбросил в канаву боковым движением черного саперного сапога.

– Итак, первый вопрос твоего экзамена, Сисястый. Если кто-нибудь скажет «Дай списать» во время годовой контрольной, что ты ответишь?

– Да! – без запинки воскликнул Бен. – Я отвечу «да»! Конечно! Хорошо! Списывай, что хочешь!

Острие ножа продвинулось вперед на два дюйма и ткнулось Бену в живот. Холодное, как ванночка с кубиками льда, которую только что достали из морозильника. Бен отпрянул. На мгновение мир поблек. Губы Генри двигались, но Бен не мог разобрать ни слова. Генри говорил, как телевизор с выключенным звуком, и все вокруг начало вращаться... вращаться...

«Не смей грохнуть в обморок! – завопил панический голос. – Если грохнешься, он так разъярится, что может убить тебя!»

Мир вновь сфокусировался. Бен увидел, что и Виктор, и Рыгало перестали смеяться. Вроде бы занервничали... почти испугались. На Бена это подействовало, как прочищающая мозги затрещина. Он понял: они не знают, что может сделать Генри, как далеко может зайти. *«Каким бы ужасным тебе это ни казалось, и пусть на самом деле все ужасно... может, даже еще немного ужаснее, ты должен думать, – сказал он себе. – Если ты никогда не думал раньше и не будешь думать потом, сейчас тебе лучше подумать. Его глаза говорят о том, что нервничают они не зря. Его глаза говорят о том, что он чокнутый».*

– Неправильный ответ, Сисястый, – услышал он голос Генри. – Если кто-нибудь скажет тебе «Дай списать», мне по фигу, что ты сделаешь. Дошло?

– Да. – Живот Бена сотрясался от рыданий. – Да, дошло.

– Что ж, хорошо. Первый ответ – неправильный, но главные вопросы еще впереди. Ты готов к главным вопросам?

– Я... наверное.

К ним медленно приближался автомобиль. Запыленный «форд» модели 1951 года, на переднем сиденье сидели старик и старуха, словно пара всеми забытых манекенов из универмага. Бен увидел, как голова старика медленно повернулась к нему. Генри подступил к Бену, пряча нож, и Бен почувствовал, как острие уперлось ему в живот чуть повыше пупка. По-прежнему холодное. Он не понимал, как такое может быть, но чувствовал идущий от острия холод.

– Давай кричи, – предложил Генри. – Потом тебе придется собирать твои гребаные кишки с кроссоков. – Они сблизилась на расстояние поцелуя. Бен чувствовал сладкий запах «Джуси фрукт» в дыхании Генри.

Автомобиль поравнялся с ними и покотился дальше по Канзас-стрит, медленно и важно, словно платформа на Параде роз.

– Хорошо, Сисястый, теперь второй вопрос. Если я скажу «Дай списать» во время годовой контрольной, что ты ответишь?

– Да. Я отвечу «да». Сразу же.

Генри улыбнулся:

– Это хорошо. Ты ответил правильно, Сисястый. А теперь третий вопрос. Я хочу быть уверенным, что ты этого не забудешь. Как это сделать?

– Я... я не знаю, – прошептал Бен.

Генри улыбнулся. Так радостно, что лицо его на мгновение стало чуть ли не красивым.

– Я знаю! – воскликнул он, словно ему открылась великая истина. – Я знаю, Сисястый! Я вырежу свое имя на твоём толстом брюхе!

Виктор и Рыгало тут же загоготали. На мгновение Бен почувствовал безмерное облегчение, подумав, что это всего лишь выдумка... такая шутка, которую придумали эти трое, чтобы до смерти напугать его, и Бен внезапно понял, почему смеются Виктор и Рыгало – тоже от облегчения. Очевидно, они оба думали, что Генри шутит. Да только Генри не шутил.

Нож заскользил вверх, легко, словно резал масло. Оставляя за собой на белой коже Бена ярко-алую полосу крови.

– Эй! – крикнул Виктор. Сдавленно, словно ему перехватило горло.

– Держите его! – рявкнул Генри. – Просто держите, слышите меня! – Теперь на его лице не отражалось ни серьезности, ни раздумчивости; теперь Бен видел перед собой перекошенное лицо дьявола.

– Генри, ё-мое, не переборщи! – крикнул Рыгало, голос его вдруг стал высоким, прямо как у девушки.

Все тогда случилось очень быстро, но Бену Хэнскому казалось, что это происходит, как в замедленной съемке; происходит отдельными стоп-кадрами, как в фотоочерке, какие публиковали в журнале «Лайф». Паника ушла. Внутри Бена неожиданно обнаружилось нечто отличное от паники, а поскольку этому нечто паника ну никак не требовалась, оно ее просто сожрало. Целиком.

В первом стоп-кадре Генри задрал его свитер до сосков. Кровь текла из узкого вертикального разреза повыше пупка.

Во втором стоп-кадре Генри вновь опустил нож вниз, действуя быстро, как обезумевший батальонный хирург под бомбардировкой. Кровь потекла из второго разреза.

«Назад, – хладнокровно думал Бен, наблюдая, как кровь течет вниз и набирается между поясом джинсов и кожей. – Я должен податься назад. Это единственное направление, которое открыто для меня». Рыгало и Виктор более не держали его. Несмотря на приказ Генри, они попятились в стороны. Попятились в ужасе. Но если бы он побежал, Бауэрс поймал бы его.

В третьем стоп-кадре Генри соединил два вертикальных разреза коротким горизонтальным. Бен уже чувствовал, как кровь течет ему в трусы, липким улиточным следом проползает на левое бедро.

Генри на мгновение отступил, сосредоточенно хмурясь, как художник, рисующий пейзаж. «После «Н» идет «Е»⁸⁸, – подумал Бен, и этой мысли хватило, чтобы перейти к действиям. Он качнулся вперед, Генри тут же ткнул его в грудь, и Бен оттолкнулся ногами, добавив собственное ускорение к полученному от Генри. Привалился спиной к побеленному поручню между Канзас-Сити и Пустошью. И в тот самый момент, когда спина вошла в соприкосновение с поручнем, поднял правую ногу и ударил подошвой в живот Генри. Нет, не совершил акт возмездия, просто хотел с еще большей силой надавить на поручень. И однако, когда увидел отразившееся на лице Генри полнейшее изумление, его охватила дикая радость – и чувство это было настолько сильным, что на долю секунды он испугался, а не разлетится ли у него голова.

Потом раздался треск ломающегося поручня. Бен увидел, как Виктор и Рыгало подхватили Генри до того, как тот плюхнулся на задницу в канаву, рядом с разодранным «Бульдозером», а в следующее мгновение уже падал назад, в пустоту. С криком, в котором звучал смех.

Бен приземлился на склон спиной и ягодицами чуть ниже среза дренажной трубы, которую заметил раньше. Ему повезло, что он приземлился ниже. Если б угодил на трубу, мог бы сломать позвоночник. А так приземлился на толстую подушку из сорняков и папоротника-орляка и практически не почувствовал удара. Сделал кувырок назад. Ноги перелетели через голову. Он сел и в таком положении заскользил вниз по склону спиной вперед, как ребенок с большой зеленой горки, с каких съезжают в бассейн. Свитер задрался к шее. Руки пытались за что-то ухватиться, но только выдергивали папоротник и пырей.

Он видел, что вершина склона (уже казалось невероятным, что совсем недавно он там стоял) удаляется с безумной, как в мультфильмах, скоростью. Он видел Виктора и Рыгало (их лица напоминали большие белые буквы «О»), которые смотрели на него сверху вниз. Он успел погоревать о библиотечных книгах. А потом со страшной силой обо что-то ударился и чуть не откусил себе язык.

Спуск Бена по склону прервало упавшее дерево, и врезался он в него с такой силой, что едва не сломал левую ногу. Отполз чуть выше, со стоном высвободил ногу. Дерево остановило его на полпути вниз. Ниже росли густые кусты. Вода, льющаяся из дренажной трубы, тонкими струйками текла по его рукам.

Сверху послышался крик. Бен посмотрел на вершину склона и увидел прыгающего вниз Генри Бауэрса, с зажатым в зубах ножом. Он приземлился на обе ноги, откинулся назад, чтобы сохранить равновесие. Сначала заскользил по склону, а потом продолжил спуск неуклюжими прыжками а-ля кенгуру.

– Я ебя ую, Исый! – кричал Генри с ножом во рту, и Бену не требовался переводчик из ООН, чтобы понять фразу: «Я тебя убью, Сисястый». – Я ебя ую-ю-ю!

И теперь, с генеральским хладнокровием, которое он обнаружил в себе еще на тротуаре, Бен знал, что должен делать. Ему удалось подняться на ноги аккурат перед тем, как Генри добрался до него, с ножом уже в руке, выставленным вперед, как штык. Периферийным зрением Бен видел, что левая штанина его джинсов порвана, а левая нога кровоточит сильнее, чем живот, – но он мог на ней стоять, а это означало, что она не сломана. Во всяком случае, он надеялся, что не сломана.

Бен чуть согнул ноги, чтобы не потерять и без того неустойчивое равновесие, и когда Генри потянулся к нему одной рукой, собираясь схватить, а вторую, с ножом, занес по широкой дуге, Бен отступил в сторону. Равновесие он потерял, но, падая, выставил вперед левую, травмированную ногу. Голени Генри ударили по ней, и как же быстро земля ушла у него из-под ног. На мгновение у Бена даже отвисла челюсть, ужас уступил место благоговейному трепету и восхищению. Генри Бауэрс пролетел над упавшим деревом, как Супермен. Руки он вытя-

⁸⁸ Бауэрс вырезает свое имя на английском – Henry.

нул вперед, совсем как Джордж Ривз⁸⁹ в том телешоу. Только Джордж Ривз летал так же естественно, как принимал ванну или ел ленч на заднем крыльце. Генри же выглядел так, словно кто-то загнал ему в очко раскаленную кочергу. Рот его открывался и закрывался. Из одного уголка рта выплеснулись капельки слюны, и на глазах Бена обрызгали мочку уха.

А потом Генри врезался в землю. Нож вылетел из руки, сам Генри перевернулся через плечо на спину и заскользил в кусты, ноги его раскинулись, образовав букву «V». Крик. Удар. Тишина.

Ошеломленный, Бен сел, глядя на то место в кустах, где исчез Генри. Внезапно вокруг запрыгали камни и голыши. Он поднял голову. Виктор и Рыгало спускались по склону. С большей осторожностью, чем Генри, а потому медленнее, но могли добраться до него через тридцать секунд, может, и раньше, останься он на месте. Неужели это безумие еще не закончилось?

Поглядывая на них, Бен перебрался через упавшее дерево и, тяжело дыша, начал спускаться. В боку колело. Ужасно болел язык. Кусты доходили Бену до головы. В нос бил резкий запах зелени, растущей, как ей того хотелось. Он слышал, что где-то поблизости бежит вода, переливаясь через камни и струясь между ними.

Он поскользнулся, вновь упал, продолжил спуск, перекатываясь и скользя, ударился тыльной стороной ладони о торчащий из земли камень, шипы вырывали клоки ткани из его свитера и кусочки кожи с рук и щек.

Спуск его резко прекратился, он сел, увидел, что ноги в воде. Ручей в этом месте делался извилистым, перед тем как скрыться в густой рощице по правую от Бена руку. Под деревьями было темно, как в пещере. Бен посмотрел налево и увидел Генри Бауэрса, лежащего на спине посреди ручья. В полуоткрытых глазах виднелись только белки. Из одного уха вытекала кровь и тоненькими ниточками змеилась по воде в сторону Бена.

«Боже мой, я его убил! Боже мой, я убийца! Боже мой!»

Забыв про Рыгало и Виктора (а может, понимая, что желание отметить его у них пропадет, как только они увидят, что их Бесстрашный лидер⁹⁰ мертв), Бен прошлепал двадцать футов вверх по ручью к тому месту, где лежал Генри в разорванной в клочья рубашке, в намокших, потемневших джинсах, потеряв один сапог. Смутно Бен понимал, что и от его одежды мало что уцелело, а все тело в ссадинах и гудит от боли. Хуже всего дело обстояло с левой лодыжкой. Она уже раздулась и распирала промокший кед, не могла служить ему как должно, и шел он вперевалочку, будто матрос, ступивший на землю после долгого плавания.

Он наклонился над Генри Бауэрсом. Глаза Генри широко раскрылись. Он схватил Бена за икру поцарапанной и окровавленной рукой. Губы двигались, и с них слетали только свистящие хрипы, но Бен все равно понимал, что говорит Генри: «Убью тебя, жирный говнюк».

Генри пытался подняться, используя ногу Бена, как опору. Бен испуганно отдернул ногу, рука Генри начала соскальзывать, отцепилась. Бен подался назад, замахал руками, но плюхнулся на задницу в третий раз за последние четыре минуты, поставив, наверное, рекорд. И вновь прикусил язык. Вода обтекала его. На мгновение перед глазами у него замерцала радуга. Бен плевать хотел на радугу. Наплевал бы и на горшочек с золотом⁹¹. Он всего лишь хотел сохранить свою жалкую толстячью жизнь.

Генри перекатился на живот. Попытался встать. Упал. Поднялся на руки и колени. Наконец, встал. Сверлил Бена злобными черными глазами. Волосы торчали в разные стороны, словно кукурузные стебли, потрепанные сильным ветром. Бен внезапно разозлился. Больше чем разозлился. Его охватила ярость. Он шел по тротуару, нес под мышкой библиотечные

⁸⁹ Ривз, Джордж (1914–1959) – американский киноактер, получил известность за роль Супермена в телевизионной программе «Приключения Супермена».

⁹⁰ Бесстрашный лидер – отсылка к телевизионному мультсериалу «Рокки и Бульвинкль» (1959–1973).

⁹¹ Согласно народному поверью, горшочек с золотом зарыт там, где радуга упирается в землю.

книги, грезил о том, что целует Беверли Марш, никого не трогал. А теперь посмотрите, что из этого вышло. Только посмотрите. Джинсы разорваны. Левая лодыжка, возможно, сломана, а уж насчет сильного растяжения сомнений нет. Нога поранена, язык прокушен, монограмма этого Генри чертова Бауэрса на животе. И как вам такая предыстория этого поединка, дорогие спортивные болельщики? Но, вероятно, именно случившееся с библиотечными книгами, за которые он нес ответственность, заставило Бена броситься на Генри Бауэрса. Потерянные библиотечные книги и упрек, который появился бы в глазах миссис Старрет, едва он начал бы рассказывать ей об этом. Какой бы ни была причина – порезы, растяжение, библиотечные книги, даже мысль о намокшем и, вероятно, уже нечитаемом табеле в его заднем кармане, – он сдвинулся с места. Шагнул вперед, расплескивая воду кедами, и ногой врезал Генри точно по яйцам.

Бауэрс издал жуткий хриплый крик, распугав птиц, сидевших на ближайших деревьях. Какое-то мгновение постоял, раздвинув ноги, прижав руки к промежности, глядя на Бена, не веря тому, что только что произошло.

– У-у, – пискнул он.

– Именно.

– У-у, – вновь пискнул Генри, еще более тонким голосом.

– Правильно.

Генри медленно упал на колени – не упал, просто ноги сложились в коленях. Он по-прежнему смотрел на Бена, по-прежнему не мог поверить, что тот так разобрался с ним.

– У-у.

– Чертовски правильно.

Генри повалился на бок, держась за яйца, и стал кататься из стороны в сторону.

– У-у! – стонал Генри. – Мои яйца. У-у. Ты разбил мне яйца. У-у-у! – Голос начал набирать силу, и Бен тут же попятился от Генри. Его мутило от содеянного, но при этом он как зачарованный не отрывал глаз от Генри, чувствуя, что правота на его стороне. – У-у! Моя гребаная мошонка... у-у-у!.. Мои гребаные ЯЙЦА!

Бен мог бы простоять здесь долго... возможно, он не сдвинулся бы с места, пока Генри не оклемался и не бросился бы на него... но тут камень ударил ему в голову повыше правого уха, вызвав резкую, пронизывающую боль, и Бен думал, что его укусила оса, пока не почувствовал, как потекла теплая кровь.

Он повернулся и увидел, как остальные двое идут к нему по ручью. Каждый держал пригоршню обкатанных водой камней. Виктор бросил один, и Бен услышал, как он просвистел мимо уха. Он пригнулся, и другой камень угодил ему в правое колено, заставив вскрикнуть от неожиданной боли. Еще один отскочил от правой скулы, и глаз наполнился влагой.

Бен поспешил к дальнему берегу и как мог быстро начал карабкаться на него, хватаясь за торчащие корни и ветки кустов. Он добрался до верха (за это время еще один камень ударил в ягодицу) и оглянулся.

Рыгало опустился на колени рядом с Генри, а Виктор стоял в десятке футов от них и бросал камни. Один, размером с бейсбольный мяч, прошелестел сквозь листву кустов совсем рядом с головой Бена. Он увидел предостаточно; если на то пошло, даже больше, чем хотел. А что самое худшее – Генри Бауэрс вновь поднимался. Как и «Таймекс» Бена, Генри мог держать удар, продолжая тикать. Бен повернулся и двинулся сквозь кусты, как он надеялся, на запад. Если бы ему удалось пересечь Пустошь и добраться до Олд-Кейп, он мог выпросить у кого-нибудь десятицентовик и на автобусе доехать до дома. Там запер бы за собой дверь, бросил окровавленную, разорванную одежду в мусорный бак и на том этот кошмарный сон закончился бы. Бен уже представил себе, как сидит в своем кресле в гостиной после ванны в пушистом красном банном халате, смотрит мультфильмы про Даффи Дака по телевизору и пьет молоко через соломинку. «Придержи эти мысли, – мрачно сказал он себе, – и пошевеливайся».

Кусты так и норовили ударить по лицу. Бен отталкивал ветки в стороны, шипы цеплялись за одежду и кололи. Бен пытался не обращать на это внимания. Он вышел к ровному участку черной болотистой земли. Дорогу преграждали густые заросли, отдаленно напоминающие бамбук. От земли поднималось зловоние. Тревожная мысль

(зыбучие пески)

словно тень проскользнула в голове, когда он увидел, что в глубине зарослей поблескивает стоячая вода. Туда он идти не хотел. Даже если это и не зыбучие пески, грязь могла засосать его кеды. Он повернул направо, обежал «бамбуковую» рощу и наконец-то попал в настоящий лес.

Деревья, в основном хвойные, росли везде, очень близко друг к другу, боролись за местечко под солнцем, зато подлеска практически не было, так что он мог идти быстрее. Он уже не знал точно, в каком направлении продвигается, но по-прежнему полагал, что оторвался от охотников. Дерри подступал к Пустоши с трех сторон, с четвертой ее ограничивала наполовину построенная автострада. Так что рано или поздно он выйдет к людям.

Живот пульсировал болью, и Бен поднял разорванный свитер, чтобы взглянуть на него. Поморщился и присвистнул сквозь зубы. Выглядел живот, как гротескный елочный шар, в красных пятнах от запекшейся крови и зеленых – от травы, оставшихся после спуска. Бен опустил свитер. Вид живота вызывал тошноту.

И тут до него донеслось низкое жужжание, едва слышное, источник которого находился где-то впереди. Взрослый, сосредоточившийся на стремлении выбраться отсюда (комары уже нашли Бена, далеко не такие большие, как воробьи, но достаточно большие), не обратил бы на него внимания или даже не услышал, но Бен был мальчиком, и пережитые страхи уже начали отступать. Он повернул налево и полез сквозь низкие лавровые кусты. За ними увидел бетонный цилиндр диаметром примерно в четыре фута, выступающий из земли фута на три. Цилиндр накрывала железная вентиляционная решетка. Бен прочитал выбитую на решетке надпись: «Департамент утилизации стоков Дерри». Этот звук, скорее гудение, чем жужжание, доносился откуда-то из глубины.

Бен прижался глазом к одному из отверстий в вентиляционной решетке, но ничего не смог разглядеть. Слышал гудение, где-то текла вода, но это все, что он мог сказать о происходящем внизу. Он потянул носом: снизу пахло сыростью и дерьмом, поморщился и отпрянул. Канализационный тоннель, ничего больше. А может, канализационный и дренажный в одном флаконе – в Дерри, постоянно живущем под страхом наводнения, таких хватало. Обычное дело. Но почему-то по спине у него пробежал холодок. Отчасти потому, что среди буйства дикой природы он увидел следы присутствия человека, но страх вызвала и форма сооружения – бетонный цилиндр, выступающий из земли. Годом раньше Бен прочитал «Машину времени» Герберта Уэллса, сначала в серии «Классика в комиксах», потом саму книгу. Цилиндр, накрытый вентиляционной железной решеткой, напомнил ему шахты, которые вели в страну сутулых и ужасных морлоков.

Он быстро отступил от цилиндра, попытался вновь определить, где запад. Вышел на поляну и вертелся на месте, пока тень не легла строго позади него. После этого пошел по прямой.

Пять минут спустя он услышал шум бегущей воды и голоса. Детские голоса. В той стороне, куда и шел.

Бен остановился прислушаться, и тут до него донеслись хруст ломающихся ветвей и другие голоса, уже сзади. Эти голоса он сразу узнал. Они принадлежали Виктору, Рыгалу и единственному и несравненному Генри Бауэрсу. Видать, кошмар еще не закончился.

Бен огляделся в поисках места, где он мог бы спрятаться.

10

Из своего убежища он вылез через два часа, еще более грязный, но отдохнувший. Ему в это просто не верилось, но он поспал.

Услышав, что троица по-прежнему преследует его, Бен едва не впал в ступор, как случается с животным, которого освещают фары приближающегося автомобиля. Парализующая сонливость уже начала распространяться по телу. Захотелось просто лечь, свернуться в клубок, как еж, и позволить им сделать с ним все, чего только они пожелают. Безумная идея, но и необычайно привлекательная.

Однако вместо этого Бен двинулся на шум воды и детские голоса. Попытался отделить один голос от другого, понять, о чем они говорят, с тем, чтобы стряхнуть пугающий паралич духа. Говорили они о каком-то проекте. Один из двух голосов даже показался Бену знакомым. Что-то плюхнулось в воду, последовал взрыв добродушного смеха. Смех этот влек к себе, но и заставил особенно остро осознать, в каком опасном он положении.

«И если меня все-таки поймают, – подумал Бен, – нет нужды навлекать беду на этих ребят, которые могут попасть под горячую руку». Бен вновь повернул направо. Как и многие крупные люди, передвигался он на удивление бесшумно. Прошел достаточно близко от мальчишек, чтобы видеть их тени, пляшущие между ним и водой, а они не увидели и не услышали его. Наконец их голоса стали затихать.

Он наткнулся на узкую, вытопанную до голой земли тропу. На мгновение задумался, но покачал головой и пересек ее, вновь углубившись в густой подлесок. Двигался теперь медленнее, не ломился сквозь кусты, а осторожно раздвигал их. По-прежнему шел параллельно ручью, около которого играли дети. Сквозь переплетенные кусты и деревья видел, что ручей этот гораздо шире того, в который свалились он и Генри. Не ручей вовсе, а река.

Здесь Бен обнаружил еще один бетонный цилиндр, едва различимый в зарослях ежевики, спокойно гудящий сам с собой. За ним, там, где берег сбегал к речке, росла старая ель, искривленный ствол которой наклонился над водой. Часть корней, зависших в воздухе из-за береговой эрозии, напоминала грязные волосы.

В надежде, что его не ждет встреча с пауками или со змеями, но, по большому счету, слишком много переживший, чтобы тревожиться из-за этого, Бен пролез между корнями в узкую пещеру под ними. Прижался к дальней стене. Один корень вонзился ему в спину, как сердитый палец. Бен чуть повернулся, и места хватило обоим.

Генри, Рыгало и Виктор вышли на берег. Бен надеялся, что они, возможно, пойдут по тропе, но, увы, не повезло. Они стояли так близко, что он мог высунуть руку из своего тайника и коснуться их.

– Готов спорить, те сопляки видели его, – предположил Рыгало.

– Что ж, давай узнаем, – ответил Генри, и втроем они направились в обратном направлении. И вскоре Бен услышал, как тот проревел: – И что вы, вашу мать, тут делаете?

Ему ответили, но Бен разобрать слов не сумел: дети находились далеко, а речка (конечно же, он вышел на берег Кендускига) сильно шумела. Но ему показалось, что голос мальчишки звучал испуганно. Бен мог ему посочувствовать.

Потом Виктор Крисс проревел что-то, не понятное Бену: «Гляньте-ка на эту гребаную махонькую плотину!»

При чем тут плотина? Какая плотина?

– Давай ее развалим! – предложил Рыгало.

Раздались крики протеста, завершившиеся воплем боли. Кто-то заплакал. Да, Бен мог посочувствовать мальчишкам. Эти трое его поймать не сумели (во всяком случае, пока), а тут попались другие малявки, на которых они могли сорвать злость.

– Конечно, развалим, – согласился Генри.

Всплески. Крики. Громкий смех Рыгало и Виктора. Яростный крик одного из мальчишек.

– Ты мне мозги не полощи, заикающийся выродок! – рявкнул Генри Бауэрс. – Достали меня сегодня такие, как ты.

Новые всплески, вода вдруг громко зашумела, потом шум стих, и вода продолжила тихонько журчать. Тут Бен все понял. Маленькая плотина. Мальчишки (двое или трое, судя по голосам) строили плотину. Генри и его дружки ударами сапог только что разрушили ее. Бен подумал, что знает одного из мальчишек. Единственным «заикающимся выродком» в начальной школе был Билл Денбро, который учился в параллельном пятом классе.

– Вы могли бы этого не делать! – прокричал тонкий и испуганный голос. Бен узнал и его, только не смог тут же связать с конкретным человеком. – Зачем вы это сделали?

– Потому что мне так захотелось, ублюдки! – пролаял Генри. Последовал увесистый удар. За ним – крик боли. И плач.

– Заткнись! – рявкнул Виктор. – Перестань выть, щенок, не то вытяну твои уши и завяжу под подбородком.

Плач сменился всхлипываниями.

– Мы уходим, – послышался голос Генри, – но, прежде чем мы уйдем, вот что я хочу знать. В последние десять минут вы видели здесь толстого сопляка? Большой жирдяй, весь в крови?

Таким коротким мог быть только один ответ – нет.

– Точно? – спросил Рыгало. – Тебе лучше сказать правду, каша-во-рту.

– То-то-точно, – ответил Билл Денбро.

– Пошли, – добавил Генри. – Наверное, он перебрался на другой берег.

– Пока, мальчишки, – послышался голос Виктора Крисса. – Это была действительно очень маленькая детская плотина, поверьте мне. Вам без нее только лучше.

Всплески, голос Рыгало, но уже дальше. Слов Бен не разобрал. Собственно, и не хотел разбирать. С более близкого расстояния вновь донесся детский плач. Бен решил, что мальчишек двое, Заика Билл и плакса.

Он полусидел-полулежал в своем убежище, слушая мальчишек у речки, удаляющие звуки, которые издавали Генри и два его дружка-динозавра, ломаясь сквозь кусты к дальней стороне Пустоши. Солнечные лучи били в глаза, отбрасывали блики и на корни над головой, и на землю под ними. В пещере было грязно, но и уютно... безопасно. Журчание воды успокаивало. Даже детский плач странным образом успокаивал. Раны и ушибы уже не пульсировали болью, а тупо ныли. Шум, издаваемый динозаврами, полностью стих. Бен решил, что ему лучше остаться здесь еще на какое-то время, убедиться, что они не вернуться, а уж потом спокойно идти домой.

Он слышал и гудение мощных машин, которое пробивалось сквозь толщу земли... мог даже почувствовать это гудение: низкие, ровные вибрации, которые передавались его спине через стену пещеры. Подумал о морлоках, об их голой плоти; на него словно пахнуло запахами сырости и дерьма, поднимающимися через отверстия вентиляционной железной решетки. Подумал об их шахтах, уходящих в глубины земли, шахтах с ржавыми лестницами, которые болтами крепились к стенам. Задремал, и в какой-то момент мысли перешли в сон.

11

Снились ему не морлоки. Снилось случившееся с ним в январе, то самое происшествие, о котором он не решился рассказать матери.

Произошло все в первый учебный день после длинных рождественских каникул. Миссис Дуглас попросила кого-нибудь остаться после занятий и помочь ей пересчитать учебники, которые ученики сдали перед тем, как уйти на каникулы. Бен поднял руку.

– Спасибо, Бен. – Миссис Дуглас наградила его такой ослепительной улыбкой, что тепло растеклось у него по телу до пальчиков ног.

«Жополиз», – шепотом прокомментировал с задней парты Генри Бауэрс.

День выдался из тех зимних дней в Мэне, которые принято считать и лучшими, и худшими: безоблачное небо, слепяще яркое солнце, но такой холод, что становилось страшно. Мало того что мороз под пятнадцать градусов, так еще сильный ледяной ветер.

Бен считал книги и выкрикивал результаты; миссис Дуглас их записывала (ни разу даже не проверила, с гордостью отметил Бен), а потом они на пару относили книги в кладовую по коридорам, в которых сонно потрескивали батареи центрального отопления. Поначалу школу наполняли самые разные звуки: захлопывались дверцы шкафчиков, в приемной директора стрекотала пишущая машинка миссис Томас, наверху репетировал хор, из спортивного зала доносились нервные удары баскетбольного мяча и шуршание кроссовок по деревянному полу.

Мало-помалу звуки эти обрывались, и когда они относили в кладовую последнюю порцию (книг оказалось на одну меньше, но миссис Дуглас со вздохом сказала, что значения это не имеет, поскольку все они дышали на ладан), осталось только потрескивание в батареях, ш-ш-шир, ш-ш-шир швабры мистера Фацио, продвигающего цветные опилки по полу в коридоре, да завывание ветра за окнами.

Бен посмотрел в узкое окно кладовой и увидел, что небо быстро темнеет. Часы показывали четыре пополудни, и сумерки начали сгущаться. На детской площадке ветер гнал по земле сухой снег, наметал маленькие сугробы около детских качалок, которые одним сиденьем намертво вмерзли в землю. Только апрельские оттепели могли снять эти крепкие зимние оковы. Никого не увидел он и на Джексон-стрит. Еще какое-то время он не отрывал глаз от окна, надеясь, что хоть один автомобиль проедет по перекрестку с Уитчем-стрит, но напрасно. Судя по тому, что видел он из окна, все в Дерри, за исключением него и миссис Дуглас, могли умереть или покинуть город.

Бен повернулся к учительнице, и ему стало ясно (тут он действительно испугался), что ее ощущения ничуть не отличаются от его. Он понял это по выражению глаз миссис Дуглас. Эти ушедшие в себя, задумчивые, отсутствующие глаза могли принадлежать ребенку, но никак не учительнице сорока с небольшим лет. И руки она сложила под грудью, как в молитве.

«Мне страшно, – подумал Бен, – и ей тоже. Но чего мы в действительности боимся?»

Он не знал. Потом она посмотрела на него, и с ее губ сорвался короткий, чуть ли не смущенный смешок.

– Я слишком уж задержала тебя. Извини, Бен.

– Ничего. – Он смотрел на свои ботинки. Бен немножко любил ее, не так искренне и всей душой, как мисс Тибодо, свою первую учительницу... но любил.

– Если б я водила машину, то подвезла бы тебя, но я не вожу. Муж заедет за мной в четверть шестого. Если ты подождешь, мы сможем...

– Нет, спасибо, – ответил Бен. – Я должен быть дома раньше. – Правдой тут и не пахло, но сама идея о встрече с мужем миссис Дуглас вызывала у него непонятное отвращение.

– Может, твоя мама сможет...

– Она тоже не водит машину, – ответил Бен. – Ничего со мной не случится. Мой дом в миле отсюда.

– Мила – не так и далеко в хорошую погоду, но не в такой мороз. При необходимости ты сможешь зайти куда-нибудь погреться?

– Да, конечно. Я зайду в «Костелло» и постою у печи. Мистер Гедро возражать не будет. У меня лыжные штаны. И теплый шарф. Мне его подарили на Рождество.

Его слова немного успокоили миссис Дуглас – а потом она снова посмотрела в окно.
– Просто на улице вроде бы так холодно. Так... так неприязненно.

Он не знал этого слова, но понимал, что она хотела сказать. Что-то только что случилось... но что?

Он увидел в ней, внезапно осознал Бен, человека, а не просто учительницу. Вот что случилось. Внезапно ее лицо предстало перед ним в новом ракурсе: оно стало совершенно другим – лицом уставшей поэтессы. Он мог видеть, как она едет домой с мужем, сидит рядом с ним в автомобиле, сложив руки на коленях, под шипение обогревателя, и они говорят о том, как у него прошел день. Он мог видеть, как она готовит обед. Странная мысль промелькнула в голове, и с губ чуть не сорвался вопрос, уместный на коктейль-пати: *«У вас есть дети, миссис Дуглас?»*

– В это время года я часто думаю, что люди не должны жить так далеко к северу от экватора, – добавила она. – Во всяком случае, на этой широте. – Тут она улыбнулась, и необычность отчасти ушла, то ли с ее лица, то ли из его глаз: он мог видеть ее такой же, как и всегда, по крайней мере частично. *«И такой, как чуть раньше, мне ее больше не увидеть»*, – в унынии подумал Бен.

– Пока не наступит весна, я чувствую себя старой, а потом снова становлюсь молодой. И так каждый год. Ты уверен, что доберешься до дому, Бен?

– Доберусь в лучшем виде.

– Да, думаю, доберешься. Ты хороший мальчик, Бен.

Он смотрел на свои ботинки, покраснев, любя ее больше, чем когда бы то ни было.

– Смотри, не отморозь себе что-нибудь, парень, – предупредил его в коридоре мистер Фацио, не отрываясь от красных опилок.

– Не отморожу.

Он подошел к своему шкафчику, открыл его, вытащил лыжные штаны. Он очень переживал из-за того, что в особенно холодные зимние дни мать заставляла его надевать их, считая, что это одежда для малышей, но сегодня только порадовался тому, что они у него есть. Медленно пошел к двери, застегивая молнию куртки, туго завязывая тесемки капюшона, надевая варежки. Вышел из школы, постоял на припорошенной снегом верхней ступеньке лестницы, слушая, как за его спиной закрылась (и защелкнулась на замок) дверь.

Начальная школа Дерри в глубокой задумчивости застыла под сине-лиловым небом. Ветер дул без устали. Крюки с защелкой на флагштоке постукивали о металлическую стойку. Ветер сразу набросился на теплое лицо Бена, принялся кусать щеки.

«Не отморозь себе что-нибудь, парень».

Он быстро натянул шарф на лицо, превратившись в маленькую, пухлую карикатуру на Красного всадника⁹². От красоты темнеющего неба захватывало дух, но Бен не задержался у двери школы, чтобы полюбоваться им: слишком холодно. Он зашагал домой.

Поначалу ветер дул в спину, и никакого дискомфорта Бен не испытывал; наоборот, ветер подталкивал к дому. Но на Канальной улице пришлось повернуть направо и идти чуть ли не против ветра. Теперь ветер задерживал его... словно у него было к Бену какое-то дело. Шарф помогал, но не так чтобы очень. Глаза пульсировали, влага в носу заледенела, ноги в лыжных штанах онемели. Несколько раз он совал руки в варежках под мышки, чтобы согреть их. Ветер выл и стонал, иногда прямо-таки по-человечески.

Бен ощущал испуг и радостное волнение. Испуг – потому что теперь мог лучше понять прочитанные им истории, скажем, рассказ Джека Лондона «Костер», в котором люди замерзли до смерти. Да, в такой вечер действительно можно замерзнуть до смерти, в такой вечер, когда температура могла упасть до двадцати пяти градусов ниже нуля.

⁹² Красный всадник – популярный герой комиксов, радиопередач, фильмов и телесериалов.

Для радостного волнения простого объяснения не находилось. Оно обуславливалось одиночеством... к нему примешивалась меланхолия. Бен шел по улице, его обдувал ветер, и никто из людей за ярко освещенными квадратами окон не видел его. Они были внутри, при свете и в тепле. Они не знали, что он проходил мимо них; только он знал. Это был его секрет.

Движущийся воздух колот щеки, как иголки, но пах свежестью и чистотой. Белый дымок вырывался из ноздрей Бена маленькими аккуратными струйками.

Когда солнце село и лишь остаток дня задержался на западном горизонте холодной желто-оранжевой полосой, а первые звезды брильянтовой крошкой заблестели на небе, Бен вышел к Каналу. Теперь от дома его отделяли только три квартала, ему не терпелось ощутить тепло лицом и ногами, почувствовать покалывание, вызванное бегом крови.

И однако... он остановился.

Канал застыл в бетонном желобе замороженной рекой розоватого молока, Бен видел, что поверхность его неровная, мутная, в трещинах. Он не двигался и при этом казался живым в этом сурово-пуританском зимнем свете. Чувствовалась в нем уникальная, трудная для понимания красота.

Бен повернулся в другую сторону – на юго-запад. К Пустоши. И когда он смотрел в этом направлении, ветер снова задул ему в спину. Принялся трепать лыжные штаны. Канал тянулся среди бетонных берегов еще где-то полмили, потом бетон заканчивался: река втекала в него из Пустоши – в это время года скелетообразного мира заледенелых кустов и голых ветвей.

На льду стояла фигура.

Бен смотрел на нее и думал: «Там может быть человек, но как он может быть в таком наряде? Это же невозможно, правда?»

Действительно, он видел человека в серебристо-белом клоунском костюме. Его нежно трепал ледяной ветер. Большущие оранжевые башмаки цветом соответствовали пуговицам-помпонам на костюме. В одной руке человек держал нити, которые тянулись к ярким разноцветным воздушным шарикам. На глазах Бена шарики вдруг поплыли к нему, и он еще сильнее ощутил нереальность происходящего. Закрыв глаза, открыл, потерял их. Шарики все равно плыли к нему.

В голове зазвучал голос мистера Фацио: «*Не отморозь себе что-нибудь, парень*».

Конечно же, это галлюцинация или мираж, вызванный каким-то природным феноменом. Человек мог стоять на льду. В принципе, даже мог надеть клоунский костюм. Но шарики никак не могли плыть к Бену против ветра. И однако, по всему выходило, что именно это они и делали.

«Бен! – позвал клоун со льда. Бен подумал, что голос этот звучит только в голове, хотя казалось, что он слышит его ушами. – Хочешь шарик, Бен?»

И такой злобой дышал этот голос, такой вызывал ужас, что Бену захотелось бежать со всех ног, да только ноги его словно вмерзли в тротуар, точно так же, как качалки на детской школьной площадке – в землю.

«Они летают, Бен! Они все летают! Возьми один и увидишь».

Клоун пошел по льду к мосту через Канал, на котором стоял Бен. Бен наблюдал за его приближением, не шевелясь; наблюдал, как птица – за приближающейся змеей. На таком жутком холоде шарики должны были лопнуть, но они не лопались; плыли над головой и впереди клоуна, хотя им следовало находиться позади него, рваться в Пустошь... откуда, как убеждала Бена какая-то часть его разума, и пришло это существо.

А потом Бен заметил кое-что еще.

Хотя остатки дневного света окрашивали лед Канала в розовый цвет, клоун не отбрасывал тени. Вообще не отбрасывал.

«Тебе там понравится, Бен. – Клоун подошел достаточно близко, чтобы Бен слышал постукивание его забавных башмаков по неровному льду. – Тебе там понравится, я обещаю,

всем мальчикам и девочкам, которых я встречал, там нравилось, потому что это тот же остров Удовольствий Пиноккио или страна Нетинебудет Питера Пэна; им никогда не придется взростать, а ведь именно этого хотят все дети! Так что пошли! Ты увидишь столько интересного. Получишь шарик, покормишь слонов. Покатаешься на горках! Тебе это так понравится, и, Бен, как ты будешь летать...»

Несмотря на страх, Бен обнаружил, что какая-то его часть хочет этот шарик. У кого в мире был шарик, который мог лететь против ветра? Кто вообще слышал о таком шарике? Да... он хотел заполучить такой шарик, и он хотел увидеть лицо клоуна, которое тот наклонял ко льду, словно для того, чтобы защититься от убийственного ветра.

Как бы все обернулось, если бы в этот момент не загудел пятичасовой гудок на ратуше Дерри, Бен не знал... не хотел знать. Главное – он загудел, пронзительным звуком прорезал зимний холод. Клоун поднял голову, словно в удивлении, и Бен увидел его лицо.

«Мумия! Господи, это же мумия!» – пришла первая мысль, сопровождаемая нарастающим ужасом, который заставил его ухватиться обеими руками за перила моста, чтобы не грохнуться без чувств. Разумеется, это была не мумия, не могло это быть мумией. Да, были египетские мумии, их хватало, он это знал, но сначала он подумал о другой мумии – пыльном монстре, сыгранном Борисом Карлоффом в старом фильме, который он видел в прошлом месяце, когда допоздна смотрел телепрограмму «Кинотеатр ужасов».

Нет, это не могла быть и та мумия, киношные монстры ненастоящие, все это знали, даже дети. Но...

Этот клоун не загримировался под мумию. Этого клоуна не запеленали в бинты. Бинты были на шее и запястьях, ветер мотал их свободные концы, но Бен ясно видел лицо клоуна. Глубокие складки, кожа – пергаментная сеть морщин, щеки в лохмотьях, высохшая плоть. Кожа на лбу разорвана, но без кровинки. Мертвые губы растягивались, обнажая зубы, торчащие под углом, словно наклонившиеся надгробные камни. И десны, черные и в язвах. Бен не смог разглядеть глаза, но что-то блестело в глубине этих черных ям, что-то похожее на холодные драгоценные камни в глазах египетских скарабеев. И хотя ветер дул в сторону мумии, Бену казалось, что он улавливает запахи корицы и благовоний, прогнивших тканей, пропитанных неизвестными составами, песка, крови, такой старой, что она успела высохнуть и рассыпаться в пыль.

– Внизу мы все летаем, – прохрипел клоун-мумия, и Бен осознал, с одновременно нахлынувшей новой волной ужаса, что это чудище уже у моста и тянется вверх сухой скрюченной рукой, на которой кожа тоже висела лохмотьями, а сквозь иссохшую плоть проглядывали желтые кости.

Один почти бесплотный палец погладил мысок его сапога. И вот тут Бен вырвался из ступора. Пробежал оставшуюся часть моста под бьющий в уши пятичасовой гудок. Добрался до противоположного конца, в тот самый момент, когда гудок смолк. Это мог быть только мираж, ничего больше. Клоун просто не сумел бы преодолеть расстояние, отделявшее его от моста, за те десять – пятнадцать секунд, пока звучал гудок.

Но его страх миражем не был; равно как и слезы, которые брызнули из его глаз и замерзли на щеках через секунду после того, как коснулись их. Он бежал, сапоги стучали по тротуару, а позади, он это слышал, мумия в клоунском наряде карабкалась на мост из Канала, окаменевшие ногти скребли по железу, древние сухожилия скрипели, как несмазанные петли. Бен слышал сухой свист воздуха, втягиваемого и выходящего из ноздрей, которые по сухости могли соперничать с тоннелями под Великой пирамидой. До него долетал запах благовоний, и он знал, что через мгновение пальцы мумии, напроць, как и конструктор «Эректор сет», лишённые плоти, опустятся на его плечи. Развернут к себе, и ему придется взглянуть в морщинистое улыбающееся лицо. Река мертвого дыхания зальет его. Эти черные глазницы со светящимися

глубинами наклонятся над ним. Рот раскроется, и он получит свой шарик. Да. Все шарики, которые он хотел.

Но когда он добежал до угла своей улицы, рыдающий и обессиленный, с безумно бьющимся сердцем, удары которого отдавались в ушах, когда наконец-то оглянулся, выяснилось, что никто за ним и не гонится. Пустовали и улица, и выгнутый дугой мост, с бетонными тротуарами и старинной булыжной мостовой. Канал в поле зрения не попадал, но Бен чувствовал, что и там царила та же пустота. Нет, если мумия не была галлюцинацией или миражом, будь она реальной, то сейчас ждала бы его под мостом... как тролль в сказке «Три козленка».

Внизу. Прячась внизу.

Бен поспешил домой, оглядываясь через каждые несколько шагов, и наконец закрыл и запер за собой дверь. Он объяснил матери (она так устала после особенно утомительного дня на фабрике, что, по правде говоря, и не беспокоилась из-за его долгого отсутствия), что помогал миссис Дуглас считать книги. Потом сел обедать. Ел лапшу и оставшуюся с воскресенья индейку. Трижды просил добавки, и после каждой следующей порции мумия становилась все более далекой и эфемерной. Она не могла быть реальной, никто из них не мог быть реальным. Все они оживали между рекламными блоками в фильмах, которые показывали по телевизору поздно вечером, или на субботних утренних сеансах, где ты при удаче мог увидеть двух монстров за четвертак... а если у тебя был еще один, то на него ты покупал весь попкорн, который мог съесть.

Нет, они не были настоящими. Телемонстры, киномонстры, монстры из комиксов. Не были настоящими до того момента, как ты ложишься в кровать и не можешь заснуть. Не были, пока четыре последние конфеты, завернутые в бумажную салфетку и спрятанные под подушкой с тем, чтобы пережить опасности ночи, не отправлялись в рот; не были, пока сама кровать не превращалась в озеро тухлых снов, и снаружи завывал ветер, а ты не решался взглянуть на окно, потому что с другой стороны стекла на тебя могло смотреть улыбающееся древнее лицо, не разложившееся, а ссохшееся, как старый лист, с глазами-алмазами, глубоко запавшими в темные глазницы; не были, пока ты не видел, как иссохшая лапа, похожая на руку, держит связку воздушных шариков: *«Ты увидишь столько интересного, получишь шарик, покормишь слонов, покатаешься на горках, и, Бен, ох, Бен, как же ты будешь летать...»*

12

Бен проснулся с криком, еще окончательно не вырвавшись из сна о мумии, испугавшись вибрирующей тьмы, которая окружала его. Дернулся, и корень, с которым он мирно соседствовал, вновь уперся ему в спину, будто разозлившись.

Он увидел свет и пополз к нему. Выбрался к предвечернему солнцу и журчанию речки, и все встало на свои места. Это лето – не зима. Мумия не перенесла его в свой зарытый в песках пустыни саркофаг; Бен просто спрятался от больших парней в песчаной дыре под деревом, половина корней которого висела в воздухе. Он в Пустоши. Генри и его дружки вернулись в город, отчасти выместив зло на паре маленьких мальчишек, играющих у речки, потому что не смогли найти Бена и рассчитаться с ним по полной. «Пока, мальчишки. Это была действительно очень маленькая плотина, поверьте мне. Вам без нее только лучше».

Бен мрачно посмотрел на свою разорванную одежду. Конечно же, его за это по головке не погладят. Мать спустит с него семь шкур.

Он спал долго, и тело затекло. Бен спустился к воде и двинулся вдоль речки, морщась при каждом шаге. Болело всюду и везде, словно Спайк Джонс⁹³ наигрывал что-то быстрое на битом

⁹³ Джонс, Линдли Армстронг, по прозвищу «Спайк» – популярный американский музыкант и киноактер, известный музыкальными пародиями.

стекле, рассыпанном в его мышцах. Засохшая или засыхающая кровь, казалось, покрывала каждый квадратный дюйм не закрытой одеждой кожи. Строители плотины наверняка ушли, успокаивал себя Бен. Он не знал, как долго спал, но даже если всего полчаса, встреча с Генри и его дружкой наверняка убедила Денбро и второго парнишку, что любое другое место, скажем Тимбукту, куда полезнее для их здоровья.

Бен с трудом переставлял ноги, точно зная, что у него нет ни единого шанса убежать от больших парней, если те вдруг вернуться. Да его это уже и не волновало.

Он миновал излучину и остановился, просто стоял и смотрел. Плотиностроители никуда не ушли. Одним из них действительно был Заика Билл Денбро. Он опустился на колени рядом с другим мальчиком, который сидел, привалившись спиной к поднимающемуся от воды берегу. Голову этот мальчик так сильно запрокинул назад, что кадык выступал вперед, словно треугольная затычка. Кровь запеклась вокруг его носа, на подбородке, парой линий разрисовала шею. Рядом с рукой лежало что-то белое.

Заика Билл резко обернулся и увидел стоящего Бена. Тот уже понял, что с мальчиком, привалившимся спиной к склону, что-то не так: лицо Денбро не оставляло сомнений в том, что он перепуган насмерть. «Неужели этот день никогда не закончится?» – в отчаянии подумал Бен.

– Слушай, не смо-смо-сможешь ты м-м-мне помочь? – спросил Денбро. – Е-его ин-ингалятор п-пуст. Я думаю, он мо-может у-у-у...

Лицо Денбро застыло, налилось кровью. Он пытался выговорить слово, но, как пулемет, выстреливал одну букву. Слюна летела изо рта, и он секунд тридцать тарыхтел: «У-у-у-у-у...» – прежде чем Бен понял, что пытается сказать ему Денбро: другой мальчик мог умереть.

Глава 5

Билл денбро обгоняет дьявола – 1

1

Билл Денбро думает: *«Это, блин, как полет в космос; я словно внутри пули, которой выстрелили из ружья».*

Эта мысль, абсолютно правильная, особо его не успокаивает. Собственно, в первый час после взлета «Конкорда» (или, вернее, старта) из Хитроу он страдал от легкого приступа клаустрофобии. Самолет узкий – и это очень нервирует. Питание на борту, можно сказать, изысканное, но стюардессам, которые обслуживают пассажиров, чтобы с этим справиться, приходится извиваться, наклоняться и приседать; они напоминают команду гимнасток. Билл наблюдает за этими героическими усилиями, и еда для него во многом теряет вкус, а его соседа происходящее в проходе между креслами нисколько не волнует.

Сосед – еще один минус. Толстый и немый. Конечно, он пользуется одеколоном «Тед Лапидус», но Билл ясно улавливает запахи грязи и пота, пробивающиеся сквозь аромат одеколona. И левый локоть толстяк не придерживает, то и дело мягко тыкается в Билла.

Его взгляд снова и снова притягивает светящееся табло в передней части салона. Оно показывает, как быстро летит эта английская пуля. Теперь, достигнув крейсерской скорости, «Конкорд» более чем в два раза обгоняет звук. Билл достает ручку из кармана брюк и кончиком нажимает на кнопки часов-компьютера, которые Одра подарила ему на прошлое Рождество. Если махметр⁹⁴ показывает достоверную информацию (а у Билла нет абсолютно никаких оснований в этом сомневаться), они приближаются к Америке со скоростью восемнадцать миль в минуту. И Билл не уверен, что ему действительно хочется это знать.

За иллюминатором, маленьким, из толстого стекла, как на старых космических капсулах «Меркурий», он видит небо, не синее, а лилово-фиолетовое, как в сумерках, хотя сейчас только середина дня. И линия горизонта, где встречаются небо и океан, чуть изогнута. *«Я сижу здесь, – думает Билл, – с «Кровавой Мэри» в руке, мне тыкается в бицепс локоть грязного толстяка, и при этом я вижу кривизну земной поверхности».*

Он чуть улыбается, полагая, что человеку, который способен такое пережить, бояться негоже. Но он боится – и не только того, что летит со скоростью восемнадцать миль в минуту в этой узкой, хрупкой скорлупе. Он чувствует, как Дерри стремительно несется на него. И это совершенно правильная трактовка ситуации. Пролетает «Конкорд» восемнадцать миль в минуту или нет, ощущение таково, что он застыл на месте, тогда как Дерри мчится к нему, как огромный хищник, долго-долго выжидавший и выскочивший наконец из засады. Дерри, ах, Дерри! И что у нас там в Дерри? Вонь заводов и рек? Благородная тишина обсаженных деревьями улиц? Библиотека? Водонапорная башня? Бэсси-парк? Начальная школа?

Пустошь?

Огни вспыхивают у него в голове; мощные «солнечные» прожекторы. Такое ощущение, будто он двадцать семь лет просидел в темном зрительном зале, ожидая начала спектакля, и спектакль таки начался. И судя по декорациям, которые появляются из темноты по мере того, как включаются все новые прожектора, это не какая-то безобидная комедия, не «Мышьак и старые кружева»⁹⁵; для Билла Денбро сцена выглядит съемочной площадкой «Кабинета доктора Калигари»⁹⁶.

⁹⁴ Махметр – прибор, измеряющий скорость самолета в махах (1 мах – скорость звука).

⁹⁵ «Мышьак и старые кружева» – пьеса американского драматурга Джозефа Кесселринга (1902–1967).

«Все эти истории, которые я пишу, – в некотором удивлении думает он. – Все эти романы. Дерри – оттуда они берут начало; Дерри – их неистощимый источник. Они родились из того, что произошло тем летом, из того, что случилось с Джорджем предыдущей осенью. Всем репортерам, которые задавали ЭТОТ ВОПРОС... я давал неверный ответ».

Локоть толстяка вновь упирается в него, и жидкость расплескивается из его стакана. Билл уже собирается выразить недовольство, но передумывает.

ЭТОТ ВОПРОС, само собой, «где вы берете свои замыслы?» Билл полагал, что всем писателям-беллетристам приходилось отвечать на него (или притворяться, что отвечают) как минимум дважды в неделю, но такому, как он, пишущему о том, чего в реальности быть не могло, и зарабатывающему этим на жизнь, приходилось отвечать на этот вопрос (или притворяться, что отвечает) гораздо чаще.

«У всех писателей есть канал связи с подсознанием, – говорил он интервьюерам, не упоминая о своих сомнениях в существовании подсознания, которые усиливались с каждым прожитым годом. – Но у людей, которые пишут ужастики, этот канал связи протянут глубже, может... в под-подсознание, если хотите».

Изящный ответ, только сам он никогда в это не верил. Подсознательное? Да, что-то такое было там, в глубине, все так, но Билл считал, что люди придают слишком много значения этой функции мозга, которая, вероятно, представляет собой психологический эквивалент слез в глазах при попадании в них пыли или же газов, которые отходят через час-полтора после очень уж плотного обеда. Второе сравнение, вероятно, было более точным, но нельзя же сказать интервьюеру, что, по твоему разумению, сны и смутные желания и состояния, как, скажем, дежа вю – всего лишь ментальный пердеж. Однако что-то им требовалось, всем этим репортерам с блокнотами или маленькими японскими диктофонами, и Билл хотел помочь им, насколько мог. Он знал, что писательство – тяжелая работа, чертовски тяжелая работа. И не хотелось еще больше усложнять им жизнь, говоря: «Друг мой, вы могли бы спросить: «Кто в вашей семье пердит?» – и на этом закончить».

Теперь он думал: «Ты всегда знал, что они задают неправильный вопрос, даже до звонка Майка; а теперь ты знаешь, каков правильный вопрос. Не где вы берете свои замыслы, а откуда у вас берутся ваши замыслы?» Канал связи существовал, это точно, но уходил он не в подсознание, каким бы его ни представляли себе Фрейд или Юнг; не в канализацию рассудка, не в подземную пещеру, полную морлоков, которым не терпелось вырваться оттуда. Этот канал связи тянулся в Дерри. В Дерри, и только в Дерри. И...

...и кто это здесь, кто идет по моему мосту?

Он резко выпрямляется, и на сей раз его локоть выдвигается в сторону, на мгновение глубоко утопает в толстом боку соседа.

– Осторожнее, приятель, – говорит толстяк. – Места маловато, знаете ли.

– Вы перестаньте толкать меня своим локтем, и тогда я постараюсь не то-олкать вас моим. – Толстяк одаривает его злым, недоумевающим да-что-черт-побери-вы-такое-говорите взглядом, а Билл молча смотрит на него, пока тот не отводит глаз, что-то бормоча себе под нос.

Кто это здесь?

Кто идет по моему мосту?

Он вновь смотрит в иллюминатор и думает: «Мы обгоняем дьявола».

На его руках и затылке волосы встают дыбом. Одним глотком он допивает содержимое стакана. Зажегся еще один большой прожектор.

Сильвер. Его велосипед. Так он его назвал, в честь коня Одинокого рейнджера. Большой «швинн»⁹⁷ с двадцативосьмидюймовыми колесами. «Ты на нем убьешься, Билли», – предупре-

⁹⁶ «Кабинет доктора Калигари» – знаменитый немецкий немой фильм (1920). Триллер.

⁹⁷ «Швинн» – известная американская велосипедная фирма, основанная в 1895 г.

дил его отец, но особой озабоченности в голосе не слышалось. После смерти Джорджи отец редко когда выказывал озабоченность. Раньше он был строгим. Справедливым, но строгим. А потом... ты мог его обойти. Словами и поступками он обозначал себя отцом, но только обозначал. Казалось, он постоянно прислушивается, ожидая возвращения Джорджи домой.

Билл увидел этот «швинн» в витрине Магазина велосипедов и мотоциклов на Центральной улице. Велик грустно привалился к подставке, больше самого большого из прочих выставленных велосипедов, тусклый там, где другие сверкали, прямой – где другие изгибались, изогнутый – где были прямыми. На переднем колесе висела табличка:

«Б/У»

Предложи цену.

На самом деле, когда Билл вошел в магазин, цену предложил хозяин, и Билл на нее согласился – не смог бы (потому что не знал как) торговаться с хозяином велосипедного магазина, даже если бы от этого зависела его жизнь, да и запрашиваемая цена (двадцать четыре доллара) показалась ему справедливой; даже низкой. Он расплатился за Сильвера деньгами, которые копил семь последних месяцев: подаренными на день рождения, на Рождество, заработанными за покос лужаек. Велосипед он заметил в витрине еще на День благодарения⁹⁸. А заплатил за него и покатил из магазина домой, как только снег начал окончательно таять. Что странно, до прошлого года ему в голову даже не приходила мысль о велосипеде. Идея возникла внезапно. Возможно, в один из тех бесконечных дней после смерти Джорджа. После его убийства.

Поначалу Билл действительно чуть не расшибся. Первая поездка на новом велосипеде закончилась тем, что Билл завалился с ним на землю, чтобы не врезаться в деревянный забор в конце Коссатлейн (боялся он не врезаться в забор, а пробить его и упасть с высоты шестидесяти футов в Пустошь). Отделался порезом длиной в пять дюймов между запястьем и локтем левой руки. А еще менее чем через неделю не смог вовремя затормозить и проскочил перекресток Уитчем и Джонсон-стрит на скорости тридцать пять миль в час, маленький мальчик на тускло-сером велосипеде-мастодонте (представить себе Сильвера серебряным мог только человек с чересчур уж богатым воображением), шелест игральных карт по спицам убыстрился до пулеметного треска, спицы переднего и заднего колес слились в рокочущие диски, и, появившись в этот момент на перекрестке автомобиль, Билл стал бы трупом. Как Джорджи.

Мало-помалу, по мере того как весна продвигалась к лету, он учился управлять Сильвером. Родители Билла не заметили, что он в это время играл в кошки-мышки со смертью. Он тогда думал: «После нескольких первых дней они перестали замечать велосипед – для них он превратился в рухлядь с облупившейся краской, в дождливые дни приваленную к стене гаража».

Но никакой рухлядью Сильвер не был. Выглядел он, может, и не очень, но летал как ветер. Друг Билла, единственный его друг, мальчишка, которого звали Эдди Каспбрэк, разбирался в механике. Он показал Биллу, как привести Сильвера в наилучшую форму: какие гайки подтянуть и регулярно проверять, где смазывать звездочки, как натягивать цепь, как ставить заплату на пробитую камеру, чтобы она держалась.

«Тебе надо его покрасить». Он помнил, как Эдди однажды сказал ему об этом, но покрасить Сильвера Билл не стал. По причинам, которые не мог объяснить даже себе, он хотел, чтобы «швинн» оставался каким есть, велосипедом, который легкомысленный мальчишка постоянно

⁹⁸ День благодарения – последний четверг ноября.

оставляет в дождь на лужайке, велосипедом, в котором все трещит, дребезжит и трясется. Выглядел он непритязательно, но несся как ветер.

– Он побил бы дьявола, – говорит Билл вслух и смеется. Толстяк-сосед резко поворачивается к нему: в смехе лающие нотки, от которых утром у Одры побежали по коже мурашки.

Да, выглядел велосипед непритязательно, с облупившейся краской, старомодным багажником над задним колесом и древним клаксоном с черной резиновой грушей. Клаксон этот намертво крепился к рулю ржавым болтом размером с кулак младенца. Очень непритязательно.

И мог Сильвер мчаться? Мог? Не то слово!

Очень хорошо, что мог, потому что именно Сильвер спас Биллу Денбро жизнь на четвертой неделе июня 1958 года – через неделю после того, как он впервые встретил Бена Хэнскома, через неделю после того, как он, Бен и Эдди построили плотину, в ту неделю, когда Ричи Тозиер, он же Балабол, и Беверли Марш появились в Пустоши после субботнего утреннего киносеанса. Ричи ехал у него за спиной, на багажнике Сильвера, в тот день, когда Сильвер спас ему жизнь... то есть, выходило, что Сильвер спас жизнь и Ричи. И он вспомнил дом, из которого они убегали. Прекрасно его вспомнил. Этот чертов дом на Нейболт-стрит.

В тот день он мчался, чтобы обогнать дьявола, ох, да, именно так, как будто ты этого не знаешь. Того еще дьявола, с глазами, сверкающими, как старинные, вырытые из земли монеты. Волосатого старого дьявола с пастью окровавленных зубов. Но все это случилось позже. Если в тот день Сильвер спас его и Ричи, тогда, возможно, он спас и Эдди Каспбрэка несколькими днями ранее, когда Билл и Эдди впервые встретились с Беном у остатков их разрушенной пинками больших парней плотины в Пустоши. Генри Бауэрс (выглядел он так, словно кто-то пропустил его через мясорубку) разбил Эдди нос, потом у Эдди начался приступ астмы, а его ингалятор оказался пустым. Так что в тот день именно Сильвер помог Эдди, Сильвер-спаситель.

Билл Денбро, который не садился на велосипед почти семнадцать лет, смотрит в иллюминатор самолета, в существование которого в 1958 году никто бы не поверил (его и представить себе не могли, разве что на страницах научно-фантастического журнала). «Хай-йо, Сильвер, ВПЕРЕ-Е-ЕД!» – думает он, и ему приходится закрыть глаза, которые начинают жечь внезапно появившиеся слезы.

Что случилось с Сильвером? Он вспомнить не может. Эта часть сцены по-прежнему темна; этот «солнечный» прожектор еще не зажегся. Может, и хорошо. Может, это во благо.

Хай-йо.

Хай-йо, Сильвер.

Хай-йо, Сильвер.

2

– ВПЕРЕ-Е-ЕД! – прокричал он. Ветер понес слова ему за плечо, как развевающийся креповый шарф. Они вырвались громкими и четкими, эти слова, торжествующим ревом. Тогда только они могли так вырываться.

Он ехал вниз по Канзас-стрит, к городу, поначалу медленно набирая скорость. Сильвер катился, как только его удавалось сдвинуть с места, но для того, чтобы сдвинуть его с места, приходилось попотеть. В разгоне большого серого велосипеда было что-то от разгона большого самолета по взлетной полосе. Поначалу просто не верилось, что эта огромная ковыляющая машина может оторваться от земли – сама мысль казалась абсурдной. Но потом под машиной возникала ее тень, и прежде чем ты успевал подумать, а не мираж ли это, тень оставалась далеко позади, а самолет, уже изящный и грациозный, взмывал в небо, прорезая воздух, как мечта всем довольного человека.

Таким был и Сильвер.

Билл набрал скорость на небольшом спуске, и начал быстрее вращать педали, ноги его ходили вверх-вниз, а сам он завис над рамой велосипеда. Билл очень быстро понял (хватило пары ударов рамы по самому уязвимому для мальчишки месту), что перед тем как усаживаться на Сильвера, трусы нужно подтягивать как можно выше. Тем же летом, только позже, Ричи, наблюдая за подтягиванием трусов, скажет: «Билл это делает, надеюсь, что у него когда-нибудь будут дети. Мне представляется, что эта идея не из лучших, но, как знать, они всегда могут пойти в его жену, так?»

Они с Эдди максимально опустили седло, и теперь, когда Билл нажимал на педали, оно тыкалось ему в поясницу и царапало ее. Женщина, выпалывавшая сорняки в своем цветнике, прикрыла глаза рукой, наблюдая за ним. Улыбнулась. Мальчишка на громадном «швинне» напомнил ей обезьяну на одноколесном велосипеде, которую она однажды видела в цирке «Барнум-энд-Бейли». «*Он расшибется*, – подумала она, возвращаясь к прополке. – *Велосипед слишком велик для него*». Но ее это не касалось.

3

Биллу хватило здравого смысла не спорить с большими парнями, когда они появились из кустов. Выглядели они, как разозленные охотники, преследующие зверя, который уже покалечил одного из них. Эдди, однако, опрометчиво открыл рот, и Генри Бауэрс стравил злость.

Билл их, само собой, знал: Генри, Рыгало и Виктор, едва ли не самые отъявленные негодяи в школе. Они пару раз избивали Ричи Тозиера, с которым Билл иногда водил дружбу. Но, по мнению Билла, вина отчасти лежала и на Ричи – не зря же его прозвали Балаболом.

Однажды в апреле Ричи сказал что-то насчет их воротников, когда они проходили мимо по школьному двору. Воротники они подняли, как Вик Морроу в «Школьных джунглях»⁹⁹. Билл, который сидел у стены и безо всякого интереса играл в шарики, полностью всей фразы не расслышал. Генри и его дружки тоже – но они услышали достаточно, чтобы повернуться в сторону Ричи. Билл предполагал, что Ричи намеревался сказать то, что сказал, тихим голосом. Но на свою беду, тихим голосом говорить Ричи не умел.

– Что ты сказал, маленький очкастый козел? – любопытствовал Виктор Крисс.

– Я ничего не сказал, – ответил Ричи, и это опровержение, на пару с лицом Ричи, на котором, вполне естественно, отражались смещение и страх, могли поставить точку. Да только рот Ричи более всего напоминал необъезженную лошадь, которая могла взбрыкнуть в любой момент. И теперь Ричи неожиданно добавил: – Вычисти серу из ушей, верзила. Пороха не одолжить?

Какое-то мгновение они ошарашены таращились на него, потом ринулись вдогонку. С прежнего места у стены здания Заика Билл наблюдал за этой неравной гонкой, от самого начала до предсказуемого завершения. Встретать смысла не имело; эти трое громил с радостью отколотили бы двух сопляков вместо од ного.

Ричи по диагонали пересекал игровую площадку для самых маленьких, перепрыгивая через качалки и лавируя между качелями, осознав, что бежит в тупик, лишь когда уперся в забор из рабицы, который отделял школьную территорию от примыкающего к ней парка. Он попытался перелезть через забор, цепляясь за проволоку пальцами и втыкая в ячейки мыски кроссовок. И преодолел две трети пути до вершины, когда Генри и Виктор Крисс вернули его на землю: Генри – схватив за куртку, Виктор – за джинсы. Ричи кричал, когда его сдергивали с забора. На асфальт он упал спиной. Очки слетели. Он потянулся к ним, но Рыгало Хаггинс пнул их ногой – и в то лето одну из дужек обматывала изолента.

⁹⁹ Фильм «Школьные джунгли», вышедший на экраны в 1955 г., стал кинодебютом для американского актера Вика Морроу (1929–1982).

Билл поморщился и пошел к фасаду школы. Увидел, как миссис Могэн, одна из учительниц четвертого класса, спешит, чтобы прекратить это безобразие, но знал: они успеют крепко отделать Ричи, и когда она доберется до места избиения, Ричи уже будет плакать. Плакса, плакса, посмотрите на плаксу.

Биллу от них практически не доставалось. Они, разумеется, высмеивали его заикание. Иногда помимо насмешек он получал пинок или тычок. Однажды в дождливый день, когда они пошли на ленч в спортивный зал, Рыгало Хаггинс выбил из руки Билла пакет с завтраком и раздавил саперным сапогом, превратив содержимое в кашу.

– Ой-ей-ей! – прокричал Рыгало в притворном ужасе, поднял руки, принялся ими трясти. – И-и-извини, что так вышло с твоим за-а-автраком, г-г-гребаный козел! – И пошел по коридору к фонтанчику с водой у дверей мужского туалета. Привалившийся к фонтанчику Виктор Крисс так смеялся, что едва не надорвал живот. В итоге ничего страшного не произошло. Эдди Каспбрэк поделился с ним половиной сэндвича с арахисовым маслом и джемом, а Ричи с радостью отдал ему яйцо, мать давала ему с собой яйца через день, а Ричи говорил, что от них его тошнит.

Но Билл считал, что лучше не попадаться у них на пути, а если уж попался – постарайся стать невидимкой.

Эдди забыл эти правила, и ему врезали.

С ним все было ничего, пока большие парни не перешли на другой берег, пусть даже из носа фонтаном лилась кровь. Когда носовой платок Эдди совсем промок, Билл отдал ему свой, заставил положить руку под шею и запрокинуть голову. Билл помнил, что его мать так поступала с Джорджи. Потому что у Джорджи иногда шла носом кровь...

Ох, как это тяжело – думать о Джорджи.

Когда шум, доносящийся с другого берега, где большие парни ломались сквозь Пустошь, полностью стих, а кровь из носа у Эдди почти остановилась, у него начался приступ астмы. Он хватал ртом воздух, пальцы разжимались и сжимались, словно хотели кого-то поймать, дыхание сделалось свистящим.

– Черт! – выдохнул Эдди. – Астма! Задыхаюсь!

Он принялся нащупывать ингалятор, наконец вытащил его из кармана. Ингалятор напоминал флакон «Уиндекса», с распылителем вместо пробки. Эдди сунул распылитель в рот, нажал на рычаг клапана.

– Лучше? – озабоченно спросил Билл.

– Нет. Он пуст. – Эдди посмотрел на Билла полными паники глазами, которые говорили: «Я попал, Билл! Я попал!»

Пустой ингалятор выкатился из его руки. Речка продолжала журчать, ее ни в малейшей степени не волновал тот факт, что Эдди едва мог дышать. Билл вдруг подумал, что в одном большие парни правы: это действительно была детская плотина. Но они играли. Черт побери, и он разозлился из-за того, что все так обернулось.

– Де-е-ержись, Э-Э-Эдди.

Последующие сорок минут или чуть больше Билл просидел рядом с ним, и сомнений, что приступ ослабнет, только прибавлялось. К моменту появления Бена сомнения эти уже перешли в настоящий страх. Об облегчении речи не было – Эдди становилось все хуже. Аптека на Центральной улице, где Эдди получал лекарства, – почти в трех милях от того места, где они сейчас. И как бы все выглядело, если бы он оставил Эдди одного, а вернувшись с лекарством, нашел бы его без сознания или...

(пожалуйста, не надо даже думать об этом)

Или мертвым, безжалостно настоял его разум.

(как Джорджи, мертвым, как Джорджи)

Не будь таким говнюком! Он не собирался умирать!

Нет, наверное, не собирался. Но вдруг, вернувшись, он бы нашел впавшего в комбу Эдди? Билл все знал о комбе; он даже догадался, название этого состояния человека идет от комберов, больших таких волн на Гавайях, по которым мчатся серферы, и это правильно: в конце концов, что есть комба, как не волна, которая топит твой мозг? В медицинских сериалах, таких как «Бен Кейси», люди постоянно впадали в комбу и иногда оставались в ней, несмотря на истошные вопли Бена Кейси.

Он сидел, зная, что должен ехать за лекарством, но не мог оставить Эдди одного, не хотел оставлять его одного. Иррациональная, суеверная его часть точно знала, что Эдди впадет в комбу, как только он, Билл, повернется к нему спиной. А потом он посмотрел вдоль берега и увидел стоящего перед ним Бена Хэнскома. Разумеется, Бена он знал: самый толстый ребенок в школе тоже знаменитость, пусть такой славы мало кому хочется. Бен учился в параллельном пятом классе. Билл иногда видел его на переменах, стоящим в одиночестве, обычно в углу. Бен или читал книгу, или ел ленч из пакета размером с сетку, в каких стирают белье.

Теперь же, глядя на Бена, Билл подумал, что выглядит он похуже Генри Бауэrsa. Верилось в это с трудом, но Билл доверял своим глазам. Даже не стал представлять себе, в каком вселенском поединке сошлись эти двое. Волосы Бена, заляпанные грязью, пиками торчали во все стороны. Свитер или футболка с длинными рукавами (теперь едва ли кто мог сказать, в чем Бен пришел в школу в этот день, да и не имело это никакого значения) превратилась в лохмотья, в пятнах крови и травы. Джинсы порвались на коленях.

Бен заметил, что Билл смотрит на него, и отпрянул, взгляд сразу сделался настороженным.

– Не-не-не-не у-у-у-уходи! – Билл вытянул руки вперед, ладонями вверх, показывая, что он не опасен. – Н-н-нам нужна по-по-помощь!

Бен осторожно приблизился. Он ступал так, будто одна, а то и обе ноги не держали его.

– Они ушли? Бауэрс и другие парни?

– Д-да, – кивнул Билл. – Послушай, мо-ожешь ты о-о-ос-таться с моим д-другом, пока я привезу его ле-е-екарство? У него а-а-а-а...

– Астма?

Билл кивнул.

Бен подошел к остаткам плотины и, морщась от боли, опустился на одно колено рядом с Эдди, который лежал с практически закрытыми глазами, а его грудь тяжело поднималась.

– Кто ударил его? – наконец спросил Бен. Поднял голову, и Билл прочитал на лице толстяка ту же злость, которую испытывал сам. – Генри Бауэрс?

Билл кивнул.

– Я так и думал. Конечно, иди. Я с ним побуду.

– Спа-а-а-а...

– Не надо меня благодарить, – оборвал его Бен. – Они наткнулись на вас из-за меня. Иди. Поторопись. Я должен вернуться домой к ужину.

Билл пошел молча. Он хотел бы сказать Бену, чтобы тот не принимал случившее близко к сердцу, вины Бена было не больше, чем Эдди, который по глупости открыл рот. Такие парни, как Генри и его дружки, – стихийное бедствие, которое в детском мире сродни наводнениям, торнадо или камням в почках. Ему хотелось это сказать, но он пребывал в таком напряжении, что у него ушло бы на это никак не меньше двадцати минут. А за это время Эдди мог впасть в комбу (это Билл тоже узнал от докторов Кейси и Килдейра¹⁰⁰; люди всегда впадают в комбу, а не уходят в нее).

¹⁰⁰ Доктор Килдейр – персонаж фильмов 1930—1940-х, радиосериалов начала 1950-х, телесериалов 1960-х.

Он поспешил вдоль берега, по течению речки, только раз оглянулся и увидел, что Бен Хэнском собирает камни у кромки воды. Мгновение Билл никак не мог взять в толк, зачем он это делает, потом понял. Бен готовил боезапас. На случай, если большие парни вернуться.

4

Для Билла Пустошь не представляла собой тайны. Этой весной он много здесь играл, иногда с Ричи, гораздо чаще с Эдди, иногда один. Конечно же, он не исследовал всю территорию, но мог найти дорогу от Кендускиг до Канзас-стрит без труда, что и сделал. Вышел к деревянному мостику, по которому Канзас-стрит пересекала один из безымянных ручьев, вытекавших из дренажной системы Дерри, чтобы влиться в Кендускиг. Сильвера он спрятал под этим мостом, веревкой привязал за руль к одной из опор, чтобы велосипед случайно не свалился в воду.

Билл развязал веревку, сунул за пазуху и, прилагая все силы, покатил Сильвера по насыпи, в подъем, потая, тяжело дыша, по пути пару раз потеряв равновесие и плюхнувшись на пятую точку.

Но в конце концов выкатил, перекинул ногу через высокую раму.

И, как всегда, оседлав Сильвера, стал совсем другим.

5

– Хай-йо, Сильвер, ВПЕРЕ-Е-ЕД!

Слова он произносил более грубым, чем обычно, голосом – голосом мужчины, которым ему предстояло стать. Сильвер медленно набирал скорость, одиночные звуки шелеста играль-ных карт о спицы колес сливались в пулеметный треск в полном соответствии с нарастанием скорости. Билл стоял на педалях, крепко вцепившись в рукоятки руля, с обращенными вверх запястьями. Выглядел он, как человек, пытающийся поднять невероятно тяжелую штангу. Жилы выступили на шее. Вены вздулись на висках. Уголки рта опустились, губы подрагивали от напряжения, он вел отчаянную, уже знакомую борьбу с массой и инерцией, напрягая все силы, чтобы заставить Сильвера двинуться.

Как и всегда, результат стоил затраченных усилий.

Сильвер покатил более резво. Дома уже не чинно проплывали, пролетали мимо него. По левую руку Билла, там, где Канзас-стрит пересекалась с Джексон, ранее свободный от бетонных оков Кендускиг становился Каналом. За перекрестком Канзас-стрит плавно уходила вниз, к Центральной и Главной улицам, деловому району Дерри.

Уличных перекрестков прибавлялось, но везде знаки «Уступи дорогу» благоволили к Биллу, и в голову даже не приходила мысль о том, что какой-нибудь водитель мог не обратить внимания на этот знак и раскатать его в кровавую лепешку. Но даже если бы такая мысль и пришла, маловероятно, чтобы он внес коррективы в свое поведение. Он мог бы это сделать в более ранний или поздний периоды своей жизни, однако та весна и начало лета выдались для него очень уж мрачным временем. Бен удивился бы, если кто-то спросил, одинок ли он; Билл удивился бы, если кто-то спросил, не ищет ли он смерти. «Ра-а-а-азумеется, н-нет!» – ответил бы сразу (и с негодованием), но это не меняло одного простого факта: по мере того как погода становилась теплее, его поездки по Канзас-стрит все больше напоминали безрассудную психическую атаку.

Эту часть Канзас-стрит прозвали Подъем-в-милю. Билл мчался вниз на полной скорости, согнувшись над рулем, чтобы уменьшить лобовое сопротивление, держась одной рукой за резиновую грушу клаксона, дабы при необходимости предупредить не подозревающих об опасности прохожих, его рыжеватые волосы отбросило назад, и они пошли волнами. Шелест

игральных карт перешел в устойчивый рев. Натужная ухмылка уступила место широченной улыбке футбольного болельщика, довольного результатом игры. Жилые дома по правую руку уступили место промышленным зданиям (по большей части складам и мясоперерабатывающим заводам), которые при такой дикой скорости начали размываться, что пугало, но при этом и радовало. Слева краем глаза он улавливал сверкавший под лучами солнца Канал.

– ХАЙ-ЙО, СИЛЬВЕР, ВПЕРЕ-Е-ЕД! – торжествующе прокричал Билл.

Сильвер перелетел через первый бордюр, и в этом месте, как и всегда, ноги Билла потеряли контакт с педалями, он держался только за руль, пребывая на коленях того бога, которому поручено оберегать маленьких мальчиков. Он свернул на улицу, миль на пятнадцать превышая разрешенную скорость – двадцать пять миль в час.

В такие моменты ему удавалось отбросить все: заикание, пустые, полные боли глаза отца, бесцельно бродящего по мастерской в гараже, ужасающий вид пыли на чехле закрытого пианино на втором этаже – запыленного, потому что мама больше не играла на пианино. Последний раз это случилось в день похорон Джорджа – три методистских псалма. Джордж, выходящий из дома в дождь, в желтом дождевике, с бумажным корабликом, покрытым пленкой парафина, в руках; мистер Гарденер, идущий по улице двадцать минут спустя, с его телом, завернутым в окровавленное лоскутное одеяло; пронзительный крик боли матери. Все это он отринул. Превратился в Одинокого рейнджера, стал Джоном Уэйном, стал Бо Диддли¹⁰¹, стал всеми, кем хотел быть, он больше не плакал, не боялся, не стремился укрыться за юбкой ма-а-амочки.

Сильвер летел, и Билл Денбро летел вместе с ним. Они вместе мчались вниз по Подъему-в-милю; шелест карт давно уже превратился в рев. Ноги Билла вновь нашли педали и он начал крутить их, чтобы разогнаться еще сильнее, чтобы достичь некоей гипотетической скорости (не звука, а памяти), которая позволит пробить барьер боли.

Он мчался, склонившись над рулем; он мчался, чтобы обогнать дьявола.

Перекресток, на котором сходились Канзас-стрит, Центральная и Главная улицы, быстро приближался. Чистый хаос для одностороннего движения, со знаками, противоречащими друг другу, и сигналами светофора, регулирующими движение, которым полагалось работать синхронно, чего в действительности не было и в помине. В результате годом раньше в одной из передовиц «Дерри ньюс» написали, что такую схему движения могли придумать только в аду.

Как всегда, Билл стрельнул взглядом направо, налево, оценивая транспортный поток, выискивая зазоры, в которые мог бы нырнуть. Если бы он ошибся в расчетах (если бы, можно сказать, запнулся, как на слове), дело закончилось бы серьезными травмами, а то и смертью.

Он стрелой воткнулся в медленно движущиеся, забившие перекресток автомобили, проскочил на красный свет и взял влево, чтобы избежать столкновения с громящим «бьюиком». Стрельнул взглядом назад, обернувшись через плечо, чтобы убедиться, что средняя полоса движения пуста. Вновь посмотрел вперед и увидел, что через пять секунд врежется в задний борт пикапа, который остановился аккуратно посреди перекрестка, пока водитель, похожий на дядюшку Айка¹⁰², переводил взгляд с одного указателя на другой, чтобы не ошибиться с поворотом и не уехать в Майами.

Правую от Билла полосу занимал автобус, который курсировал между Дерри и Бангором. Мальчика это не смутило, и он взял курс на зазор между пикапом и автобусом, по-прежнему продвигаясь со скоростью сорок миль в час. В последний момент резко дернул головой в сторону, как солдат, слишком уж рьяно выполняющий приказ «равнение направо», чтобы зеркало с пассажирской стороны кабины пикапа не проредило ему зубы. Горячие выхлопные

¹⁰¹ Бо Диддли (1928–2008, настоящее имя Эллас Ота Бейнс) – американский певец, гитарист, автор песен. Один из родоначальников рок-н-ролла. Знаменит необычайно энергичной, яростной манерой игры.

¹⁰² Дядюшка Айка – прозвище Дуайта Эйзенхауэра (1890–1969), 34-го президента США (1952–1960).

газы дизельного двигателя автобуса стянули горло, как крепкое спиртное. Он услышал, как резиновая ручка руля черкнула по алюминиевому борту автобуса, на мгновение в поле его зрения попало белое как мел лицо водителя в фуражке «Гудзон бас компании». Водитель грозил Биллу кулаком и что-то кричал. Билл сомневался, что его поздравляли с днем рождения.

Трио старушек пересекало Главную улицу. Они уже сошли с той стороны, где располагался «Нью-Ингленд бэнк», и продвигались к противоположной, где был «Корабль обуви». Челюсти у них отвисли, когда мальчишка на велосипеде проскочил в каком-то полуфуте, будто мираж.

Тут самая опасная (и самая лучшая) часть пути для него и закончилась. Он опять сталкивался с реальной возможностью смерти, но и на этот раз им удавалось разминуться. Автобус его не раздавил; он не погиб сам и не убил ни одну из старушек, которые несли пакеты с логотипом магазина «Фрисис» и чеками, полученными от службы социального страхования; он не врезался в задний борт старого «доджа-пикапа» дядюшки Айка. Теперь он поднимался на холм, поэтому скорость падала. И что-то (ох, назовем это вожделением, почему нет?) уходило вместе со скоростью. Все мысли и воспоминания настигали его (ой, Билл, мы на какое-то время почти потеряли тебя, но ничего, мы уже здесь), чтобы соединиться с ним, подняться по рубашке, прыгнуть в ухо и ворваться в мозг, как детишки, спускающиеся по желобу горки. Билл чувствовал, как они устраиваются на привычных местах, как их разгоряченные тела толкают друг друга. «Ох! Уф! Наконец-то мы вновь в голове Билла! Давайте подумаем о Джордже! Отлично! Кто хочет начать?»

«Ты слишком много думаешь, Билл».

Нет... это как раз не проблема. Проблема – в его слишком богатом воображении.

Билл свернул в переулок Ричарда и через несколько мгновений выехал на Центральную улицу, педали он крутил медленно, чувствуя пот на шее и в волосах. Слез с велосипеда у «Аптечного магазина на Центральной», вошел в зал.

6

До смерти Джорджа Билл объяснил бы мистеру Кину, что ему нужно, заговорив с ним. Аптекарь не был человеком добрым, во всяком случае, Биллу он таковым не казался, но терпения ему хватало, он не стал бы ни передразнивать, не высмеивать мальчика. Но теперь заикание Билла заметно усилилось, и он действительно боялся, что с Эдди может случиться непоправимое, если он быстро не вернется к речке.

Поэтому, едва услышав от мистера Кина: «Привет, Билл Денбро, чем я могу тебе помочь?» – Билл взял листок с рекламой витаминов и на чистой обратной стороне написал: «Мы с Эдди Каспбрэком играли в Пустоши. У него начался сильный приступ астмы, он едва может дышать. Можете вы наполнить его ингалятор?»

Он протянул записку через застекленный прилавок мистеру Кину, тот прочел ее, посмотрел во встревоженные синие глаза Билла и кивнул.

– Разумеется. Подожди здесь. И не трогай того, что тебе трогать не следует.

Билл нетерпеливо переминался с ноги на ногу, пока мистер Кин что-то делал позади прилавка в глубине аптеки. И хотя вернулся он менее чем через пять минут, Биллу показалось, что прошла вечность, прежде чем аптекарь принес пластиковую бутылку-ингалятор Эдди. Протянул Биллу, улыбнулся.

– Это должно помочь.

– Спа-а-а-асибо, – ответил Билл. – У меня нет де-е-е-е...

– Все в порядке, сынок. У миссис Каспбрэк открытый счет. Я просто внесу в него эту сумму. Уверен, она только поблагодарит тебя за твою доброту и отзывчивость.

Билл, испытывая безмерное облегчение, поблагодарил мистера Кина и быстро ушел. Аптекарь выглянул в окно, наблюдая за Биллом. Увидел, как мальчик бросил ингалятор в багажную корзинку и неуклюже оседлал велосипед. «*Неужели он сможет уехать на таком большом велосипеде?* – подумал мистер Кин. – *Сомневаюсь я, сильно сомневаюсь*». Но юный Денбро как-то тронул велосипед с места, не свалившись с него, а потом медленно заработал педалями. Машина, которая выглядела для мистера Кина пародией на велосипед, раскачивалась из стороны в сторону. Ингалятор катался по багажной корзинке.

Мистер Кин усмехнулся. Если бы Билл увидел эту усмешку, она, безусловно, подтвердила бы его предположение, что аптекарю не занять высокого места среди добряков этого мира. Мрачная получилась усмешка, усмешка человека, который много размышлял о человеческой природе, но не находил в ней ничего утешительного. Да, он собирался внести стоимость противоастматического лекарства Эдди в счет Сони Каспбрэк, и, как обычно, она будет удивлена (отнесется с подозрением, а не с благодарностью) дешевизной этого препарата. «Другие-то лекарства такие дорогие», – говорила она. Миссис Каспбрэк – и мистер Кин хорошо это знал – относилась к людям, которые не верили, будто что-то дешевое может принести пользу. Он мог бы ободрать ее как липку за «Аэрозоль гидрокса», которым лечился ее сын, и несколько раз его так и подмывало это сделать – но с какой стати он должен пользоваться дуростью этой женщины? Он и так не умирает с голоду.

Дешевое лекарство? Да, не то слово. «Аэрозоль гидрокса» (применять, как указано в инструкции, которую мистер Кин аккуратно наклеивал на каждую бутылочку) стоил на удивление дешево, но даже миссис Каспбрэк не могла не признать, что препарат, несмотря на дешевизну, прекрасно держал в узде астму ее сына. А стоил он так дешево, потому что состоял исключительно из устойчивого соединения кислорода с водородом, в которое подмешивалась капелька камфорного масла, чтобы придать аэрозолю слабый медицинский вкус.

Иными словами, лекарством от астмы Эдди служила водопроводная вода.

7

Дорога назад заняла у Билла больше времени, потому что ехал он в гору. Несколько раз ему приходилось слезать с Сильвера и катить его. Ему просто не хватало мускульной силы, чтобы преодолевать на велосипеде более или менее крутые подъемы.

Так что к разрушенной плотине Билл вернулся, спрятав велосипед под тем же мостом, уже в десять минут пятого. В голову лезли черные мысли. Бен Хэнском мог уйти, оставив Эдди умирать. Или громилы могли вернуться и отдубасить их обоих. Или... что хуже всего... человек, который убивал маленьких детей, мог убить одного из них или обоих. Как убил Джорджа.

Он знал, сколько об этом ходило сплетен и домыслов. Билл, конечно, сильно заикался, но на слух-то не жаловался, хотя иногда люди думали, что он еще и глухой, поскольку говорил он только в случае крайней необходимости. Некоторые считали, что убийство его брата никак не связано с убийствами Бетти Рипсом, Черил Ламоники, Мэттью Клементса и Вероники Грогэн. Другие утверждали, что Джордж, Рипсом и Ламоника убиты одним человеком, а Клементс и Грогэн – его подражателем. Третьи думали, что мальчиков убил один человек, а девочек – другой.

Билл верил, что убийца – один человек... если только это был человек. Порой он задавался таким вопросом. А еще тем летом он задумывался о своих чувствах к Дерри. На него все еще давила смерть Джорджа? Или сказывалось отношение родителей, которые теперь вроде бы вообще забыли о нем, продолжая скорбеть об утрате младшего сына и, казалось, не замечали, что Билл по-прежнему жив и может попасть в беду? Все это следовало связать с другими убийствами? С голосами, которые теперь иногда звучали у него в голове, нашептывали ему (конечно же, не вариации его собственного голоса, ибо эти голоса не заикались, такие уверен-

ные, такие спокойные), советовали что-то делать, а что-то нет? Потому-то ныне Дерри выглядел не таким, как прежде? Выглядел угрожающе, улицы, по которым он еще не ходил, совсем и не приглашали, а наоборот, взирали на него в зловещем молчании? И некоторые лица становились таинственными и испуганными?

Он этого не знал, но верил (как верил, что убийца один), что Дерри действительно изменился и начало этих изменений положила смерть его брата. И мрачные предположения в его голове родились из мысли, что теперь в Дерри может случиться все, что угодно. Что угодно.

Но когда он миновал последнюю излучину, все выглядело тихо и спокойно. Бен Хэнском никуда не ушел, сидел рядом с Эдди. И Эдди уже сидел, положив руки на колени, опустив голову, но свистящее дыхание никуда не делось. Солнце клонилось к закату, и на воду легли длинные зеленые тени.

– Слушай, как ты быстро! – Бен встал. – Я думал, ты вернешься еще через полчаса.

– У ме-еня бы-ы-ыстрый ве-елосипед, – не без гордости ответил Билл. Мгновение они осторожно, с опаской разглядывали друг друга. Потом Бен застенчиво улыбнулся, и Билл улыбнулся в ответ. Парень, конечно, толстый, но, похоже, славный. Остался ведь. Для этого требовалась немалая храбрость, учитывая, что Генри и его дружки могли вернуться.

Билл подмигнул Эдди, который смотрел на него с немой благодарностью.

– Де-ержи, Э-Э-Э-Эдди. – И бросил ему ингалятор. Эдди сунул пульверизатор в рот, нажал на рычаг, судорожно вдохнул. Откинулся назад, закрыв глаза.

Бен с тревогой смотрел на него.

– Господи! Ему действительно было худо, так?

Билл кивнул.

– Я какое-то время боялся, – тихо признался Бен. – Гадал, что же мне делать, если у него начнутся судороги или что-то такое. Пытался вспомнить, чему нас учили на тех занятиях в «Красном кресте» в апреле. В голове крутилось только одно: надо вставить в рот палку, чтобы он не смог откусить себе язык.

– Я думаю, это для э-э-эпилептиков.

– Ох. Да. Похоже, ты прав.

– Те-еперь су-судорог у него точно не бу-удет, – продолжил Билл. – Это ле-екарство по-одействует. С-с-смотри.

Натужное, со свистом, дыхание Эдди стало заметно легче. Он открыл глаза, посмотрел на них снизу вверх.

– Спасибо, Билл. На этот раз прихватило сильно.

– Наверное, все началось, когда тебе расквасили нос, да? – спросил Бен.

Эдди печально рассмеялся, встал, сунул ингалятор в задний карман.

– О носе я и не думал. Думал о моей мамочке.

– Да? Правда? – Голос Бена звучал удивленно, но рука невольно поднялась к лохмотьям свитера и принялась их тереть.

– Она только взглянет на кровь на моей рубашке, и через пять секунд я буду в приемном отделении Городской больницы Дерри.

– Почему? – спросил Бен. – Кровь же остановилась. Слушай, я помню одного парня, с которым ходил в детский сад, Скутера Моргана, так он разбил нос, свалившись со шведской стенки. Его отвезли в больницу, но только потому, что кровь никак не останавливалась.

– Да? – с интересом спросил Билл. – Он у-у-умер?

– Нет, но неделю не ходил в школу.

– Остановилась кровь или нет, значения не имеет, – мрачно изрек Эдди. – Мама все равно отвезет меня туда. Решит, что нос сломан, и кусочки кости торчат сейчас в моем мозгу или что-то еще.

– Ко-ости мо-огут попасть в т-твой мо-озг? – спросил Билл. Давно уже разговор не был таким интересным.

– Не знаю. Если послушать мою мамочку, возможно все. – Эдди повернулся к Бену. – Ее стараниями меня возят в приемное отделение раз или два в месяц. Я ненавижу это место. Там есть один санитар, так он сказал ей, что с нее пора брать деньги за аренду. Она устроила такой скандал.

– Ну и ну, – покачал головой Бен. Подумал, что мать Эдди действительно странная. Он не отдавал себе отчета в том, что его руки по-прежнему теребят лохмотья свитера. – А почему бы тебе просто не сказать «нет»? Сказать: «Послушай, мама, все у меня в порядке. Я хочу остаться дома и смотреть «Морскую охоту»¹⁰³. Что-нибудь эдакое.

– Ох, – выдохнул Эдди, и больше ничего не сказал.

– Ты – Бен Хэ-э-э-энском, так? – спросил Билл.

– Да. А ты – Билл Денбро.

– Д-да. А это Э-э-э-э-э...

– Эдди Каспбрэк, – пришел на помощь Эдди. – Я терпеть не могу, когда ты заикаешься на моем имени, Билл. Говоришь, как Элмер Фадд¹⁰⁴.

– И-извини.

– Что ж, рад с вами познакомиться, – сменил тему Бен. Получилось как-то чопорно и неубедительно. Возникла пауза, но отнюдь не неловкая. За эту паузу все трое стали друзьями.

– Почему эти парни гнались за тобой? – спросил наконец Эдди.

– Они в-всегда за-а кем-то го-оняются, – вставил Билл. – Я не-енавижу этих мудаков.

Бен какое-то время молчал (онемел от восхищения), потому что Билл, как иногда говорила мама Бена, произнес Действительно Плохое Слово. Сам Бен никогда в жизни не произносил вслух Действительно Плохого Слова, хотя однажды написал его (очень маленькими буквами) на телефонном столбе в позапрошлый Хэллоуин.

– Бауэрс сидел рядом со мной на экзаменах, – ответил Бен. – Попросил списать. Я не дал.

– Ты, наверное, хочешь умереть молодым! – восхищенно воскликнул Эдди.

Заика Билл расхохотался. Бен резко повернулся к нему, понял, что смеются не над ним (трудно сказать, откуда он это узнал, но узнал), и улыбнулся.

– Наверное, – согласился он. – В любом случае ему придется ходить в летнюю школу, поэтому он и эти два парня напали на меня, и вот что из этого вышло.

– Т-ты вы-ыглядишь так, бу-удто они те-ебя у-у-убили.

– Я упал с Канзас-стрит. Покатился вниз по склону. – Он посмотрел на Эдди. – Я, наверное, увижу тебя в приемном отделении, раз уж об этом зашла речь. Когда мама взглянет на мою одежду, она точно отправит меня туда.

На этот раз расхохотались и Билл, и Эдди, а Бен тут же присоединился к ним. От смеха болел живот, но он все равно смеялся, пронзительно, даже немного истерично. Наконец ему пришлось сесть на берег, и чавкающий звук, который издал его зад при соприкосновении с мокрой землей, вызвал новый приступ смеха. Ему нравилось слушать, как его смех сливается со смехом других. Такого он еще никогда не слышал: не смех компании, это как раз не редкость, а общий смех, в который он, Бен, вносит свою лепту.

Он поднял глаза на Билла Денбро, их взгляды встретились, и этого хватило, чтобы они рассмеялись вновь.

Билл подтянул штаны, поднял воротник рубашки и принялся выхаживать по берегу с важным видом. Голос его разом стал другим.

¹⁰³ «Морская охота» – телесериал (1958–1961).

¹⁰⁴ Элмер Фадд – герой мультфильмов киностудии «Уорнер бразерс». Не заикается, но вместо одних букв произносит другие. И частенько хихикает: «Э-э-э-э-э...»

– Я тебя урою, хорек. И ты мне мозги не компостируй. Я тупой, зато большой. Лбом могу орехи колоть. Могу ссать уксусом и срать цементом. Звать меня Лапочка Бауэрс, и я – главный дурак Дерри и окрестностей.

Эдди упал и катался по берегу, схватившись за живот и заходясь смехом. Бен согнулся пополам, голова оказалась между колен, слезы лились из глаз, сопли двумя широкими белыми полосами выползали из носа, а смеялся он как гиена.

Билл тоже сел, и мало-помалу все успокоились.

– Один плюс в этом есть, – наконец заговорил Эдди. – Если Бауэрс будет учиться в летней школе, здесь мы его не увидим.

– А вы часто играете в Пустоши? – спросил Бен. Такая идея не пришла бы ему в голову и за тысячу лет (учитывая репутацию Пустоши), но теперь, когда он попал сюда, она представлялась даже привлекательной. Собственно, ему очень нравилась эта полоска низкого берега, освещенная солнцем.

– Ко-о-онечно. Здесь з-здорово. И ни-икто н-нас н-не т-тро-гает. Мы бы-ываем тут часто. Ба-ауэрс и д-д-другие ни ра-азу з-здесь не по-оявлялись.

– Ты и Эдди?

– И Ри-и-и... – Билл покачал головой. Лицо его исказилось, напомним мокрую тряпку, а в голове у Бена вдруг сверкнула странная мысль: Билл совсем не заикался, когда копировал Генри Бауэрса. – Ричи! – воскликнул Билл, помолчал, потом продолжил: – Ричи То-озьер обычно приходит сюда. Но се-егодня он по-омогает отцу п-прибраться на че-е-е...

– На чердаке, – перевел Эдди и бросил камешек в воду. Плюх.

– Да, я знаю его. Так вы, парни, часто сюда приходите, да? – Идея зачаровала его, и он вдруг почувствовал желание присоединиться к ним.

– До-о-овольно часто, – кивнул Билл. – И по-о-очему б-бы тебе не п-прийти сюда завтра? М-мы с Э-Э-Э-Эдди пы-ытались по-остроить п-плотину.

Бен ничего не смог ответить. Его поразило не столько само предложение, как легкость и естественность, с которыми Билл это сказал.

Бен поднялся. Подошел к воде, счищая грязь с громадных окороков. С обеих сторон ручья еще лежали груды маленьких веток, но все остальное вода смыла и унесла с собой.

– Вам нужны доски, – указал Бен. – Добудьте доски и поставьте их в ряд... друг против друга... как хлеб в сэндвиче.

Билл и Эдди только смотрели на него, на лицах читалось недоумение. Бен опустился на одно колено.

– Смотрите. Доски здесь и здесь. Втыкаете их в дно ручья напротив друг друга. Понятно? Потом, пока вода не успела их смыть, заполняете пространство между ними камнями и песком...

– М-м-мы, – оборвал его Билл.

– Что?

– М-мы это сделаем.

– Ох, – вырвалось у Бена, который чувствовал себя дураком (он не сомневался, что и выглядит дураком), но при этом ощущал невероятное счастье. Он не мог вспомнить, когда в последний раз был таким счастливым. – Да. Мы. В любом случае, если вы... мы... заполним пространство между ними камнями и песком, они устоят. Первая по течению доска под напором воды будет ложиться на камни и песок. Вторая доска через какое-то время отклонится назад, но, если мы возьмем третью доску... вот, смотрите.

Он начал рисовать на мокрой земле палкой. Билл и Эдди Касп-брэк наклонились вперед и с неподдельным интересом изучали маленький рисунок:

– Ты когда-нибудь строил плотину? – спросил Эдди. В голосе слышалось уважение, даже благоговение.

– Не-а.

– Тогда о-о-откуда ты знаешь, что это с-с-сработает?

Теперь уже Бен в недоумении воззрился на Билла.

– Конечно, сработает. А почему нет?

– Но к-как ты э-это з-знаешь? – спросил Билл. В голосе его звучало не саркастическое неверие, а искренний интерес. – К-как ты мо-ожешь у-утверждать?

– Просто знаю, – ответил Бен. Вновь посмотрел на рисунок на грязи, словно с тем, чтобы убедить в этом самого себя. Он никогда не видел намывных плотин, ни на чертежах, ни в жизни, так что понятия не имел, что нарисовал одну из них.

– Ла-адно. – Билл хлопнул Бена по спине. – У-увидимся за-автра.

– В какое время?

– Мы с Э-Эдди бу-удем здесь в по-оловине де-е-евятого или...

– Если мы с мамой не будем еще сидеть в приемном отделении, – вздохнул Эдди.

– Доски я принесу, – пообещал Бен. – У одного старика в соседнем квартале их целая гора. Я стырю несколько.

– Принеси и припасы, – вставил Эдди. – Что-нибудь из еды. Сам знаешь, бутеры, песочные кольца. Все такое.

– Хорошо.

– У те-ебя е-есть о-оружие?

– У меня есть духовушка «Дейзи», – ответил Бен. – Мама подарила ее мне на Рождество, но она разозлится, если стрелять я буду вне дома.

– В-все ра-авно п-принеси. Мы по-оиграем в-в во-ойну.

– Хорошо, – радостно воскликнул Бен. – Слушайте, пора прощаться. Мне надо домой.

– Н-нам то-оже.

Они ушли с Пустоши вместе. Бен помог Биллу закатить Сильвера на насыпь. Эдди шел позади, в груди у него снова свистело, и он с тоской смотрел на испачканную кровью рубашку.

Билл попрощался и уехал, во все горло выкрикнув: «Хай-йо, Сильвер, ВПЕРЕ-Е-ЕД!»

– Просто гигантский велосипед, – прокомментировал Бен.

– Можешь поспорить на свою шкуру. – Эдди вновь приложил к ингалятору и теперь дышал нормально. – Он иногда возит меня на багажнике. Велосипед мчится так быстро, что дух захватывает. Он хороший парень, я про Билла. – Слова эти он произнес небрежно, но глаза говорили о другом: в них читалось обожание. – Ты знаешь, что случилось с его братом, да?

– Нет... а что?

– Погиб прошлой осенью. Какой-то тип убил его. Оторвал руку, как открывают крыло у мухи.

– Оосподи-суси!

– Билл, он тогда только чуть-чуть заикался. А теперь ужасно. Ты заметил, что он заикается?

– Да... есть немного.

– Но мозги у него не заикаются... понимаешь, о чем я?

– Да.

– В любом случае, я говорю тебе это, чтобы ты не спрашивал Билла о его младшем брате, если хочешь, чтобы он стал твоим другом. Не задавай ему об этом никаких вопросов. Он до сих пор переживает.

– Я бы тоже переживал. – Тут Бен вспомнил, очень смутно, о маленьком мальчике, которого убили прошлой осенью. Задался вопросом, думала ли его мать о Джордже Денбро, когда давала ему часы, которые он сейчас носил, или о более поздних убийствах. – Это случилось сразу после большого наводнения?

– Да.

Они добрались до перекрестка Канзас и Джексон-стрит, где им предстояло расстаться. Повсюду бегали дети, играли в салочки или перекидывались бейсбольными мячами. Мимо важно прошел придурковатого вида мальчик в длинных синих шортах и енотовой шапке, как у Дэйви Крокетта¹⁰⁵, повернутой задом наперед, так что хвост енота висел между глаз. Он катил хула-хуп и кричал: «Сейчас осалю обручем! Хотите, осалю?»

Эдди и Бен, улыбаясь, проводили его взглядом.

– Ну, мне пора, – сказал Эдди.

– Подожди, – остановил его Бен. – У меня идея, если ты действительно не хочешь попасть в приемное отделение.

– И какая? – Эдди посмотрел на Бена с сомнением, боясь и надеяться.

– У тебя есть пятицентовик?

– Есть десятик. А что?

Бен окинул взглядом бордовые пятна на рубашке Эдди.

– Зайди в магазин и купи шоколадное молоко. Половину вылей на рубашку. Потом иди домой и скажи маме, что случайно опрокинул на себя стакан.

Глаза Эдди сверкнули. За четыре года, прошедших после смерти отца, зрение матери заметно ухудшилось. Из тщеславия (и потому, что не водила автомобиль) она отказывалась пойти к окулисту и заказать очки. Засохшие пятна крови и шоколадного молока выглядели одинаково. Так что...

– Может, и выгорит.

– Только не говори ей, что это моя идея, если она сообразит что к чему.

– Не скажу. Еще увидимся, аллигатор.

– Хорошо.

– Нет. – Эдди покачал головой. – Когда я так говорю, тебе положено ответить: «До скорого, крокодил»¹⁰⁶.

– Ох. До скорого, крокодил.

– Уловил, значит. – Эдди улыбнулся.

– Знаешь что? А вы правда клевые парни.

Эдди смутился; чего там, занервничал.

– Это Билл клевый, – ответил он и ушел.

Бен какое-то время наблюдал, как он идет по Джексон-стрит, потом повернул к своему дому. Отшагав три квартала, увидел на автобусной остановке на углу Главной улицы и Джексон-стрит три ну очень знакомые фигуры. Но Бену чертовски повезло: они стояли к нему спиной. Он нырнул за зеленую изгородь, с гулко бьющимся сердцем. Пять минут спустя к остановке подъехал автобус, следовавший по маршруту Дерри – Ньюпорт – Хейвен. Генри с друзьями затоптали окурки и поднялись в салон.

Бен подождал, пока автобус скроется из виду, и лишь потом поспешил домой.

8

В тот вечер с Биллом Денбро случилось ужасное. Случилось уже во второй раз.

Его мама и папа смотрели телевизор вниз, сидя по краям дивана, как подставки для книг. А ведь было время, когда семейную гостиную, где стоял телевизор (ее дверь открывалась на кухню) наполняли разговоры и смех. Иной раз они говорили и смеялись так громко, что заглушали телевизор. «Заткнись, Джорджи!» – ревел Билл. «Перестань хапать весь попкорн, и

¹⁰⁵ Крокетт, Дэйвид Стерн (1786–1836) – американский народный герой. Погиб в битве при Аламо.

¹⁰⁶ Отсылка к детскому стишку, в котором обыгрываются разные прощальные фразы: See you later, alligator, / After awhile, crocodile, / Bye-bye, butterfly, / Give a hug, ladybug, / Toodle-ee-oo, kangaroo, / See you soon, raccoon, / Time to go, buffalo, / Can't stay, blue jay, / Mañana iguana, / The end, my friend!

я заткнусь, – отвечал Джордж. – Ма, пусть Билл поделится со мной попкорном». – «Билл, дай ему попкорн. Джордж, не зови меня «ма». Так овцы блеют». Или отец рассказывал анекдот, и они все смеялись, даже мама. Джордж не всегда понимал соль анекдота, Билл это знал, но смеялся, потому что смеялись все.

В те дни мама и папа тоже были книжными подставками на диване, но он и Джордж – книгами. Билл пытался быть книгой, лежащей между ними, когда они смотрели телевизор после смерти Джорджа, и работа эта грозила превратить его в ледышку. С обеих сторон они источали на него холод, и обогреватель Билла просто не мог с этим справиться. Ему не оставалось ничего другого, как уходить, потому что от этого холода леденели щеки и слезились глаза.

– Хо-отите послушать анекдот, который сегодня ра-ассказали в ш-ш-школе? – однажды, пару месяцев назад, предпринял он очередную попытку.

Родители не отреагировали. На экране преступник умолял своего брата священника спрятать его.

Отец Билла оторвался от последнего номера «Тру»¹⁰⁷, который пролистывал, и с легким удивлением посмотрел на Билла. Потом вернулся к журналу. На раскрытой странице охотник, распростертый на сугробе, смотрел на огромного рычащего белого медведя. Статья называлась «Покалеченный убийцей из Белой пустыни». «Я знаю, где находится белая пустыня, – подумал Билл. – Аккурат между моими папой и мамой на этом диване».

Мать даже не подняла головы.

– Э-этот анекдот о то-ом, с-сколькo нужно ф-ф-французов, чтобы в-в-вернуть лампочку. – Билл почувствовал, как на лбу выступила пленочка пота – так иногда бывало в школе, когда он знал, что учительница очень уж долго игнорировала его и вот-вот должна вызвать. Говорил он очень уж громко, но не мог заставить себя понизить голос. Слова эхом отдавались у него в голове, как звон обезумевших колоколов, отдавались, били, отдавались снова. – В-вы знаете с-с-сколькo?

– Один, чтобы держать лампочку, и четверо, чтобы поворачивать дом, – рассеянно ответил Зак Денбро, после чего перевернул страницу журнала.

– Ты что-то сказал, дорогой? – спросила мать, а на экране телевизора священник советовал брату, который был бандитом, пойти в полицию и молить о прощении.

Билл сидел потный, но замерзший... такой замерзший. Ему было так холодно, потому что в действительности он не был единственной книгой между двумя концами подставки; Джордж тоже присутствовал, только Джордж, которого он не мог видеть, Джордж, который никогда не требовал попкорна и не кричал, что Билл щиплется. Этот другой Джордж никогда ничего не ломал и не портил. Это был однорукый Джордж, бледный, молчаливо задумчивый, залитый бело-синим отсветом телеэкрана, и, возможно, мощный поток холода в действительности шел не от родителей, а от него; возможно, именно Джордж и был истинным убийцей с белых просторов. И наконец Билл убежал от этого холодного, невидимого брата в свою комнату, где ничком повалился на кровать и заплакал в подушку.

Комната Джорджа оставалась такой же, как и при его жизни. Однажды, где-то через две недели после гибели Джорджа, Зак собрал его игрушки в картонную коробку с тем, как предположил Билл, чтобы отдать их «Доброй воле», «Армии спасения» или какой-нибудь еще благотворительной организации. Шерон Денбро увидела, как Зак выносит коробку из комнаты Джорджа, и ее руки взлетели к голове, словно испуганные белые птицы, вцепились в волосы, а пальцы сжались в кулаки. Билл при этом присутствовал и привалился к стене, потому что ноги вдруг перестали его держать. Мать выглядела такой же безумной, как Эльза Ланчестер в фильме «Невеста Франкенштейна»¹⁰⁸.

¹⁰⁷ «Тру» – мужской журнал, издавался с 1937 по 1974 г.

¹⁰⁸ Ланчестер, Эльза Салливан (1902–1986) – английская характерная актриса, сыгравшая множество ролей в театре, кино,

– Не смей ТРОГАТЬ эти вещи! – завизжала она.

Зак дернулся и молча отнес коробку с игрушками обратно, в комнату Джорджа. Даже расставил на те же места, откуда брал. Билл вошел и увидел, что его отец стоит на коленях перед кроватью Джорджа (мать по-прежнему меняла на ней постельное белье, только теперь раз в неделю, а не два), опустив голову на мускулистые, волосатые руки. Он плакал, и ужас Билла усилился. Пугающая мысль внезапно сверкнула в голове: может, иногда, если случается плохое, этим не подводится черта; может, иногда становится только хуже и хуже, пока все не летит к чертям собачьим.

– Па-а-апа...

– Ступай к себе, Билл, – ответил отец сдавленным, дрожащим голосом. Плечи его поднимались и опускались. Биллу очень хотелось прикоснуться к отцовским плечам, посмотреть, а может, под его рукой плечи успокоятся, затихнут, но он не решился. – Уйди, проваливай!

Он ушел и поплакал в коридоре второго этажа, слыша, как мать воеет на кухне, пронзительно и беспомощно. «Почему они плачут так далеко друг от друга?» – подумал Билл и тут же отогнал эту мысль.

9

В первую ночь летних каникул Билл вошел в комнату Джорджа. Сердце гулко стучало в груди, ноги отяжелели, их сводило от напряжения. Он часто приходил в комнату Джорджа, но это не означало, что ему там нравилось. В комнате очень уж сильно чувствовалось присутствие Джорджа, казалось, что здесь живет его призрак. Билл зашел, и не мог не подумать о том, что дверь стенового шкафа может открыться в любой момент, и там, среди аккуратно развешенных рубашек и штанов, он увидит Джорджи, одетого в желтый дождевик с красными пятнами и разводами, в дождевик с одним болтающимся желтым рукавом. Глаза Джорджи будут пустыми и ужасными, как глаза зомби в фильме ужасов. Он выйдет из стенового шкафа и пересечет комнату под хлюпающие звуки галош, направляясь к Биллу, сидящему на его кровати, бездвигательному страхом.

Если бы электричество отключилось как-нибудь вечером, когда он сидел на кровати Джорджа, глядя на фотографии на стене или модели на комод, у него точно случился бы инфаркт, может, и со смертельным исходом, причем в первые же десять секунд после отключения. Но он все равно приходил сюда. Борьба с ужасом, который вселял в него призрак Джорджа, стала молчаливой и настойчивой потребностью, стремлением каким-то образом примириться со смертью Джорджа и обрести возможность жить дальше. Не забыть Джорджа, но найти способ сделать воспоминания о нем не столь пугающими. Он понимал, что родители в этом успехах похвастаться не могут, и если уж он собирается чего-то добиться, то рассчитывать может только на себя.

Но приходил он сюда не только ради себя; он приходил и ради Джорджи. Он любил Джорджи, и для братьев они ладили очень даже неплохо. Да, конечно, без трений не обходилось. Билл мог дать Джорджу тумака, а Джорджи – наябедничать на Билла, когда тот ночью тайком спускался на кухню, чтобы доесть остатки лимонного мороженого, но по большей части они ладили. Смерть Джорджа принесла Биллу столько горя! Но превращение Джорджа в какого-то монстра... это еще хуже.

Биллу доставало мелкого, что правда, то правда. Недоставало его голоса, смеха, глаз, которые так доверчиво смотрели на старшего брата, в полной уверенности, что у Билла найдутся ответы на все вопросы, какие ни задай. И вот что казалось чрезвычайно странным: больше всего он любил Джорджи, когда боялся, потому что, несмотря на страх (перед Джор-

джи-зомби, затаившимся в стенном шкафу или под кроватью), наиболее яркие воспоминания о любимом Джорджи приходили к нему именно здесь, как и воспоминания о том, что Джорджи любил его. В своих усилиях примирить эти две эмоции – любовь и ужас – Билл видел возможность найти путь к принятию смерти брата.

Об этом он никогда бы не стал говорить: для разума идеи эти являли собой темный лес, но доброе и отзывчивое сердце понимало, и это было для Билла самым главным.

Иногда он пролистывал книги Джорджа, иногда перебирал его игрушки.

В альбом с фотографиями Билл не заглядывал с прошлого декабря.

А теперь, вечером после встречи с Беном Хэнскомом, открыл дверь стенного шкафа в спальне Джорджа (сначала, как и всегда собравшись с духом, приготовившись к встрече с самим Джорджи, стоящим среди вещей в окровавленном дождевике, ожидая, как и всегда, что бледная рука с осклизлыми пальцами «выстрелит» из темноты, чтобы схватить его за запястье) и снял альбом с верхней полки.

«МОИ ФОТОГРАФИИ» – золоченая надпись на лицевой стороне. Ниже – приклеенная скотчем (прозрачная лента уже пожелтела и отслаивалась) полоска бумаги с аккуратно написанными словами: «ДЖОРДЖ ЭЛМЕР ДЕНБРО, 6 ЛЕТ». Билл вернулся с альбомом к кровати, на которой спал Джордж, его сердце бухало сильнее, чем прежде. Он не мог сказать, что заставило его снова взять альбом с фотографиями. После того, что случилось в декабре...

Взглянуть еще раз, и все. Убедить себя, что в первый раз ничего такого не было. Что в первый раз воображение сыграло с ним злую шутку.

Что ж, идея состояла в этом.

Возможно, он действительно так думал. Но Билл подозревал, что дело было в самом альбоме. Притягивал он к себе. То, что увидел Билл, или только вообразил себе, что увидел...

Он открыл альбом. Здесь были фотографии, которые Джордж выпрашивал у матери, отца, тетюшек и дядюшек. Джорджа не волновало, что это за фотографии, людей или мест, в которых он побывал – или не побывал; его влекла сама идея фотографии. Если ему не удавалось раскрутить кого-нибудь на новую фотографию, он садился, скрестив ноги, на кровать, где сейчас сидел Билл, и просматривал старые, осторожно переворачивая страницы, вглядываясь в черно-белые «кодаки». Их мать, молодая и невероятно красивая; их отец, лет восемнадцати, не старше, один из трех улыбающихся молодых людей, которые вскинули винтовки над тушей лежащего на земле, с открытыми глазами, оленя; дядя Хойт, стоящий на скалах с поднятой над головой шукой; тетя Фортуна на сельскохозяйственной выставке Дерри, присевшая рядом с корзинкой выращенных ею помидоров и гордо улыбающаяся; старый «бьюик»; церковь; дом; дорога из ниоткуда в никуда. Все эти фотографии, снятые неизвестно кем по неизвестно каким причинам, лежали теперь в альбоме погибшего мальчика.

Здесь Билл увидел себя, трех лет от роду, сидящего на больничной койке в повязке-тюрбане на голове. Бинты закрывали не только волосы, но и щеки, уходили под сломанную челюсть. Его сбила машина на стоянке у магазина «Эй-анд-Пи» на Центральной улице. Он мало что помнил о пребывании в больнице, разве что молочные коктейли, которые пил через трубочку, и ужасную головную боль в первые три дня.

А вот вся их семья на лужайке перед домом, Билл стоит рядом с матерью и держит ее за руку, Джордж, еще младенец, на руках Зака. А тут...

Эта фотография крепилась не на последней странице, но на той, что имела более чем важное значение, потому что все последующие пустовали. Джорджа сфотографировали в школе, в октябре прошлого года, менее чем за десять дней до его трагической смерти. В рубашке с воротником-лодочкой, непокорные волосы пригладил водой. Он улыбался, демонстрируя две дырки, которые новые зубы так и не успели заполнить. «Если только они не продолжают расти после смерти», – подумал Билл и содрогнулся.

Какое-то время он пристально всматривался в фотографию и уже собирался захлопнуть альбом, когда вновь повторилось случившееся в декабре.

Глаза Джорджа на фотографии пришли в движение. Повернулись, чтобы встретиться с глазами Билла. Натужная улыбка Джорджа «скажи сыр» превратилась в злобную ухмылку. Правый глаз закрылся, подмигивая: «Скоро увидимся, Билл. В моем стенном шкафу. Может, сегодня вечером».

Билл отбросил альбом. Прижал руки ко рту.

Альбом ударился о противоположную стену, упал на пол, раскрылся. Страницы поворачивались, хотя никакого ветра не было и в помине. Наконец вновь появилась та ужасная фотография, с надписью под ней «ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ 1957–1958 УЧЕБНОГО ГОДА».

Из фотографии полилась кровь.

Билл сидел, не шевелясь, язык раздулся, заполнив собой чуть ли не весь рот, кожа покрылась мурашками, волосы встали дыбом. Он хотел закричать, но из горла до губ добиралось только едва слышное попискивание, и на большее рассчитывать не приходилось.

Кровь растеклась до края страницы, начала капать на пол.

Билл убежал, с треском захлопнув за собой дверь.

Глава 6

Один из пропавших: рассказ из лета 1958 г.

1

Нашли их не всех. Да, нашли не всех. И время от времени делались неправильные предположения.

2

«Дерри ньюс», 21 июня 1958 г. (первая полоса):

ПРОПАВШИЙ МАЛЬЧИК ВНУШАЕТ НОВЫЕ СТРАХИ

Эдуард Л. Коркорэн, проживающий в доме 73 по Чартер-стрит, со вчерашнего дня официально считается пропавшим без вести, согласно заявлению, поданному его матерью, Моникой Маклин, и отчимом, Ричардом П. Маклином. Эдуарду Коркорэну десять лет. Его исчезновение вызвало новые страхи о том, что в Дерри появился маньяк, который убивает детей.

Миссис Маклин сообщила, что мальчик пропал еще 19 июня, не вернувшись домой из школы в последний учебный день перед летними каникулами.

Отвечать на вопрос, почему они заявили об исчезновении сына лишь через двадцать четыре часа после того, как это произошло, мистер и миссис Маклин отказались. Начальник полиции Ричард Бортон тоже отказался от комментариев, но источник в полицейском управлении сообщил «Ньюс», что отношения мальчика с отчимом были не очень хорошие, он и раньше иногда не ночевал дома. Источник высказал предположение, что годовые оценки могли сыграть свою роль в решении мальчика не возвращаться в тот вечер домой. Директор школы Гарольд Меткалф не стал ничего говорить об оценках Эдуарда Коркорэна, указав, что табель ученика не является документом, подлежащим огласке.

«Я надеюсь, что исчезновение этого мальчика не станет причиной необоснованных страхов, – заявил шеф Бортон вчера вечером. – Мы понимаем царящую в городе тревогу, но я хочу подчеркнуть, что каждый год мы регистрируем тридцать или сорок заявлений об исчезновении несовершеннолетних. Большинство пропавших появляются дома живыми и невредимыми в течение недели после подачи заявления. И то же самое произойдет с Эдуардом Коркорэном, если будет на то воля Божья».

Бортон также подтвердил свою уверенность в том, что убийства Джорджа Денбро, Бетти Рипсом, Черил Ламоники, Мэттью Клементса и Вероники Грогэн совершены не одним человеком. «В этих преступлениях есть очень существенные различия», – заявил Бортон, но уточнять ничего не стал. Сказал лишь, что местная полиция в тесном контакте с прокуратурой штата Мэн активно разрабатывает несколько версий. На заданный в телефонном интервью вопрос, насколько хороши эти версии, шеф Бортон ответил: «Очень хороши». Вопрос, ожидается ли в скором времени арест предполагаемого преступника, остался без ответа.

«Дерри ньюс», 22 июня 1958 г. (первая полоса):

СУД НЕОЖИДАННО РАЗРЕШАЕТ ЭКСТУМАЦИЮ

В деле об исчезновении Эдуарда Коркорэна возник новый, неожиданный поворот. Окружной судья Эрхардт К. Молтон вчера выдал разрешение на эксгумацию тела Дорси Коркорэна, младшего брата Эдуарда. Разрешение выдано по совместному запросу прокурора и медицинского эксперта округа Дерри.

Дорси Коркорэн, который тоже жил с матерью и отчимом в доме 73 по Чартер-стрит, скончался в мае 1957 года, как указывалось в свидетельстве о смерти, в результате несчастного случая. Мальчика, с многочисленными переломами, в том числе и разбитой головой, привез в Городскую больницу Дерри его отчим, Ричард П. Маклин. По его словам, Дорси играл на стремянке и свалился с верхней ступеньки. Три дня спустя мальчик умер, не приходя в сознание.

Эдуард Коркорэн, десяти лет, числится пропавшим без вести со среды. Вопросы о том, подозреваются ли мистер или миссис Маклин в смерти младшего ребенка или в причастности к исчезновению старшего, шеф Ричард Бортон оставил без комментариев.

«Дерри ньюс», 24 июня 1958 г. (первая полоса):

МАКЛИН АРЕСТОВАН ЗА ИЗБИЕНИЕ, ПОВЛЕКШЕЕ ЗА СОБОЙ СМЕРТЬ

И по подозрению в причастности к исчезновению

Ричард Бортон, начальник полицейского управления Дерри, вчера провел новую пресс-конференцию, чтобы объявить, что Ричард П. Маклин, проживающий в доме 73 по Чартер-стрит, арестован и ему предъявлено обвинение в убийстве его приемного сына, Дорси Коркорэна. Дорси Коркорэн умер в Городской больнице Дерри 31 мая 1957 года «в результате несчастного случая». «Заключение медицинского эксперта показывает, что мальчика жестоко избили, – сообщил Бортон. – Хотя Маклин утверждал, что мальчик свалился со стремянки, играя в гараже, медицинским экспертом установлено, что Дорси Коркорэну нанесено множество ударов тупым предметом». На вопрос, что это за предмет, Бортон ответил: «Возможно, молоток. Сейчас важно другое: заключение медицинского эксперта показывает, что мальчика били этим предметом достаточно сильно, чтобы сломать ему кости. Раны, особенно на голове, не могли быть вызваны падением с лестницы. Дорси Коркорэна забили почти до смерти, а потом привезли в Городскую больницу, чтобы он там умер».

На вопрос, не следует ли привлечь к ответственности врачей, указавших причиной смерти мальчика «несчастный случай», скрыв факт избиения ребенка, которое и привело к его смерти, Бортон ответил: «Им придется отвечать на очень серьезные вопросы, когда мистер Маклин предстанет перед судом».

Когда его попросили поделиться мнением о том, как новые обстоятельства могут повлиять на развитие ситуации с исчезновением старшего брата Дорси Коркорэна, о чем Ричард и Моника Маклин четыре дня ранее подали заявление в полицию, шеф Бортон сказал: «Думаю, выглядит все гораздо печальнее, чем мы поначалу предполагали».

«Дерри ньюс», 25 июня 1958 г. (вторая полоса):

ПО СЛОВАМ УЧИТЕЛЬНИЦЫ, ЭДУАРД КОРКОРЭН «ЧАСТО ПРИХОДИЛ С СИНЯКАМИ»

Генриэтта Дюмон, учительница пятого класса в начальной школе Дерри на Джексон-стрит, сказала, что Эдуард Коркорэн, который уже с неделю как пропал, часто приходил в школу «весь в синяках». Миссис Дюмон, которая учительствовала в одном из двух пятых классов с конца Второй мировой войны, сказала также, что за три недели до своего исчезновения Эдуард пришел в школу с практически заплывшими от синяков глазами. Когда она спросила его, что случилось, он ответил, что отец «наказал его» за несъеденный обед.

На вопрос, почему она никому не доложила о столь жестоком избиении ее ученика, миссис Дюмон ответила: «В моей практике это не первый случай такого отношения к детям. Впервые столкнувшись с родителями, которые чуть что пускали в ход кулаки, я попыталась что-то сделать. И заместитель директора, тогда Гведолин Рейберн, предложила мне не вмешиваться. Она сказала мне, что в тех случаях, когда сотрудники школы участвовали в разбирательствах, связанных с предполагаемым жестоким обращением с ребенком, школа оказывалась на плохом счету в Департаменте образования, и у нее возникали проблемы с финансированием. Я пошла к директору, и он предложил мне забыть об этом или на меня наложат взыскание. Я спросила, будет ли такого рода взыскание указано в моем личном деле, и он ответил, что в личном деле делается отметка далеко не о каждом взыскании. Намек я поняла».

На вопрос, сохранилось ли в системе образования Дерри подобное отношение, миссис Дюмон ответила: «А вам так не кажется, в свете сложившейся ситуации? Могу добавить, что не стала бы сейчас говорить с вами, если б не ушла на пенсию по окончании этого учебного года».

Миссис Дюмон сказала также: «После того как мальчик пропал, я каждый вечер преклоняю колени и молюсь в надежде, что Эдди Коркорэн убежал, потому что его достали побои. Я молюсь, чтобы он прочитал эту газету или услышал от кого-нибудь об аресте его отчима и вернулся домой».

В коротком телефонном интервью Моника Маклин с жаром опровергла все обвинения миссис Дюмон: «Рич никогда не бил Дорси и никогда не бил Эдди, – заявила она. – Вам я говорю это прямо сейчас, а когда умру и предстану перед Престолом, я посмотрю Господу в глаза и скажу Ему то же самое».

«Дерри ньюс», 28 июня 1958 г. (вторая полоса):

«ПАПОЧКА НАКАЗАЛ МЕНЯ, ПОТОМУ ЧТО Я ПЛОХОЙ», —

СКАЗАЛ МАЛЫШ ВОСПИТАТЕЛЬНИЦЕ НЕЗАДОЛГО ДО СМЕРТИ.

Учительница местного детского сада¹⁰⁹, попросившая не упоминать ее имени, вчера сказала корреспонденту «Ньюс», что менее чем за неделю до смерти, наступившей в результате так называемого несчастного случая в гараже, маленький Эдди Коркорэн пришел на занятия, которые проводились два раза в неделю, с сильными растяжениями четырех пальцев правой руки.

«Рука так болела, что бедняжка даже не мог раскрасить плакат «Мистер До», – сказал учительница. – Его пальчики раздулись как сосиски. Когда я спросила, что случилось, он рас-

¹⁰⁹ Детский сад – в США дошкольное учреждение для детей от двух до пяти лет. Здесь дети получают не только первые представления о цвете, числе, цифрах, буквах и приобретают начальные навыки чтения, но им ставят первые отметки.

сказал, что его отец (отчим Ричард П. Маклин) загибал ему пальцы назад, потому что он прошел по полу, который его мать вымыла и натерла воском. «Папа хотел меня наказать, потому что я плохой» – так он все объяснил. Я чуть не расплакалась, глядя на его бедные раздувшиеся пальчики. Он очень хотел раскрасить плакат, как и другие дети, поэтому я дала ему таблетку детского аспирина и разрешила рисовать, пока другие дети слушали сказку. Он обожал раскрашивать плакаты «Мистер До», ему это занятие нравилось больше всего, и теперь я рада, что в тот день подарила ему несколько счастливых минут.

Когда он умер, мне и в голову не пришло, что причиной тому отнюдь не несчастный случай. Я даже подумала, что он не мог как следует держаться правой рукой и упал с лестницы. Просто не могла бы поверить, что взрослый человек может поступить подобным образом с такой крохой. Теперь я знаю, что возможно и такое, и, клянусь Богом, лучше бы не знала».

Старший брат Дорси Коркорэна, Эдуард, по-прежнему считается пропавшим без вести. Ричард Маклин, находящийся в камере окружной тюрьмы Дерри, утверждает, что не имеет никакого отношения ни к смерти младшего приемного сына, ни к исчезновению старшего.

«Дерри ньюс», 30 июня 1958 г. (стр. 5):

МАКЛИНА ДОПРОСИЛИ ПО УБИЙСТВАМ ГРОГЭН И КЛЕМЕНТСА.

По информации, полученной из источника, у Маклина твердое алиби.

Из статьи «Дерри ньюс», от 6 июля 1958 г. (первая полоса):

«МАКЛИНУ ПРЕДЪЯВЛЯТ ОБВИНЕНИЕ ТОЛЬКО В УБИЙСТВЕ ПРИЕМНОГО СЫНА ДОРСИ», – ГОВОРИТ БОРТОН.

Эдуард Коркорэн по-прежнему в списке пропавших без вести.

«Дерри ньюс», 24 июля 1958 г. (первая полоса):

ПЛАЧУЩИЙ ОТЧИМ ПРИЗНАЕТСЯ В УБИЙСТВЕ ПРИЕМНОГО СЫНА

В ходе драматического заседания в окружном суде Ричард Маклин, которого обвиняют в убийстве своего приемного сына Дорси Коркорэна, не выдержал жесткого допроса, устроенного ему окружным прокурором Брэдли Уитсаном, и признал, что избил четырехлетнего малыша безоткатным молотком, который потом зарыл в дальнем конце огорода своей жены, прежде чем отвезти мальчика в Городскую больницу Дерри.

Присутствующие в зале суда, остолбенев, молча слушали, как плачущий Маклин (ранее он признал, что поколачивал обоих своих пасынков, «иногда, если они того заслуживали, для их собственного блага») рассказывает свою историю.

– Я не знаю, что на меня нашло. Увидел, как он снова забирается на эту чертову лестницу, схватил лежащий на скамье молоток и принялся колотить его. Я не собирался его убивать. Бог мне свидетель, я не собирался его убивать.

– Он что-нибудь сказал, прежде чем потерял сознание? – спросил Уитсан.

– Он сказал: «Остановись, папочка, прости, я тебя люблю», – ответил Маклин.

– Вы остановились?

– В конце концов – да, – ответил Маклин. И тут рыдания его стали совсем уж неконтролируемыми, и судья Эрхардт К. Молтон объявил перерыв.

«Дерри ньюс», 18 сентября 1958 г. (стр. 16):

ГДЕ ЭДУАРД КОРКОРЭН?

Его отчим, которому за убийство Дорси, четырехлетнего брата Эдуарда, назначили наказание от двух до десяти лет лишения свободы с отбыванием в Шоушенкской тюрьме штата, продолжает утверждать, что понятия не имеет, где сейчас Эдуард. Мать мальчика, инициировавшая развод с Ричардом П. Макклином, предполагает, что ее муж, в недалеком будущем уже бывший, лжет.

Так ли это?

– Я, к примеру, уверен, что нет, – говорит отец Эшли О’Брайен, работающий в Шоушенке с заключенными-католиками. Маклин обратился к Богу, как только начал отбывать срок, и отец О’Брайен проводил с ним много времени. – Он искренне сожалеет о содеянном, – продолжает отец О’Брайен, добавляя, что на первый вопрос, почему Маклин решил стать католиком, тот ответил: «Я знаю, что католики признают прощение грехов, а мне нужно во многом покаяться, иначе после смерти я попаду в ад».

– Он сознает, что сделал с младшим ребенком, – сказал отец О’Брайен. – Если он и сделал что-то со старшим, он этого не помнит и искренне верит, что в отношении Эдуарда руки его чисты.

Насколько чисты руки Маклина в отношении Эдуарда – вопрос, который продолжает волновать жителей Дерри, но он точно признан невиновным в убийствах других детей. Маклин предоставил стопроцентное алиби на первые три убийства, и сидел в тюрьме, когда произошли семь последующих – в конце июня, в июле и в августе.

Все десять убийств по-прежнему остаются нераскрытыми.

В эксклюзивном интервью, которое Маклин дал на прошлой неделе «Ньюс», он вновь утверждал, что ничего не знает о нынешнем местонахождении Эдуарда Коркорэна. «Я бил их обоих, – заявил он, и его монолог неоднократно прерывался рыданиями. – Я любил их, но бил. Я не знаю почему, не знаю, почему Моника позволяла мне, или почему она покрывала меня после смерти Дорси. Наверное, я мог бы убить его с той же легкостью, с какой убил Дорси, но, клянусь перед Господом Иисусом и всеми святыми, я его не убивал. Я знаю, как это выглядит со стороны, но я этого не делал. Наверное, он просто сбежал. Если так, это, пожалуй, единственное, за что я могу поблагодарить Господа».

Когда Маклина спросили, возможны ли у него провалы в памяти – скажем, мог он убить Эдуарда, а потом заблокировать эту информацию, Маклин ответил: «Ни о каких провалах в памяти мне неизвестно. Я даже слишком хорошо знаю то, что сделал. Я посвятил свою жизнь Христу и собираюсь провести ее остаток в попытке искупить содеянное».

«Дерри ньюс», 27 января 1960 г. (первая полоса):

«ЭТО НЕ ТРУП КОРКОРЭНА», – ОБЪЯВЛЯЕТ БОРТОН

Начальник полиции Ричард Бортон сегодня рассказал репортерам, что сильно разложившееся тело мальчика, примерно такого же возраста, как и Эдуард Коркорэн, который пропал в июне 1958 года, определенно принадлежит другому ребенку. Нашли тело в Эйнесфорде, штат Массачусетс, похороненным в гравийном карьере. Поначалу в полиции Массачусетса и Мэна предполагали, что это тело Эдуарда Коркорэна, который мог попасть в руки какого-нибудь растлителя малолетних после того, как убежал из дома на Чартер-стрит, где забили до смерти его младшего брата.

Но стоматологическая карта убедительно доказала, что в Эйнесфорде найден не Коркорэн, который уже девятнадцать месяцев числится пропавшим без вести.

«Портленд пресс-герольд», 19 июля 1967 г. (стр. 3):

ОСУЖДЕННЫЙ ЗА УБИЙСТВО СОВЕРШАЕТ САМОУБИЙСТВО В ФАЛМУТЕ

Ричард П. Маклин, девять лет назад осужденный за убийство своего четырехлетнего приемного сына, вчера вечером найден мертвым в своей квартирке на третьем этаже. Условно освобожденный заключенный, вышедший из Шоушенкской тюрьмы штата в 1964 году, скромно жил и работал в Фалмуте. Вне всяких сомнений, он покончил с собой.

«Оставленная им записка свидетельствует о психическом расстройстве, – сообщил Брендон К. Рош, заместитель начальника полиции Фалмута, отказавшись раскрыть содержание записки, но, по сведениям источника в Управлении полиции, записка состояла из двух предложений: «Вчера ночью я видел Эдди. Он мертв».

Вышеупомянутый «Эдди» – скорее всего второй приемный сын Маклина, брат мальчика, за убийство которого Маклина осудили в 1958 г. Именно исчезновение Эдуарда Коркорэна привело к тому, что Маклина изобличили в убийстве младшего брата Эдуарда, Дорси Коркорэна. Старший брат числится пропавшим без вести уже девять лет. В судебном процессе 1966 года мать мальчика добилась официального признания Эдуарда Коркорэна мертвым, чтобы получить право воспользоваться его банковским счетом. На банковском счету Эдуарда Коркорэна лежали шестнадцать долларов.

3

Эдди Коркорэн умер, все верно.

Он умер вечером 19 июня, и его приемный отец не имел к этому никакого отношения. Он умер, когда Бен Хэнком сидел рядом с матерью и смотрел телевизор; когда мать Эдди Каспбрэка озабоченно щупала лоб сына в поисках признаков ее любимой болезни, «фантомной лихорадки»; когда отец Беверли Марш (некий господин, темпераментом ничуть не отличающийся от отчима Эдди и Дорси Коркорэнов) дал девочке увесистого пинка под зад и велел «убираться отсюда и вытереть те чертовы тарелки, как и сказала мамуля»; когда Майка Хэнлона, который пропалывал огород, обсмеяли старшекласники (один из них через несколько лет зачнет мальчика, который со временем станет молодым гомофобом Джоном Гартоном по кличке Паук), проезжая на старом «додже» мимо маленького дома Хэнлонов на Уитчем-роуд, недалеко от фермы, принадлежащей полоумному отцу Генри Бауэрса; когда Ричи Тозиер тайком смотрел на полураздетых девиц в журнале «Джем», найденном в нижнем ящике комода, где лежало белье и носки отца, и чувствовал, как у него встает член; когда Билл Денбро в ужасе, не веря своим глазам, отшвырнул фотоальбом погибшего брата.

И хотя никто из них потом об этом не вспомнит, все они вскинули глаза к потолку в тот самый момент, когда умер Эдди Коркорэн... будто услышали далекий крик.

В одном «Ньюс» попала в десятку: отметки в табели Эдди оставляли желать лучшего, и он действительно боялся идти домой. Кроме того, мать и отчим в этом месяце часто ссорились, что тоже не радовало. Когда ссора достигала точки кипения, его мать орала, выкрикивая бессвязные обвинения. Отчим поначалу что-то бурчал, потом требовал, чтобы она заткнулась и, наконец, начинал реветь, как медведь, ткнувшийся мордой в иглы дикобраза. Правда, Эдди никогда не видел, чтобы отчим набрасывался на мать с кулаками. Эдди думал, что он просто не решается ударить ее. Так что кулаки раньше он приберегал для Эдди и Дорси, а теперь, после смерти Дорси, Эдди получал порцию, положенную младшему брату, в довесок к собственной.

Скандалы происходили постоянно. Правда, учащались к концу месяца, когда приходили счета. Порой, когда крики становились слишком громкими, к ним заглядывал полицейский,

вызванный соседями, и предлагал уgomониться. Обычно так и бывало. Его мать могла показать копу палец, и у того возникало желание забрать ее в участок, а вот отчим сразу притихал.

Эдди думал, что отчим полицию боялся.

Когда мать с отчимом ссорились, Эдди предпочитал не высовываться. Находил такое поведение оптимальным. А тому, кто придерживался иного мнения, следовало вспомнить о случившемся с Дорси. Он не сомневался, что Дорси просто оказался не в том месте и не в то время: в гараже в последний день месяца. Они сказали Эдди, что Дорси свалился со стремянки в гараже. «Я же все время говорил ему, держись от нее подальше, говорил раз шестьдесят», – сказал отчим, но его мать отводила глаза... а когда их взгляды встретились, Эдди увидел в глазах матери испуганный крысиный блеск, и ему это совершенно не понравилось. Отчим же сидел за кухонным столом с квартой «Рейнгольда», глядя в никуда из-под тяжелых бровей. Эдди держался от него подальше. Когда отчим ревел (не всегда, но обычно), особой опасности он не представлял. Его следовало обходить стороной, когда он замолкал.

Двумя днями ранее он запустил в Эдди стулом, когда мальчик встал посмотреть, что показывают по другому каналу. Просто поднял один кухонный стул с трубчатыми ножками, замахнулся им над головой и бросил. Стул угодил Эдди по задку и свалил на пол. Задница болела до сих пор, но Эдди знал, что могло быть хуже: все-таки стул попал не в голову.

А как-то вечером отчим внезапно поднялся, зачерпнул пятерней картофельное пюре и намазал на волосы Эдди безо всякой на то причины. В прошлом сентябре Эдди, вернувшись из школы, по недосмотру не придержал сетчатую дверь, и она захлопнулась за ним, разбудив отчима, решившего поспать днем. Маклин вышел из спальни в широченных трусах, с торчащими во все стороны волосами и щетиной выходного дня на щеках, окутанный пивным перегаром (по уик-эндам он в пиве себе не отказывал). «Что ж, Эдди, придется мне тебя наказать за то, что ты хлопнул этой гребаной дверью». В лексиконе Маклина «наказать» означало «выбить из тебя все дерьмо». Что он с Эдди и проделал. Эдди потерял сознание, когда отчим зашвырнул его в прихожую. Его мать прибила в прихожей два низких крючка, чтобы он и Дорси могли вешать на них пальто. Эти крючки как два острых стальных пальца вонзились Эдди в поясницу, после чего он и потерял сознание. Придя в себя через десять минут, он услышал, как мать кричит отчиму, что отвезет Эдди в больницу и он ее не остановит.

– После того, что случилось с Дорси? – ответил отчим. – Хочешь в тюрьму, женщина?

На том разговоры о больнице и закончились. Мать помогла Эдди добраться до его комнаты, где он улегся в постель, дрожа всем телом, с каплями пота на лбу. Следующие три дня он выходил из комнаты, лишь когда дома никого не было. С трудом передвигая ноги, поставившая. Спускался на кухню и доставал бутылку виски, которую отчим хранил в шкафчике под раковиной. Несколько маленьких глоточков заглушали боль. На пятый день боль практически ушла, но он писал кровью почти две недели.

И молотка в гараже больше не было.

Что вы об этом скажете? Что вы скажете об этом, друзья и соседи?

Молоток «Крафтсмен», обычный молоток, по-прежнему в гараже, а молотка «Скотти», безоткатного молотка, там нет. Любимого молотка отчима, к которому Дорси и ему, Эдди, запретили притрагиваться. «Если кто-то из вас прикоснется к этой крошке, – сказал им отчим в тот день, когда купил молоток, – я вам кишки на уши намотаю». Дорси еще застенчиво спросил, дорогой ли этот молоток. Отчим ответил, что он чертовски прав. Сказал, что молоток наполнен металлическими шариками, и его не отбрасывает назад при ударе, с какой бы силой этот удар ни наносился.

А теперь молоток исчез.

Отметки Эдди были не из лучших, потому что он частенько пропускал занятия после того, как его мать второй раз вышла замуж, но ума ему хватало. Он полагал, что знает, куда подевался безоткатный молоток «Скотти». Он полагал, что его отчим избил молотком Дорси,

а потом зарыл в огороде или даже выкинул в Канал. Такое часто случалось в комиксах ужасов, которые читал Эдди. Он их держал на верхней полке в своем стенном шкафу.

Он подошел ближе к Каналу, подернутая рябью поверхность воды между бетонными стенками напоминала маслянистый шелк. Отражение лунного серпа выглядело, как светящийся в темноте бумеранг. Он сел, свесив ноги, покачивая ими, иногда постукивая каблуками по бетону. Последние шесть недель выдалась довольно-таки сухими, и вода текла в девяти футах от стертых подошв его кроссовок. Но, пристально посмотрев на стенки Канала, не составляло труда определить те уровни, на которые в разное время поднималась вода. У самой поверхности воды бетон был темно-коричневым. Потом стенка светлела, переходила от коричневого к желтому, а уж там, где ее касались кроссовки Эдди, становилась практически белой.

Вода плавно и молчаливо вытекала из бетонной арки, вымощенной изнутри булыжниками, миновала то место, где сидел Эдди, ныряла под крытый деревянный мост между Бэсси-парк и Средней школой Дерри. Стены моста и дощатый настил (даже балки под крышей) были исчерканы инициалами, телефонными номерами, различными фразами. Признаниями в любви, сообщениями, что такой-то хочет отсосать или такой-то хочет кончить; заявлениями, что отсасывающие кончающие лишатся крайней плоти или им в очко зальют расплавленного дегтя; иной раз встречались крайне необычные фразы, не поддающиеся объяснению. Над одной Эдди думал всю весну, но так ничего и не понял: «СПАСАЙ РУССКИХ ЕВРЕЕВ! СОБИРАЙ ЦЕННЫЕ ПРИЗЫ!»

И что это означало? Означало ли что-нибудь? Имело какое-то значение?

Эдди не собирался подниматься в этот вечер на Мост Поцелуев; не было у него необходимости переходить на ту сторону, где была средняя школа. Он думал, что найдет место для ночлега где-нибудь в парке, скажем, в сухих листьях под эстрадой, а пока его вполне устраивало и это место, на берегу Канала. Ему нравилось в парке, и он частенько приходил сюда, когда возникала необходимость подумать. Иногда он видел людей в рощицах, разбросанных по всему парку, но Эдди не трогал их, а они не трогали его. Он слышал жуткие истории, которые рассказывали на игровой площадке в школе, о гомиках, рыщущих по Бэсси-парк после захода солнца, и никогда эти истории не оспаривал, но к нему никто в парке не приставал. Парк казался ему мирным уголком, а лучшим местом он считал то, где сейчас сидел. Особенно ему нравилось здесь в середине лета, когда воды становилось так мало, что она буквально журчала, обтекая камни, более того, разделялась на отдельные ручейки, которые извивались по каменному дну и иногда снова сливались. Это место нравилось ему и в конце марта, и в начале апреля. После того как сходил лед. Тогда Эдди стоял на берегу Канала (не садился – слишком холодно, можно отморозить зад) по часу, а то и больше, подняв капюшон куртки, из которой уже год или два как вырос, сунув руки в карманы, не замечая, что его худенькое тело дрожит от холода. В одну-две недели, следующие за ледоходом, Канал набирал огромную, неодолимую силу. Эдди завораживала бурлящая, в белой пене вода, которая вырывалась из арки и неслась мимо, таща с собой палки, ветки, всякий бытовой мусор. Не раз и не два он представлял себе, как однажды в марте прогуливается по берегу Канала со своим отчимом и, изо всех сил толкая этого мерзавца, сбрасывает в воду. Отчим с криком, размахивая руками, упадет вниз, а он, Эдди, будет стоять на бетонном берегу и наблюдать, как бешеный поток уносит отчима с собой, как его черную голову мотает среди белой пены. Он будет стоять, смотреть, а потом сложит руки рупором у рта и закричит: «ЭТО ТЕБЕ ЗА ДОРСИ, ТЫ, ГРЕБАНЫЙ ЧЛЕНОСОС! И КОГДА ТЫ ДОБЕРЕШЬСЯ ДО АДА, ПЕРВЫМ ДЕЛОМ СКАЖИ ДЬЯВОЛУ, ЧТО, УХОДЯ, ТЫ РАССЛЫШАЛ МОЕ НАПУТСТВО: ЕСЛИ ЧЕШУТСЯ КУЛАКИ, НАЙДИ СЕБЕ РАВНОГО ПО СИЛЕ!» Такого, естественно, случиться не могло, зато какой великолепной была эта фантазия. Об этом стоило грезить, сидя здесь, на берегу Канала, об...

Рука обхватила ступню Эдди.

Он смотрел на противоположный берег Канала, где находилась средняя школа, сонно и радостно улыбаясь, представляя себе, как весеннее половодье навсегда уносит из его жизни отчима. Ногу его не сжимали, но держали крепко, и прикосновение это было столь неожиданным, что Эдди едва не потерял равновесие и не свалился в Канал.

«*Это один из гомиков, о которых рассказывали старшеклассники*», – подумал он, а когда посмотрел вниз, у него отвисла челюсть. Горячая моча потекла по ногам, в лунном свете выступила на джинсах темными пятнами. За ногу его держал не гомик.

За ногу его держал Дорси.

Дорси, каким его похоронили, Дорси в синем блейзере и серых брюках, только блейзер превратился в лохмотья, как и желтая рубашка, а штанины, должно быть, мокрые, облегли ноги, тоненькие, будто черенки швабры. И голова Дорси ужасным образом трансформировалась, провалилась сзади и соответственно выпучилась впереди.

Дорси улыбался.

– Эдди-и-и-и, – прохрипел его мертвый брат, совсем как мертвецы, которые всегда возвращались из могилы в комиксах ужасов. Улыбка Дорси стала шире. Желтые зубы заблестели, в темном провале рта, похоже, что-то копошилось. – Эдди-и-и-и... Я пришел, чтобы повидаться с тобой, Эдди-и-и-и...

Эдди попытался закричать. Волны серого ужаса перекатывались через него, и у мальчика возникло странное ощущение, будто он летит. Но это не был сон – все происходило наяву. Рука на его кроссовке белизной не уступала брюху форели. Голые ноги брата каким-то образом держались на бетоне. Что-то откусило у Дорси одну пятку.

– Пойдем вниз, Эдди-и-и-и...

Эдди не мог кричать – не хватало воздуха в легких. Он выдавил из себя хлипкий стон. На что-то более громкое сподобиться не мог. Ну и ладно. Он знал, что через секунду-другую разум его плюхнет в трясину безумия, а после этого крики потеряют всякий смысл. Маленькая рука Дорси неумолимо делала свое дело. Ягодицы Эдди скользили по бетону к краю.

Все с тем же хлипким стоном Эдди протянул руки за спину, ухватился за задний край бетонной стены и рывком дернулся назад. Почувствовал, как рука соскользнула, услышал злобное шипение, успел подумать: «*Это не Дорси. Я не знаю, что это, но это не Дорси*». Потом адреналин захлестнул его, и он уже отползал от края, попытавшись бежать еще до того, как поднялся, дыхание короткими свистками вырывалось из груди.

Белые руки появились на бетонной кромке Канала, послышались влажные шлепки. В лунном свете с мертвенно-бледной кожи полетели капли воды. Теперь и лицо Дорси появилось над краем. Тускло-красные искры поблескивали в глубоко запавших глазах. Мокрые волосы прилипли к черепу. Грязь сползала по щекам, как боевая раскраска.

Эдди наконец-то сумел набрать полную грудь воздуха. Весь этот воздух вышел криком. Мальчик вскочил и побежал. Бежал, оглядываясь через плечо, чтобы видеть, где Дорси, и в результате врезался в большой вяз.

Ощутил, будто кто-то (к примеру, его отчим) взорвал динамитную шашку в его левом плече. В голове вспыхнули и полетели во все стороны звезды. Он рухнул у дерева, как громом пораженный, кровь потекла по левому виску. Пребывал в полубессознательном состоянии секунд девяносто. Потом ему удалось встать. Стон сорвался с губ, когда Эдди попытался поднять левую руку. Не хотела она подниматься. Онемела и, казалось, отделилась от тела. Поэтому он поднял правую и потер раскаляющуюся от боли голову.

Тут вспомнил, почему с разгона врезался в вяз и обернулся.

В лунном свете увидел верхнюю часть стены Канала, белую, как кость, и прямую, как натянутая струна. Никаких признаков твари из Канала... если такая тварь вообще была. Он продолжал поворачиваться, медленно, пока не описал полный круг, все триста шестьдесят градусов. В Бэсси-парк царил тишина, он застыл, напоминая черно-белую фотографию. Плачу-

щие ивы волочили по земле свои тонкие темные руки, и под их сенью могло стоять что угодно, ссутулившееся и безумное.

Эдди зашагал, стремясь одновременно смотреть во все сто роны. В ушибленном плече боль пульсировала синхронно ударам сердца.

«Эдди-и-и-и, – стонал ветер в кронах деревьев, – неужели ты не хочешь видеть меня, Эдди-и-и-и?» Он почувствовал, как дряблые пальцы трупа погладили его шею. Развернулся, вскинул руки. В этот момент ноги его заплелись, и, падая, он увидел, что покачиваются только ветки ивы.

Снова встал. Хотел побежать, но, когда попытался, еще одна динамитная шашка взорвалась в его плече, и ему пришлось остановиться. Он знал, что необходимо каким-то образом перебороть охвативший его страх, обозвал себя глупым сосунком, который испугался своего отражения в воде или заснул, не зная об этом, и увидел кошмар. Но, конечно, он не заснул; как раз наоборот, происходило все наяву. Сердце теперь стучало так быстро, что он уже не мог разделять отдельные удары, и Эдди не сомневался, что оно сейчас разорвется от ужаса. Он не мог бежать, но, выбравшись из-под ив, обнаружил, что прихрамывающий бег трусцой ему по силам.

Эдди не сводил глаз с уличного фонаря, который стоял у главных ворот парка. Он двинулся туда, даже еще прибавил в скорости, думая: «Я доберусь до фонаря, и все будет хорошо. Я доберусь до фонаря, и все будет хорошо. Свет горит – страх бежит, так всю ночь – твари прочь...»

Что-то преследовало его.

Эдди слышал, как оно ломится сквозь ивовую рощу. Если бы он повернулся, он смог бы увидеть чудище, которое догоняло его. Он слышал шаги твари, шаркающие, хлюпающие, но не собирался оглядываться, нет, он твердо знал, что смотреть будет только вперед, на свет, свет – это хорошо, он будет продолжать свой полет к свету, и он почти уже там. Почти...

Запах – вот что заставило его оглянуться. Убойный запах... словно гору рыбы оставили гнить под палящим солнцем. Запах мертвого океана.

За ним шел не Дорси. За ним шло Чудище из Черной лагуны¹¹⁰. С длинной, в складках, мордой. Из черных разрезов, вертикальных ртов на щеках, капала зеленая жижа. На него смотрели белые желеподобные глаза. Перепончатые пальцы заканчивались когтями, острыми как бритва. В дыхании слышалось бульканье, как у ныряльщика с барахлящим редукционным клапаном. А когда чудище увидело, что Эдди смотрит на него, его зелено-черные губы растянулись в мертвенной улыбке, обнажив громадные клыки.

Чудище ташилось за ним, с него капала вода, и Эдди внезапно все понял. Оно собиралось утащить его в Канал, приволочь в сырую черноту подземного хода под Каналом и там сожрать.

Эдди еще прибавил шагу, яркий натриевый фонарь у ворот приближался. Он уже видел роящихся вокруг лампы насекомых и мотыльков. Мимо проехал грузовик, направляясь к шоссе 2, водитель как раз переключал передачу, и Эдди, перепуганный до смерти, вдруг подумал, что водитель, возможно, пьет кофе из бумажного стаканчика и слушает по радио песню Бадди Холли, не имея ни малейшего представления о том, что какие-то двести ярдов отделяют его от мальчика, который может умереть в ближайшие двадцать секунд.

Вонь. Удушающая вонь. Приближалась. Обволакивала.

Он споткнулся о парковую скамейку. Какие-то мальчишки в тот вечер, только пораньше, ненароком сдвинули ее, возможно, спеша домой, чтобы не нарушить комендантский час, и не обратили на это никакого внимания. Сиденье лишь на пару дюймов поднималось над травой, один оттенок зеленого среди другого – в лунном свете скамейка становилась практически

¹¹⁰ «Тварь из Черной лагуны» – американский фильм ужасов (1954).

невидимой. Край сиденья ударил по голениям, вызвал взрыв боли. Земля ушла у Эдди из-под ног, и он повалился в траву.

Оглянувшись, он увидел, что Чудище устремилось к нему, белые, словно яичные белки, глаза, блестели, с чешуи капала слизь цвета морских водорослей, жабры на раздувшейся шее и щеках открывались и закрывались.

– Аг, – вырвалось у Эдди. И никакого другого звука он, похоже, издать не мог. – Аг! Аг-аг. Аг!

Теперь он полз. Пальцы вдавливались в дерн. Язык выва лился.

За секунду до того, как провонявшие рыбой грубые руки Чудища сомкнулись у Эдди на шее, в голову пришла успокаивающая мысль: «Это сон, ну конечно же, это сон. Нет никакой настоящей твари. Нет никакой настоящей Черной лагуны, а даже если и была, то в Южной Америке, или в Эверглейдс¹¹¹, или где-то еще. Это всего лишь сон, и я проснусь в своей кровати, а может, в листьях под эстрадой, и я...»

А потом лягушачьи лапы сомкнулись у Эдди на шее, и его хриплые крики затихли. Когда Чудище поднимало его, когти, которыми оканчивались пальцы, оставили кровавые следы на шее. Эдди посмотрел в светящиеся белые глаза. Почувствовал, как перепонки между пальцами касаются его кожи, словно водоросли. Его обостренный ужасом взгляд заметил плавник, что-то среднее между гребешком петуха и ядовитым спинным плавником бычка, выступающий над утопленной в плечи и покрытой хитиновыми пластинами головой Чудища. Он даже успел увидеть, как белый свет, идущий от фонаря у ворот, превращается в дымчато-зеленый, проходя через этот мембранный плавник.

– Ты... не... настоящее, – прохрипел Эдди, но облака серого забвения наплывали со всех сторон, и он осознал, что оно более чем настоящее, это Чудище. Оно, в конце концов, убивало его.

Но все-таки какая-то часть здравого смысла оставалась до самого конца: когда Чудище вонзало когти в мягкую плоть его шеи, когда из сонной артерии брызнула горячая кровь, расплескавшись по чешуе Чудища, руки Эдди ошупывали его спину в поисках молнии. И упали, лишь когда Чудище с удовлетворенным всхрапом оторвало мальчику голову.

И едва образ Оно, каким видел его Эдди, начал таять, Оно тут же стало меняться, превращаясь во что-то еще.

4

Не в силах уснуть, преследуемый кошмарами, мальчик, которого звали Майкл Хэнлон, поднялся в первый день школьных каникул почти с рассветом. Первые лучи с трудом пробивали низкий густой туман, которому предстояло рассеяться только к восьми утра, сдернув покрывало с прекрасного летнего дня.

Таким день станет позже, а пока мир оставался бесшумным, как ступающий по ковру кот, и серовато-розовым.

Майк, в вельветовых штанах, футболке и черных высоких кедах, спустился вниз, съел миску «Уитиз» (он не любил эти пшеничные хлопья, но хотел получить бесплатный подарок, лежащий на дне коробки, – волшебное кольцо капитана Миднайт¹¹²), потом оседлал велосипед и поехал в город, из-за тумана – по тротуарам. Туман все изменил: даже самые обычные предметы, пожарные гидранты или знаки «Стоп» сделались вдруг загадочными, странными и немного пугающими. Он слышал автомобили, но не видел их, потому что туман менял акусти-

¹¹¹ Эверглейдс – обширный заболоченный район в южной части Флориды, включающий мангровые леса крайнего юга.

¹¹² Капитан Миднайт – герой радио- и телесериалов, комиксов.

ческие характеристики воздуха, не мог сказать, далеко они или близко, пока автомобиль не возникал из тумана, пронзая его светом фар.

Майк повернул на Джексон-стрит, объезжая центральную часть города, потом добрался до Главной улицы по Палмер-лейн, и во время этого короткого объезда миновал дом, в котором будет жить, когда вырастет. Тогда он даже не посмотрел на обычный маленький двухэтажный дом с гаражом и лужайкой. И дом не подал никакого сигнала проезжающему мимо мальчику, своему будущему хозяину и единственному обитателю.

На Главной улице Майк повернул направо и покатил вдоль Бэсси-парк, без всякой цели, просто ехал и наслаждался тишиной и покоем раннего утра. У главных ворот слез с велосипеда, откинул опору, поставил велосипед и зашагал к Каналу, по-прежнему, как ему казалось, руководствуясь исключительно собственной прихотью. И уж конечно, у него и мысли не возникало о том, что кошмары, снявшиеся ночью, каким-то образом связаны с его утренними действиями; он даже не помнил, что именно ему снилось: в памяти осталось одно – кошмары следовали друг за другом, пока он окончательно не проснулся в пять утра, в поту и дрожа всем телом, с мыслью, что должен быстро позавтракать и на велосипеде поехать в город.

Здесь, в Бэсси, запах тумана ему совершенно не нравился – тут стоял морской запах, соленый и древний. Запах этот, разумеется, Майк чувствовал и прежде. В утренних туманах частенько ощущался запах океана, хотя от Дерри его отделяли сорок миль. Но в это утро запах казался более густым, более живым. Почти что опасным.

Взгляд за что-то зацепился. Майк наклонился и поднял дешевый перочинный нож с двумя лезвиями. Кто-то нацарапал инициалы на боковой поверхности: «ЭК». Майк пару секунд задумчиво смотрел на нож, потом сунул в карман. Кто нашел – берет себе, потерявший – плачет.

Около того места, где он нашел перочинный нож, валялась перевернутая парковая скамейка. Майк поставил ее на металлические ножки, передвинул туда, где она стояла месяцы или годы: ножки оставили в земле глубокие впадины. За скамьей он заметил примятый участок травы... и уходящие от него две бороздки. Трава уже распрямлялась, но бороздки оставались. Вели они к Каналу... А еще он увидел кровь.

(птицу вспомни птицу вспомни птицу)

Но Майк не хотел вспоминать птицу, прогнал прочь эту мысль. Собаки подрались, и все дела. Одна сильно покусала другую. Вполне логичное предположение, но почему-то убедительным оно ему не показалось. Мысли о птице продолжали возвращаться... о той, что он видел на месте Металлургического завода Китчнера, которую Стэнли Урис так и не сможет найти в своем атласе с птицами.

И вместо того чтобы пойти куда-то еще, Майк двинулся вдоль бороздок. Пока шел, придумал историю. Историю с убийством. Ребенок в парке. Поздно. После наступления комендантского часа. Убийца добирается до него. И как он избавляется от тела? Тащит к Каналу и сбрасывает туда, разумеется! Совсем как в телепрограмме «Альфред Хичкок представляет».

Да, такие бороздки могли оставить ботинки или кроссовки, подумал Майк.

Он содрогнулся. Посмотрел по сторонам. История получилась очень уж реальная.

А если предположить, что убийца не человек? Монстр. Как в комиксе ужасов, или книге ужасов, или фильме ужасов, или...

(в кошмарном сне)

...в сказке, или где еще.

Нет, не понравилась ему эта история. Глупая получилась история. Майк попытался вытолкнуть ее из головы, но она уходит не желала. Ну и ладно, пусть себе остается. Все равно глупая история. И то, что он поехал в город сегодня утром – тоже глупость. И вышагивать вдоль двух бороздок на траве – та же глупость. У отца сегодня найдется для него масса дел. И лучше бы ему побыстрее вернуться и взяться за них, иначе в самые жаркие полуденные часы

придется ворошить сено под крышей сарая. Да, он должен немедленно возвращаться. Именно это он сейчас и делает.

«Ты уверен? – подумал он. – Хочешь поспорить?»

Вместо того чтобы вернуться к велосипеду, сесть в седло и крутить педали, Майк продолжал идти по траве к Каналу, следуя за бороздками. Там и тут он снова видел капли засохшей крови. Не так чтобы много, гораздо меньше, чем на примятой траве около перевернутой скамейки, которую он поставил на место.

Теперь Майк слышал Канал, слышал спокойно текущую воду. Мгновение спустя он увидел бетонную стену, материализовавшуюся из тумана.

И что-то еще на траве. «Боже, у тебя сегодня и впрямь день находок», – сказал внутренний голос с двусмысленной веселостью, а потом где-то закричала чайка, и Майк вздрогнул, вновь подумав о птице, которую видел в тот день, этой самой весной.

«Что бы ни лежало на траве, я не хочу это видеть», – решил он, и это была чистая правда, но он уже рядом, уже наклонился, уперев руки в колени, чтобы посмотреть, что же это.

Клок ткани с каплей крови.

Морская чайка прокричала вновь, Майк смотрел на окровавленную полоску ткани и прокручивал в памяти случившееся с ним этой весной.

5

Каждый год, в апреле или мае, ферма Хэнлонов просыпалась от зимней дремы.

Майк позволял себе признать, что весна пришла, не в тот день, когда первые крокусы расцветали под окнами кухни его матери, и не в тот, когда дети начинали приносить в школу мраморные шарики или лягушек, и даже не в тот, когда «Вашингтонские сенаторы»¹¹³ начинали бейсбольный сезон (обычно с разгромного проигрыша). Для Майка весна начиналась, когда отец звал его, чтобы он помог выкатить из сарая их автомобиль-беспородку. Передняя его половина принадлежала фордовской «Модели-А», задняя – пикапу, причем задний борт заменила дверь от старого курятника. Если зима выдавалась не слишком холодной, им зачастую удавалось завести двигатель, пока автомобиль катился вниз по подъездной дорожке. Дверцы в кабине отсутствовали. Как и ветровое стекло. Сиденьем служила половина дивана, который Уилл Хэнлон притащил с городской свалки. Рукоятка коробки передач заканчивалась стеклянной дверной ручкой.

Сначала они толкали грузовик, каждый со своей стороны, а когда он набирал скорость, Уилл запрыгивал в кабину, поворачивал ключ зажигания, вышибал искру, выжимал сцепление, обхватывал большой рукой стеклянную ручку, включал первую передачу. Потом кричал: «Ну, давай же, давай!» – и отпускал сцепление. Двигатель старого «форда» кашлял, хрипел, скрежетал, давал обратные вспышки... и иногда заводился, поначалу с перебоями, потом начинал работать ровно. Уилл под рев двигателя доезжал по шоссе до «Рулин фармс», разворачивался на их подъездной дорожке (если бы поехал в другую сторону, то Буч, полоумный папаша Генри Бауэрс, наверное, снес бы ему голову выстрелом из дробовика) и возвращался назад, все с тем же ревом двигателя без глушителя. Майк подпрыгивал, восторженно вопя, а его мама стояла в дверях кухни, вытирая руки посудным полотенцем, и пыталась изобразить неудовольствие, но на самом деле она была рада.

Случалось, что по пути вниз двигатель не заводился, и тогда Майку приходилось ждать, пока отец сходит в гараж и вернется, неся заводную ручку и что-то бормоча себе под нос. Майк не сомневался, что некоторые слова из тех, что бормотал отец, ругательства, и немного его боялся. (Только гораздо позже, во время одного из рвущих душу визитов в больницу

¹¹³ «Вашингтонские сенаторы» – профессиональная бейсбольная команда. С 1960 г. – «Миннесотские близнецы».

палату, где умирал Уилл Хэнлон, Майк узнал, что бормотание отца было вызвано страхом перед заводной ручкой: однажды она вырвалась у него из рук, выскочила из гнезда и разодрала щеку.)

– Отойди подальше, Майки, – говорил он, вставляя ручку в гнездо под радиатором. А когда двигатель заводился, добавлял, что на следующий год поменяет этот грузовик на «шевроле», но так и не поменял. Старенький «А-форд» до сих пор стоял на задворках фермы, его колеса и задний борт из двери от курятника заросли сорняками.

Когда автомобиль трогался с места, Майк сидел на пассажирском сиденье, вдыхая запахи горячего масла и сизых выхлопных газов, возбужденно подставляя лицо ветру, дувшему сквозь проем, который полагалось закрывать ветровому стеклу, и думал: «Весна пришла. Мы все проснулись». И в душе раздавались сотрясавшие ее восторженные крики. Он любил все, что его окружало, а больше всего – отца, который улыбался ему и кричал: «Держись, Майки! Сейчас прокатимся с ветерком! Заставим птиц попрятаться!»

Грузовик поднимался по подъездной дорожке. Из-под задних колес летела черная грязь, поднимались серые облака пыли, их обоих немилосердно трясло на половине диванного сиденья, установленного в открытой кабине, но они хохотали, как безумные. Уилл гнал грузовик через высокую траву заднего поля, на котором заготавливали сено, к южному полю (там выращивался картофель), западному (кукуруза и бобы) или к восточному (горох, кабачки, тыквы). И птицы, пронзительно крича, действительно разлетались из травы, чтобы не угодить под колеса. Однажды вылетела куропатка, великолепная куропатка, бурая, как дубы поздней осенью, так громко хлопая крыльями, что заглушила рев мотора.

Эти поездки были для Майка Хэнлона дверью в весну.

Полевые работы начинались со сбора каменного урожая. Целую неделю, изо дня в день, они выезжали на поля и загружали кузов камнями, которые могли сломать лемех плуга при вспашке. Иногда грузовик застревал в размякшей весенней земле, и Уилл опять что-то бормотал себе под нос... Майк предполагал, что те же ругательства. Некоторые слова и выражения он узнавал, другие, вроде «сына блудницы», ставили его в тупик. Слово «блудница» он отыскал в Библии и, насколько понял, блудницей была женщина, жившая в городе, который назывался Вавилоном. Однажды он уже собрался спросить отца, но в тот день грузовик завяз по самые оси, отец был очень уж мрачен, и Майк решил отложить вопрос до лучших времен. В итоге он спросил Ричи Тозиера, и Ричи ответил, что, по словам его отца, проститутка – это женщина, которой платят за то, что она занимается сексом с мужчинами. «А что такое «занимается сексом»?» – спросил Майк, и Ричи отошел, качая головой.

Однажды Майк спросил отца, почему каждый апрель на полях появляется множество камней, хотя в предыдущий апрель они убрали все до последнего?

Они стояли около того места, куда свозили камни, на закате последнего дня каменной жатвы. К этой балке, расположенной рядом с берегом Кендускига, вела двойная колея, которая не тянула и на проселочную дорогу. Из года в год в балку сбрасывались все камни, собранные на земле Уилла.

Глядя вниз на груды камней, которые ранее он наваливал сам, а в последние годы – с помощью сына (где-то под камнями, он это знал, догнивали пни, которые он выкорчевал перед тем, как начал распахать поля), Уилл закурил сигарету и лишь потом ответил: «Мой отец говорил мне, что Бог любит камни, домашних мух, сорняки и бедняков больше всех прочих Его созданий, потому-то Он создал их так много».

– Но кажется, что каждый год они возвращаются.

– Да, думаю, так оно и есть, – кивнул Уилл. – По-другому их появление не объяснишь.

На дальнем берегу Кендускига, под сумеречным закатом, окрасившим воду в густой красно-оранжевый цвет, прокричала гагара. Тоскливо так прокричала, настолько тоскливо, что по усталым рукам Майка побежали мурашки.

– Я люблю тебя, папуля, – внезапно вырвалось у него, и любовь к отцу была такой сильной, что он почувствовал, как слезы начали жечь глаза.

– Я тоже люблю тебя, Майки, – ответил отец и прижал сына к себе сильными руками. Майк ощущал щекой грубую ткань рубашки отца. – А теперь не пора ли возвращаться? Нам едва хватит времени принять ванну до того, как эта добрая женщина поставит ужин на стол.

– Ага, – ответил Майк.

– Конечно, ага, – кивнул Уилл Хэнлон, и они рассмеялись, ощущая усталость, но пребывая в превосходном настроении; их руки и ноги потрудились, но не перетрудились, а пальцы, которые выковыривали камни из земли, болели не так уж и сильно.

«Весна пришла, – думал Майк в ту ночь, уже засыпая в своей комнате, когда мать и отец в гостиной смотрели «Молодоженов»¹¹⁴. – Весна пришла, спасибо Тебе, Господи, большое Тебе спасибо». И перед тем как провалиться в глубокий сон, Майк вновь слышал крик гагары, который из далеких болот перенесся в его сны. Весной всегда хватало дел, но это время года ему нравилось.

Закончив каменную жатву, Уилл парковал грузовик в высокой траве за домом и выгонял из сарая трактор. Потом следовала вспашка полей. Уилл сидел за рулем, а Майк или шагал сзади, держась за железное сиденье, или шел рядом, подбирая и отбрасывая в сторону те камни, что они пропустили. Затем они переходили к посевной, а уж потом начиналась летняя работа: прополка... прополка... и прополка. Его мать наряжала Ларри, Мо и Керли¹¹⁵, три их пугала, и Майк помогал отцу приладить лосиную дудку на набитой соломой голове каждого из них. Лосиная дудка представляла собой консервную банку с отрезанными крышкой и дном. В банке, строго посередине, туго натягивалась вошенная и натертая канифолью веревочка, и ветер, продувая банку, издавал восхитительно пугающие звуки – что-то вроде подвывающего карканья. Птицы, питающиеся плодами фермерского труда, очень скоро понимали, что Ларри, Мо и Керли угрозы собой не представляют, но лосиные дудки всегда их отпугивали.

Где-то в июле прополка дополнялась сбором урожая, сначала гороха и редиски, потом салата и помидоров; кукурузу и фасоль убирали в августе и еще в сентябре, после них – тыквы и кабачки. Примерно в это время дело доходило и до картофеля, а когда дни укорачивались и воздух по утрам становился прохладным, они с отцом снимали с пугал лосиные дудки (зимой они каким-то образом исчезали, и каждую весну им приходилось ладить новые). На следующий день Уилл звонил Норману Сэдлеру (такому же тупому, как и его сын, по прозвищу Лось, но гораздо более добродушному), и Норми приезжал со своей картофелекопалкой.

Следующие три недели все они собирали картофель. Помимо семьи, Уилл обычно нанимал трех или четырех старшеклассников, платил им по четвертаку за бочку. «А-форд» медленно кружил по южному полю, самому большому, всегда на низкой передаче, с откинутым задним бортом, и кузов постепенно наполнялся бочками, каждая с бумажкой, на которой значилось имя того, кто ее наполнил, и в конце рабочего дня Уилл доставал старый, потрескавшийся кошелек и выплачивал каждому из сборщиков заработанные день ги. Их получали и Майк, и его мать; эти деньги принадлежали им, и Уилл Хэнлон никогда не спрашивал, как они ими распорядились. С пяти лет Майк получал пятипроцентную долю в прибыли фермы, с тех самых пор, как смог держать в руках мотыгу и отличать горох от пырея. Каждый год его доля прибыли возрастала на один процент, и сразу после Дня благодарения Уилл подсчитывал, сколько удалось заработать за год, выделяя долю Майка... но Майк этих денег не видел. Они направлялись на отдельный счет, предназначенный для оплаты его обучения в колледже. Счет этот был неприкосновенным.

¹¹⁴ «Молодожены» – телесериал, комедия положений.

¹¹⁵ Ларри, Мо и Керли – «Три оболтуса», знаменитая тройца комиков, образ использовался в кино с 1920-х гг. В том числе и в советском (см. «Пес Барбос и необычный кросс»).

Наконец наступал день, когда Норми Сэдлер увозил свою картофелекопалку домой; к тому времени воздух становился серым и холодным, а оранжевые тыквы, сложенные горкой у стены сарая, утром покрывались ледком. Майк, стоя в дверях кухни, с красным замерзшим носом, сунув грязные руки в карманы джинсов, наблюдал, как отец загоняет в сарай сначала трактор, потом «А-форд». «Мы опять готовимся впасть в спячку, – думал он. – Весна... исчезла. Лето... ушло. Сбор урожая... закончился. Все, что осталось – ошметки осени: облетевшие деревья, замерзшая земля, ледяное кружево на берегу Кендускига». На полях вороны иногда садились на плечи Ларри, Мо и Керли и сидели, сколько им вздумается. Пугала помалкивали, угрозы не представляли.

Нельзя сказать, что Майка пугала мысль о том, что минул еще один год – в девять или десять лет он был еще слишком юн для метафор о смерти, тем более что впереди ждало столько интересного: катание на санках в Маккэррон-парк (или на Рулин-Хилл, здесь, неподалеку, если достанет смелости, потому что на этом склоне катались главным образом старшеклассники), катание на коньках, снежковые сражения, постройка снежной крепости. Не следовало забывать и о походе в лес с отцом за рождественской елью, и о горных лыжах «Нордика», которые он мог получить на Рождество (мог и не получить). Зима тоже ему нравилась... но наблюдать, как отец загоняет грузовик обратно в сарай...

(весна исчезла лето ушло сбор урожая закончился)

Зрелище это навевало грусть точно так же, как навевали грусть улетающие на юг караваны птиц, или свет, падающий под определенным углом, вызывал желание поплакать без всякой на то причины. «Мы опять готовимся впасть в спячку...»

Он не только ходил в школу и работал на ферме, не только работал на ферме и ходил в школу; Уилл Хэнлон не раз говорил жене, что мальчику нужно время, чтобы пойти на рыбалку, даже если он и не будет ловить рыбу. Приходя домой из школы, Майк первым делом оставлял книги на телевизоре в гостиной, вторым – готовил себе что-нибудь поесть (больше всего он любил сэндвичи с арахисовым маслом и луком: от таких вкусовых пристрастий мать всплескивала руками в беспомощном ужасе), а третьим – внимательно читал оставленную отцом записку, в которой Уилл подробно перечислял все дела, которые ждали Майка в этот день: что прополоть, что собрать, какие ведра принести, какую часть урожая и как переработать, где подмести, и так далее. Но по меньшей мере в один учебный день недели (а иногда и в два) записку Майк не получал. И в эти дни ходил на рыбалку, даже если и не ловил рыбу. Это были отличные дни... дни, когда от него не требовалось куда-то пойти... а потому он мог никуда не спешить.

Иногда отец оставлял ему совсем другую записку: «Никакой работы. Пойди в Олд-Кейп и посмотри на трамвайные рельсы». И Майк шел в Олд-Кейп, находил улицы с проложенными по ним рельсами, пристально их разглядывал, представляя себе вагоны, напоминающие железнодорожные, которые курсировали посреди улицы. А вечером они с отцом обсуждали увиденное, и Уилл показывал фотографии из своего альбома о Дерри, на которых действительно по улицам ехали трамваи: забавная штанга поднималась от крыши к электрическому проводу, а борта украшала реклама сигарет. В другой раз он посылал Майка в Мемориальный парк, где находилась Водонапорная башня, чтобы посмотреть на купальню для птиц, а однажды они вместе пошли в здание суда смотреть на ужасное устройство, которое шеф Бортон нашел на чердаке. Называлось эта штукавина «стул наказаний». Изготовили ее из железа, с кандалами, встроенными в подлокотники и передние ножки, и закругленными выступами на спинке и сиденье. Отдаленно стул наказаний напомнил Майку электрический стул в тюрьме Синг-Синг, фотографию которого он видел в какой-то книге. Шеф Бортон позволил Майку сесть на стул и защелкнул кандалы.

После того как острота ощущений, вызванная кандалами, притупилась, Майк вопросительно посмотрел на отца и шефа Бортон, не понимая, почему сидение на этом стуле счита-

лось таким уж жутким наказанием для «пришлецов» (так называл бродяг Бортон), которые появлялись в городе в двадцатых и тридцатых годах. Да, из-за выступов сидеть было не очень удобно, и кандалы на запястьях и лодыжках сковывали движения, но...

– Ты же ребенок, – рассмеялся Бортон. – Сколько ты весишь? Семьдесят фунтов, восемьдесят? Большинство пришлецов, которых шериф Салли определял на этот стул в те давние дни, весили как минимум в два раза больше. Через час они начинали испытывать некоторые неудобства, через два или три неудобств прибавлялось, через четыре или пять им становилось худо. Через семь или восемь часов они начинали кричать, после шестнадцати или семнадцати плакали. А когда их освобождали через двадцать четыре часа, они клялись перед Богом и людьми, что в следующий раз, попав в Новую Англию, будут обходить Дерри стороной. И, насколько мне известно, так они в большинстве своем и делали. Двадцать четыре часа на стуле наказаний – чертовски убедительный довод.

Внезапно Майку показалось, что выступов на спинке и сиденье гораздо больше, и все они с силой вдавливались ему в ягодицы, позвоночник, поясницу, даже в шею.

– Могу я встать с него? – вежливо спросил он, и шеф Бортон вновь рассмеялся. На мгновение Майка охватила паника. Он подумал, что начальник полиции покрутит ключом от кандалов перед его носом и скажет: «Конечно, ты сможешь встать... после того как отсидишь свои двадцать четыре часа».

– Папа, зачем ты меня туда приводил? – спросил он по дороге домой.

– Узнаешь, когда подрастешь, – ответил Уилл.

– Ты не любишь шефа Бортона, так?

– Нет, – коротко ответил отец, и таким тоном, что Майк не решился больше ни о чем спрашивать.

Но Майк получал удовольствие от большинства мест в Дерри, куда посылал его отец или брал с собой, и к тому времени, когда Майку исполнилось десять лет, Уиллу удалось заразить сына интересом к истории Дерри. Иной раз, как, скажем, когда он проводил пальцами по шероховатой поверхности постамента купальни для птиц в Мемориальном парке, или когда, сидя на корточках, рассматривал трамвайные рельсы, которые тянулись по Монт-стрит в Олд-Кейп, он вдруг по-новому ощущал время... как что-то реальное, обладающее невидимым весом, как обладает весом солнечный свет (некоторые дети в классе засмеялись, когда миссис Грингасс сказала им об этом, но Майка настолько потрясла сама идея, что смеяться он просто не смог; подумал: «Свет обладает весом? Господи, какая жуть!»), чем-то таким, что может погрести его под собой.

Весной 1958 года первую записку, не связанную с работой на ферме, отец написал на обратной стороне старого конверта и придавил солонкой. День выдался на удивление теплым, воздух благоухал весенними ароматами, и мать открыла все окна. «Никакой работы, – прочитал Майк. – Если хочешь, поезжай на велосипеде по Пастбищной дороге. На поле слева от дороги ты увидишь старые развалины и покореженную технику. Осмотрись, привези сувенир. Не подходи к провалу! И возвращайся до темноты. Ты знаешь почему».

Майк знал, будьте уверены.

Он сказал матери, куда едет, и та нахмурилась:

– Почему бы тебе не завернуть к Рэнди Робинсону? Может, он захочет составить тебе компанию?

– Да, хорошо. Я заверну к нему и спрошу.

Он так и сделал, но Рэнди уехал с отцом в Бангор, чтобы купить посадочный картофель, поэтому по Пастбищной дороге Майк покатил один. Путь предстоял неблизкий – чуть больше четырех миль. И по прикидкам Майка, он только в три часа дня прислонил велосипед к старому деревянному забору по левую сторону от Пастбищной дороги и перелез через него. На обследование территории у него оставался час, не больше, а потом следовало ехать обратно.

Обычно его мать не волновалась, если он возвращался домой к шести часам, когда она ставила на стол обед, но один случай показал ему, что в этом году все совсем не так. В тот день он чуть задержался, так мать чуть ли не билась в истерике. Подскочила к нему с мокрым посудным полотенцем, ударила, а он стоял в дверях кухни, разинув рот, с проволочной корзинкой для рыбы, в которой лежала пойманная им радужная форель.

– Никогда больше так не пугай меня! – кричала она. – Никогда больше! Никогда! Никогда!

Каждое восклицание сопровождалось ударом посудного полотенца. Майк ожидал, что отец вступится за него и положит этому конец, но отец не заступился... возможно, боялся, что она набросится на него, попытайся он вмешаться. Майк усвоил урок: одной порки посудным полотенцем вполне хватило. Домой до темноты, да, мэм. Будет исполнено.

Он шагал через поле к гигантским развалинам, занимающим центральную часть. Конечно же, это руины Metallургического завода Китчнера – Майк не раз проезжал мимо, но никогда не думал о том, чтобы обследовать их, и не слышал, чтобы кто-то из ребят рассказывал об этом. Теперь, нагнувшись, чтобы получше разглядеть несколько кирпичей, лежавших пирамидой, он подумал, что знает причину. Поле заливал яркий свет солнца, плывущего по весеннему небу (лишь изредка, когда облачко на короткое время закрывало солнце, поле медленно пересекала огромная тень), что-то здесь было пугающее... возможно, тишина, нарушаемая лишь ветром. Он чувствовал себя исследователем, обнаружившим остатки мифического древнего города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.